

По ту сторону
"Зеркала"

А Л Л А Н К А Р Д Е К

НЕБО (РАЙ) И АД

А Л Л А Н К А Р Д Е К

НЕБО (РАЙ) И АД

ФЕНИКС

РОСТОВ-НА-ДОНУ

•1995

Allen Kardec

Сочинения Аллана Кардека.

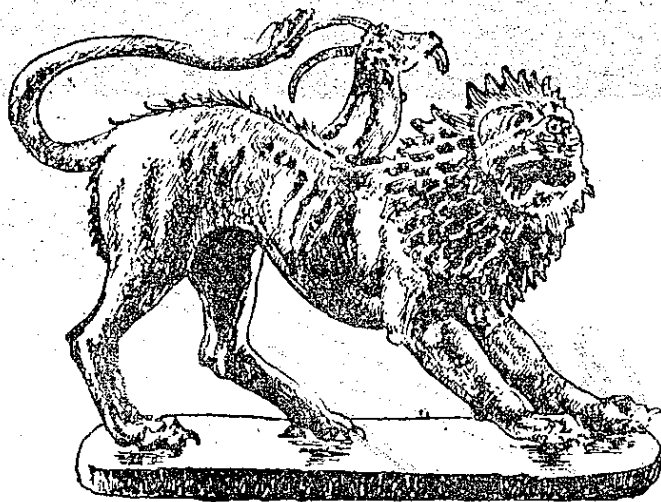
ФИЛОСОФИЯ СПИРИТУАЛИЗМА
Том II.

*Небо (Рай) и Ад
или
Божественная справедливость
с точки зрения Спиритизма.*

Сравнительное обозрение доктрин о переходе из жизни телесной в жизнь духовную; будущие наказания и награды; ангелы и демоны; вечные муки и многочисленные примеры о действительном состоянии души во время и после смерти.

...Живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был.

(Иезекииль XXXIII, II).

Bibliothèque APES
10071200810074

ББК 88.6

Художник С. ЦАРЕВ

Художественное оформление Р. СУРЖЕНКО

Аллан Кардек

Небо (Рай) и Ад — Ростов-на-Дону. Книжное
издательство «Феникс», 1995 — 448с.

Поступками человека в конечном счете руководит вера в возможную будущую жизнь или в небытие после земного существования. Представления о рае и аде издавна занимали человеческие умы: каковы рай и ад, где местонахождение ада?

Автор живописует картины языческого и христианского рая и ада и обосновывает отношение спиритизма к учению о вечности мучений и о первородном грёхе.

В книге подробно освещаются учения об Ангелах и Демонах, их происхождение и современные автору вмешательства в дела человеческие Духов.

Книга содержит многочисленные примеры счастливых и несчастных Духов, закоренелых преступников и кающихся грешников.

Яркими образами и полемическим характером книга будет интересна широкому кругу читателей.

К 0303020000
4МО(03)—95

ISBN 5-85880-069-6.

© Издательство «Феникс», 1995.

Часть первая

УЧЕНИЕ

Глава I

БУДУЩАЯ ЖИЗНЬ И НЕБЫТИЕ

1. Мы живем, думаем, действуем — для нас это несомненно; не менее несомненно и то, что мы умираем. Но, покинув землю, куда мы пойдем, что будет с нами? Сделаемся ли мы лучше или хуже? Будем мы или не будем существовать? «Быть или не быть?» — вот вопрос. Вечно жить или не жить вовсе; будем ли мы жить вечно или все исчезнем безвозвратно? Об этом стоит подумать.

Всякий человек стремится жить, наслаждаться жизнью, любить, быть счастливым. Скажите человеку, находящемуся на смертном одре, что он еще будет жить, что час его смерти еще не настал; главное, скажите ему, что он будет счастливее прежнего, и сердце его радостно забьется; но к чему послужит эта радость, эта надежда на счастье, если достаточно одного дуновения, чтобы все разлетелось в прах?

Есть ли что-нибудь более угнетающее, чем мысль о

Если бы учение о небытии действительно было истинною, то следовало бы его принять, и никакие противоположные ему системы, ни мысль о зле, причиняемом им, не могли бы воспрепятствовать признанию этого учения. Нельзя отрицать, что скептицизм, сомнение и индифферентность ежедневно распространяются вопреки усилиям религии — это несомненно. Если же религия бессильна против неверия, то значит ей чего-то недостает, чтобы бороться с ним; и если бы она оставалась в бездействии, то была бы непременно окончательно побеждена в течение непродолжительного времени.

Чего же ей недостает?

В наш позитивный век хотят *понимать*, прежде чем *верить*, а религии недостает подтверждения положительными фактами ее доктрин. Также подрывает ее согласование некоторых учений с данными науки. Если религия говорит — белое, а факты доказывают, что это — черное, то приходится выбирать между очевидностью и слепой верой.

4. При таком положении вещей спиритизм является преградой распространению неверия, опровергая его не только рассуждениями или указаниями на опасности, которые оно за собой влечет, но материальными фактами, давая возможность наглядно убедиться в существовании души и будущей жизни.

Каждый волен, конечно, в своих убеждениях: может верить во что-нибудь или ни во что не верить; но те, которые стараются посеять в умах массы или же, в особенности, в умах юношества отрицание будущей жизни, опираясь на авторитет своей учености и своего положения, распространяют зародыши смут и разрушения и берут на себя тяжелую ответственность.

5. Есть еще одно учение, которое отрекается от ма-

счастье и несчастье зависят от образа моей настоящей жизни. Итак, в моих интересах воспользоваться остающимся мне малым временем и избегать всего, что может истощать мои силы».

Которое из этих двух учений предпочтительнее?

териализма потому, что признает существование разумного начала вне материи. Это учение о *слиянии каждой отдельной индивидуальности со всемирным целым*. По этому учению, каждый индивидуум при своем рождении получает частицу этого начала, которое и составляет его душу и дает ему жизнь, разум и чувство. После смерти душа возвращается к первоначальному источнику и теряется в бесконечности, как капля воды в океане.

Это учение, допускающее хоть что-нибудь, без сомнения, несколько выше чистого материализма, но результаты того и другого одинаковы. Погружается ли человек после смерти в небытие или теряется в общей массе — для него безразлично. Если в первом случае он уничтожается, то во втором теряет свою индивидуальность, что для него равносильно уничтожению. Самое важное для него есть сохранение его личности, его собственного «Я», и без этого ему все равно — быть или не быть! Будущность для него все так же безразлична, и по-прежнему его занимает только настоящее. С точки зрения моральных последствий, это учение столь же нездорово, столь же безнадежно, столь же эгоистично, как и материализм.

6. Кроме того, на него можно возразить следующее: все капли в океане одинаковы и обладают одинаковыми свойствами, как части одного целого; почему же души, извлеченные из общего океана всемирного разума, так мало похожи одна на другую? Почему появляется гений рядом с глупостью, самые высокие добродетели — подле ужасающего порока? Доброта, кротость, человеколюбие, и тут же — злоба, жестокость и варварство? Каким образом части однородного целого могут быть столь различны? Скажут, может быть, что воспитание их изменяет. Но откуда же берутся природные качества, раннее развитие, добрые или злые инстинкты, не зависящие от воспитания и часто расходящиеся с окружающей средой и тем обществом, в котором они проявляются.

THESE ARE THE PEOPLE WHO ARE THE MOST INTERESTING AND MOST IMPORTANT IN THE HISTORY OF THE WORLD

Воспитание, без сомнения, изменяет природные качества души — умственные и нравственные, но здесь является новое затруднение. Кто же дает воспитание этим душам и побуждает их совершенствоваться? Души, по общности своего происхождения из одного и того же источника, не могут различаться друг от друга в своем развитии. С другой стороны, душа, возвращаясь во всемирное целое, из которого она вышла, приносит в него более совершенный элемент, приобретенный ею во время жизни; следовательно, целое должно в конце концов глубоко измениться и усовершенствоваться. Почему же из него непрестанно нарождаются души невежественные и нечистивые?

7. По этому учению, всемирный источник разума, порождающий человеческие души, независим от Божества. Это, собственно, даже не пантеизм, учение которого не вполне с этим сходно. Пантеизм признает, что всемирный источник жизни и разума составляет Божество. Бог в одно и то же время — дух и материя; все существа, все тела природы составляют Божество: это его составные элементы, его молекулы. Бог есть соединение всех разумов, а каждая личность, составляющая часть целого, есть Сам Бог; никакое высшее независимое существо не управляет целым; мир — это громадная республика без главы, или, лучше сказать, всякий тут — глава с абсолютной властью.

8. Этой системе можно противопоставить множество возражений, из которых главные таковы: как объяснить, что Божество бесконечно совершенное (иначе его невозможно постигнуть) может состоять из частей столь несовершенных и нуждающихся в совершенствовании?

Каждая частица целого подчинена закону совершенствования, значит, и Бог должен совершенствоваться; а если Он постоянно совершенствуется, значит, было время, когда Он был очень несовершенен.

Каким образом существо несовершенное, составленное из столь разнородных направлений и идей, могло

создать столь гармоничные, столь чудные единством, мудростью и предусмотрительностью законы, какими управляется мир? Если все души — отдельные части Божества, то они все содействовали составлению законов природы; отчего же они постоянно ропщут на них, на собственные свои произведения? *Никакая теория не может быть признана истинной, если не удовлетворяет требованиям разума и не объясняет всех фактов, к ней относящихся; если хоть один случай не может быть ею объяснен, то, значит, теория не абсолютно верна.*

9. В моральном отношении последствия столь же нелогичны. Прежде всего, для души остается то же, как в предыдущем учении, слияние с общим целым и потеря индивидуальности. Если же допустить, согласно мнению некоторых пантеистов, что они сохраняют свою индивидуальность, то Бог уже не имеет единства воли: тогда Он является соединением мириад разнородных направлений. Кроме того, каждая душа, будучи составной частью Божества, ни одна не подчиняется высшему могуществу и, следовательно, не несет никакой ответственности за свои поступки, добрые или злые; ничто не побуждает ее делать добро, и она может безнаказанно совершать зло, так как для нее высшая власть заключается в ней самой.

10. Эти теории не только не удовлетворяют разум и стремления человека, но в них натыкаешься на непреодолимые затруднения, потому что они не в силах разрешить все ими же возбуждаемые вопросы.

Итак, человеку предоставлено выбирать одно из трех верований: в небытие, в слияние со всемирным целым или в сохранение индивидуальности души до и после смерти. Логика приводит нас к тому последнему верованию, на котором основывались все религии с тех пор, как существует мир.

Если логическое мышление приводит нас к признанию индивидуальности души, оно приводит также и к другому следствию, а именно, что судьба всякой души

должна зависеть от ее личных свойств. Потому что нельзя допустить, чтобы малоразвитая душа дикаря или порочного человека находилась на одном уровне с душою ученого и добродетельного мужа. По справедливости души должны нести ответственность за свои действия; но, чтобы быть ответственными, им нужна свобода выбора между добром и злом; а без такой свободы — это просто фатализм, при котором не может быть никакой ответственности.

11. Все религии одинаково признают принцип счастливой или несчастливой судьбы души после смерти, иначе говоря, наказаний или наград в будущей жизни, выражающийся в учении о рае и аде, которое мы находим у всех народов. Существенное различие между ними заключается в определении этих наград и наказаний, и особенно тех условий, которые способствуют присуждению тех или других. Отсюда произошли противоречивые положения, породившие различные культы с установленными каждым из них особыми обрядностями: для прославления Бога, для достижения рая и для избежания ада.

12. При своем возникновении все религии должны были соответствовать степени нравственного и умственного развития человечества; а люди вначале были еще настолько материальны, что мало понимали духовную сторону культа и потому ограничивали все свои религиозные обязанности исполнением наружных обрядностей. В продолжение некоторого времени эти обрядности удовлетворяли ум человека, но позднее, при развитии просвещения, они стали для него неудовлетворительны. И если религия не заполняет этот пробел, то люди отказываются от нее и обращаются к философии.

13. *Если бы религия, сначала соответствовавшая лишь ограниченным понятиям человека, всегда следовала за прогрессивным развитием его разума, неверующих не было бы вовсе. Потребность верить — в природе человека, и он будет верить, если только ему дадут*

духовную пищу, удовлетворяющую его умственным запросам. Он хочет знать, откуда он и куда он идет; но если ему указывают цель, не отвечающую его стремлениям, его идее о Боге и данным науки; если, сверх того, для достижения этой цели ему ставят требования, с которыми его разум не может помириться, то он отвергает все. Пантеизм и материализм кажутся ему более рациональными потому, что допускают исследование и рассуждение. Положим, люди рассуждают неправильно, но все же они предпочитают рассуждать хотя бы и *ошибочно*, чем не рассуждать вовсе.

Но пусть человеку представят будущее в условиях логических, действительно достойных величия, правосудия и бесконечной благодати Божией, и он покинет материализм и пантеизм, пустоту которых сознает в глубине своей совести и которые он принял только за неимением лучшего. Спиритизм дает больше, и потому с жадностью принимается именно теми, кого мучают неизвестность и тяжелые сомнения и кто не находит того, что ищет, ни в верованиях, ни в обыденной философии. Спиритизм имеет за собой преимущества логики и разума, подтвержденные фактами; вот почему с ним так безуспешно боролись.

14. Человек инстинктивно верит в будущее, но, не находя до сих пор никакого твердого основания для его определения, предоставил своему воображению создавать системы, породившие разногласия в верованиях. Спиритическое учение о будущем не есть фантастическая доктрина, более или менее остроумно задуманная, но результат наблюдений материальных факторов, доступных нашим чувствам; оно соединит, как это уже теперь видно, все разноречивые мнения и постепенно приведет, силою вещей, к единству верования в будущую жизнь, построенную уже не на гипотезах, а на неоспоримых фактах. *Объединение понятий о будущей судьбе душ будет первым шагом к сближению различных вероисповедований, огромным шагом к веротерпимости, а позднее и к полному слиянию религий.*

Глава II

СТРАХ СМЕРТИ

Причина страха смерти. Почему спириты не боятся смерти.

ПРИЧИНА СТРАХА СМЕРТИ

1. У каждого человека, на какой бы ступени развития он ни стоял, не исключая и дикаря, есть врожденное чувство будущей жизни; его исключительное сознание говорит ему, что смерть не есть последняя стадия существования и что те, кого мы оплакиваем, не потеряны для нас без возврата.

Вера в будущую жизнь созерцательна и гораздо более обща, нежели вера в небытие.

Как же происходит, что между людьми, верующими в бессмертие души, встречается такая привязанность ко всему земному и такая сильная боязнь смерти?

2. Страх смерти есть следствие премудрости Провидения и инстинкта самосохранения, присущего каждому живому существу.

Он необходим для человека, пока тот не осведомлен об условиях будущей жизни, как противовес увлечению, которое без этого сдерживающего средства может заставить его преждевременно покончить с жизнью, небрежно относиться к работе над собой здесь, на земле, и должен служить его личному совершенствованию.

Вот почему у первобытных народов будущая жизнь выражалась сначала лишь неясным созерцанием; позднее, по мере их развития, — простою надеждою, и, наконец, уверенностью, колеблемою тайной привязанностью к телесной жизни.

3. По мере того, как человек лучше и более созна-

тельно понимает будущую жизнь, страх смерти уменьшается.

В то же время, яснее сознавая свою миссию на земле, он ожидает своего конца с большим спокойствием, покорностью и без боязни.

Уверенность в будущей жизни дает иное течение его мыслям, иную цель его работе; до этой уверенности он работает только для настоящей жизни; при этой же уверенности он работает для будущей жизни, но не пренебрегая и настоящим, потому что он знает, что будущая жизнь зависит от более или менее хорошего направления, которого он будет придерживаться в настоящей жизни.

Уверенность встретить своих друзей после смерти, продолжать с ними свои земные отношения, *не потерять ни единого плода своей работы*, преуспевать бесконечно в знании и совершенствовании дает ему терпение ждать и мужество переносить мимолетные неприятности земной жизни.

Солидарность, которую он видит между живыми и умершими, дает ему понятие о той солидарности, *которая должна существовать между живыми*. Братство в самом себе имеет причину к существованию, а милосердие — оправдывается целью в настоящем и будущем.

4. Чтобы избавиться от страха смерти, надо суметь посмотреть на нее с истинной точки зрения, т. е. проникнуть мыслью в духовный мир и получить о нем возможно точное представление.

Это умение указывает на известное развитие воплощенного Духа и на известную его (и только ему присущую) способность освобождаться от материи.

У тех же, кто еще недостаточно усовершенствован в этом отношении, материальная жизнь господствует над жизнью духовной.

Человек, привязываясь к внешности, *видит жизнь лишь в теле*, тогда как настоящая жизнь *заключена в душе*; когда тело умирает, ему кажется, что все кончено, и он приходит в отчаяние.

Если бы, вместо того, чтобы сосредоточивать свои мысли на внешней одежде, он направил их на одеваемое — на самый источник жизни, на душу, которая есть настоящее существо, переживающее все, он менее бы сожалел о теле, этом источнике стольких бед и горестей. Но для этого надо иметь силу, которую Дух приобретает лишь со зрелостью.

Итак, страх смерти происходит от недостаточности понятий о будущей жизни. Он указывает на необходимость жизни и на опасение, что все кончается с разрушением тела, но он вызывается также и тайным желанием продолжения жизни души, в которой человек еще не вполне уверен.

Уменьшается страх этот по мере того, как крепнет уверенность в самостоятельной жизни души; и уже совершенно исчезает при полной уверенности.

Что же касается этого вопроса с точки зрения Провидения, то было великой мудростью Его не поражать человека, разум которого еще не настолько окреп, перспективой слишком положительной и увлекательной будущей жизни, так как это увлечение заставило бы его пренебрегать настоящим, необходимым для его материального и духовного совершенствования.

5. Это положение вещей поддерживается и продолжается по причинам чисто человеческим. Первая причина заключается в представлении будущей жизни, представлении, которое могло быть достаточным для малоразвитых умов, но не могло удовлетворить требований разума людей мыслящих.

«Нам выдают, — говорят они, — за безусловные истины принципы, противоречащие логике и положительным данным науки, это одно уже доказывает, что они не истинны».

Отсюда у некоторых — неверие; у многих же — вера, смешанная с сомнением. Для них будущая жизнь — нечто неясное, скорее, вероятность, чем безусловная уверенность; они в нее верят, хотели бы, чтобы она су-

ществовала, и, помимо своей воли, говорят: «А если ее не существует?.. Настоящее положительнее, займемся лучше им; будущее придет само собою».

«И потом,— говорят они: — что такое, в сущности, душа? Точка, атом, искра, пламя?..

Как она живет?..

Как видит?..

Как чувствует?..»

Душа для них не есть действительность, реальность, а отвлеченность, представление.

Дорогие им существа, приведенные в их мыслях в состояние атомов, для них, так сказать, потеряны и утрачивают в их глазах те качества, за которые они были любимы; они не понимают ни *искры* любви, которую можно питать к ней — к *этой искре*, и они не могут удовлетвориться возможностью быть превращенными в невещественные единицы. Отсюда возврат к действительности земной жизни, которая представляет из себя нечто более существенное.

Число мыслящих таким образом очень значительно.

Другая причина, привязывающая к земле даже людей, наиболее твердо верующих в будущую жизнь, истекает от впечатлений от их учения и воспитания, которые сохранились с детства.

Надо сознаться, что картина будущей жизни, которую рисует религия всех народов, не представляет ничего привлекательного и утешительного. С одной стороны — муки осужденных, искупляющих в вечной пытке и пламени свои минутные заблуждения; для них века сменяются веками безо всякой надежды на облегчение и сострадание; и, что всего безжалостнее, раскаяние для них не действительно. С другой стороны — томящиеся и слабые души чистилища, ожидающие своего избавления не от собственных попыток совершенствования, а от доброго желания живых, молящихся о них.

Эти две категории составляют преимущественное количество населения *того* мира. Над ними парит ограни-

ченное число избранных, наслаждающихся в течение вечности созерцательным блаженством.

Конечно, *эта вечная бесполезность лучше небытия*, но тем не менее она не лишена *скудного однообразия*. Поэтому на картинах, изображающих блаженных, видны ангельские лики, дышащие скорей скукой, нежели истинным блаженством.

Это состояние не удовлетворяет ни стремлений, ни инстинктивной идеи к прогрессу, который единственно может быть совместим с безусловным блаженством.

Трудно понять, чтобы невежественный дикарь, незнакомый с чувством нравственности, в силу только полученного им крещения, становился на один уровень с человеком, достигшим некоторого совершенства долготлетним трудом на высшей ступени науки и нравственности. Еще менее понятно, чтобы ребенок, умерший в раннем возрасте, когда он еще не имел понятия ни о себе самом, ни о своих поступках, наслаждался бы теми же преимуществами, благодаря одному лишь обряду, в котором воля его не принимала никакого участия.

Эти мысли смущают даже наиболее ревностно верующих, но хотя бы немного мыслящих людей.

Успешная работа на земле, ничего не значащая для будущей жизни; легкость, с которой люди надеются получить блаженство посредством исполнения некоторых внешних обрядностей; возможность даже купить его за деньги без серьезного исправления характера и привычек, оставляют земным радостям всю их цену.

Не один верующий успокаивал свою совесть, говоря, что, так как его будущее обеспечено исполнением известных обрядов и посмертными дарами, ничего его не лишаящими, было бы излишне подвергать себя лишениям в пользу ближнего, когда можно спастись, работая каждый для себя.

Конечно, не все так думают, и есть великие и прекрасные исключения; но нельзя не признаться, что таковы мысли большинства, особенно непросвещенной мас-

сы, и представление об условиях счастья в ином мире поддерживает привязанность к благам здешнего мира и, следовательно, к эгоизму.

Прибавим к этому, что все в наших обычаях содействует сожалению о земной жизни и боязни перехода с земли на небо. Смерть окружена такой печальной обрядностью, которая, скорее, ужасает, нежели возбуждает надежду. Изображая смерть, воспроизводят ее всегда в отталкивающем виде и никогда не изображают сном при переходе из одной жизни в другую. Все эмблемы смерти напоминают о разрушении тела, показывают его отвратительным и иссушенным. Нигде смерть не представляется символом счастливой души, разорвавшей свои земные узы.

Переход в тот, более счастливый, мир сопровождается стонами оставшихся в живых, как будто для отходящего это тяжелое несчастье. С ними прощаются навеки, как будто не рассчитывают когда-либо свидеться; сожалеют за них о радостях сего мира, как будто за гробом они не найдут себе лучших. «Какое несчастье,— говорят эти люди,— умереть молодым, богатым, имеющим впереди блестящее будущее!»

Представление о более счастливом положении едва касается мысли людей и не укореняется в ней.

Таким образом, все внушает страх смерти вместо того, чтобы возродить надежду. И человеку понадобится еще много времени, чтобы отказаться от всех этих предрассудков; но, по мере того, как будет крепнуть его вера, он будет ближе и ближе подходить к более здравому представлению о духовной жизни.

Кроме того, глубокое верование и предрассудки помещают души отошедших в места, малопонятные нашей мысли, и отошедшие делаются как бы чуждыми живущим. Религия многих народов ставит между умершими и живущими непреодолимую преграду: она заявляет, что все отношения порваны, всякое сообщение невозможно. Если души находятся в аду, то потеряна вся-

кая надежда свидеться с ними, остается только самому попасть в ад. Если они находятся среди избранных, то они поглощены своим созерцательным блаженством.

Все это ставит между умершими и живущими такое разделение, что на разлуку при отшествии в иной мир смотрят, как на вечную. Вот почему все скорее предпочитают удерживать около себя на земле *страдающих любимых людей*, чем видеть их отходящими, хотя бы и на небо.

И потом, действительно ли счастлива на небе душа, видящая, как мучаются в вечном пламени, например, *ее сын, отец, мать или ее друзья?*

ПОЧЕМУ СПИРИТЫ НЕ БОЯТСЯ СМЕРТИ

Спиритуалистическое учение меняет совершенно взгляд на будущую жизнь. Будущая жизнь — более не гипотеза, а действительность. Состояние души после смерти — более не система, а результат наблюдения.

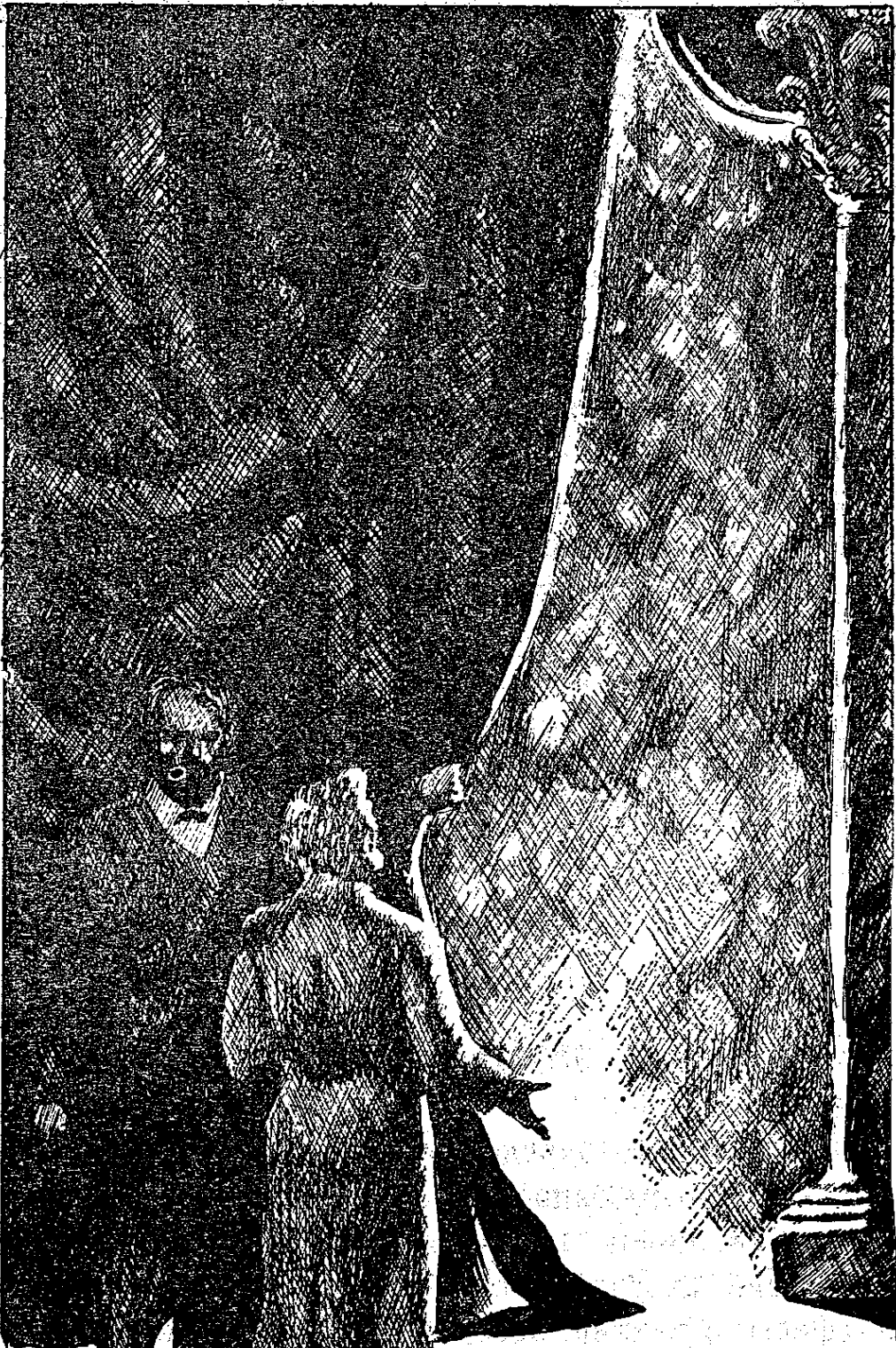
Завеса поднята.

Духовный мир является нам в своей действительности; его открыла не хитрая выдумка людей, а сами обитатели этого мира пришли к нам и описали свое положение. Мы видим их там на всех ступенях духовной лестницы, во всех фазах счастья и несчастья. Мы присутствуем при всех перипетиях загробной жизни. Вот причина спокойствия спиритов, с которым они смотрят на смерть, и ясности их последних минут на земле.

Их поддерживает не одна надежда, но и уверенность; они знают, что будущая жизнь есть продолжение настоящей жизни, только при лучших условиях; и они ее ждут с такою же уверенностью, как восхода солнца после ночной бури.

Причины этой уверенности заключаются в фактах, свидетелями которых они являются, и в согласовании этих фактов с логикой, справедливостью и милосердием Бога и внутренними стремлениями человека.

Для спиритов душа не есть нечто отвлеченное; она

...конец ...
...конец ...
...конец ...
...конец ...
...конец ...
...конец ...
...конец ...
...конец ...
...конец ...
...конец ...

имеет эфирное тело, делающее из нее определенное существо, которое может охватить мысль и постичь ее; хорошо уже то, что можно, благодаря этому, основывать свои представления на ее индивидуальности, ее способностях и ее чувствованиях.

Память о дорогих нам существах покоится не на воображении, а на действительности. Души не представляются блуждающими огоньками, ничего не говорящими нашей мысли, но вырисовываются в ясной определенной форме, которая показывает их нам, как живые существа.

Затем, вместо того, чтобы быть затерянными в пространстве, они находятся около нас; мир телесный и мир духовный находятся в постоянном сношении и общении между собою.

Сомнение в будущей жизни удалено, и не существует более причины страха смерти, ее встречают хладнокровно, как освобождение; на нее смотрят, как на дверь к жизни, а не к небытию.

Глава III

НЕБО (РАИ)

1. Словом *небо* определяют пространство, окружающее землю, в особенности же — ту часть, которая находится над нашим горизонтом. Древние верили в существование многих небес, составляющих концентрические сферы, с землею посередине. Эти сферы, вращаясь около земли, увлекали за собою звезды и планеты, которые находились в их области. Эти фантазии происходили от недостатка научных астрономических знаний и были приняты всеми древними теогониями, считавшими эти, этажами расположенные небеса, местонахождением Духов, представлявшими различные степени блаженства: последнее, наивысшее, небо было местом наивысше-

го блаженства. Всех их насчитывалось семь, потому выражение: быть на седьмом небе, означало наивысшее счастье. Мусульмане насчитывают их девять, также с повышающимся блаженством. Астроном Птоломей¹ насчитывал их одиннадцать; последнее называлось *эмпиреем*, потому, что там распространен ослепительный свет. Это поэтическое название и в настоящее время дается вечной славе и блаженству.

Христианское богословие признает три неба: 1-е — область воздуха и облаков; 2-е — пространство, где движутся звезды, и 3-е — выше области звезд есть жилище Всевышнего и местопребывание избранных, которые созерцают Бога лицом к лицу. Поэтому говорят, что св. Апостол Павел был вознесен на третье небо.

2. Различные ученые, касающиеся места пребывания блаженствующих, основываются на двойном заблуждении: 1) что Земля есть центр вселенной и 2) что область звезд ограничена. И вот над этой-то областью звезд и поместили жилище Всевышнего и счастливейших Духов. Странная аномалия: поместить Создателя всего мира, Того, Кто управляет всем, на краю своего создания, вместо того, чтобы *Ему находиться в центре*, откуда Его мысль могла бы распространяться на всех.

3. Наука с неопровержимой логикой наблюдений и доказательств проникла в глубину пространства и доказала ничтожество и ошибочность этих теорий. Земля, мы это уже знаем, не есть центр мира, но одна из самых незначительных планет, движущихся в беспредельном пространстве; само Солнце есть только центр движения немногих планет; звезды — это бесчисленные солнца, вокруг которых вращаются мириады миров, отделенные друг от друга необъятным пространством, хотя они и кажутся нам соприкасающимися. В этом целом, управляемом вечными законами, выражающими

¹ Птоломей жил в Александрии в Египте во II столетии христианской эры.

премудрость и всемогущество Создателя, Земля есть едва заметная точка и наименее удобная для обитания.

Тут является вопрос: почему Бог создал Землю единственным пребыванием живых существ и поместил на ней свои любимейшие создания? Конечно, это не так. Напротив, все подтверждает, что жизнь — повсюду и что человечество так же необъятно, как и миры. Наука открыла нам существование миров, подобных Земле, и, конечно, Бог сотворил их с определенной целью и населил их существами, способными управлять этими мирами.

4. Идеи человека зависят от того, что он знает; как все великие открытия, открытие строения миров должно было дать новое направление мысли. Под влиянием этих новых знаний, верования должны были измениться, переместился и рай. Область звезд оказалась беспредельной, и раю не осталось места во вселенной. Так где же он? На этот вопрос все религии безмолвствуют и не дают ответа.

Спиритизм же разрешает его указанием на настоящее назначение человека. Его природа и свойства Божества, взятые точкою отправления, как от известного к неизвестному, приводят к определенному заключению путем логического вывода, не говоря уже о непосредственных наблюдениях, доставляемых спиритизмом.

5. Человек состоит из тела и духа; дух есть главное, разумное существо; тело же — материальная оболочка, которая временно облекает Дух для выполнения его назначения на земле и для трудов, необходимых для его преуспеяния. Тело изнашивается и разрушается. Дух же переживает это разрушение. Без Духа тело есть инертная материя; Дух же без тела — все: жизнь и разум. Покидая тело, Дух возвращается в духовный мир, откуда он пришел, чтобы воплотиться. Итак, существует мир телесный, состоящий из воплощенных Духов, и мир духовный, состоящий из невоплощенных Духов. Существа телесного мира, уже по составу своей телес-

ной оболочки, привязаны к земле или какой-нибудь другой планете; духовный же мир — везде, вокруг нас и в пространстве, для него не существует границ и нет преград. Вследствие флюидического состава их оболочки Духи, вместо того, чтобы с трудом передвигаться по поверхности земли, с быстротою мысли пролетают пространство. Смерть тела освобождает души от тесных уз, держащих их как бы в плену.

6. Духи созданы несведущими и простыми; но им дана способность, вследствие свободы воли, приобретать познания и совершенствоваться. Совершенствуясь, Духи приобретают новые познания, новые способности, новые понятия и, как результат этого, новые радости, не известные низшим Духам: они видят, слышат, чувствуют и понимают то, что остальные Духи не могут ни видеть, ни слышать, ни чувствовать, ни понимать. *Счастье соответствует прогрессу и развитию*: так, из двух Духов один будет менее счастлив, чем другой, единственно потому, что он меньше развит как умственно, так и нравственно; но для этого им не нужно быть разделенными и находиться в разных местах: они могут быть рядом; но в то же время один будет находиться во мраке, тогда как для другого все будет сиять беспредельным светом. Так слепой и зрячий могут быть вместе, и один будет видеть свет, который на другого не произведет никакого впечатления. *Счастье Духов неразделимо с достоинствами, которыми они обладают; они получают это счастье везде: на поверхности земли, между воплощенными и в пространстве.*

Обыденное сравнение лучше объяснит нам это положение. Если на концерте присутствуют два слушателя, один — хороший музыкант с развитым, тонким слухом, а другой — не знающий музыки и не обладающий музыкальным ухом, то первый будет испытывать наслаждение, а второй останется совершенно нечувствительным к удовольствию, которого он не в состоянии постичь и которое не производит на него никакого впечатления.

То же и со всеми наслаждениями Духов, которые всегда соответствуют способности их восприятия. *Мир духовный везде богат блеском, гармонией и чувствованиями, которых низшие Духи, еще подверженные влиянию материи, даже не подозревают и которые доступны только высшим Духам.*

7. Возвышение Духов есть плод их собственных трудов; но так как они свободны, то они и работают над своим совершенствованием более или менее деятельно или небрежно, смотря по своему желанию. Этим они ускоряют или замедляют свое возвышение, а следовательно, и свое счастье. Пока одни быстро подвигаются вперед, другие могут долгие века коснеть в низших разрядах Духов. Таким образом, они сами виноваты в своем счастливом или несчастном положении, по словам Иисуса Христа, «каждому — по делам его!» Всякий Дух, остающийся позади, может жаловаться только на себя; также и возвышающийся бывает обязан своими успехами только самому себе: завоеванное им самим счастье имеет в его глазах двойную цену.

Высшее блаженство есть удел Духов совершенных, иначе сказать, *чистых душ*. Они достигают этого только после усиленных совершенствований, как в умственном, так и в нравственном отношении. Но прогресс ума не всегда идет об руку с моральным прогрессом, и чего Дух не мог достичь в одно время, он исполняет в другое, так что прогресс и в одном и в другом в конце концов достигнет одинакового уровня. Вот причина, почему мы часто видим людей умных и ученых, но очень малонравственных, и наоборот.

8. Воплощение необходимо для двойного прогресса Духа, морального и интеллектуального: для развития ума нужна деятельность, называемая необходимостью труда на земле; а моральный прогресс приобретается потребностью общения с себе подобными. *Общественные отношения — вот пробный камень всех добрых и дурных склонностей.* Доброта, злость, кротость, жесто-

кость, добродушие, милосердие, эгоизм, скупость, гордость, смирение, искренность, откровенность, честность, недобросовестность, одним словом, все качества, которыми отличается хороший или безнравственный человек, имеют побудительной причиной, целью и средством отношения человека к человеку, т. е. к себе подобному; если бы человек жил один, то не имел бы ни добродетелей, ни пороков, так как, избегая зла в уединении, он не осуществлял бы и добро.

9. Одного существования во плоти недостаточно для того, чтобы Дух мог приобрести все то, чего ему недостает, и отделаться от того, что в нем дурно. Может ли, например, дикарь в одно воплощение достичь умственного и нравственного уровня образованного европейца? Это физически невозможно. Неужели же он должен вечно оставаться невежественным варваром, лишенным радостей, доставляемых только просвещением? Простой здравый смысл отвергает подобное предположение, как отрицающее не только справедливость и благодать Творца, но и закон прогресса в природе. Вот почему Бог, Всеблагий и Всесправедливый, дает Духу человека столько существований, сколько их нужно, чтобы достичь совершенства. В каждое новое воплощение душа приносит с собою все то, что она приобрела в предшествующем, как в способностях и интуитивных знаниях, так и в умственном, и в нравственном развитии. Таким образом, каждое новое существование есть шаг вперед по пути к прогрессу*.

Воплощение присуще только несовершенным Духам и уже не нужно тем, кто переступил известный предел и совершенствуется в состоянии духовном или же воплощается в мирах более совершенных, т. е. в таких, которые не имеют уже земной материальности. Для таких Духов воплощение есть добровольная миссия, которую они самоотверженно принимают на себя, чтобы непо-

* См. примеч. I гл. 3.

средственнее действовать на воплощенных на этой земле.

10. В промежутках между телесными существованиями Дух возвращается на более или менее продолжительное время в мир Духов, где он пользуется или не пользуется счастьем, смотря по добру или злу, которое он совершил на земле. Духовное состояние в мире Духов есть нормальное назначение души, так как в конце концов она должна будет пребывать в нем вечно. Тело духовное не умирает, тогда как телесное состояние временно и скоротечно.

В этом духовном состоянии преимущественно и пожинают плоды совершенствования и трудов, понесенных во время воплощения; тогда же Дух снова готовится к борьбе и принимает новые решения, которые старается осуществить, возвратясь к земной жизни.

Дух может развиваться и в блуждающем состоянии, когда он собирает сведения и черпает знания, которых не мог приобрести на земле. Он обдумывает свои понятия и изменяет прежние взгляды. Оба эти существования, телесное и духовное, служат для него источником двойного, но стремящегося к одной цели, прогресса; вот почему он поочередно переходит из одного рода существования в другое.

11. Перевоплощение может осуществляться как на земле, так и на других планетах. Среди миров есть и более совершенные, где существование менее тягостно, чем на Земле, в физическом и нравственном отношениях, но туда допускаются только Духи, достигшие известной степени совершенства, соответствующей состоянию этих миров.

Жизнь в высших мирах есть уже награда, так как там люди избавлены от страданий и превратностей, которым мы подвергаемся здесь, на Земле. Тела там менее материальны, почти флюидичны, не подвержены болезням и немощам и не испытывают земных потребностей. Так как злых Духов там нет, люди живут там в

мире, имея только одну заботу о своем совершенствовании. Там царит истинное братство, потому что нет эгоизма; истинное равенство, потому что нет гордости; настоящая свобода, потому что нет надобности водворять порядок; нет властолюбцев, желающих угнетать слабых. В сравнении с Землей эти миры настоящий рай, это станции на пути к прогрессу и совершенствованию. Земля, как низший мир, предназначена для очищения Духов несовершенных, и в этом причина, по которой на ней царит зло, пока Богу не будет угодно переменить ее назначение и сделать из нее местопребывание более совершенных Духов.

Таким образом, Дух, постепенно возвышаясь по мере своего развития, доходит до высшего блаженства; но, прежде чем он дойдет до высшей точки совершенства, он наслаждается счастьем, доступным его развитию. Так ребенок пользуется радостями первого детства, молодой человек — удовольствиями юности, а зрелый возраст имеет свои, более солидные развлечения.

12. Блаженство счастливых духов состоит не в созерцательном бездействии, которое было бы вечной и скучной бесполезностью; напротив, духовная жизнь на всех своих ступенях представляет постоянную деятельность, но деятельность неутомительную. Наивысшее счастье заключается в радостном восхищении красотами творения, которых ни один человеческий язык не в состоянии передать и никакое воображение постичь; в познании *всего*, в отсутствии всяких физических и моральных страданий; в полном внутреннем удовлетворении и в ясном спокойствии души; в чистой любви, объединяющей всех; и, в довершение всего, в созерцании Бога и в постижении Его тайн, открытых наиболее достойным. Оно состоит также в исполнении возложенных и радостно принятых обязанностей. Чистые Духи — это Мессии, или посланники Божии для передачи и исполнения Его велений; они исполняют великие миссии, руководят строением миров и общей гармонией вселенной;

только наиболее возвышенные из них посвящаются в тайны Божии, вдохновляются Его мыслью и служат Его прямыми представителями.

13. Вѣдение Духов бывает пропорционально их возвышенности, их способностям и просвещению, их опытности и степени доверия к ним Господа. Тут нет привилегий, нет милости и снисхождения помимо истинных заслуг, все распределено со строжайшей справедливостью. Наиболее важные миссии поручаются по воле Бога только тому, кто в состоянии их выполнить и не способен их исказить или изменить. Под руководством Самого Господа наиболее достойные составляют верховный совет и передают распределение движению планет и различных миров. Затем идут в порядке совершенства и иерархии такие Духи, преимущества которых более ограничены; их задачу составляют покровительство над семьями и отдельными личностями, наблюдения за жизнью народов или за явлениями природы до мельчайших тайн творения. В этом громадном целом есть занятия для всех способностей, для всех желаний; занятия, принимаемые с радостью и горячо просимые, потому что они дают возможность возвыситься тем, кто этого желает.

14. Рядом с великими миссиями, порученными чистым Духам, есть еще различные по степени важности поручения, которые даются Духам всех степеней, и каждый из них имеет свою обязанность и исполняет ее для блага других; таким же образом и воплощенные Духи должны иметь свои обязанности, начиная с отца семейства, который должен заботиться о совершенствовании своих детей, и заканчивая гением, который награждает общество произведениями своего таланта. В этих-то второстепенных миссиях часто встречаются такие Дух, которые не в силах довести до конца свою задачу и отказываются ее исполнить, чем, конечно, вредят более всего себе самим, а не общему делу.

15. Так все разумные существа, на какой бы ступени

возвышения они ни стояли, по мере своих сил способствуют общему делу — одни в воплощенном состоянии, другие в состоянии бесплотных Духов. Все деятельны, все приобретают познания, помогают друг другу и протягивают один другому руку помощи для достижения высшего совершенства.

Таким образом устанавливается солидарность между миром духовным и телесным, иначе сказать, между людьми и Духами; Духами свободными и Духами не свободными. Так устанавливаются и укрепляются взаимные отношения, истинные симпатии, святыя привязанности.

Везде жизнь и движение: нет в беспредельности ни одного незаселенного уголка, ни одной области, по которой не проносились бы легионы лучезарных существ, остающихся невидимыми для грубых материальных чувств, но восхищающих и радующих души, освобожденные от материи. Наконец, везде есть относительное счастье, для каждого исполненного долга, для каждого совершенства; каждый носит в себе зачаток своего счастья. Счастье зависит от личных свойств Духа, а не от материальной среды, в которой он находится; следовательно, оно всегда там, где есть Духи, способные быть счастливыми, и нет такого специально ему предназначенного места на свете. В каком бы месте они ни находились, чистые Духи могут всегда созерцать божественное величие, потому что Бог везде.

16. Тем не менее, счастье не должно быть эгоистично; если бы им пользовались только для себя, если бы его не могли разделять с другими, оно было бы печально и эгоистично, тогда как оно должно состоять в общности мыслей, соединяющей симпатизирующие существа.

Счастливые Духи привлекаются один к другому однородными чувствами, вкусами, мыслями и составляют обширные, однородные группы и семейства, в лоне которых каждый индивидуум сияет своими качествами и

проникается благородными и спокойными лучами, исходящими из целого. Члены этих обществ то рассыпаются для исполнения своих миссий, то собираются все вместе на какой-либо точке пространства, чтобы поделиться результатами своих трудов или соединиться вокруг Духа высшего порядка и выслушать его мнение или наставление.

17. Хотя Духи находятся везде, но они преимущественно любят собираться на обитаемых мирах из-за сходства между ними и существами, их населяющими. Вокруг миров совершенных царят Духи высшего порядка; вокруг же отсталых, в числе которых считается и наша Земля, преобладают низшие Духи. Таким образом, каждая планета, или мир, имеет свое особенное население в виде воплощенных и бесплотных душ, которые и пополняются по большей части воплощением и освобождением одних и тех же Духов. В мирах низших это население малоподвижно и тяжело; в высших оно легко и воздушно, так как менее связано материей. Но, к счастью, из миров счастливых Духи иногда отрываются и летят в низшие, чтобы посеять там семена прогресса, принести утешение и надежду, поднять утраченные испытаниями жизни силы, а иногда воплотиться там, чтобы удобнее и целесообразнее исполнить свою миссию.

18. Но где же в этом беспредельном пространстве рай, или небо? Оно везде, ему нет предела: счастливые миры его — последние станции, куда добродетели прокладывают путь, а пороки преграждают доступ.

Рядом с этой грандиозной картиной, показывающей, как населены все уголки мира и объясняющей причину и цель существования всех творений, каким мелким и ничтожным кажется учение, сосредотачивающее все человечество на одном неприметном пункте пространства. Оно показывает нам это человечество, начинающимся в известный момент и оканчивающимся в один день с носящим его миром, т. е. длящимся не более одного мгно-

вения в вечности! Как печальна, безнадежна и холодна картина остального мира *до, во время и после* земного существования человечества — мира без жизни, без движения, как беспредельная пустыня, погруженная в безмолвие! Как неутешительно изображение небольшого числа избранных, посвященных постоянному созерцанию, тогда как наибольшее число существ приговорено к вечному мучению! Как тяжелы для любящих сердец эти преграды, поставленные между живыми и мертвыми! Говорят, что счастливые души думают только о своем счастье, а несчастные — только о своем страдании. Тогда нет ничего удивительного в том, что эгоизм царствует на земле, если он существует даже на небе. Как узко подобное понятие о величии, могуществе и благодати Божией!

Насколько же выше и величественнее учение спиритизма! Насколько оно расширяет идеи и возвышает мысли!

Но верно ли оно? Чем оно подтверждается? Во-первых, рассудком, во-вторых, — откровением и, наконец, согласием его с наукой и прогрессом. Из двух учений, где одно умаляет, а другое возвеличивает Бога, где одно в разногласии, а другое в согласии с прогрессом, одно отстает, а другое подвигается вперед — здравый смысл должен выбрать и указать, на чьей стороне истина. Пусть же каждый взвесит и в тайнике своей души решит этот вопрос, и внутренний голос ответит ему. Голос же этот и тайное стремление души есть голос Божий, который не может обмануть человека.

19. Почему же в таком случае Бог с самого начала не открыл людям всей истины? По той причине, по которой детям не преподают того, чему учат взрослых. Ограниченное откровение было достаточно для человечества в продолжение известного периода существования: Бог приравнивал его к силам Духов. Духи, получающие теперь более полное откровение, — все те же Духи, которые прежде уже получали частичное от-

кровение, но с тех пор они выросли в умственном отношении.

Прежде, чем наука открыла людям живые силы природы, образование планет, настоящее строение земли, могли ли бы они понять бесконечность пространства и множественность миров? Прежде, чем геология доказала состав и образование Земли, как могли бы они не верить в существование ада в недрах ее и понять аллегорический смысл шести дней творения? Прежде, чем астрономия открыла законы, управляющие вселенной, могли ли бы они понять, что нет ни верха, ни низа в пространстве и что рай не над облаками и не ограничен областью звезд? Прежде развития психологических наук могли ли бы они освоиться с идеей о духовной жизни и постичь счастливую или несчастливую жизнь после смерти иначе, как в определенном месте и в материальной форме?

Конечно, нет; они все воспринимали, скорее, чувствами, чем мыслью, и мир был слишком обширен для них. Пришлось сузить его, чтобы ввести в рамки их понятий с тем, чтобы впоследствии вновь расширить эти границы. Частичное откровение имело свою пользу и было мудро тогда, но теперь оно недостаточно; и не правы те, кто не хочет считаться с успехами мысли и думает взрослых и зрелых людей водить на детских помочах. (См. «Евангелие в объяснении спиритизма», гл. III).

Глава IV

АД

Предчувствие будущих наказаний. — Христианский ад как подражание аду языческому. — Преддверие Рая. — Изображение языческого ада. — Картина христианского ада.

ПРЕДЧУВСТВИЕ БУДУЩИХ НАКАЗАНИЙ

1. Во все времена человек верил в счастливую или несчастную будущую жизнь в связи с тем добром или злом, которые он совершил на земле; только понятия, которые он имел о будущих наказаниях, всегда зависели от степени его развития и от тех представлений, которые он создавал себе о добре и зле; таким образом, награды и наказания являлись отражением преобладающих в нем инстинктов. Например, народы воинственные видели высшее блаженство в почестях, воздаваемых храбрости; охотничьи племена — в изобилии дичи; народы чувственные — в удовольствии сладострастия. Пока в человеке будет преобладать материя, у него будет самое поверхностное понятие о духовности; вот почему он составляет себе о будущих наградах и наказаниях более материальное, чем духовное представление; он воображает, что на том свете должны есть и пить, но гораздо вкуснее и лучше, чем на земле*. С течением времени появляется в верованиях о будущей жизни смешение духовности с материальностью: так, рядом с созерцательным блаженством помещают картину ада с физическими мучениями.

2. Понимая только то, что он видел, первобытный человек естественно представлял себе будущее таким, как настоящее; чтобы понять нечто иное, ему нужно

* Маленький савояр, которому священник описывал заманчивую картину будущей жизни, спросил его, все ли они там едят белый хлеб, как в Париже?

было умственное развитие, каким он не обладал. Так, картина, которую он составлял себе о наказаниях в будущей жизни, есть только отражение бедствий, которые испытывало человечество, но в более ярких красках. Он соединял вместе все муки, все терзания, все огорчения, какие только встречал на земле: так, в жарком климате он представлял себе ад огненный, а в холодном — ледяной. Чувство, которое позднее должно было открыть ему мир духовный, было еще не развито, и он не мог понять иных мучений, кроме физических; вот почему в религиях всех стран ад изображается почти одинаково.

ХРИСТИАНСКИЙ АД КАК ПОДРАЖАНИЕ АДУ ЯЗЫЧЕСКОМУ

3. Ад язычников, описанный и драматизированный поэтами, есть грандиозный образец, которому подражает и христианский ад, также нашедший своих песнопевцев. Сравнивая их, находим, за исключением имен и некоторых вариантов, многочисленные аналоги: например, как в том, так и в другом материальный огонь есть основа всех мук, символ самых жестоких страданий. Но странно, что христиане во многих отношениях превзошли свой образец. Язычники в бочке Данаид, в колесе Иксиона, в Сизифовой скале имели индивидуальные наказания; в христианском же аде для всех без разбора — одни пылающие жаровни и котлы, крышки которых приподнимаются ангелами, чтобы видеть страдания осужденных*; и Бог без сожаления в течение веков слушает вопли осужденных и не прощает их. Язычники никогда не описывали жизни обитателей Елисей-

* Проповедь, произнесенная в Монпелье в 1860 году.

ских полей, сопутствуемой тяжелыми муками Тартара*.

4. Как и язычники, христиане имеют царя ада, сатану, с тою только разницей, что Плутон управлял темным царством, которое ему было дано во власть, но сам не был зол; он удерживал у себя тех, кто худо поступал, потому что это была его обязанность, но он не старался вовлечь людей во зло, чтобы доставить себе удовольствие видеть их мучения; тогда как сатана разыскивает себе жертв, которых потом с удовольствием заставляет мучить: легионы демонов, вооруженные вилами, переворачивают их в огне. Немало обсуждались даже и свойства этого огня, который горит, но не сжигает тела осужденных... Возникал даже вопрос — не есть ли это огонь горячей смолы**.

Итак, христианский ад ни в чем не уступает аду языческому.

5. Те же соображения, которые у древних народов определяли место блаженства, указывали также и место наказаний; поместив первое на высоте, естественно было вообразить второе внизу, в глубине, т. е. в центре земли, к которому, как думали, вели некоторые страшные и темные пещеры, служившие входами... Так же точно представляли себе ад и христиане. Отметим по этому поводу еще одну аналогию.

Языческий ад заключал с одной стороны — Елисейские поля, рай, а с другой — Тартар, ад. Олимп же, местопребывание богов и обоготворенных людей, находился в высоких областях. По букве Евангелия, Иисус Христос *сошел* в ад, т. е. вглубь, вниз, чтобы извлечь

* Праведные, не оставляя занимаемых ими мест, могут иногда, благодаря духовной опасности, созерцать на расстоянии муки ада; и, видя их, не только не испытывают печали и сострадания, но в избытке радости прославляют Бога за свое собственное блаженство, в то время как нечестивые переживают невыносимые мучения.

** Проповедь, произнесенная в Париже в 1861 г. Св. Фома Аквенский.

оттуда души праведников, которые ожидали там Его пришествия. Стало быть, ад не был исключительно местом наказания; как и у язычников, он был в местах низких, внизу. А местопребывание ангелов и святых, или рай, было наверху: его поместили выше области звезд, предполагая область эту ограниченной.

6. Эта смесь христианских понятий с идеями языческими не представляет ничего удивительного. Христос не мог внезапно уничтожить укоренившиеся верования; а людям недоставало необходимых знаний, чтобы понять необъятность пространства и нескончаемое число миров. Землю они считали центром вселенной, не знали ни ее формы, ни внутреннего строения; все было ограничено в их глазах, и понятия их о будущем не могли простираться далее их познаний. Иисусу Христу было невозможно открыть им настоящее положение вещей; но в то же время, не желая Своим авторитетом санкционировать укоренившиеся предрассудки, Он воздержался от объяснений, предоставив времени исправлять заблуждения. Он ограничился тем, что смутно указывал как на счастливую жизнь, так и на возмездие, ожидающее виновных; но нигде в Его поучениях мы не находим ужасных картин телесных мучений, из которых христиане сделали догмы веры.

Вот как языческая идея ада сохранилась до наших дней. Нужно было распространение просвещения и повышение общего умственного уровня человечества для того, чтобы избавиться от нее. Но так как ничто положительное не явилось на смену устарелых заблуждений, то за долгим периодом слепой веры, как переходная ступень, последовал период неверия, которому новые откровения должны положить предел. Надо было разрушить старое, прежде чем строить новое, потому что легче принять истину тем, кто ни во что не верит, но чувствует, что ему не хватает чего-то, чем имеющим крепкую веру в абсурд.

7. Определяя место для неба и ада, христианские исповедания вынуждены были принять только два край-

них положения душ: полное блаженство или абсолютное страдание. Чистилище есть только промежуточное мимолетное положение, по выходе из которого души сразу переходят в блаженное состояние; иначе и не может быть при веровании в окончательную судьбу души после смерти. Если существует только два местопребывания душ блаженных и отверженных, без переходных ступеней, которые давали бы возможность подыматься, т. е. совершенствоваться, то не существует прогресса; если же можно совершенствоваться, то нет определенной судьбы за гробом. Христос решает этот вопрос, когда говорит: «В доме Отца Моего обителей много»*.

ПРЕДДВЕРИЕ РАЯ

8. Церковь допускает, правда, известные исключения в некоторых особенных случаях. Дети, умершие в раннем возрасте, не сделавшие ничего дурного, не могут быть обречены на вечные мучения; с другой стороны, не сделав также и добра, они не имеют права на высшее блаженство, тогда, говорит церковь, они находятся в преддверии Рая, в положении среднем, которое никогда не было точно определено и в котором, не подвергаясь страданию, они все-таки не пользуются и полным блаженством, а так как участь их решена окончательно, то они навеки лишены этого блаженства. Это лишение, совершенно не зависевшее от их воли, равняется вечному и незаслуженному наказанию. То же самое и по отношению к диким народам: они не получили благодати святого крещения и света религии; они грешат по неведению и, предаваясь своим природным инстинктам, не могут быть ни правы, ни виноваты. Простая логика, во имя правосудия Божия, отвергает подобную доктрину. Правосудие и справедливость Божии заключаются в словах Христа: «Каждому по делам его»;

* «Евангелие в объяснении Спиритизма». Глава III.

но тут надо понимать: добрые или злые дела, совершаемые свободно и сознательно, и есть те дела, за которые только и можно нести ответственность; а не такие, какие совершаются детьми или дикарями.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫЧЕСКОГО АДА

9. Мы знакомы с языческим адом только по описанию поэтов: Гомер и Виргилий оставили нам подробное поэтическое изложение этих верований; но стихотворные формы имеют свои требования и с ними следует считаться в их описаниях. Фенелон в своем «Телемаке», исходя из тех же источников, отличается более определенной и простой прозаической формой. Описывая мрачный вид этих мест, он старается определить род страданий, которым подвергаются виновные; в особенности же он останавливается на участи злых правителей, имея в виду своего царственного воспитанника. Как ни популярно это произведение, но, вероятно, не многие помнят его хорошо или достаточно вникают в него, чтобы сравнивать его с другими; а потому мы считаем полезным воспроизвести те его части, которые имеют наибольшее отношение к предмету, нами трактуемому, т. е. индивидуальной ответственности или личной наказуемости.

10. «Войдя, Телемак услышал вопли не могущей утешиться тени. «В чем ваше несчастье? — спросил он. — Кто вы были на земле?» «Я был, — отвечала ему тень, — Навохарзан, великий царь Вавилонский; все народы Востока трепетали при одном моем имени; я приказал поклоняться себе в мраморном храме, под видом золотой статуи, перед которой день и ночь сожигали фимиамы и курились драгоценные благовония Эфиопии; никто никогда не смел мне противоречить из страха немедленного наказания; ежедневно придумывали мне новые удовольствия, чтобы украсить мою жизнь. Я был молод и здоров; увы! сколько бы еще благопо-

лучия и радостей я мог испытать на престоле. Но женщина, которую я любил, заставила меня почувствовать, что я не бог; она не любила меня и я был отравлен ею. И вот я ничто. Вчера торжественно положили мои останки в золотую урну; плакали, рыдали, рвали на себе волосы; делали вид, что хотят броситься в огонь, чтобы сгореть вместе с моим телом; и еще будут рыдать у подножия моей великолепной гробницы; но никто обо мне не жалеет; память моя ненавистна даже в моей семье, а здесь я уже переношу самые ужасные оскорбления». Телемак, тронутый этим заявлением, говорит ему: «Были ли вы действительно счастливы во время вашего царствования? Чувствовали ли вы тот мирный, безмятежный покой, без которого сердце иссыхает, хотя бы среди наслаждений?» «Нет, — ответил Вавилонянин, — я даже не понимаю, о чем вы говорите. Мудрецы, правда, хвалят этот покой как единственное блаженство; но я его никогда не испытывал; сердце мое вечно волновалось новыми желаниями, опасениями и надеждами. Я старался забыться, разжигая свои страсти и поддерживая их опьянение, чтобы оно не прекращалось: малейший просвет рассудка был бы для меня слишком тяжел и горек. Вот мир и покой, которым я пользовался; всякий иной представляется мне басней или сном; вот те радости, о которых я сожалею!» Отвечая так, Вавилонянин плакал, как трус, изнеженный излишеством и не привыкший переносить продолжительное несчастье. Около него находилось несколько рабов, которых умертвили в его честь на его похоронах; Меркурий передал их всех вместе Харону и дал полную власть рабам над своим царем, которому они служили на земле. Эти тени рабов не боялись больше тени Навохарзана; они держали его в оковах и заставляли переносить тяжкие оскорбления. Одна из теней говорила ему: «Разве мы не были такими же людьми, как и ты? Как же ты мог думать, что ты бог? Не следовало ли тебе вспоминать, что ты также принадлежишь к роду человеческому?» Другая тень, чтобы оскорбить его, го-

ворила: «Ты был прав, не желая, чтобы тебя считали за человека, так как ты урод, не имеющий ничего человеческого. Где же теперь твои льстецы? Тебе нечего больше давать, несчастный; ты не можешь больше делать зла; ты стал рабом своих рабов; боги медлят с правосудием; но наконец произносят свой приговор».

Слыша такие жестокие слова, Навохарзан бросился лицом на землю и рвал волосы в припадке злобы и отчаяния. Но Харон приказал рабам: «Тяните его за цепь, поднимите его силою, он не должен иметь возможности и утешения прятать свой позор, нужно, чтобы все тени Стикса были свидетелями его наказания и видели бы справедливость богов, терпевших так долго этого нечестивца царем на земле».

Телемак вскоре заметил на небольшом расстоянии мрачный Тартар; из него поднимался черный и густой дым, удушливый запах которого был бы смертелен, если бы распространился в жилищах живых. Дым этот покрывал море огня и исходил из пламени, шум которого напоминал рев потоков, низвергающихся с высоких скал в пропасть, и от этого шума невозможно было что-либо ясно слышать в этих печальных местах. Телемак, тайно поддерживаемый Минервой, безбоязненно входит в эту пропасть. Вначале он замечает множество людей, принадлежавших на земле к низшим сословиям и наказанных за то, что обманом, изменой и жестокостью старались приобрести богатство. Он также заметил много нечестивых ханжей и лицемеров, выказывавших свою приверженность религии и под ее прикрытием удовлетворявших свое властолюбие, пользуясь доверчивостью людей. Люди эти употребляли во зло даже добродетель и были наказаны, как самые последние злодеи. Дети, убившие родителей, жены, обагрившие руки в крови своих мужей, изменники, продавшие свою родину и нарушившие все клятвы, переносили менее жестокие наказания, чем эти вероломные лицемеры. Так постановили трое судей ада и вот почему: эти лицемеры не довольствуются быть только злыми, как все остальные не-

честивцы; но они хотят еще прослыть добрыми и поэтому своими лживыми добродетелями вводят в обман людей, которые потом уже не доверяют истинной добродетели. И потому боги, над которыми они издевались, употребляют все свое могущество и власть, чтобы отомстить за свое оскорбление.

Затем следовали люди, которых на земле почти не считают преступными, но месть богов их преследует немилосердно; это были неблагодарные, лгуны, льстецы, восхвалявшие порок, хитрые хулители, желавшие запятнать даже чистую добродетель и, наконец, те, которые смело брались судить о вещах, им не известных, и тем вредили невинным.

Телемак, увидя трех судей, судивших человека, осмелился спросить у них, в чем его прегрешения. Тотчас осужденный заговорил сам и стал уверять, что он никогда не делал зла, а, напротив, находил удовольствие в добре: «Я был щедр, справедлив и сострадателен, в чем же меня обвиняют?» Тогда Минос сказал ему: «Тебя не обвиняют в преступлении против людей, но ты так же должен был относиться к богам; о какой же справедливости говоришь ты? Ты, правда, ни в чем не виновен перед людьми, которые сами по себе ничто; ты был по отношению к ним добродетелен; но добродетель эту ты приписывал самому себе, а не милости богов, которые тебе ее дали; ты сам хотел пользоваться плодами своей добродетели и замкнуться в самом себе; ты сам себе поклонялся и сделал себя своим божеством. Но боги, сотворившие все для самих себя, не могут отказаться от своих прав; ты их забыл, они забудут тебя и передадут тебя самому себе, так как ты этого хотел. *Ищи же теперь, если можешь, утешения в своем собственном сердце.* Ты навсегда разлучен с людьми, которым ты так хотел нравиться; теперь ты один на один с собою, со своим кумиром; познай, что нет настоящей добродетели без поклонения и любви к богам, которым мы всем обязаны. Твоя ложная добродетель, которая так долго ослепляла легковерных людей, должна быть

развенчана и уничтожена. Люди судят как о пороках, так и о добродетелях только по тому, насколько это их касается, но к добру и злу они слепы. Здесь же божественный свет освещает все поверхностные суждения и очень часто осуждает то, чем люди восхищаются, и наоборот».

Слыша эти слова, ученый, будто пораженный громом, не мог сдержать своего отчаяния. Снисходительность, с которой он прежде смотрел на себя, на свои великодушные наклонности, на свое мужество и умеренность, превратилась в отчаяние. Вид собственного сердца, врага богов, сделался для него мучением; он смотрит на себя и не может отрешиться от этого зрелища; он видит суетность людского суждения, суждения тех, кому всю жизнь так желал нравиться. Происходит полный переворот всех его понятий, как будто все пред ним рушится: он не узнает сам себя, не находит опоры в собственном сердце; его совесть, такая спокойная прежде, теперь выступает против него и горько упрекает его в заблуждениях и преувеличении своих добродетелей, не имевших основанием и целью поклонение боже-ству. Он смущен, уничтожен, полон стыда, раскаяния и отчаяния. Фурии не терзают его, потому что с него довольно того, что он предоставлен самому себе и что его собственное сердце мстит ему за оскорбление богов. Он ищет самых уединенных и темных мест, чтобы скрыться от других мертвецов, не находя возможности скрыться от самого себя. Он ищет мрака и не находит; докучливый свет преследует его повсюду; везде пронизывающие лучи правды мстят ему за забвение истины! Все, что он любил, становится ему ненавистным, как источник муки, которая не может никогда прекратиться. Он восклицает: «О, безумец! Я никого не знал, ни людей, ни богов, ни самого себя; нет, я ничего не знал, потому что никогда не любил единственного и действительного блага; каждый шаг мой был заблуждением, моя мудрость — было безумие; моя добродетель — была гордость, нечестивая и слепая: я сам себе был кумиром!»

Наконец, Телемак увидел царей, осужденных за злоупотребление своею властью. Фурия-мстительница с одной стороны подставила им зеркало, в котором отражалось все безобразие их пороков; в нем они видели и не могли оторваться от зрелища своего грубого тщеславия, жаждавшего самых нелепых похвал; их равнодушие перед добродетелью; их жестокость к людям, которым они должны бы были благодетельствовать; их боязнь услышать истину; их пристрастие к людям подлым и льстивым; их нерадение; их слабость; их леность; их неуместное недоверие; их расточительность и чрезмерная роскошь, основанная на народном разорении и нищете; их гордость и желание приобрести, хотя бы ценою крови своих подданных, немного тщетной славы; наконец, жестокость, с которой они каждый день искали новых наслаждений, не стесняясь слез и отчаяния стольких несчастных. Они беспрестанно видели себя в этом зеркале и находили себя более ужасными и более чудовищными, нежели Химера, покоренная Беллорофонтом, хуже, чем Гидра, убитая Геркулесом, хуже даже Цербера, изрыгавшего из своих трех отверстых пастей черную ядовитую кровь, которая могла бы заразить всех смертных, живущих на земле. В то же время вторая Фурия с другой стороны повторяла им с оскорблениями все те похвалы, которые им расточали льстецы в продолжение их жизни, и подставляла им другое зеркало, где они отражались в том виде, как изображала их лесть. Противоположность этих двух изображений была мукой для их тщеславия. Заметно было, что самым злым из этих царей расточались самые усиленные похвалы в продолжение их жизни, так как злых боятся более, чем добрых, и они бесстыдно требуют самых подлых похвал и лести от поэтов и ораторов своего времени. Слышны их стоны в глубоком мраке, где они ничего больше не видят и ничего не слышат, кроме оскорблений и насмешек. Их все отталкивают от себя, все им противоречат, все их стыдят, тогда, как на земле они забавлялись жизнью людей и полагали, что все существует для их услуг. В

Тартаре они предоставлены в распоряжение своих рабов, которые, в свою очередь, заставляют их служить себе и жестоко с ними обходятся; и они служат с горечью, и нет им надежды когда-либо смягчить свою участь; под ударами своих рабов, сделавшихся их безжалостными палачами, они походят на наковальни под ударами молотов Циклопов, когда Вулкан заставляет их работать в горячем горниле Этны.

Там Телемак увидел бледные, ужасные, отвратительные лица. Черная печаль гложет этих преступников: они противны сами себе и не могут избавиться от этого отвращения, как от своей природы; им не нужно другого наказания за их грехи, как эти самые грехи; они их постоянно видят во всем их безобразии, они их преследуют и постоянно представляются им как ужасные призраки. Чтобы избавиться от этих призраков, они ищут более полной смерти, чем та, которая уже отделила их от тела. В своем отчаянии они призывают на помощь смерть, которая могла бы уничтожить в них чувство, всякое сознание; они молят пропасти поглотить их, чтобы избавиться от мстительных лучей правды, которая их преследует. Правда, которую они боялись слышать раньше, составляет теперь их мучение; они видят ее постоянно, и вид ее их пронизывает, их разрывает; а она, как молния, ничего не разрушая снаружи, проникает в самую глубину их существа.

Среди тех ужасов, от которых у Телемака волосы подымались на голове, он увидел нескольких лидийских царей, наказанных за то, что они предпочитали сладость изнеженной жизни труду для блага народа, что должно быть неразлучно с царской властью. Цари эти упрекали и обвиняли один другого в слепоте. Один, отец, говорил другому, который был его сыном: «Не говорил ли я тебе во время моей старости и перед смертью, чтобы ты исправил зло, которое я совершил по нерадению?» — «Ах, несчастный отец, — отвечал сын, — ты-то меня и погубил! Твой пример заставил меня предаться гордости, роскоши, сладострастию и жестокости к людям!

Видя тебя царствующим и живущим в такой изнеженной обстановке, окруженным подлыми льстецами, я привык любить лесть и удовольствия. Я предполагал, что все люди, должны быть в таких же отношениях к царям, как лошади и другие животные в отношении к человеку; т. е., что их ценят настолько, насколько они приносят пользы. Я так думал, и твой пример ввел меня в это заблуждение, а теперь я страдаю потому, что подражал тебе». К этим упрекам они присоединили ужасные проклятия и в ярости были готовы разорвать друг друга.

Вокруг этих царей носились, как совы ночью, тяжелые подозрения, тщетные тревоги, недоверие народа, который мстит королям за их жестокость, за ненасытное корыстолюбие и ложную славу, всегда тираническую и трусливую изнеженность, которая удваивает все страдания. Многие из этих царей были строго наказаны не столько за зло, которое они сделали, сколько за добро, которое должны бы были сделать, но не сделали. Все преступления, происшедшие от небрежного исполнения законов, были приписаны царям, которые, царствуя, должны наблюдать за исполнением законов. Им вменяли также в вину все беспорядки, порождаемые роскошью и расточительностью, раздражающими людей и приводящими их к незаконному желанию захватить чужую собственность.

В особенности же сурово обходились с теми царями, которые вместо того, чтобы быть добрыми пастырями своего народа, походили на волков, опустошающих стадо. Но что еще более удивило Телемака — это вид царей, считавшихся на земле довольно добрыми и все-таки приговоренных к мучениям Тартара за то, что допустили управлять собою людям злым и коварным. Они были наказаны теми мучениями, каким, в силу своей власти, допускали подвергать людей. Они не были ни злы, ни добры, и слабость их доходила до того, что они боялись услышать правду; они не любили истину и добродетель.

КАРТИНА ХРИСТИАНСКОГО АДА

11. Мнение богословов об аде излагается в следующих изречениях*, которые почерпнуты из сочинений и житий святых отцов церкви и служат выражением ортодоксальной религии, постоянно повторяясь с церковных кафедр, как католических, так и евангелических исповеданий.

12. Демоны — это Духи; а осужденные, находящиеся в настоящее время в аду, могут также считаться Духами, потому что только душа их спускается туда; кости же их, превратившиеся в пыль, постоянно перерождаются то в растения, то в плоды, в минералы, в жидкости и, таким образом, проходят без их ведома различные стадии превращения материи. Но осужденные, как и святые, должны в последний день воскреснуть и воплотиться в то материальное тело, которое они имели, живя на земле. Различие между ними будет состоять в том, что избранные воскреснут и воплотятся в сияющие и чистые тела, а осужденные — в тела, оскверненные и обезображенные грехом. Таким образом, в аду будут не одни только Духи, но и люди, подобные нам. Следовательно, ад есть место, физически определенное, материальное, и будет заселен земными существами, имеющими плоть и кровь, кости, руки, ноги и т. д. и нервы, способные испытывать страдание.

Где же местонахождение ада? Некоторые ученые поместили его внутри земли; другие же — на каких-то планетах; но ни один собор не решил этого вопроса. На этот счет остались одни предположения. Единственно, что утверждают, это, что где бы ад ни находился, он есть область, составленная из материальных элементов, но лишенная солнца, луны и звезд; самое печальное, самое неприютное место, в котором нет ни крупницы,

* Это извлечение взято из сочинения, озаглавленного «Ад», Августа Калле.

ни намека на добро, хуже самых ужасных мест того мира, в котором мы грешим.

Осторожные богословы не решаются описывать этот ад и все ужасы его, как египтяне, индусы или греки. Они ограничиваются только указанием на то, что говорится в святом писании, как-то: на реки огня, на серное озеро Апокалипсиса и на червей пророка Исайи, на червей, вечно копающихся в падали, на демонов, мучающих людей, которых они же погубили, и на людей, плачущих и скрежещущих зубами, как говорит Евангелие.

Св. Августин не допускает, чтобы эти физические страдания были только символами мук моральных. Он видит настоящую горящую серную реку, настоящих червей и змей, жалящих тела осужденных. Он утверждает, на основании одного стиха Евангелия св. Марка, что этот удивительный огонь, хотя совершенно материальный и подобный земному огню, действует на тела, как соль, т. е. сохраняет их; что эти осужденные, вечно мучающиеся, но вечно живые жертвы будут вечно чувствовать этот огонь, но не сгорать; он будет проникать под кожу до мозга костей, до зрачков глаз, до самых сокровенных фибр их существа... Если бы они могли опуститься в кратер вулкана, то он показался бы им местом отрады и покоя.

Так с полной уверенностью говорят самые скромные, самые умеренные богословы; они не отрицают, впрочем, что в аду есть и другие телесные муки; но только прибавляют, что не имеют достаточных знаний на этот счет; знаний столь определенных, как вышеуказанные описания огненных мук или терзаний посредством червей и змей. Но есть более смелые богословы, которые описывают ад подробнее, разнообразнее и полнее, и, хотя никто не знает, где находится этот ад, но есть святые, которые его видели. Они не спускались туда, как Орфей с лирой в руках или как Улисс с мечом, но переносились туда в виде духа, как, например, святая Тереза.

Судя по рассказам этой святой, нужно предполагать, что в аду есть города; она видела там ряд улиц, длинных и узких, как в древних городах. Когда она туда вошла, она должна была ступить на ужасно изрытую и вонючую дорогу, где пресмыкались отвратительные гады; но вдруг ей преградила путь стена, в которой находилось углубление или ниша, куда она и спряталась, сама не понимая каким образом. Это, по ее словам, место, предназначенное ей, если бы она злоупотребила теми милостями, которые Бог посылал ей в ее келью в Авиле. Она каким-то чудесным способом проникла в эту нишу; но в ней нельзя было повернуться, ни стать, ни сесть, ни лечь, ни, еще меньше, выйти из нее; эта стена обхватила ее каменными объятиями и сжимала, как живая. Ей казалось, что ее душат, раздирают ее живую на клочки, что ее жгут, одним словом, она испытала ужасы всевозможных мук. На помощь не было надежды, все вокруг было покрыто мраком и вместе с тем из этого мрака ясно выступала улица, по которой она шла, со всем ее отвратительным населением; вид для нее столь же невыносимый, как и самая темнота*.

Это был только маленький уголок ада. Другие духовные путешественники видели в аду большие города в огне. Например Вавилон, Ниневию, даже Рим; все их дворцы и храмы, объятые огнем, и жителей в цепях, торговцев за прилавками; священников вместе с придворными в праздничных залах, вопиющих на своих креслах, с которых они уже не могли сойти, и подносящих к своим воспаленным губам чаши, из которых вылетало пламя; слуг, коленопреклоненных в кипящих клоаках, и князей, бросающих им золото, льющееся расплавленной лавою. Другие видели в аду бесконечные поля, возделываемые голодными крестьянами; на этих бесплодных полях ничего не выросло, и крестьяне по-

* Это видение носит определенный характер кошмара.

жирала друг друга; но столь же многочисленные, как и прежде, столь же голодные и худые, они расходились в пространство, тщетно отыскивая более счастливые места, и тотчас же заменялись другими, такими же голодными и страждущими. Иные видели в аду горы, изрезанные пропастями, стонущие леса, колодцы без воды, источники, наполняемые слезами, реки крови, снежные вихри в ледяных пустынях, лодки, наполненные охваченными отчаянием людьми, несущиеся по безбрежному морю, одним словом, видели все то, что изображали и язычники: это было плачевное отражение земли с непомерно увеличенными несчастьями, увековеченными естественными страданиями и даже тюрьмами, виселицами и орудиями пытки, приготовленными нашими собственными руками. Находились там и демоны, которые, чтобы лучше мучить людей, сами облекались в тела. Они имели крылья летучих мышей, рога, когти, чешую черепахи и острые зубы; нам показывают их вооруженными мечами, вилами, щипцами, пилами, тисками, мехами, дубинами, и они в продолжение целых веков, не переставая, возятся с человеческим телом, как повара или мясники. То они, превращенные в львов или огромных змей, тащат свои жертвы в уединенные пещеры; то превращаются в воронов, чтобы выклевать глаза у виновных, то в летучих драконов, уносящих грешников на своих спинах, кричащих, вопиющих, окровавленных, чтобы потом низвергнуть их в серные горящие озера. Вот тучи саранчи, гигантских скорпионов, вид которых ужасен, запах вызывает тошноту, легчайшее прикосновение производит судороги; вот страшные чудовища с раскрытой пастью, потрясающие гривами, раздробляющие своими челюстями осужденных, а потом извергающие их целыми, потому что они бессмертны.

Эти демоны своими формами напоминают богов Тартара и идолов, которых изображали финикийцы, моавитяне и другие язычники, живущие в соседстве с Иудеей. Эти демоны действуют не случайно; каждый имеет свое назначение и свое дело; зло, которое они творят

в аду, находится в соотношении со злом, которое они внушали людям на земле*.

Осужденные испытывают наказание всеми своими чувствами и всеми органами, потому что согрешали всеми чувствами и всеми органами; так, обжоры будут наказываться демоном обжорства, лентяи — демоном лени, прелюбодеи — демоном блуда и т. д. столькими способами, сколько есть способов грешить. Они, сгорая, будут чувствовать холод, замерзая — изменюгать от жара; будут в одно и то же время жаждать отдыха и желать движения; вечно чувствовать голод и жажду; испытывать усталость большую, чем раб к концу дня; болеть мучительнее умирающих; будут изломаны, избиты, покрыты ранами, как истинные мученики, — и это не кончится никогда.

Никогда ни один демон не откажется исполнять свою ужасную миссию; они все в этом отношении хорошо дисциплинированы и верно исполняют долг мести, принятый ими на себя; иначе что бы случилось с адом? Наказуемые отдыхали бы, пока их палачи ссорились бы между собою или сами отдыхали. Но нет отдыха одним, нет ссор между другими; как бы злы ни были и какое бы их ни было количество, они отлично понимают друг друга и действуют вполне согласно. Никогда не бывало на земле нации, более покорной своим властелинам, армии, более послушной своему начальнику, монастырской общины, более смиренной перед своим настоятелем**.

* Странное наказание, состоящее в том, чтобы делать то же зло, но в большем размере, чем то, какое они делали на земле. Было бы разумнее заставить их самих терпеть это зло, чем позволять им делать его другим.

** Эти самые демоны, не покоряющиеся воле Божией, кротки и примерно послушны, когда нужно творить зло. Ни один из них не отступает и не медлит в течение вечности. Какое странное превращение совершилось с теми, кто был создан чистым и совершенным, как ангелы. Не странно ли видеть, что они подают пример полного единодушия и гармонии, тогда как люди не умеют жить в мире на

Мало известны низшие разряды, так сказать, плебеи, демонов, из которых составлены легионы вампиров, жаб, скорпионов, воронов, гидр, саламандр и других безымянных гадов, из которых состоит фауна адских областей. Но известны имена нескольких князей, повелевающих этими легионами, среди них: Бельфагор — демон сладострастия; Аббадон, или Аполлион, — демон убийства; Вельзевул — демон нечистых желаний и покровитель мух, порождающих тление; Мамон — демон скупости; Молох, Белиал, Ваалгад, Астарод и множество других и над ними — их всеобщий глава, мрачный архангел, который на небесах носил имя Люцифера, а в аду — Сатаны.

Вот вкратце описание ада, рассматриваемого с точки зрения физической природы и физических мучений, испытываемых там осужденными. Откройте писания отцов церкви и древних ученых; справьтесь с нашими благочестивыми легендами; посмотрите на статуи и картины наших церквей; прислушайтесь к тому, что говорится с кафедр, — и вы узнаете еще больше.

13. Автор сопровождает эти картины следующими размышлениями, важность которых всякому понятна:

Воскресение тела — есть чудо; но Бог совершает двойное чудо, давая этому мертвому телу, уже изношенному преходящими испытаниями жизни, возможность без разрушения противостать огню в горниле, где расплавились бы даже металлы. Если бы сказали, что душа есть свой собственный палач, что Бог не преследует ее, а только покидает ее в несчастном положении, которое она сама себе избрала, это можно бы еще понять (хотя покинуть навек заблудшее и страдающее существо кажется несовместимым с благостью Создателя); но то, что говорится о душе и муках духов-

земле и раздирают друг друга? Видя такую роскошь возмездия для отверженных и сравнивая их положение с положением демонов, невольно спросишь: кто более достоин сожаления, палачи или жертвы?

ных, никак не может относиться к телу и телесным мукам. Чтобы продолжить до бесконечности эти телесные муки, недостаточно, чтобы Бог отвел руку Свою; нужно, наоборот, чтобы Он наложил ее, чтобы Он действовал, без чего тело не устоит и распадется. Богословы предполагают, что Бог и совершит после воскресения это второе чудо, о котором мы говорили. Он извлечет из могил наши бранные тела такими, какими они были туда положены с их прирожденными недостатками и повреждениями старости, болезни и порока, и Он отдаст их нам в этом состоянии, дряхлыми, больными, полными надежд, покрытыми всеми язвами, причиненными жизнью и смертью, и это — первое чудо; затем этим жалким телам, готовым рассыпаться в прах, Он придаст свойства, которых они никогда не имели и это — второе чудо. Он даст им бессмертие, тот самый дар, который Он в гневе своем (вернее, в милости) отнял у Адама при выходе его из Эдема. Когда Адам был бессмертен, он был неуязвим, а когда он перестал быть неуязвимым, он стал смертен.

Итак, это воскресение наших слабостей с прибавлением еще новых, бесконечно более ужасных.

Как будто Бог передумал и, чтобы прибавить к душевным мукам муки телесные, которые могли бы длиться вечно, Он вдруг изменяет законы, Им Самим определенные от начала веков, воскрешает больные и истлевшие тела и соединяет их разрозненные элементы, сами собой готовые распасться. Против всех законов природы Он поддерживает вечную жизнь в этом живом разложении и бросает его в огонь, не для того, чтобы очистить, но чтобы сохранить его таким, как оно есть; и такую-то плоть, подверженную болезням, страдающую, горящую, ужасную, Он делает бессмертной!

Богу недостаточно было после смерти предоставить души их собственной совести, раскаянию и тоске с сознанием потерянного счастья. По учению теологов, Бог будет разыкивать их в этой вечной ночи, на дне мрачной бездны не для того, чтобы утешить и успо-

коить их, но чтобы одеть в отрицательные, зараженные тела, которые никогда не уничтожатся; и тогда только покинуть их навсегда. Но... Он даже и не покинет их, так как ад так же, как небо и земля, существует, благодаря постоянному воздействию Его воли. И как только Он лишит его своей поддержки, ад неминуемо исчезнет. И так Его рука будет бесконечно находиться на осужденных, чтобы помешать прекращению огня и растлению их тел, желая, чтобы эти несчастные бессмертные продолжительностью своих мук способствовали назиданию избранных.

14. Мы не без основания сказали, что христианский ад превзошел ужасами языческий. Действительно, в Тартаре мы видим виновных, мучимых совестью, непрестанно видящих свои преступления и свои жертвы, напрасно бегущих от пронизывающего света и от взглядов, которые их всюду преследуют; гордость там приижена и наказана; все носят на себе печать своего прошлого; все наказаны своими же собственными преступлениями; так что для некоторых достаточно, если они предоставлены собственной совести, и нет надобности прибавлять еще другие наказания. Но там — это тени, т. е. души в их флюидической оболочке, подобии их земного воплощения; они не приняли вновь своей телесной оболочки, чтобы страдать физически теми утонченными способами мучений, которые преимущественно составляют основание христианского ада. Там есть непреклонные, но справедливые судьи, которые назначают наказания пропорционально преступлениям; тогда как здесь, в царстве сатаны, все перемешаны в общих мучениях; все основано на физической, материальной боли, а правосудие и справедливость упразднены.

В настоящее время, конечно, в самой церкви немало людей здравого смысла, не допускающих буквального толкования этого учения и видящих в нем аллегорию; но мнение их единично и не составляет закона. Учение о материальном аде, со всеми его последствиями, тем не менее, до сих пор составляет догмат веры.

Спросят, конечно, каким образом могли люди все это видеть в экстазе, если этого не существует. Но здесь не место объяснять все случаи и источники фантастических видений, появляющихся иногда со всеми признаками реальности. Мы скажем только, что экстаз наименее верный способ откровений*, потому что это крайнее возбужденное состояние не всегда бывает способно к столь полному отделению Духа, как это кажется, и очень часто в нем отражается влияние предыдущего дня. Мысли, которыми проникнут ум и отпечаток которых сохраняется в мозгу или в периспиритальной оболочке, воспроизводятся в усиленном виде, как мираже, перемешиваются, переплетаются и выражаются иногда в чрезвычайно странных образах. Исступленные всех религий всегда имеют видения того, во что они веруют; потому неудивительно, что Св. Терезия, проникшись идеей ада, каким ей его изображали, имела видения, которые на самом деле не что иное, как простые кошмары. Язычник, глубоко верующий, видел бы Тартар и Фурий, так же, как и Олимп, и Юпитера, держащего в руке своей грома.

Глава V

ЧИСТИЛИЩЕ

1. Евангелие нигде не упоминает о чистилище, которое признано церковью только в 543 году. Этот догмат, конечно, более рационален и более согласуется с справедливостью Божьей, чем ад, так как устанавливает менее суровые наказания, дает возможность искупления менее тяжких преступлений.

Идея чистилища зиждется на справедливости по

* «Книга Духов», № 443—444.

сравнению с человеческим правосудием — это временное заточение, а не вечное осуждение. Что сказали бы о стране, которая не имела бы других наказаний, кроме смертной казни за все преступления без различия? Помимо чистилища, души имели бы только две альтернативы или два выбора: абсолютное блаженство или вечное мучение. По этой гипотезе, души, виновные только в ничтожных проступках, должны разделить блаженство избранников, не быв совершенными, или нести наказание наравне с великими грешниками, не сделав большого зла, что было бы несправедливо и неправильно.

2. Но понятие о чистилище, конечно, должно было быть неполно, и потому, не зная других наказаний, кроме огня, из него сделали нечто вроде ада; души там также горят, но в менее сильном огне. Так как прогресс или исправление душ не согласуется с вечным мучением, то души выходят оттуда не по своим заслугам, а силою молитв, приносимых за умерших или заказываемых о них за деньги. Если первая мысль и была хороша, то нельзя того же сказать о ее следствиях благодаря тем злоупотреблениям, которые она породила. Платные молитвы сделали чистилище более выгодным источником доходов, чем ад*.

3. Место чистилища никогда не было определено, а равно и характер его наказаний. Пробел этот предоставлено заполнить новому откровению, которое объяснило нам причину земных страданий, справедливость которых доказывает множественность существований. Эти страдания составляют необходимые последствия несовершенства души, так как, если бы душа была совершенна, то не грешила бы и не подвергалась последствиям греха. Человек воздержанный и умеренный во

* Чистилище породило скандальную торговлю индульгенциями, с помощью которых продавали право входа в рай. Эти злоупотребления были первою причиною Реформации и заставили Лютера отвергнуть чистилище.

всем не испытывает болезней, происходящих от излишества.

Чаще всего человек несчастен по собственной своей вине, но если он не совершенен, то значит уже был таким до своего появления на земле; если он искупает свои настоящие прегрешения, то также и те, которые совершил в предыдущем существовании, и если терпит жизнь, полную испытаний, то это оттого, что заставил других терпеть то же самое в другой жизни. Превратности, которые он испытывает, служат временным испытанием и, вместе с тем, указывают на несовершенство, от которых он должен исправиться, чтобы избежать будущих несчастий и продвигаться по пути добра. Это для души — уроки жизненного опыта, иногда суровые, но тем более полезные для будущего, чем глубже впечатление, оставляемое ими. Эти превратности представляют случаи постоянной борьбы, которая укрепляет душу, развивает ее моральные и интеллектуальные силы, и душа выходит из них всегда победительницей, если только имеет мужество довести борьбу до конца. Награда за победу — жизнь духовная, в которую душа входит торжествующая и сияющая, как воин после одержанной победы.

4. Каждое существование есть для души шаг вперед, к совершенству; от человека зависит, чтобы этот шаг был по возможности велик, чтобы сразу переступить несколько ступеней и не топтаться на месте; в последнем случае он будет страдать без пользы; а так как, рано или поздно, нужно заплатить свой долг, то ему придется вновь начинать существование в условиях еще более тяжелых, к незаглаженным проступкам он прибавит еще новые. Таким образом, в последовательных воплощениях душа мало-помалу освобождается от своих несовершенств и очищается — до тех пор, пока не сделается достойной покинуть мир искупления для того, чтобы переселиться в более счастливые миры, а потом и в высшие, в которых будет наслаждаться полным блаженством.

Итак, чистилище не есть смутная и неопределенная идея; это действительность, материальная реальность, которую мы видим и испытываем на себе; оно находится в мирах искупления, а земля есть один из этих миров; здесь люди искупают свое прошлое и настоящее в зачет будущего. Но, вопреки понятию, которое обыкновенно составляют себе о чистилище, всякий сам может сократить или продолжить свое пребывание там, смотря по успехам, которых он достигает, работая над своим совершенствованием; он возвысится не потому, что кончился срок его испытаний или молитвам других, а по причине собственных заслуг, согласно словам Иисуса Христа: «Каждому по делам его», словам, выражающим все правосудие Божие.

5. Тот, кто страдает в этой жизни, должен знать, что он заслужил это тем, что недостаточно очистился в прежней своей жизни, и если не сделает этого теперь, то должен будет страдать еще и в следующей жизни. Это вполне логично и справедливо. Страдания присущи несовершенству, как и болезни: страдают, пока длится болезнь или несовершенство, и до тех пор, пока не выздоровеют или не исправятся окончательно. Так, если человек горд, то он страдает от последствий гордости, если же эгоистичен — то от своего эгоизма.

6. Всякий виновный Дух страдает прежде в жизни духовной. Потом ему дается жизнь телесная, как средство исправления. Вот почему он оказывается здесь, на земле, часто с такими людьми, которых он обидел в предыдущей жизни, и в обстоятельствах, подходящих или противоположных тому положению, в котором он грешил; например, он находится в бедности, если дурно пользовался богатством; в унижении — если был горд.

Искупление в мире духовном и на земле не составляет двойного наказания Духа. Оно все то же, но продолжается на земле как дополнение, чтобы дать Духу возможность улучшиться. От него зависит воспользоваться этой возможностью. Не лучше ли для Ду-

ха возвратиться на землю, имея впереди возможность достичь лучшей жизни, чем быть осужденным безвозвратно, покинув ее? Эта свобода выбора, дарованная ему Богом, есть доказательство мудрости, благости и справедливости Божией. Бог хочет, чтобы человек был всем обязан самому себе, своим усилиям и был сам строителем своего будущего; если он несчастлив более или менее продолжительное время, то винить в этом может только самого себя: путь к совершенству ему всегда открыт.

7. Если рассмотреть, как велики страдания некоторых преступных Духов в невидимом мире, как ужасно положение некоторых из них, в каком они находятся страхе и насколько усиливаются их страдания от невозможности определить их окончание, то можно бы сказать, что это и есть ад, если бы это слово не выражало идею о вечном и материальном страдании. Благодаря откровению Духов и примерам, которые они нам представляют, мы знаем, что продолжительность искупления зависит от степени исправления виновного.

8. Итак, спиритизм не отвергает будущих наказаний, а, напротив, подтверждает их. Он не допускает только физически определенного ада с горящими печами и непощенными грехами. Но чистилища он не отрицает, так как доказывает, что мы сами в нем находимся; но он *точнее* определяет его, объясняя причины земных страданий и тем заставляя верить в него тех, кто раньше отрицал его.

Не отвергает ли спиритизм молитв за умерших? — Напротив: страждущие Духи сами о них просят. Потому спиритизм ставит молитвы в обязанность милосердия и доказывает их необходимость для возвращения душ к добру и сокращения их мучений¹. Действуя на рассудок, спиритизм возвращает к вере неверующих и к молитве тех, кто над нею насмехается. Он говорит, что

¹ Смотри «Евангелие в объяснении Спиритизма», Гл. XXVII: «Действие молитвы».

та молитва действительна, которая в сердце, а не только на словах; когда молишься сам, а не заказываешь молитву за деньги. Кто осмелится осуждать такое учение?

9. Где бы ни происходило наказание, в жизни ли духовной или на земле, и сколько бы времени оно ни длилось, оно всегда будет иметь конец, более или менее близкий или отдаленный. В сущности, для Духов существуют две альтернативы: временное наказание, ответственное виновности, или награда, смотря по степени заслуг. Спиритизм не признает третьего вывода, т. е. вечного осуждения. Ад остается для него фигурой, символизирующей наивысшие страдания, срок которых неизвестен. Чистилище же есть действительность.

Слово *чистилище* создает понятие об определенном месте и более естественно прилагается к земле, как к месту искупления, чем к беспредельному пространству, где витают страждущие Духи; да и по существу своему земная жизнь есть настоящее искупление. Когда люди будут совершеннее, из их среды будут переходить в незримый мир только добрые Духи; и, в свою очередь, Духи, воплощаясь, будут вносить в человечество только усовершенствованные элементы, тогда земля перестанет быть миром искупления и люди не будут больше страдать от нищеты и лишений, как прямых последствий своих несовершенств. В настоящее время происходит уже это преобразование, которое возвысит землю в иерархии миров. (См. «Евангелие в объяснении Спиритизма», гл. III).

10. Но почему же Христос не говорил о чистилище? Потому, что идеи этой не существовало тогда и не было слов для ее выражения. Христос пользовался словом «ад» как единственным, которое было в употреблении для обозначения всех будущих мук без различия. Если бы Он рядом с этим словом поставил слово, равнозначное по смыслу слову «чистилище», то он не мог бы придать ему настоящего его смысла, не затронув тех вопросов, которые предназначались для будущего;

это бы было еще и назначением двух отдельных мест для наказаний. Слово «ад», подразумевающее идею о наказании, уже включает в себе и идею о чистилище, которое есть только один из способов наказания. Будущее, долженствующее просветить людей насчет истинного значения наказаний; должно будет поставить и ад на его настоящее место.

Если Церковь по прошествии шести веков нашла нужным к словам Иисуса Христа прибавить и установить существование чистилища, значит она думала, что Иисус Христос открыл не все.

Отчего бы не думать так и по поводу других постановлений?

Глава VI

УЧЕНИЕ О ВЕЧНОСТИ МУЧЕНИЙ

Происхождение учения о вечных муках. — Доводы в защиту учения о вечных муках. — Материальная невозможность вечных мук. — Устарелость доктрины о вечных муках. — Иезекииль восстает против вечности мук и первородного греха.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УЧЕНИЯ О ВЕЧНЫХ МУКАХ

1. Верование в вечность мук так быстро теряет почву, что не надо быть пророком, чтобы предсказать его близкий конец. Оно было опровергнуто такими вескими доводами, такими решительными аргументами, что казалось бы излишним заниматься этим вопросом и можно бы предоставить его самому себе. Но нельзя не сознаться, что, несмотря на свою несостоятельность, оно все-таки служит связующим звеном между противниками новых идей; они защищают его с наибольшим рвением потому, что это самое слабое место и они предчувствуют последствия его скорого падения. С такой точки зрения, вопрос этот заслуживает серьезного внимания.

2. Учение о вечности мучений, как и о материальном аде, имело смысл, пока страх наказаний сдерживал невежественность людей, для которых были бы недостаточны наказания нравственные и временные; они не могли бы понять справедливости постепенного возмездия так же, как не могли оценить оттенков добра и зла или значения смягчающих либо увеличивающих вину обстоятельств.

3. Чем ближе стоит человек к первобытному состоянию, тем более он материален; моральные чувства развиваются у него позже всех. Потому и представление его о Боге и достоинствах Божиих самое смутное, не более совершенное, чем о будущей жизни. Они уподобляют Его собственной природе; для них он — неограниченный Властелин, тем более грозный, что Он невидим, как деспот, сидящий в своем дворце и никогда не показывающийся своим подданным. Он могуч своей материальной силой, а моральная не понятна для них. Они представляют Его себе вооруженным громом и молнией и сеющим на своем пути ужас и разорение, по примеру непобедимых воителей. Бог милосердный и кроткий не был бы по их понятиям Бог; это было бы слабое существо, не умеющее заставить себя слушать. Неукротимая месть, ужасные бесконечные наказания нисколько не противоречили их понятиям о Боге, и разум их вполне мирился с ними. Сами мстительные и жестокие по отношению к своим врагам, безжалостные к побежденным, они приписывали Богу, как высшему существу, еще более ужасные качества.

Для таких людей и религиозное верование должно было подходить к их грубой натуре. Религия духовная, полная любви и милосердия, не могла слиться с их дикими нравами и страстями. Не будем же осуждать Моисея за его драконовские законы, которые едва сдержали его непокорный народ, ни за то, что он рисовал Бога — мстителем; это было необходимо в то время, кроткое учение Христа не встретило бы тогда отголоска и было бы бессильно.

4. По мере того как дух развивался, туман материализма рассеивался, и люди стали более способными к пониманию духовного; но все это делалось постепенно. Когда явился Христос, Он уже мог возвестить Бога Милосердного говорить о Его Царствии не от мира сего и сказать людям: «Любите друг друга, будьте милостивы к ненавидящим вас», тогда как древние говорили: «Око за око и зуб за зуб».

Какие же это были люди, которые жили во времена Иисуса Христа? Были ли это вновь сотворенные и воплощенные души? Если это так, то Бог создавал в то время души более совершенные, чем во времена Моисея. Но в таком случае — что случилось с последними? Неужели они осуждены на вечные времена томиться в состоянии озверелости? Здравый смысл отвергает подобное предположение. Нет; это были все те же души, которые жили при Моисее, но в продолжение нескольких существований достигли развития, достаточного для понимания более возвышенного учения, и те же самые, которые теперь, еще более усовершенствовавшись, могут воспринять более полное учение.

5. Тем не менее, Иисус Христос не мог открыть всех тайн будущности своим современникам; Он Сам говорит: Много еще Я мог бы сказать вам; но вы того не поймете, потому говорю вам притчами». Во всем, что касается нравственности, т. е. обязанностей человека к человеку, Он выражался очень определенно потому, что затрагивал чувствительные струны материальной жизни и знал, что будет понят; что же касается других вопросов, Он ограничился лишь тем, что посеял в аллегорической форме те ростки, которые должны были развиться позднее. Учение о будущих наказаниях и наградах принадлежит к последней категории. В особенности по отношению к наказаниям. Он не мог сразу изменить укоренившиеся понятия. Он пришел наметить новые обязанности: милосердие и любовь к ближнему должны были заменить мстительность и ненависть; самоотвержение стать на место эгоизма. Этого уже было

много, Христос не хотел ослаблять страха наказаний, чтобы не уронить чувства долга и обязанностей перед ближними. Он обещал добрым Царство Небесное; значит, оно не могло быть достоянием злых, куда же они должны были идти?

Нужен был какой-либо противовес, чтобы подействовать на умы, еще слишком низменные для понимания духовной жизни. Не надо забывать, что Христос обращался к народу, к менее просвещенной части общества, для которой нужны были образцы осязательные, а не абстрактные. Вот почему Он не входил в большие подробности по этому поводу; Ему нужно было только указать на наказание и награду — этого было достаточно в то время.

6. Если Иисус угрожал виновным вечным огнем, то Он также грозил им тем, что они будут ввергнуты в геенну. Что такое геенна? Место в окрестностях Иерусалима, куда сбрасывали нечистоты из города. Неужели и это нужно было понимать буквально? Это было одним из выразительных приемов, с помощью которых Он влиял на толпу. То же самое и с вечным огнем. Если бы это было не так, то Иисус противоречил бы Сам Себе, когда проповедовал милосердие и милость Бога, так как милосердие и вечная мука — два противоположных понятия, одно уничтожающее другое. Было бы странной ошибкой принять эти слова Христа за подтверждение догмата вечности мучений, тогда как все Его учение возвещает милосердие Божие.

В молитве Господней Он учит нас говорить: «Остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим». Если бы виновный не надеялся получить прощение, то было бы бесполезно просить о нем. Но безусловно ли это прощение? Есть ли это милость или простая отсрочка заслуженного наказания? Нет, прощение это соответствует тому прощению, которое мы сами даем, т. е. если мы не будем прощать, то и не будем прощены. Бог, забывая обиды, ставит непременно условием такое же забвение, иначе Он не мог бы

требовать от слабых людей того, что не сделал бы Сам в своем могуществе. Итак, молитва Господня ежедневно свидетельствует против идеи о вечной мстительности Бога.

7. Для людей, имеющих смутное понятие о духовности души, мысль о материальном огне не представляла ничего странного, тем более, что она была взята из общенародных верований и почерпнута из языческих понятий, распространенных почти повсеместно. Вечность мучений также не представлялась отталкивающей народам, подчинявшимся в продолжение многих веков законам грозного Иеговы. В идее же Христа вечный огонь есть только символ; Он мало придавал значения тому, что этот символ понимался буквально, лишь бы он служил уздой; Он хорошо знал, что время и прогресс объяснят смысл аллегории, особенно тогда, когда, по словам Его, Дух Истины просветит человечество во всякой истине.

Главная причина непреложных наказаний есть недействительность раскаяния; но никогда Христос не говорил, что раскаяние не встретит милости у Бога; напротив, при всяком случае Он показывает Бога милостивым, милосердным и готовым принять блудного сына, вернувшегося под отчий кров. Иисус показывает Бога непреклонным только к закоснелым грешникам; и если Он в одной руке держит кару, то в другой у Него наготове прощение, чтобы излить его на виновного, как только тот проявит чистосердечное раскаяние. Конечно, это не есть изображение безжалостного Бога; следует также отметить, что никогда Христос не произнес против кого-либо, даже против самых больших преступников безвозвратного и окончательного приговора.

8. Все примитивные религии, согласовавшиеся с характером первобытных народов, имели воинственных богов, сражавшихся во главе армий. Иегова у Евреев доставлял им тысячу способов для уничтожения врагов, он награждал их победами и наказывал поражениями. По тому представлению, которое имели о Боге, считали

необходимым чтить или умиловать Его кровью людей и животных; отсюда кровавые жертвы, которые играли такую большую роль во всех древних религиях. Евреи уничтожили человеческие жертвы, христиане же, несмотря на учение Христа, еще долго продолжали чтить Создателя, предавая огню и мучениям тысячи так называемых еретиков; это, хотя и в другой форме, были те же человеческие жертвы, так как совершались во славу Господа и сопровождалась церковными церемониями. Да и поныне христиане призывают Бога перед сражением и восхваляют и благодарят Его после победы, даже когда война ведется по самым несправедливым и противохристианским причинам.

9. Как трудно отрешается человек от своих предрассудков, привычек и первоначальных идей! Сорок веков отделяют нас от времени Моисея, а наше поколение все еще видит следы древних варварских обычаев, поддерживаемых и одобряемых современной религией! Нужно было проявление могущественного мнения неправых, т. е. тех, которых считают еретиками, чтобы положить конец кострам и заставить понять настоящее величие Бога. Но за невозможностью применять костры, применяют материальные и моральные преследования, которые и до сих пор еще в полном ходу, настолько мысль о Боге-карателе укоренилась в человечество. Выросши в понятиях, внушенных ему с детства, мог ли человек удивляться тому, что Бог, которого чтут варварскими обычаями, приговаривает людей к вечным мукам и без жалости смотрит на страдания осужденных?

Да, это философы (по мнению некоторых — нечестивые) первые возмутились, видя имя Бога, профанированным недостойными Его действиями; Они показали Его людям во всем Его величии, очистив имя Его от человеческих страстей и мелочности, в которые облекли Его темные верования. Тогда религия выиграла в достоинстве то, что потеряла во внешности, потому что убавилось число почитающих одни обряды и увеличилось число искренно верующих сердцем и душой.

Но, наряду с этими, как много таких, которые остановившись в начале пути, пришли к полному отрицанию Провидения! Причина тут в том, что они не сумели вовремя привести религиозные верования в гармонию с прогрессом человеческого разума; вследствие чего явился у одних — деизм, у других — полное неверие, у третьих — пантеизм, т. е. человек сделал сам себя богом, за неимением другого, более совершенного божества.

ДОВОДЫ В ЗАЩИТУ УЧЕНИЯ О ВЕЧНЫХ МУКАХ

10. Возвратимся к догмату вечности мучений. Главный аргумент, приводимый в его защиту, следующий: между людьми принято соразмерять тяжесть оскорбления с достоинством оскорбленного. Так, оскорбление, нанесенное Государю, считается более тяжким, чем оскорбление частного лица, и наказывается строже. Но так как Бог выше Государя, так как Он бесконечен, то наказание должно быть бесконечно, т. е. длиться вечно.

Опровержение. — Всякое определение, как суждение, должно иметь точку отправления, основание, посылку; мы берем эту посылку в самих атрибутах Бога: *Бог Един, вечен, неизменяем, невещественен (бесплотен), всемогущ, всемилостив, благ и справедлив, бесконечен во всех своих совершенствах.*

Бога невозможно себе представить иначе, как бесконечно совершенным, в противном случае Он не был бы Бог. Чтобы Он был Один выше всех существ, нужно, чтобы никто не мог сравниться или превзойти Его ни в чем. Итак, Он должен быть бесконечен во всем.

Атрибуты, или достоинства, Бога, как бесконечные, не могут ни прибавляться, ни уменьшаться; иначе они не были бы бесконечны, и Бог не был бы совершенен. Если отнять хотя бы малейшую частицу Его достоинств, то Он не был бы Богом, потому что тогда мог бы существовать кто-нибудь более совершенный.

Бесконечность одного качества исключает возможность существования обратного свойства, которое уменьшало бы его или уничтожало. Существо бесконечно доброе не может иметь ни малейшей крупинки злобы; так же, как бесконечно злое — самую ничтожную частицу доброты. Так, черное не было бы абсолютно черным, если бы имело хоть малейший оттенок белого, и белое — абсолютно белым с малейшей частицей черного.

Установив эту точку отправления, противопоставим вышеприведенному аргументу следующее:

11. Только существо бесконечное может делать что-нибудь бесконечное. Человек, ограниченный в своих добродетелях, в своих знаниях, могуществе, способностях и в своем земном существовании, может производить только ограниченные дела. Если бы человек мог быть бесконечен в том, что он делает злого, он был бы бесконечен и в добре, и тогда он был бы равен Богу. Но если бы человек был бесконечен в добре, то он не делал бы зла, потому что абсолютное добро исключает зло.

Если принять, что временный проступок становится бесконечен по отношению к Богу, то значит Бог, мстя за оскорбления бесконечным наказанием, бесконечно мстителен. Если он бесконечно мстителен, то Он не может быть бесконечно благ и милостив, так как одно из этих свойств уничтожает другое. Если Он не бесконечно благ, Он несовершенен; если же Он несовершенен — Он не Бог.

Если Бог неумолим к раскаявшемуся грешнику, Он немилосерден; если Он немилосерден, Он не бесконечно благ.

Зачем бы Господь дал людям заповедь прощения обид, если бы не хотел Сам прощать? Отсюда следовало бы то, что человек, прощающий своим врагам и воздающий за зло добром, был бы лучше Бога, который не внемлет раскаянию виновного и отказывает ему на век в малейшем облегчении наказания!

Бог, который есть везде и видит все, должен видеть муки осужденных. Если Он не чувствителен к их стонам в продолжение вечности, Он не сострадателен, Он не благ.

12. На это говорят, что грешник, раскаявшийся прежде, чем умереть, испытывает милосердие Божие, и тогда самый великий грешник получит помилование. Конечно, это несомненно и понятно, что Бог прощает только раскаявшегося и остается непреклонен к закоренелым грешникам; но если Он милостив к душе, которая раскаялась перед смертью, почему Он перестает быть милосердным к той, которая раскаивается после смерти? Почему раскаяние действительно только в жизни, которая есть краткий миг и не имеет силы в продолжение вечности? Если доброта и милосердие Божие ограничены определенным временем, они не бесконечны, и Бог не бесконечно благ.

13. Бог высоко справедлив. Совершенная справедливость не есть справедливость неумолимая, непреклонная, а также не оставляющая ошибки ненаказанными; нет, она строго следит за добром и злом, награждает одно и наказывает другое с одинаковым правосудием и никогда не ошибается.

Если за временную ошибку или прегрешение, которое, большей частью, есть следствие несовершенства человеческой природы, а часто и окружающей его среды, душа может быть наказана на веки, без надежды на облегчение или прощение, то нет никакого соответствия между грехом и наказанием — следовательно, нет справедливости.

Если виновный обращается к Богу, раскаивается и просит получить возможность загладить свой грех, это значит, что он возвращается к добру и к добрым чувствам. Но если наказание неизменно, этот возврат к добру остается бесплодным; там, где добро не берется во внимание, нет справедливости. В мире людей осужденному, который исправляется, наказание смягчают,

иногда даже совершенно отменяют его; стало быть, в справедливости человеческой больше правосудия, чем в справедливости Божией! Если осуждение неизменно, то не нужно и раскаяние; виновный, не ожидая ничего от возвращения к добру, упорствует во зле, так что Господь не только осуждает его на бесконечные страдания, но и оставляет его во зле навек. А это уже не есть справедливость и не есть милосердие.

14. Бог, бесконечный во всем, знает все, и прошедшее, и будущее; Он уже знает при сотворении каждой души, падет ли она настолько, чтобы быть навеки осужденной. Если Он этого не знает, то знание его не бесконечно: тогда Он не Бог. Если Он это знает, то Он добровольно создает существо, заранее обреченное на вечные муки, и тогда Он не милосерден.

Если Бог, тронутый раскаянием осужденного, может проявить на нем Свое милосердие и извлечь его из ада, значит, нет вечного мучения, и осуждение людей может быть отменено.

15. Таким образом, доктрина о вечных муках, поневоле приводит к отрицанию или умалению некоторых достоинств Божества; следовательно, она не согласуется с Его бесконечным совершенством; отсюда следующее заключение: если Бог совершенен, вечного осуждения не существует; если же оно существует, то Бог не совершенен.

16. Ссылаются еще на следующие аргументы в защиту учения о вечном наказании:

Награда, данная праведным — вечна, следовательно, и наказание должно быть вечным. Необходимо соразмерять наказание с наградой.

Опровержение. Создает ли Бог души для того, чтобы они были счастливы или несчастливы? Очевидно, что счастье должно быть целью творения, иначе Бог не был бы благ.

Душа сама достигает счастья своими заслугами; достигнув его, она уже не может потерять его плодов, ина-

че она отстанет; так как она бессмертна, то и счастье ее вечно. Но прежде, чем достигнуть совершенства, она должна выдержать много борьбы со своими дурными страстями. Так как Бог не создал ее совершенной, а лишь способной к совершенствованию для того, чтобы она имела заслуги своих дел, она может пасть. Это падение бывает следствием ее природной слабости. Если же за одно падение она может быть наказана вечно, то можно бы спросить, почему Бог не создал ее более сильной. Наказание, которое она несет, есть указание на то, что она дурно поступала, и должно привести к тому, чтобы вернуть ее на добрый путь. Если же это наказание неизменно, то ее желание исправиться было бы напрасным; но тогда одни существа были бы предназначены к счастью, а другие — к несчастью. Если преступная душа раскаивается, то может сделаться доброй; а сделавшись доброй, может надеяться на счастье; был бы Бог справедлив, если бы Он отказал ей в средствах достичь этого счастья? Так как добро есть конечная цель создания, счастье, которое есть его цена, должно быть вечно; наказание же, которое есть средство достигнуть счастья, должно быть временно. Самое обыкновенное понятие о справедливости среди людей говорит, что нельзя вечно наказывать того, кто имеет доброе желание исправиться.

17. Последний же аргумент в пользу вечности наказаний следующий:

Страх вечного наказания есть узда для людей. Если ее снять, то человек, не боясь ничего, предастся всевозможным излишествам.

Опровержение. Это рассуждение было бы верно, если бы отмена вечного мучения упразднила всякое наказание. Счастливое или несчастное положение в будущей жизни есть следствие строгой справедливости Божией, потому что равное положение человека доброго и развращенного было бы отрицанием этой справедливости. Но если наказание временно, оно от этого не ме-

нее тяжело; его боятся тем более, чем больше ему верят, и верят тем более, чем более оно рационально.

Наказание, в которое не верят, не служит более уздой, а вечность мучений — одно из таковых.

Вера в вечность наказания, как мы сказали, имела смысл в известную эпоху; в настоящее же время она не только не приносит пользы, а скорее, вредит, так как порождает неверие. Нужно было бы прежде, чем устанавливать ее необходимость, доказать ее действительность. Надлежало особенно показать ее значение на тех, кто пытается ее доказать. К несчастью, многие из них показывают своими поступками, что они не очень-то ее боятся. Если она бессильна исправить тех, кто говорит, что ей верит, какое же влияние может она иметь на тех, кто ей не верит?

МАТЕРИАЛЬНАЯ НЕВОЗМОЖНОСТЬ ВЕЧНЫХ МУК

18. До сих пор догмат о вечности наказаний опровергался только рассуждениями, мы покажем теперь его противоречие с теми положительными фактами, которые у нас перед глазами, и, следовательно, его невозможность.

По этому догмату, участь души неизменно определяется после смерти. Это — преграда, поставленная совершенствованию. Итак, развивается душа или нет? В этом весь вопрос: если она совершенствуется, то вечность наказания невозможна. Можно ли сомневаться в этом прогрессе, наблюдая бесчисленное разнообразие способностей, как нравственных, так и умственных, которые существуют на земле, начиная от дикаря и кончая просвещенным человеком? Или наблюдая разницу, которую представляет один и тот же народ в разные века? Если предположить, что это не одни и те же души, то нужно допустить, что Бог создает их с различными степенями развития, смотря по времени и месту; что Он покровительствует одним, тогда как других об-

рекает на вечную невежественность. Но это не согласуется со справедливостью, которая должна быть одинакова для всех существ.

19. Несомненно, что души, отсталые умственно и нравственно, как, например, души варварских племен, не обладают способностью наслаждаться природой или великолепным сиянием бесконечного, как это свойственно душам, одаренным достаточным для этого развитием. И если эти отсталые души не усовершенствуются, то, в лучшем случае, могут пользоваться только отрицательным счастьем.

Таким образом, мы приходим к выводу, согласному с самой строгой справедливостью, что души высоко развитые есть те же самые, что ранее были отсталыми, но потом усовершенствовались с течением времени.

Тут уже мы касаемся важного вопроса о множественности существований, этого единственно рационального средства выйти из затруднения. Но тем не менее, мы его пока отложим и будем рассматривать душу в одном только ее существовании.

20. Вот один из тех молодых людей лет двадцати, каких мы видим так много. Он малообразован, склонности его порочны, он отрицает Бога и собственную душу и ведет беспорядочный образ жизни, позволяя себе всякие гнусности. Но он находится в благоприятных условиях, работает, учится, мало-помалу исправляется и, наконец, делается верующим человеком. Не правда ли, это наглядный пример совершенствования души во время жизни, пример, каких встречается много? Этот человек умирает благочестиво в преклонных летах, и спасение его обеспечено.

Но какова была бы его судьба, если бы случай заставил его умереть на 40 или 50 лет раньше? Тогда он находился бы в условиях, ведущих к вечному осуждению, а раз будучи осужден, он уже не мог бы двигаться по пути прогресса. Так вот человек, спасенный только потому, что долго жил; по учению вечных мук он бы

погиб навсегда, если бы умер раньше, что легко могло бы случиться.

Если душа его в данное время могла совершенствоваться, почему она не может делать то же после смерти? Ведь случай преждевременной смерти зависел не от него. Почему бы Бог отказал ему в этом? Раскаяние, хотя бы и позднее, все-таки пришло бы в свое время. Но если бы с минуты смерти его постигло неизменное осуждение, то раскаяние его на вечные времена осталось бы бесплодным, равно как и способность его совершенствоваться: она была бы уничтожена навеки.

21. Итак, догмат вечности наказаний не согласуется с прогрессом души, которому он служил бы непреодолимым препятствием; эти оба принципа уничтожают друг друга; если существует один, другой не может существовать. Который же из двух существует?

Закон совершенствования ясен. Это не теория, но засвидетельствованный опытом факт; это закон природы, закон божественный, ненарушимый, и так как он существует и не может согласоваться с другим, то значит, не существует другого. Если бы догмат вечности мучений был верен, то св. Августин, св. Павел и многие другие никогда не видали бы неба, если бы умерли раньше своего обращения. На это последнее утверждение возражают, что обращение этих святых не есть результат совершенствования души, а дарованная им милость Божия, которой они прониклись.

Но это — игра слов. Если они делали зло, а потом стали делать добро, значит, они сделались лучше и, стало быть, усовершенствовались. Или Бог, по особому благоволению, даровал им милость исправиться. Почему им больше, чем другим? Это опять доктрина привилегий, несовместимая со справедливостью Божией и Его любовью, одинаковой ко всем Его созданиям.

По спиритическому учению, согласно со словами Евангелия, с логикой и с самой строгой справедливостью, человек есть детище своих деяний, как в этой жизни,

так и после смерти; он ничем не обязан милости: Бог награждает его за усилия и наказывает за небрежность до тех пор, пока он не исправится.

УСТАРЕЛОСТЬ ДОКТРИНЫ О ВЕЧНОСТИ МУК

22. Вера в бесконечность материальных мучений внушала полезный страх до тех пор, пока люди не поняли могущества нравственности. Так, детям грозят разными вымышленными существами, чтобы их сдерживать; но приходит время, когда дети начинают понимать, что это сказки, и тогда было бы нелепостью претендовать на дальнейшее воздействие теми же средствами.

Так теперь и с человечеством: оно вышло из детского возраста и стряхнуло с себя помочи. Человек уже не так пассивен, чтобы сгибаться под гнетом материальных сил, это не прежнее легковверное существо, принимающее все с закрытыми глазами.

23. Вера — есть акт разума, вот почему она не может быть предписана. Если в продолжение известного периода догмат вечных наказаний мог быть безвреден, даже полезен, то настает время, когда он становится опасным. И действительно, когда вы проповедуете его как абсолютную истину, а разум его отвергает, то получается одно из двух: или человек, который хочет верить, создает себе более рациональную веру и отделяется от вас, или не верит больше ни во что. Для всякого, хладнокровно изучавшего этот вопрос, очевидно, что в наши дни этот догмат создал больше материалистов и атеистов, чем создали их философы.

Идеи неуклонно прогрессируют. Влиять на человечество можно только, следуя за ходом этих идей. Желать остановить этот ход или вернуть назад, или просто отстать от него, когда он идет вперед, значит, погибнуть. Следовать или не следовать за этим движением есть вопрос жизни и смерти, как для религии, так и для правительств. Хорошо это или дурно? Ко-

нечно, это зло в глазах тех, кто живет прошедшим; для тех же, кто смотрит вперед, это закон Бога, а против такого закона сопротивление бесполезно; восставать против Его воли значит быть разбитым.

Для чего же изо всех сил поддерживать отжившее верование, приносящее религии больше вреда, чем пользы? Увы, грустно сознаться, что материальный вопрос берет здесь верх над религиозным. Это верование широко эксплуатировалось при помощи укоренившегося убеждения, что за деньги можно открыть себе двери рая и избежать вечных мучений. Неисчислимые доходы, которые оно принесло и приносит еще и сейчас, — налог на страх смерти и вечности. Так как подать эта необязательна, то сумма ее соответствует силе веры. Когда вера не существует — нет и подати.

24. Новые откровения, которые дают более правильные понятия о будущей жизни и доказывают, что можно самому своими деяниями достичь спасения, должны встретить тем большую оппозицию, чем значительнее были доходы, которые они истощают. Так бывает всегда, когда новое открытие или изобретение изгоняет старые привычки. Тот, кто живет старыми, малопродуктивными приемами, поддерживает их и восстает против новых, более практичных. Было ли одобрено книгопечатание многочисленным классом переписчиков? Конечно, нет; они должны были его проклинать. То же было и с машинами, с железными дорогами и с тысячами подобных вещей.

В глазах неверующих учение о вечности мучений есть праздный вопрос, над которым они смеются; в глазах ученых он имеет общественное значение, по тем злоупотреблениям, которые он порождает; человек же действительно религиозный видит, что им затрагивается достоинство религии и желает уничтожения как злоупотреблений, так и их причин.

25. *Иезекииль восстает против вечности мук и первородного греха.* Тем, кто думает найти в Библии оправдание веры в вечность мучения, можно указать на

тексты противоположного значения, которые не оставляют ни малейшего сомнения. Следующие слова Иезекииля составляют не только полное отрицание бесконечности наказаний, но также и ответственности за грех прародителя, тяготеющий над его потомством:

1) И было ко мне слово Господне:

2) Зачем вы употребляете в земле Израилевой эту пословицу, говоря: отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина? 3) Живу я, говорит Господь Бог, не будут впредь говорить пословицу эту в Израиле. 4) Ибо вот, все души — Мои: как душа отца, так и душа сына — Мои; душа согрешающая, та умрет. 5) Если кто праведен и творит суд и правду. 6) Никого не притесняет, должнику возвращает залог его, хищения не производит, хлеб свой дает голодному и нагого покрывает одеждою. 7) В рост не отдает и лихвы не берет, от неправды удерживает руку свою, суд человеку с человеком производит правильный. 8) Поступает по заповедям Моим и соблюдает постановления Мои искренно; то он — праведник, он непременно будет жив, говорит Господь Бог. 9) Но, если у него родился сын разбойник, проливающий кровь и делает что-нибудь из всего того*. 10) ...Кто делает все такие мерзости, тот непременно умрет, кровь его будет на нем. 11) Но если у кого родился сын, который, видя все грехи отца своего, какие он делает, видит и не делает подобного им. 12) То сей не умрет за беззаконие отца своего; он будет жив. 13) А отец его, так как он жестоко притеснял, грабил брата и недоброе делал среди народа своего, вот он умрет за свое беззаконие. 14) Вы говорите: почему же сын не несет вины отца своего? Потому, что сын поступает законно и праведно, все уставы Мои соблюдает и исполняет их; он будет жив. 15) Душа согрешающая,

* Греховные деяния, поименованные в стихах 11—13 этой же главы. (Перевод).

она умрет; сын не понесет вины отца, и отец не понесет вины сына; правда праведного при нем и останется, и беззаконие беззаконного при нем и останется. 21) И беззаконник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои и поступать законно и праведно, жив будет и не умрет. 22) Все преступления его, какие он делал, не припомнятся ему; в правде своей, которую будет делать, он жив будет. 23) Разве я хочу смерти беззаконника, говорит Господь Бог; не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив? (Иезекииль, гл. 18).

Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был (Иезекииль, Гл. 33, ст. 11).

Глава VII

БУДУЩИЕ НАКАЗАНИЯ ПО УЧЕНИЮ СПИРИТИЗМА

Плоть немощна. — Источник спиритического учения о будущих наказаниях. — Закон о наказаниях в будущей жизни.

ПЛОТЬ НЕМОЩНА

Есть прочные наклонности, которые, очевидно, присущи Духу, потому что они касаются больше нравственной стороны, чем физической, другие же кажутся следствием физиологической природы человека, и на этом основании за них принято считать себя менее ответственными. К последним принадлежат: гнев, изнеженность, чувственность и т. д.

В настоящее время философами-спиритуалистами вполне установлено, что мозговые центры, которым соответствуют различные способности, обязаны своим развитием деятельности Духа, и что развитие есть следствие, а не причина. Человек музыкален не потому, что имеет шишку музыки, а потому имеет эту шишку, что его Дух музыкален. Если деятельность Духа

реагирует на мозговые центры, она должна так же реагировать и на другие части организма. Таким образом, Дух есть создатель своего тела, которому он придает нужные формы для проявления своих наклонностей. Раз это установлено, легко понять, что усовершенствованные тела высших культурных рас не составляют продукта отдельного создания, но результат работы Духа, который совершенствует свое орудие по мере того, как развиваются его способности.

Естественным следствием этого принципа является то, что нравственные наклонности Духа должны изменять качество крови, регулируя ее деятельность, вызывать большее или меньшее выделение желчи или других флюидов. Так, например, обжора чувствует, как у него текут слюни при виде какого-нибудь вкусного блюда. Не кушание раздражает орган вкуса, так как оно с ним не соприкасается, а раздражается чувственность Духа, и посредством мысли это раздражение передается органу вкуса; а на другого человека вид этого кушания не производит никакого действия. По той же причине чувствительный субъект легко проливает слезы; не обилие слез дает чувствительность Духу, а чувствительность Духа производит усиленное выделение слез. Под влиянием такой восприимчивости, организм приспособляется к этой обычной склонности Духа, так же как в другом случае к обжорству. Следуя такому порядку идей, легко понять, что раздражительный Дух должен развивать в своем организме желчный темперамент; человек сердит не оттого, что желчен, а желчен, потому что сердит. То же самое относительно других инстинктивных предрасположений. Дух вялый и беспечный оставляет свой организм в состоянии бездеятельности, соответственно своему характеру; если же он деятелен и энергичен, он дает своей крови, своим нервам совершенно другие качества. Действие Духа на физическую сторону так очевидно, что приходится часто наблюдать важные изменения, происходящие от сильных моральных потрясений. Обще-

принятое выражение, что волнение портит кровь, не так бессмысленно, как кажется, ибо что может портить кровь хуже, чем моральное расположение Духа?

Итак, можно допустить, что темперамент, хотя бы отчасти, определяется природой Духа, который есть его причина, а не следствие. Мы говорим *отчасти*, потому что часто бывает, что физическая сторона явно влияет на нравственную: например, если болезненное или ненормальное состояние вызвано какой-нибудь внешней случайной причиной, не зависящей от Духа, как температура, климат, наследственные пороки телосложения, временное нездоровье и т. п. Тогда моральная сторона Духа проявляется патологически, не изменяя при том своего внутреннего существа. Таким образом, оправдываться в своих дурных делах слабостью плоти есть не что иное, как отговорка во избежание ответственности. Плоть немощна только потому что Дух слаб, и потому ответственность за все действия тела всецело падает на Дух. Тело, которое не имеет ни мысли, ни воли, никогда не одерживает верха над Духом, который есть существо мыслящее и обладающее волею; это Дух дает плоти качества, соответствующие ее инстинктам, как художник накладывает печать своего гения на свое материальное творение. Дух, свободный от животных инстинктов, создает себе тело, которое не угнетает его стремлений к духовному существованию; тогда человек ест для того, чтобы жить, так как это необходимо, а не живет для того, чтобы есть.

Итак, моральная ответственность за свои поступки остается в полной силе; но здравый смысл говорит, что последствия этой ответственности должны быть пропорциональны интеллектуальному развитию Духа; чем более он просвещен, тем более ответственен, потому что с просвещением и развитием моральных чувств развиваются понятия о добре и зле, о справедливом и несправедливом.

Этот закон объясняет неуспех медицины в некото-

рых случаях. С тех пор как стало известно, что темперамент есть следствие, а не причина, усилия, которыми пробовали его умерять, были естественно парализованы моральным расположением Духа, который инстинктивно противодействует и нейтрализует терапевтические средства. Итак, надо действовать на первоначальную причину. Придайте, если возможно, смелости трусу и вы увидите, что физические последствия страха исчезнут. Это еще раз доказывает, что искусство лечить должно принимать во внимание воздействие на организм духовных элементов.

ИСТОЧНИК СПИРИТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О БУДУЩИХ НАКАЗАНИЯХ

Относительно будущих наказаний спиритическая доктрина основывается, как и в прочих частях, не на предвзятых и непроверенных теориях, не заменяет одну систему другою, но во всем опирается на наблюдения, что и составляет ее авторитетность.

Это не воображение или чья-либо выдумка, что души после смерти находятся в том или ином состоянии. Сами существа, покинувшие землю, приходят к нам теперь, чтобы посвятить нас в тайны будущей жизни, описывают нам свое счастливое или несчастное положение, свои впечатления, чувства и свое преобразование после смерти тела; одним словом, дополняют в этой области учение Иисуса Христа.

Здесь идет речь не об одном каком-нибудь Духе, который мог видеть вещи со своей точки зрения или судить о них, находясь во власти земных предрассудков; также не об откровении, данном одному какому-нибудь лицу, которое могло бы быть обмануто; не об экстатическом видении, близком к иллюзии и часто происходящем от экзальтированного воображения. Нет, здесь речь идет о многочисленных примерах, сообщен-

۵۳۲

ных всеми категориями Духов, от самой высокой до самой низкой ступени, при помощи бесчисленных посредников, рассеянных по всем частям света. Эти откровения не составляют чьей-либо привилегии, а каждый может сам видеть и наблюдать, и никто не обязан верить другому на слово.

ЗАКОН О НАКАЗАНИЯХ В БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ

Спиритизм не формулирует фантастические законы; его правила, касающиеся будущности души, выводятся из фактов и наблюдений и заключаются в следующих пунктах:

1. Душа, или Дух, несет в бесплотном состоянии последствия всех несовершенств, от которых она не избавилась в жизни телесной. Ее счастливое или несчастное состояние нераздельно со степенью ее очищения или ее несовершенств.

2. Счастье совершенное присуще только совершенству, т. е. полной чистоте Духа. Всякое несовершенство есть одновременно причина страданий и лишение блаженства, так же, как и всякое приобретенное качество есть причина блаженства и уменьшение страдания.

3. Нет ни одного несовершенства души, которое не влекло бы за собой неизбежных и неприятных последствий, и ни одного доброго качества, которое не влекло бы за собою радости. Таким образом, сумма наказаний пропорциональна сумме несовершенств, как и блаженство пропорционально сумме положительных качеств. Душа, которая имеет десять несовершенств, страдает больше той, которая имеет их три или четыре; если из этих десяти несовершенств у нее останется четверть или половина, она будет страдать меньше, а когда не останется ни одного, она вовсе не будет страдать и будет пользоваться совершенным счастьем. Тот, у кого несколько болезней, страдает больше того, у которого только одна или нет ни одной. По той же причине

душа, обладающая десятью качествами, пользуется большим блаженством, чем та, у которой их меньше.

4. В силу закона прогресса всякая душа имеет возможность приобрести недостающие ей добрые качества и освободиться от дурных по мере своих усилий и своей доброй воли; следовательно, она всегда может достичь лучшего будущего, которое ни для кого не закрыто. Бог не отвергает никого из Своих детей. Он принимает всех в лоно Свое, воздавая каждому по заслугам, по мере того как они достигают совершенства.

5. Так как страдание связано с несовершенством, а радости — с совершенством, душа несет в самой себе, где бы она ни была, свои собственные наказания; не нужно для этого определенного места. Ад везде, где есть страждущие души, как и рай, везде, где есть счастливые.

6. Добро и зло есть следствия добрых и дурных качеств. Не делать то добро, которое мы можем сделать, есть результат несовершенства. Если всякий недостаток есть источник страдания, Дух должен страдать не только от всего, сделанного им злом, но и от того добра, которое он мог бы сделать и не сделал в продолжение своей земной жизни.

7. Дух страдает именно за то зло, которое он сделал, так что все внимание его сосредоточено на последствиях сделанного им зла; поэтому он начинает лучше понимать все его значение, и это побуждает его исправиться.

8. Справедливость Господа бесконечна; добру и злу ведется строгий счет; если нет ни одного дурного поступка, ни одного дурного помысла, которые не имели бы своих фатальных последствий, то нет также ни одного доброго дела, ни одной благой мысли, ни одной даже самой ничтожной заслуги, которая пропала бы или была забыта *даже у самых развращенных людей, так как это — начало совершенствования.*

9. Каждая содеянная ошибка, всякое зло есть долг,

который придется выплатить, если не в этой жизни, то в следующей или в следующих; ведь все существования имеют связь между собой; тот, кто уплатил в настоящем существовании, не будет уплачивать в следующих.

10. Дух терпит наказания за свои несовершенства либо в духовном, либо в телесном мире. Все невзгоды, все лишения, которые приходится испытывать в телесной жизни, — это последствия наших несовершенств, искупление за ошибки этой жизни или предшествующих существований. По характеру страданий и превратностей в этой жизни можно судить о характере ошибок, совершенных в какой-нибудь предшествовавшей жизни, а равно и о тех недостатках, которые были причиной этих ошибок.

11. Искупление меняется в зависимости от важности проступков; даже одна ошибка может, таким образом, вызвать различные виды искуплений, смотря по обстоятельствам, которыми она сопровождалась, смягчающими или отягчающими вину.

12. Относительно характера и продолжительности наказаний нет никаких абсолютных правил; единственный общий закон тот, что каждая вина ведет за собой возмездие, а каждое доброе дело — награду, смотря по его ценности.

13. Продолжительность наказания зависит от совершенствования виновного Духа. Против него не произносится никакого осуждения на определенное время. Чтобы положить предел страданию, Бог требует только серьезного исправления, действительного и искреннего возвращения к добру. Дух обладает свободной волей; он может продолжить свои страдания своим упорством во зле, но может и прекратить или смягчить их своим стремлением к добру. Осуждение на какой-нибудь определенный срок имело бы двойное неудобство: продолжение наказания Духа, который уже исправился или прекращения испытания, когда он еще во зле. Бог

по справедливости Своей наказывает зло, пока оно существует, и прекращает наказание, как только уничтожилась его причина; так как нравственное зло есть само по себе причина страдания — то страдание продолжается столько же времени, сколько существует зло, интенсивность его ослабевает по мере того, как ослабевает зло. (Кн. Пр. Иезекииля, гл. VI, ст. 25).

14. Так как продолжительность наказания зависит от испытания Духа, то Дух, который никогда бы не исправился, страдал бы вечно, и для него, стало быть, наказания были бы вечны.

15. Несовершенным Духам свойственно не видеть предела своему положению, а потому они думают, что будут страдать всегда. Это для них наказание, которое, как им кажется, должно быть вечным и непрерывным*.

16. Раскаяние есть первый шаг к исправлению; но одного его мало, нужно еще искупление, окончательное исправление. Раскаяние, искупление и исправление — три необходимых условия, чтобы изгладить следы проступка и его последствий. Раскаяние смягчает муки искупления, давая надежду и подготавливая путь к исправлению. Но только одно исправление может уничтожить следствие, разрушая причину; без этого условия прощение было бы милостью, незаслуженной и не уничтожающей зло.

17. Раскаяние может происходить везде и во всякое время; если оно запаздывает, виновный страдает дольше. Искупление состоит в страданиях физических и моральных, которые являются следствиями совершен-

* *Постоянное* — синоним вечного. Говорят: граница *постоянных* снегов, вечные льды полюсов; говорят также: *постоянный* секретарь академии, но это не значит, что он будем им *постоянно*, а только на неопределенное время. Таким образом, *вечно* и *постоянно* употребляется в смысле *неопределенности*. Поэтому можно сказать: *муки вечны*, если не подразумевается ограничение их продолжительности. Они вечны для Духа, который не видит им конца.

ных проступков. Оно может иметь место как в этой жизни, так и после смерти, в жизни духовной или в новом существовании, до тех пор, пока не исчезнут следы греха. Исправление проступков состоит в том, чтобы делать добро тому, кому ранее причинил зло. Тот, кто не исправился в этой жизни по бессилию или по злой воле, в следующем существовании встретится опять с теми, кому сделал зло, и в условиях, им самим выбранных, чтобы показать им свою преданность и сделать им столько добра, сколько было сделано зла.

Не все ошибки влекут за собой прямой и действительный вред. В таком случае исправление состоит в том, чтобы исполнить то, что должно было быть сделано вовремя, но почему-либо осталось невыполненным; так, например, исполнить обязанности, которыми пренебрегали или вовсе не исполняли, вообще делать добро, противоположное тому злу, какое делалось ранее и за которое несетя наказание, а именно: если был горд — смириться, стать кротким, если был жесток; трудолюбивым, если был ленив и т. п. Этим способом Дух совершенствуется, пользуясь примером прошлого*.

18. Несовершенные Духи исключены из мира счастливых, гармонию которых они бы нарушили; они нахо-

* Необходимость исправления есть принцип строгой справедливости, который можно рассматривать как настоящий закон восстановления нравственности Духов. Это доктрина, которую еще не провозглашала ни одна религия.

Тем не менее, многие ее отрицают, потому что они находят более удобной возможность загладить свои дурные дела простым раскаянием, которое не стоит ничего, кроме слов; их добрая воля, благодаря нескольким обрядам, считать себя свободными от долгов: позднее они сами увидят, достаточно ли этого. Можно их спросить, не освящен ли тот же самый принцип законом человеческим и может ли быть справедливость Божия ниже человеческой?

Представьте себе человека, который, злоупотребив вашим доверием, разорил вас и ограничился бы выражением своего сожаления, не исполнив притом долга честного человека.

Когда обязанность исправления внедрится в верования большинства, оно будет уздою неизмеримо более могущественною, чем ад и вечные мучения, потому что она касается живых интересов жизни и потому, что тогда человек поймет смысл тех тяжелых условий, в которых он находится.

дятся в низших мирах, где искупают свои проступки в несчастьях жизни и очищаются от своих несовершенств до тех пор, пока не заслужат воплощения в мирах, морально и физически более совершенных. Если существует определенное место наказаний, то оно должно находиться в мирах искупления, потому что несовершенные Духи во множестве населяют эти миры.

19. Дух, всегда имеющий свободу воли, иногда очень медленно исправляется и долго упорствует во зле. Он может так упорствовать годы и века, но всегда наступает минута, когда его упорство в борьбе со справедливостью Божиею смиряется и уступает перед страданием и когда, несмотря на свое хвастовство, он начинает понимать высшее могущество, царящее над ним. Как только у него проявляются первые признаки раскаяния, Господь подает ему надежду на спасение. Ни один Дух не бывает в таких условиях, чтобы ему нельзя было совершенствоваться, иначе он был бы роковым образом обречен на вечное пребывание в низшем состоянии и таким образом оказался бы вне закона прогресса, которым управляются все существа.

20. Как бы ни была низка и испорчена душа, *Бог никогда не покидает ее*. Каждая душа имеет своего Ангела-Хранителя, который бодрствует над ней. Он старается побуждать ее к добрым мыслям, к желанию совершенствоваться и исправить в новом существовании то зло, которое она сделала ранее. Впрочем, этот наставник и покровитель действует большею частью тайно, сокровенным способом, не оказывая явного давления. Душа должна улучшаться по собственной воле, а не вследствие какого бы то ни было принуждения. Если она поступает плохо, то она сама и ответит за это, но как только она делает шаг к исправлению, она тотчас же видит его добрые последствия.

Примечание. Было бы заблуждением думать, что в силу закона прогресса уверенность рано или поздно достичь блаженства может служить поощрением упор-

ствовать во зле, в надежде когда-нибудь успеть покаяться. Совсем нет. Во-первых, низменный Дух никогда не видит конца своего положения; во-вторых, Дух, как виновник своего несчастья, кончает сознанием, что от него самого зависит прекратить свои страдания и что чем больше он будет упорствовать во зле, тем больше он будет несчастлив. Он увидит, что его страдания будут длиться бесконечно, если он не положит им конец. Упорство — плохой расчет, он первый от него страдает. Если же, наоборот, по догмату неотмененных наказаний, у Духа была бы навсегда отнята всякая надежда на лучшее состояние, то, конечно, у него не было бы никакого интереса возвратиться к добру. Перед этим законом одинаково падает возражение, взятое из понятия о Божественном предвидении. В самом деле, Бог, создавая душу, знает, какой путь она изберет в силу свободной воли, дурной или хорошей. Он знает, что она будет наказана за злые дела; но Он знает также, что это временное наказание есть средство вывести ее на хорошую дорогу, к которой она рано или поздно придет. Согласно доктрине о вечном мучении, Бог знает, что душа падет и что она наперед обречена на вечную гибель.

21. Всякий ответственен только за свои собственные проступки: никто не несет наказания за чужие грехи, если только он их не вызвал своим поведением или примером, или же не воспрепятствовал их совершению, когда имел к тому возможность. Так, например, всегда наказывается самоубийство; но тот, кто своим бессердечием приводит другого в отчаяние и толкает его на самоубийство, ответит еще больше.

22. Хотя разнообразие наказаний бесконечно, но есть такие, которые присущи изменности Духов и следствия которых, за исключением мелких деталей, более или менее сходны.

Наиболее непосредственные наказания замечаются, как правило, у тех, кто привязывался к материальным

интересам жизни, пренебрегая духовными. Они состоят в медленном отделении души от тела, в томлении и тоске, которые сопровождают смерть и пробуждение к другой жизни, в продолжительности смятения, которое может длиться месяцы и годы. У тех же, чья совесть чиста, кто еще в этой жизни слился с жизнью духовной и отрешился от материальных интересов, отделение души от тела происходит быстро, без потрясения, пробуждение бывает легко и смятения почти не бывает.

23. У духов низшего порядка часто наблюдается следующее явление: они считают себя живыми, и эта иллюзия может продолжаться у них годами; в продолжение этого времени они испытывают все нужды, все потребности, несчастья и смущения, которые встречаются в жизни.

24. Для преступника постоянное лицемерие его жертв со всеми обстоятельствами, сопровождавшими преступление, есть самое жестокое наказание.

25. Некоторые Духи погружены в глубокую тьму; другие в полном одиночестве среди пространства мучаются неведением своего положения и своей судьбы. Наиболее виновные страдают от мучений тем более острых, что они не видят им конца. Многие лишены возможности видеть тех, кого любят. Все вообще, с различной степенью интенсивности, переносят те самые страдания, муки и нужды, которые они при жизни заставили испытывать других, до тех пор, пока раскаяние и желание исправить прошлое не принесут смягчение и сознание того, что можно по собственной воле положить конец этому состоянию.

26. Каждая мука для гордецов видеть выше себя, окруженных славой тех самых людей, которых они презирали на земле, когда сами они низведены до последних рядов. Для лицемеров служит наказанием пронизывающий их свет, который обнажает все их скрытые мысли, так что всякий может проникнуть в глубины их, и им не остается никакой возможности притворства;

сластолюбцы испытывают все искушения, сохраняя все свои желания, не имея возможности их удовлетворять; скупые видят свое золото расхищенным и не могут удержать его; эгоисты всеми покинуты и испытывают то, что заставляли испытывать других; они будут голодны, и никто не даст им куска хлеба; будут жаждать, и никто не напоит их, ни одна дружеская рука не пожмет их руку, ни один сочувственный голос не утешит их; *они думали только о себе в течение жизни, и никто не вспомнит о них и не пожалеет их после смерти.*

27. Самый верный способ уменьшить и избежать ответственности за свои недостатки в будущей жизни — это стараться избавиться от них по возможности скорее в этой жизни; лучше здесь искупить зло, чтобы не пришлось позднее исправлять его более тяжкими способами. Чем дольше откладывать исправление, тем тяжелее бывают следствия и тем труднее исправление совершенного зла.

28. Положение Духа с минуты его появления в загробном мире таково, каким он приготовил его в телесной жизни. Позднее ему даруется другое воплощение, чтобы искупить и исправить прошлое новыми испытаниями; в силу своей свободной воли Дух пользуется им так или иначе; если же он не пользуется им сейчас, то оно становится задачей, которую придется позднее начинать сначала и в худших условиях. *Итак, кто много страдает на земле, может быть уверен, что за ним было много проступков, требовавших искупления; и те, которые пользуются кажущимся счастьем здесь, на земле, несмотря на их порочность и бесполезность, должны знать, что они дорого заплатят за это в другой жизни. Именно в этом смысле Христос сказал: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся».*

29. Милосердие Господа бесконечно, но оно не слепое. Виновный, которого Он прощает, не освобожден от искупления, и пока он не удовлетворит все требования правосудия, он будет чувствовать последствия своих

ошибок. Бесконечное милосердие Бога нужно понимать в том смысле, что Он не неумолим и всегда дает способ возвратиться к добру.

30. Так как наказания временны и подчинены раскаянию и исправлению, зависящим от доброй воли человека, они в одно и то же время и испытания, и средства, излечивающие несовершенства души. Наказанные Духи — это не каторжники, осужденные на известный срок, а скорее больные в госпитале; они страдают от болезни, в которой часто виновны сами, и от мучительного лечения; но они имеют надежду выздороветь тем скорее, чем точнее исполняют предписания врача. Если они продолжают свои страдания по своей воле — в этом нельзя винить доктора.

31. К мукам, испытываемым Духом в жизни духовной, присоединяются еще страдания жизни телесной, последствия несовершенства людей, их страстей и дурного употребления их способностей. Только в жизни телесной Дух исправляет зло своих прежних существований и приводит в исполнение принятые им в духовной жизни решения. Таким образом, объясняются не несчастия и превратности жизни, которые на первый взгляд кажутся не имеющими смысла, но на самом деле глубоко справедливы, — это уплата прежних долгов, служащая вместе с тем и совершенствованию Духов*.

32. Обыкновенно говорят, что Бог проявил бы гораздо больше любви к Своим созданиям, если бы Он создал их непогрешимыми и, следовательно, избавленными от превратностей, соединенных с несовершенством. Для этого нужно было, чтобы Он создал совершенные существа, которые нуждались бы в приобретении знаний или нравственности. Конечно, Бог мог бы это

* См. гл. VI «Чистилище», п. 3 и след.; затем гл. XX «Прижизненные искупления». «Евангелие в объяснении спиритизма», гл. V: «Блаженны плачущие».

сделать; если же Он этого не сделал, значит, по премудрости Своей Он хотел, чтобы прогресс был общим законом. Люди несовершенны и поэтому подвержены несчастиям, более или менее тяжелым; это факт, который необходимо принять, потому что он существует. Заключать из этого, что Бог несправедлив и неблаг, значило бы восставать против Него.

Было бы несправедливо, если бы Он создал существа привилегированные, без труда пользующиеся счастьем, тогда как другие должны были бы трудиться и работать для достижения этого счастья. Но где всего яснее проявляется высшая справедливость Божия — это в равенстве всех созданных Им Духов; все одинаковы при своем сотворении, никто не одарен лучше или хуже другого, никому не облегчается совершенствование; всякий, достигший цели, наравне с другими прошел через все испытания низшего состояния; как же после этого не сказать, что свобода действий, предоставленная каждому, в высшей степени справедлива. Путь к счастью открыт всем, цель у всех одна; условия достижения также одинаковы; закон, запечатленный в совести каждого, всем известен. Бог создал из счастья цену труда, а не снисхождения, чтобы каждый имел заслугу по своим трудам; всякий волен работать или не делать ничего — для своего улучшения; кто хорошо трудится, тот и награду получает скорую; кто же откладывает свое совершенствование и уклоняется от него, тот должен винить только самого себя. Добро и зло произвольны и необязательны, и человек свободен в выборе.

33. Несмотря на различие родов и степеней страдания несовершенных Духов, закон о наказаниях будущей жизни может быть резюмирован в следующих трех принципах:

1. Страдание присуще несовершенству.
2. Всякое несовершенство и всякий проступок, который есть его следствие, влечет за собой свое собствен-

ное наказание, естественное и неизбежное; так же как болезнь — следствие излишества, скука — следствие праздности; так что нет надобности в специальном осуждении за каждый проступок каждого отдельного лица.

3. Всякий человек, усилием собственной воли, может избавиться от своих несовершенств и порождаемых ими страданий и обеспечить себе будущее счастье. Таков закон божественной справедливости: «Каждому по делам его, как на небе, так и на земле».

Глава VIII

АНГЕЛЫ

Ангелы по учению церкви. — Опровержение. — Ангелы по учению спиритизма.

АНГЕЛЫ ПО УЧЕНИЮ ЦЕРКВИ

1. Все религии под различными именами признают Ангелов высшими созданиями — посредниками между Богом и людьми. Но материализм, отрицая существование духа вне органической жизни, естественно относит это верование к числу фикций или аллегорий.

Верование в Ангелов составляет существенный догмат Церкви, и вот как она их определяет*.

2. «Мы твердо верим, — говорит Лагеранский Собор, — что есть только один истинный Бог, вечный и бесконечный, Который вначале создал все и сотворил как духовные, так и телесные существа: ангельское и земное; а потом образовал, как среднее между ними,

* Мы берем эту выдержку из пасторского послания кардинала Гуссе, архиепископа Реймского, во время поста 1864 года. К этому же посланию относится и выдержка о демонах, помещенная в следующей главе, как объяснение догмата Церкви о Демонах.

природу человеческую, состоящую из духа и плоти. Таков, согласно вере, божественный план создания, план величественный и полный, вполне подобающий вечной мудрости. Задуманный таким образом, он представляет нашим мыслям существо во всех степенях и всевозможных условиях. В высших сферах является существование чисто духовное; в низших — жизнь чисто материальная; в середине же — чудное соединение двух субстанций и совместная жизнь разумной души и органического тела».

Душа наша по природе своей проста и неразделима, но она ограничена в своих способностях. Совершенство, о котором мы имеем понятие, приводит нас к мысли, что возможны другие существа, столь же простые, как и наша душа, но превосходящие ее своими качествами и преимуществами. Наша душа велика и благородна, но она связана с материей, нуждается в хрупких органах и ограничена в своей деятельности и своем могуществе. Почему же не быть другим созданиям, еще более высоким и избавленным от этого рабства и этих пут и одаренным большею силой и более обширной деятельностью? Прежде чем Бог поместил на земле человека, чтобы он служил Ему, познавал и любил Его, не должен ли Он был призвать другие существа для поклонения и восхваления Его в чертоге Его небесной Славы? Неудивительно, что Бог, от руки человека получающий дань восхваления земного мира, из рук Ангела принимает фимиам и молитвы людей. Если бы Ангелы не существовали, то великий труд Создателя не был бы увенчан совершенством и мир, долженствующий свидетельствовать о Его всемогуществе, не был бы венцом Его мудрости; тогда разум наш, как он ни слаб и ни хрупок, мог бы представить себе нечто более совершенное и более законченное.

«На каждой странице Ветхого и Нового Завета в благочестивых воззваниях или в изложении исторических событий упоминается об этих величественных си-

лах и разумениях. Вмешательство их явно проявляется в жизни патриархов и пророков. Госнодь посылает их, чтобы через их посредство объявлять Свою волю и возвещать грядущие события; они же служат для передачи Его милости или Его справедливого суда; их присутствие сопровождает рождение, жизнь и страдания Спасителя; упоминание о них примешивается ко всем воспоминаниям о великих людях и важнейших событиях религиозной древности. Они встречаются даже в истории политеизма и в баснях мифологии, так как верования эти столь же древни и всеобщы, как мир. Культ или поклонение, которое язычники воздавали добрым и злым гениям, было только ложно принимаемая истина, выродившийся остаток первоначального догмата.

В словах святого Латеранского Собора указывается существенное различие между Ангелами и людьми. Они учат нас, что первые — это чистые Духи, тогда как люди состоят из плоти и духа, т. е. что природа Ангелов самостоятельна, без примеси и соединения с материей, какой бы воздушной и тонкой ее ни представляли. Душа же человеческая духовна, но соединена с телом и составляет с ним одно целое — в этом ее назначение. Пока продолжается соединение души и тела, эти две субстанции имеют общую жизнь и большое влияние друг на друга. Душа не может вполне отрешиться от этого неблагоприятного для нее условия. Мысли доставляются ей чувствами, сравнениями с внешними предметами и большей частью в реальных образах. Вследствие этого она не может сама себя наблюдать и не может себе представить Бога и Ангелов иначе, как под видимой или осязаемой формой. Оттого и Ангелы, чтобы появиться перед святыми и пророками, принимали телесный образ; однако это были тела воздушные, которые они приводили в движение, не соединяясь с ними, или символические образы, имевшие отношение к исполняемой ими миссии.

«Их существо и их движения не ограничены каким-

либо определенным пространством. Не имея связи ни с каким телом, они не могут быть остановлены или ограничены другим телом, как это бывает с нами; они не занимают места и не наполняют никакого пространства; так же как у нас душа находится во всем нашем теле и в каждой из его частей, так и о́чи все почти одновременно находятся во всех частях света; более быстрые, чем мысль, они могут быть мгновенно везде и могут действовать сами без всякого препятствия их намерениям, кроме, конечно, воли Божией или противодействия человеческой свободе.

«Мы, люди, вынуждены видеть только отчасти и в известной степени то, что вне нас, а истины высшего порядка являются нам, как загадки или как в зеркале, по выражению св. Ап. Павла; они же без труда различают то, что им нужно знать, и вступают в непосредственные отношения с предметами своей мысли. Их познания не составляют результата индукции или рассуждения, но состоят в ясном и глубоком проникновении, которое охватывает сразу виды и роды, причины и вытекающие из них последствия.

Различие времени, пространства, множественность предметов — ничто не может смешиваться в их сознании. Но божественная сущность, будучи бесконечной, им непонятна; она имеет тайны и глубины, в которые и Духи не могут проникнуть. Особые предназначения Провидения для них также сокрыты; но тайна им открывается, когда в известных обстоятельствах им поручается передать откровение людям.

Сношения Бога с Ангелами и Ангелов между собою происходят не так, как между людьми, т. е. при помощи членораздельных звуков или других видимых знаков. Чистые разумы не нуждаются ни в глазах, ни в ушах, чтобы видеть или слышать, они не имеют также голоса, чтобы выражать свою мысль — этот обычный посредник наших отношений им не нужен; но они выражают свои чувства своим особым, чисто духовным

способом. Им стоит только захотеть, чтобы быть понятыми.

Один Бог знает число Ангелов; но оно не бесконечно и не могло бы быть таковым. По сказаниям святых отцов и учителей Церкви, оно очень велико и даже поистине чудесно. Если число жителей города соответствует его величине, то нужно заключить — так как земля есть только атом в сравнении с необъятным пространством вселенной — что число обитателей небес и воздуха гораздо больше числа людей.

Так как величие и блеск царей выражается количеством их подданных и слуг, то что же может нам дать большее понятие о величии Царя Царей, как не это неизмеримое количество Ангелов, населяющих небо и землю, моря и бездны, а также и достоинство тех, которые постоянно пребывают расprostертыми ниц перед Его престолом?

Отцы Церкви и богословы учат, что Ангелы разделяются на три иерархии, или ангельских чина, а каждый чин — на три хора.

Высшие из ангельских чинов называются в соответствии с исполняемыми обязанностями: *Серафимами*, потому что они как бы воспламеняются любовью перед лицом Божиим; другие — *Херувимами*, потому что они отражают светлое сияние божественной мудрости; третьи — *Престолами*, потому что провозглашают величие Божье и распространяют сияние Его славы.

Ангелы второй категории носят названия тех дел, которые им поручены в общем управлении вселенной, это — *Господства*, указывающие Ангелам низших разрядов их миссии и поручения; *Власти*, которые исполняют чудеса, требуемые важнейшими интересами Церкви и человеческого рода; *Силы*, своей бдительностью и мощью защищающие законы, которыми управляется мир физический и моральный.

Чины третьего разряда разделяют между собою уп-

равление обществами и лицами; это: *Начала*, которым поручены Царства, провинции и епархии; *Архангелы*, которые возвещают послания великой важности; *Ангелы-Хранители*, которые сопровождают каждого из нас, чтобы наблюдать за нашей безопасностью и за нашей святостью.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

3. Общий вывод из этой доктрины тот, что Ангелы — существа чисто духовные, предшествовавшие человечеству и превосходящие его, *что это существа привилегированные, посвященные высшему блаженству со времени своего сотворения*; одаренные всеми добродетелями и знаниями, хотя они ничего не делают, чтобы их приобрести. Они стоят в первом ряду творения; в последнем ряду находится жизнь чисто материальная; а между этими двумя рядами творений Божьих находится человечество, состоящее из душ — духовных созданий, стоящих ниже Ангелов — соединенных с материальным телом.

Эта система вызывает несколько серьезных возражений. Что это за чисто материальная жизнь? Неорганическая материя? Но неорганическая материя не имеет жизни. Идет ли тут речь о растениях и животных? Тогда это уже четвертый разряд творений, так как нельзя отрицать, что в разумном животном есть нечто большее, чем в растении, а в растении — больше, чем в камне. Что же касается человеческой души, составляющей переход, то она соединена прямо с телом, которое само по себе есть материя; без души оно, как ком земли, не имеет никакой жизни.

Это разделение неясно и не согласуется с наблюдением; оно похоже на теорию четырех элементов, которая не выдерживает научной критики.

Примем все-таки эти три положения: создание ду-

ховное, человеческое и телесное; таков, говорят, божественный план, план величественный и полный, как и подобает вечной мудрости. Заметим, однако, что между этими тремя родами творений нет никакой необходимой связи; это три отдела существ, последовательно сотворенных, одни после других; от одного до другого замечается перерыв, тогда как в природе все неразрывно, везде является чудный закон единства, все элементы которого, превращаясь из одного в другой, имеют точку соприкосновения. Теория эта верна в том смысле, что эти три рода созданий, очевидно, существуют; только она неполна: в ней недостает точек соприкосновения, что легко доказать.

4. Эти три выдающихся пункта творения, говорит Церковь, необходимы для гармонии целого; будь хоть одним меньше — творение было бы неполно и несогласно с вечною мудростью.

Между тем, один из основных догматов религии говорит, что земля, животные, растения, солнце, звезды, самый свет были вызваны из небытия шесть тысяч лет тому назад, стало быть, до этого времени не было ни человеческого, ни телесного создания, и в продолжение предшествовавшей вечности божественное творение оставалось неполно и несовершенно. Сотворение мира, произошедшее за шесть тысяч лет до Р. Х., составляет основной догмат веры, и еще несколько лет тому назад предавали анафеме науку за то, что она опровергла библейскую хронологию и доказала более глубокую древность земли и ее обитателей.

Несмотря на это, Латеранский Собор, один из Вселенских, предписавших законы веры, говорит: *«Мы твердо верим, что истинный Бог един, вечен и бесконечен; Он до начала времен вызвал из небытия все сущее, как духовное, так и телесное».*

Начало времен должно быть понимаемо как протекшие вечности, так как время бесконечно так же, как и пространство: оно не имеет ни начала, ни конца. Выра-

жение *начало времен* есть символ, изображающий идею бесконечности предшествовавших времен. Итак, Латеранский Собор *твердо верует*, что духовные и телесные создания были сотворены одновременно и вызваны из небытия во времена неопределенного прошедшего. Как же понять тогда библейский текст, который определяет сотворение мира за шесть тысяч лет до наших дней? Предположим, что это и было именно время творения видимого мира. Кому же верить, Библии или Вселенскому Собору?

5. Тот же Вселенский Собор высказывает еще следующее странное предположение: «*Душа наша соединена с телом таким образом, чтобы составить с ним одно нераздельное существо; таково ее основное назначение*».

Если основное назначение души — быть соединенной с телом, то это ее нормальное состояние, ее цель, ее конец. Однако душа бессмертна, а тело смертно; ее союз с телом происходит только один раз, по учению церкви, и если бы он длился даже столетие, то что это значит в сравнении с вечностью? Для очень многих он длится только несколько часов; какая же польза душе от этого эфемерного союза? Ведь продолжительность такого существования совершенно незаметна в течение вечности. *Правильно ли сказать, что ее существенное назначение — быть связанной с телом?* Это соединение есть, в сущности, только случайное событие в жизни души, а не существенное состояние ее.

Если назначение души — быть соединенной с материальным телом, если по ее природе и согласно целям Провидения союз этот необходим для проявления ее способности, то нужно заключить, что *без тела душа человеческая есть существо неполное*. Следовательно, чтобы остаться тем, чем ей назначено быть, она должна, покинув одно тело, опять войти в другое, что приводит нас к мысли о необходимости множественности существований, иначе сказать, к непрерывному перевоплощению. Странно, что Вселенский Собор, как один из све-

точей царьки, до такой степени отождествил духовное существо с материальным, что душа и тело как бы не могут существовать друг без друга, так как главное условие их творения — быть соединенными.

6. Ангельская иерархия показывает нам, что некоторые из ангелов имеют полномочия на управление физическим миром и человечеством и что они созданы для этой цели. Но, по книге Бытия, мир существует только шесть тысяч лет; чем же занимались ангелы до этого, в продолжение вечности, когда предметы их попечений еще не существовали? Были ли ангелы созданы до начала времен? Вероятно, были, так как они восхваляют Всевышнего, и если бы Бог их создал в какое-либо определенное время, то оставался бы без поклонения всю предшествующую вечность.

7. Далее говорится: «Пока будет существовать этот тесный союз души и тела...», значит, будет такое время, когда союз этот существовать не будет? Это положение противоречит тому, которое из этого соединения делает необходимое назначение души. Еще говорится: «Мысли возникают в душе посредством чувств, из сравнения внешних предметов». Это философское учение верно только отчасти, но не абсолютно. По мнению ученого-богослова, получение идей из чувственных впечатлений составляет условие, необходимо связанное с природою души; однако он забывает о врожденных идеях, о высших способностях, о том иногда особенном наитии, которое дитя имеет со дня своего рождения, без всякого учения или наставления. Посредством каких чувств молодые пастухи, природные математики, удивлявшие ученых, получали способность почти мгновенного решения самых сложных задач? То же можно сказать о многих скороспелых музыкантах, художниках и лингвистах.

Занятия ангелов являются не следствием выводов и заключений разума; они знают, потому что они — ангелы и не имеют надобности учиться; Бог их создал таковыми: душа же должна учиться. Если душа получает

идеи посредством телесных органов, какие мысли может получить душа ребенка, умершего через несколько дней после рождения, если предположить, по учению Церкви, что она не возродится?

8. Здесь возникает жизненный вопрос: приобретает ли душа идеи и знания после смерти тела?

Если она, отделившись от тела, не может приобрести ничего больше, то душа ребенка, дикаря, кретина, идиота останется навсегда такою, какою она была в момент смерти: она обречена на вечное ничтожество. Если же она приобретает новые познания после настоящей жизни, значит, она может совершенствоваться. Без будущего прогресса души приходишь к бессмысленным выводам; с прогрессом же — к отрицанию всех догматов, основанных на конечном ее состоянии, на неизменности ее судьбы, вечности мучений и т. д. Если же она совершенствуется, то где же конец ее совершенствованию? Нет никакого основания думать, чтобы душа не могла достичь положения ангелов или чистых Духов. Если же она может этого достичь, то не было надобности создавать привилегированных Духов, избавленных от всякого труда и пользующихся вечным блаженством, не делая ничего для его достижения, тогда как другие, менее счастливые, достигают вечного блаженства только после долгих и тяжелых страданий и испытаний. Конечно, Бог это сделает; но если предполагать бесконечное совершенство, без которого нет Бога, то нужно предположить и то, что Он не делает ничего бесполезного и ничего такого, что не оправдывало бы Его высшей справедливости и доброты.

9. «Так как величие и блеск царей зависят от количества их подданных слуг и царедворцев, то что же может дать нам большее понятие о величии Царя Царей, как не великое множество ангелов, населяющих *небо и землю, моря и бездны*, и достоинство тех, кто находится *постоянно коленапреклоненным* пред Его престолом?»

Не унижает ли Божественное достоинство это срав-

нение славы Бога с пышностью царей на земле? Мысль эта, внедренная в невежественные массы, искажает понятие, которое они должны иметь о настоящем величии Бога: он — Бог, а Его приравнивают к мизерным размерам человечества, предполагают в нем потребность иметь миллионы обожателей и поклонников, *вечно распростертых ниц* перед Ним. Это значит приписывать Ему все слабости деспотических и гордых властителей Востока. Что возвеличивает государя действительно великого? Неужели количество и блеск его придворных? Нет. Его доброта, его справедливость и заслуженное название отца своего народа. Спрашивают, что лучше может дать нам понятие о величии Бога, как не множество ангелов, составляющих Его свиту? — Да, действительно, есть нечто лучшее — это представление Бога, одинаково милосердного, благого и справедливого ко всем своим творениям, а не мстительного, гневного, немолимого, пристрастного, создавшего для Своей собственной славы привилегированные существа. Он сотворил их для вечного блаженства и одарил всеми благами, тогда как других он заставляет с трудом добиваться счастья и вечными карами искупать минуту заблуждения.

10. Учение спиритизма в отношении соединения души и тела гораздо более *спиритуально*, чтобы не сказать *менее материалистично*, и более согласно с назначением души. Оно говорит нам: душа независима от тела, которое есть только временная ее оболочка; *сущность ее духовна, и нормальная жизнь ее есть жизнь духовная*. Тело — это только орудие для упражнения способностей души в ее отношениях к материальному миру; отделившись же от тела, она пользуется своими способностями с еще большей свободой и гораздо шире.

11. Ее союз с телом, необходимый на первых ступенях ее развития, имеет место только, если можно так выразиться, во время ее детства и отрочества; но когда она достигает известной степени совершенства и дема-

териализации, союз этот ей более не нужен, и тогда душа живет уже исключительно жизнью Духа. Как бы ни многочисленны были материальные существования, они все ограничены жизнью тела, и общий их итог составляет лишь самую малую долю духовной жизни, которая вечна.

АНГЕЛЫ ПО УЧЕНИЮ СПИРИТИЗМА

12. Что существуют творения, обладающие всеми достоинствами и качествами ангелов, — это несомненно. Спиритические откровения в этом отношении подтверждают верования всех народов, но в то же время указывают и на происхождение и свойства этих существ.

Души, или Духи, созданы простыми, несведущими, т. е. не имеющими познаний и понимания добра и зла, но способными приобрести и то, и другое; они приобретают то, чего им недостает, своим трудом. Цель же их — совершенство для всех — одна и та же; они достигают его более или менее быстро по мере своих сил и своей доброй воли; все они должны пройти одинаковый путь, исполнить одну и ту же работу. Бог никого не избавляет и никому не облегчает этой задачи, так как все Его дети Ему одинаково дороги, и, будучи справедливым, Он не делает предпочтений. Бог говорит: «Вот ваш закон — им вы должны руководствоваться. Исполняйте его; только он может привести вас к цели: все, что с ним согласно, — добро; все, что не согласуется, — зло. Вы свободны ему следовать или не следовать; судьба ваша в ваших руках, распоряжайтесь ею сами».

Итак, Бог не создавал зла, все Его законы ведут к добру, человек же сам создает зло, нарушая Божеские заповеди; если бы он им добросовестно следовал, то никогда не сошел бы с доброго пути.

13. Но душа в первых фазах своего существования,

так же как и ребенок, неопытна и потому склонна к греху. Бог дает ей не опытность, а только возможность ее приобрести; каждый ложный шаг на пути зла есть замедление, последствия которого она испытывает и на собственном опыте научается тому, чего ей надо избегать. Таким образом, она мало-помалу развивается, совершенствуется и подвигается по ступеням духовной иерархии, пока не достигнет положения *чистого духа, или ангела*. Итак, ангелы — это человеческие души, достигшие высшей, доступной созданию, степени совершенства и пользующиеся полнотою обещанного блаженства. До достижения высшей степени они пользуются относительным счастьем, равняющимся достигнутым успехам. Но счастье это небездеятельно. Оно состоит в исполнении возлагаемых на них Богом обязанностей, хорошее исполнение которых есть способ совершенствоваться (см. гл. 3, «*Рай/Небо/ и Ад*»).

14. Человечество не ограничено землею, но распространяется на неисчислимые миры, которые движутся в пространстве; оно жило в тех мирах, которые уже исчезли, и будет жить в тех, которые вновь образуются. Бог творил всегда и будет творить вечно.

Еще задолго до того как начала существовать земля, какую бы древность ей ни приписывали, существовали уже в других мирах воплощенные Духи, которые проходили те же испытания, какие проходим мы, и которые достигли цели, прежде чем были созданы. Следовательно, ангелы, или чистые Духи, существовали всегда, но человеческий период их существования теряется в бесконечном прошлом. Для нас это равносильно тому, как если бы они всегда были ангелами.

15. Таким образом, осуществляется великий закон единства творения. Бог никогда не был бездеятелен, Он всегда имел чистых Духов для передачи Его повелений и для управления всеми частями вселенной, начиная с управления целыми мирами и кончая управлением мельчайшими подробностями. Ему не было надобности соз-

давать привилегированных существ, избавленных от труда; все существа, как древние, так и последующие, приобрели свое достоинство борьбою и собственными заслугами; все пожинают плоды своих трудов. Таким образом, исполняются веления высшего правосудия Божия.

Глава IX

ДЕМОНЫ

Происхождение веры в демонов. — Демоны по учению церкви. — Демоны по учению спиритизма.

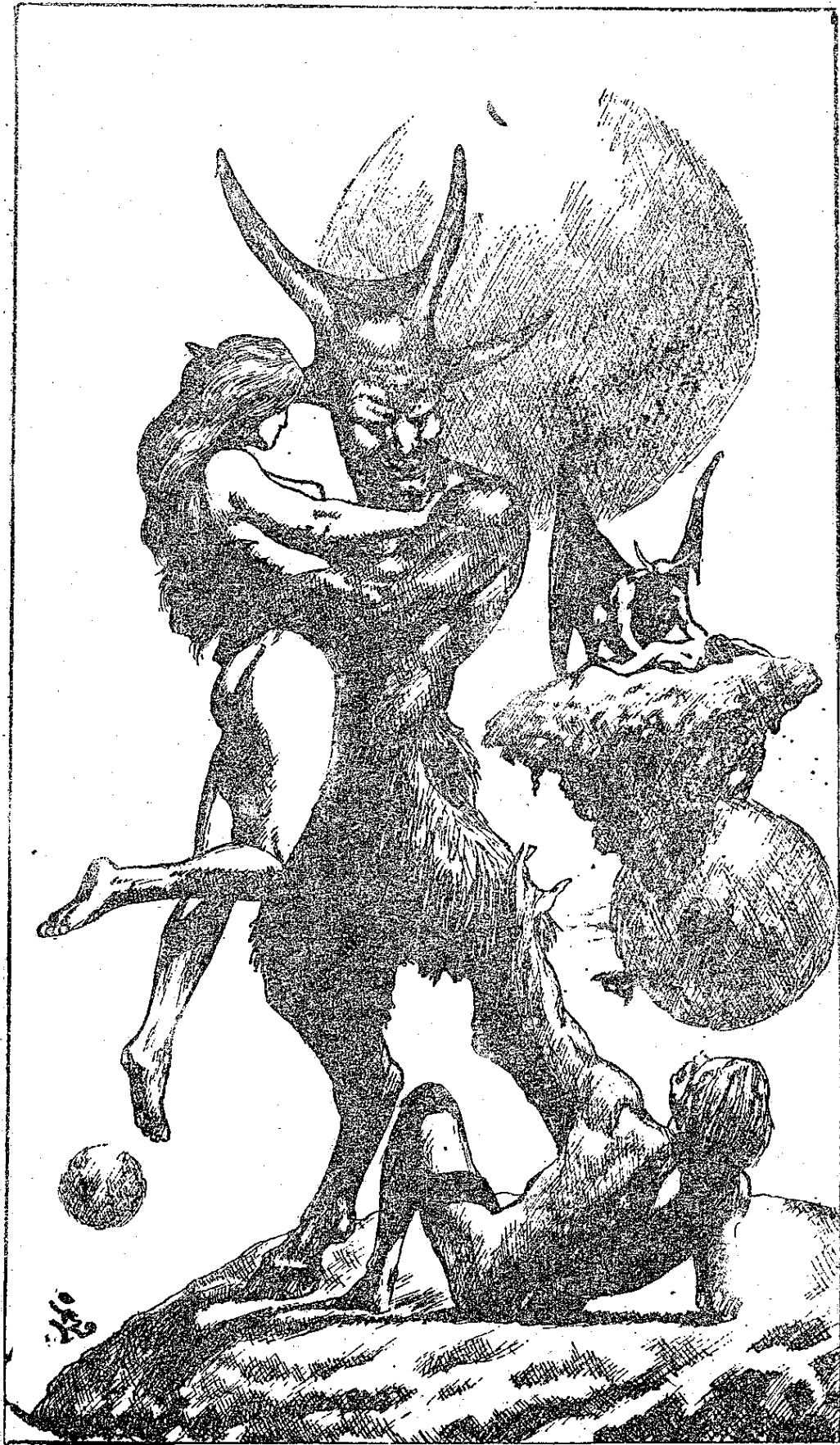
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕРЫ В ДЕМОНОВ

1. Демоны во все времена играли видную роль в различных теогониях*. И теперь, хотя они сильно упали в общественном мнении, значение, приписываемое им еще и в наши дни, заставляет отнестись к этому вопросу с известной серьезностью, так как он глубоко затрагивает религиозные верования. Нелишним будет рассмотреть его достаточно подробно.

Вера в сверхъестественную силу заложена в человеке в виде инстинкта: она проявляется во все времена под всевозможными видами. Но если теперь при той степени умственного развития, которого достигло человечество, обсуждаются происхождение и свойства этой силы, то насколько несовершенны были понятия о ней в отдаленные времена, во времена младенчества человеческого рода.

2. Представляемые нам изображения невинности первобытных народов, созерцающих красоты природы,

* Теогония — родословная языческих богов.

в которой они видят благодать Создателя, конечно, очень поэтичны, но страдают отсутствием реальности. Чем более человек приближается к природному состоянию, тем сильнее господствует в нем инстинкт, как мы это видим у диких и варварских племен наших дней; больше всего, или даже исключительно, заботит их удовлетворение материальных потребностей, других они просто не имеют. Чувство, которое одно только может создать моральные наслаждения, развивается медленно и постепенно. Душа, как и тело, имеет свой младенческий, отроческий и зрелый возраст; но, чтобы достичь зрелости, необходимой для понимания отвлеченных идей, какой путь она должна пройти, сколько существований пережить!

Не обращаясь к первым векам человечества, посмотрим вокруг себя на жителей наших деревень. Посмотрим, возбуждает ли их восторг чудное зрелище восходящего солнца или звездного неба, щебетание птиц, журчание светлого ручья или усеянный цветами луг? Для них солнце восходит потому, что так надо и так всегда будет, и если оно достаточно тепло, чтобы вызрел хлеб, и не настолько жарко, чтобы он сгорел, то им ничего больше не нужно; они смотрят на небо, чтобы узнать, будет ли завтра хорошая или дурная погода; поют ли птицы или нет — им решительно безразлично, лишь бы только они не клевали их посевов; пению соловья они предпочитают кудахтанье кур и хрюканье свиней. От светлых или мутных ручейков они требуют только, чтобы они не иссякли или не заливали полей; от лугов — чтобы давали хорошую траву, а с цветами или без них — им все равно. Вот все, чего они желают и что понимают в природе. А как далеко они ушли от первобытных людей!

3. Если мы возвратимся к этим последним, то увидим их еще более занятыми удовлетворениями материальных потребностей. То, что доставляет им пользу или вред, определяет для них добро и зло в этом мире. Они

верят в сверхчеловеческое могущество; а так как их наиболее затрагивает материальный вред, то они и приписывают его этой силе, о которой они имеют только смутное представление. Не понимая ничего вне видимого или осязаемого мира, они представляют себе и эту силу пребывающей в предметах или существах, приносящих какой-либо вред. Вредоносные животные для них — самые естественные и прямые выразители этой силы. По той же причине они видели олицетворение добра в полезных предметах; отсюда поклонение некоторым животным или растениям и даже неодушевленным предметам. Но человек более чувствителен ко злу, чем к добру, добро кажется ему естественным, зло же его волнует; вот почему во всех примитивных культурах обрядности в честь зловредной силы наиболее многочисленны: тут боязнь перевешивает благодарность.

В продолжение долгого времени человек понимал добро и зло только в физическом смысле; чувство нравственного добра и зла появилось в нем только с развитием человеческого разума, только тогда человек стал понемногу понимать, что духовная, или сверхчеловеческая, сила находится вне видимого мира, а не в материальных предметах. Это было делом некоторых высших умов, которым, однако, не было дано выйти из известных пределов.

4. Так как между добром и злом замечалась постоянная борьба и зло часто брало верх и так как нельзя было логически допустить, чтобы зло происходило от благодетельной силы, то и пришли к заключению, что существуют две противоположные силы, управляющие миром.

Отсюда вытекает учение о двух началах: добра и зла. Учение для того времени было вполне логично, так как человек был еще не способен постичь что-либо высшее. Как мог бы он понять, что зло есть состояние временное, из которого может произойти добро; а страдания, его удручающие, могут привести к счастью, помо-

гая ему улучшиться? Ограниченность морального горизонта первобытного человека не позволяла ему видеть что-нибудь далее действительной жизни, ни вперед, ни назад. Он не понимал, что он может совершенствоваться и что превратности жизни происходят от несовершенства Духа, пребывающего в нем, предсуществующего телу и переживающего его; Духа, который должен очищаться целым рядом последовательных воплощений, пока не достигнет совершенства. Чтобы понять, что добро может вытекать из зла, мало видеть только одно существование; надо постичь разумом общую последовательность, и тогда уяснятся действительные причины и их последствия.

5. Двойное начало добра и зла было на протяжении многих веков и под разными наименованиями основанием религиозных верований. Оно было известно у персов под именем Ормузда и Аримана, у иудеев — Иеговы и Сатаны. Но так как каждый владыка должен иметь подвластных себе исполнителей, то во всех религиях признавались второстепенные силы или гении — добрые и злые. У язычников их было необъятное количество, каждый из них имел свое специальное назначение как для добра, так и для зла, для пороков и для добродетелей, язычники давали им общее имя богов. Христиане и мусульмане заимствовали у иудеев ангелов и демонов.

6. Таким образом, учение о демонах берет свое начало в верованиях глубокой древности, признававших две противоположные силы добра и зла. Мы же будем рассматривать его только с христианской точки зрения и постараемся разобрать, согласно ли оно с более точными понятиями о свойствах божества, которые мы имеем в настоящее время.

Эти свойства составляют основу всех религиозных учений; догматы, богослужение, обряды, обычаи, мораль — все приходит в соприкосновение с более или менее верными понятиями о Боге, начиная с идолопоклон-

ства и кончая христианской верой. Если существо Бога составляет тайну для нашего разума, все же, благодаря учению Христа, мы его понимаем лучше, чем оно было понято раньше. Христианство, согласно с разумом, учит нас, что *Бог един, вечен, неизменен, бесплотен, всемогущ, бесконечно благ и справедлив и бесконечен во всех своих совершенствах*. И как сказано выше (гл. VI), «если бы отняли малейшую частицу от одного из достоинств Божиих, Он уже не был бы Богом, так как тогда могло бы быть другое существо, более совершенное».

Все эти достоинства во всей своей абсолютной полноте составляют критерий всех религий, мерило истинности каждого принципа, преподаваемого ими. Чтобы основания их были правильны, нужно, чтобы они не нарушали ни одного из достоинств Божьих. Посмотрим, так ли это в общераспространенном учении о демонах.

ДЕМОНЫ ПО УЧЕНИЮ ЦЕРКВИ

7. По учению церкви, *сатана*, глава или царь демонов, — лицо не аллегорическое и не олицетворение зла, но настоящее *реальное существо*; делающее исключительно зло, тогда как Бог делает только добро. Итак, примем его, как его нам изображают.

Существовал ли сатана от века, как Бог, или появился позднее?

Если он вечен, как Бог, то он *не сотворен*, а следовательно, равен Богу. В таком случае Бог уже не един, а существует Бог добра и Бог зла. Явился ли он позднее? Тогда он создание Божие. Если он делает одно только зло, не способен раскаяться и делать добро, то значит Бог создал существо, навеки предназначенное творить зло. Если зло совершается не Богом, но предназначенным к тому его созданием, то все же Бог — его первоначальный источник, и, стало быть, Он не бесконечно добр. То же можно сказать и о всех злых существах, называемых демонами.

8. Таково верование, которого держались очень долго. Теперь же говорят:* «Бог, по существу Своему — высшая доброта и святость, сотворил их не злыми и вредоносными. Его отеческая рука, распространяющая на все творения отблеск Его бесконечных совершенств, и их осыпала самыми великолепными своими дарами. К их превосходным природным качествам Бог щедро прибавил Свой милости и сделал их во всем подобными совершенным духам, пребывающим в славе и блаженстве. Пребывая в рядах ангельской иерархии всех степеней, они исполняли те же задачи и преследовали одинаковые цели. Глава их был самым прекрасным из архангелов. Они имели возможность также заслужить и быть присоединенными к вечному блаженству. Это было бы величайшей наградой, которою увенчались бы все остальные полученные ими милости, но она должна была быть ценою их кротости и послушания. Они же стали недостойны ее, потеряли милость Всевышнего своим дерзостным и безумным поведением. Но что же было поводом к возмущению? Какую истину они не хотели признать? Какой догмат веры или поклонения они отвергли? *Церковь и Святое писание не указывают этого с полной достоверностью; но кажется несомненным*, что они не согласились ни на посредничество Иисуса Христа для себя, ни на возвышение человеческой природы в Сыне Божиим. Божественное Слово, второе лицо Святой Троицы, которым все сотворено, есть так же и единственный посредник и Спаситель как на небе, так и на земле. Сверхъестественная цель дана ангелам и людям только в предвидении Его воплощения и заслуг, так как нет никакого соответствия между этой наградой и заслугами высших Духов — ибо это сам Бог; никакое соз-

* Следующие выдержки взяты из поучения кардинала Гуссэ, епископа Реймского, произнесенного во время поста 1865 года. По личным заслугам и положению автора эти выдержки можно рассматривать как самый последний взгляд церкви на учение о демонах.

дание не могло бы достичь этого без чудесного вмешательства Его милосердия. Итак, чтобы пополнить бесконечное пространство, которое отделяет божественное существо от дел рук Его, нужно было, чтобы Бог соединил в Своей Особе две природы и чтобы Он присоединил к Своему Божеству природу ангела или человека. Он выбрал человека.

Это намерение, задуманное до начала времен, было объявлено ангелам задолго до своего исполнения. Богочеловек был им указан в будущем как Тот, кто должен их утвердить во славе, с тем условием, что они должны были поклоняться Ему на земле во время Его миссии и на небе во веки веков. Неожиданное откровение, чудное видение для великодушных благодарных сердец; но глубокая и удручающая тайна для гордых Духов! Эта возвышенная цель, эта великая слава, которая была им обещана, не будет уже наградой за их личные достоинства. Они не будут иметь возможность приписывать все права и преимущества только самим себе. Посредник между ними и Богом. Какое оскорбление их достоинству! Предпочтение, отданное человеческой природе — какая несправедливость! Какое нарушение их прав! Неужели они когда-либо увидят это человечество, стоящее настолько ниже их, объединенным своим союзом со Словом и сидящим одесную Отца на великолепном престоле? Возможно ли согласиться вечно преклоняться и восхвалять Его?

Люцифер и третья часть ангелов пали, не устояв против этих гордых и ревнивых мыслей. Св. Михаил и с ним наибольшее число ангелов воскликнули: Кто равен Господу? Он господин своих милостей и владыко всего мира! Слава Богу и Агнцу, который будет заклан для спасения мира». Но глава восставших, забыв, чем он обязан Создателю, давшему ему права и преимущества, в безумии своем воскликнул: «Я сам поднимусь на небеса; устрою жилище мое в надзвездном мире; я поднимусь на горное место; я буду властвовать над об-

лаками и буду равен Всевышнему». Кто был согласен с ним, встретил его слова криками одобрения, и такие нашлись во всех разрядах небесной иерархии; но, несмотря на свое количество, они не избегли наказания».

9. Это учение вызывает несколько замечаний:

1) Если сатана и демоны были ангелами, значит, они были совершенны; могли ли они тогда до такой степени пасть, чтобы не признать власти Бога, в присутствии Коего они находились? Еще можно было бы согласиться с этим, если бы они достигли этой высокой степени постепенно, пройдя через известные испытания несовершенства. Тогда они могли бы иметь тяжкий и неприятный возврат к прошлому. Но ведь нам их представляют, как существа, уже сотворенные совершенными: вот это и непонятно. Последствия этой теории таковы: Бог хотел создать их совершенными, так как наделил их всеми дарами, но Он ошибся; следовательно, по учению церкви, Бог не непогрешим*.

2) Ни церковь, ни священная история не объясняют причины восстания ангелов против Бога; считается только вероятным, что они отказались признать будущую Мессию в лице Христа. Какой же смысл в описании, и столь подробном, этой картины? Из какого источника почерпнуты эти слова? Что-нибудь одно: или этот случай верен или нет. Если это верно, то почему церковь об этом умалчивает? Если же церковь молчит и если это только *предположения*, то такое описание не более, как произведение фантазии**.

* Это чудовищное учение подтверждено Моисеем, когда он говорит (кн. Бытия, гл. VI, ст. 6—7): «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человек, которых Я сотворил: от человека до скотов и гадов, и птиц небесных истреблю; ибо Я раскаялся, что создал их». Бог, Который раскаивается в делах Своих, несовершенен и не непогрешим: значит, Он не Бог. А ведь это слова, которые церковь выдает за святую истину. Непонятно, что общего между животными и испорченностью людей, чтобы они могли заслужить такое же истребление.

** Пр. Исаия говорит (гл. XIV, ст. 11 и следующие): «В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим, под

3) Слова, приписываемые Люциферу, доказывают его полное неведение, что очень странно встретить у архангела, который по своей природе и способностям не мог не знать устройства вселенной; эти заблуждения и предрассудки могли встречаться только среди людей и то до тех пор, пока наука не просветила их. Как же мог он сказать: «Я помещу свое жилище в надзвездных краях, я буду властвовать над облаками». Это все то же древнее предположение о земле, как о центре вселенной, о заоблачных краях, которые простираются за пределы звезд, об ограниченной области звезд, составляющей свод, когда астрономия представляет их рассыпанными в беспредельном пространстве. Теперь доказано, что облака не поднимаются выше двух верст от поверхности земли; чтобы сказать, что он будет властвовать над облаками или вознесется на горы, значит, нужно предположить, что все это происходило на земле и что здесь-то и было местопребывание ангелов. Если же они находились на высоте, то бесполезно было говорить, что он вознесется превыше облаков; заставляя ангелов говорить языком значит признаться, что люди теперь знают больше, чем ангелы. Церковь всегда делала ошибку, не желая считаться с прогрессом науки.

тобою подстигается червь, и черви покров твой. 12) Как упал ты с неба, Люцифер, сын зари, разбился о землю, попиравший народы, 13) А говорил в сердце своем: взойду на небо выше звезд Божьих, вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов на краю севера. 14) Взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему. 15) Но ты низвержен в ад в глубины преисподняя. 16) Видящие тебя всматриваются в тебя, размышляют о тебе: тот ли это человек, который колебал землю, потрясал царства. 17) Вселенную сделал пустынею и разрушил города ее; пленников своих не отпускал домой?»

Эти слова пророка не относятся прямо к возмущению ангелов; здесь идет речь о гордости и падении царя Вавилонского, державшего в плену Евреев, что и показывается в последних стихах. Царь Вавилонский выставлен здесь под именем Люцифера, но нет никакого указания на вышеприведенное описание. Это — слова царя, который говорил в сердце своем про себя и в гордости своей ставил себя выше Бога, народ, которого он держал в плену. Предсказание об освобождении евреев из плена, о разрушении Вавилона, о поражении ассирийцев — исключительное содержание этой главы.

10. Ответ на первое возражение таков: «Писание и традиции дают название «небо» тому месту, где были помещены ангелы в момент их сотворения; это не было небо небес, место созерцательного видения, где Бог допускает Своим избранным без труда и без покрова лицезреть Себя, где искушения и слабости неизвестны, справедливость, радость и мир царствуют нераздельно, святость и слава незыблемы. Это была другая небесная область, другая блестящая и счастливая сфера, где эти благородные существа, щедро снабженные Божественными Откровениями, должны были принять эти Откровения с покорностью веры и следовать им, ранее чем они могли ясно убедиться в их действительности из самих свойств божества».

Из вышесказанного можно заключить, что павшие ангелы принадлежали к разрядам менее возвышенным, менее совершенным и что они еще не достигли того положения, когда ошибка невозможна. Согласимся с этим; но тогда здесь получается видимое противоречие, так как выше было сказано, что Бог их создал *во всем подобными высшим Духам*, что они были распределены по всем порядкам, чинам и разрядам, что они имели одно назначение и одну судьбу и что глава их был самый прекрасный из архангелов. Если они были сотворены для тех же дел и назначений, как и другие, то они не были низшего свойства; если они были смещены и размещены во всех разрядах, то они не имели отдельного пребывания. Итак, это возражение не имеет силы.

11. Есть еще одно, бесспорно, самое серьезное и важное возражение; говорят: «Это намерение (посредство Христа), predeterminedное *до начала времён*, было объявлено ангелам еще задолго до его исполнения». Итак, Бог знал всегда, что ангелы, а также и люди, будут иметь необходимость в этом посредничестве. Знал Бог или не знал, что некоторые ангелы падут, что падение это повлечет вечное проклятие, без надежды на прощение, что они будут предназначены для соблазна

людям и что если люди соблазнятся, то их постигнет та же участь? Если Он это знал, то Он сотворил этих ангелов, заранее предназначенных к верной гибели, как их собственной, так и большей части человечества. Что бы ни говорили, невозможно согласовать подобное преднамеренное творение с бесконечной благодатью Создателя. Если же Он этого не знал, то Он не был всемогущ. В обоих случаях это отрицание двух достоинств, без которых Бог не был бы Богом.

12. Если же допустить падение ангелов подобно падению людей, то, конечно, наказание есть естественное и справедливое следствие прегрешения, и если в то же время допустить возможность искупления и возврата к добру после раскаяния, то ничто не противоречит благодати Бога. Хотя Бог и знал, что они падут и будут наказаны, но Он знал также, что это временное наказание будет средством дать им понять ошибку и послужит им на пользу. Таким образом, исполняются слова пророка Иезекииля: «Бог не хочет смерти грешника, но его спасения»*. Было бы отрицанием благодати Божией, если бы Он не признавал пользы раскаяния и не давал возможности возвращения к добру.

По церковной гипотезе было бы правильно сказать: «Ангелы эти с первой минуты своего творения были предназначены к вечному злу и определены сделаться демонами, чтобы вовлекать людей в грех».

13. Посмотрим теперь, какова их судьба и что они делают.

Как только их мятеж выразился на языке Духов, т.е. в их мыслях, тотчас же они были изгнаны из рая или небесных селений и низвергнуты в преисподнюю. Под этим мы подразумеваем то, что они были удалены или сосланы в места наказаний, где они испытывали муки от огня, согласно словам Евангелия, сказанным Самим Спасителем: «Идите, проклятые, в огонь»

* См. «Иезекииль», Глава 7, ст. 20.

вечный, уготованный дьяволу и ангелам его». Ап. Петр выражается так: «Бог предал их цепям и мучениям ада; но не все там остаются постоянно; только при кончине мира они будут там заперты навсегда вместе с отверженными. В настоящее же время Бог допускает еще, чтобы они занимали место среди творений, к которым принадлежат, среди того порядка вещей, с которым связано их существование, среди, наконец, тех отношений, которые они должны были иметь с людьми и которыми они постоянно злоупотребляют. Пока одни находятся в своих мрачных жилищах и служат орудиями Божественного Правосудия над теми *несчастливыми душами, которых они соблазнили*, великое множество других, составляющих несметные невидимые легионы, под предводительством своих начальников, пребывают в низших слоях нашей атмосферы и пролетают все части вселенной. Они вмешиваются во все, что происходит здесь, на земле, и принимают во всем самое деятельное участие».

Что же касается слов Иисуса Христа о мучении вечным огнем, то они разбираются в IV главе нашей книги: Ад.

14. По этому учению только часть демонов находится в аду; другая же скитается на свободе и вмешивается во все, что происходит на земле, с удовольствием сея зло, и так до скончания мира, время которого не определено и, вероятно, произойдет еще не так скоро. Почему же такая разница? Менее ли они виновны? Конечно, нет. Может быть, они выходят оттуда по очереди, что, пожалуй, можно заключить из следующего:

«Пока одни находятся в своих мрачных жилищах и служат орудиями божественной справедливости против несчастных, ими же самими соблазненных душ». Их назначение заключается именно в том, чтобы терзать *соблазненные ими души*. Итак, они не предназначены для наказания тех, кто согрешил по собственной воле, но только для тех, кого они сами же соблазнили. Они в одно и то же время — и причина вины, и орудие

наказания; и вот еще странное условие, которого даже человеческое правосудие при всем своем несовершенстве не допустило бы, а именно, что жертва, павшая по слабости при намеренном искушении, и тот, который подстрекает к падению, наказываются почти одинаково, и жертва даже сильнее, так как, оставляя землю, она идет прямо в ад, чтобы никогда из него не выйти, и страдает безостановочно и вечно; тогда как соблазнитель пользуется отдыхом и свободой до конца мира. Неужели правосудие Божие так же несовершенно, как и людское.

15. Это еще не все: «Бог еще допускает, чтобы они занимали место между творениями, чтобы они принимали участие в сношениях с человеком, на которого они имеют самое растлевающее влияние».

Бог не мог не знать, что они употребляют во зло данную им свободу; зачем же Он дает ее им? Значит, Он сознательно и намеренно предает Свое создание в их руки, зная заранее, в силу Своего Предвидения, что они падут и что их ждет участь демонов. Разве мало людям их природных слабостей, чтобы допустить их к искушению таким опасным врагом, тем более опасным, что он невидим? Если бы это наказание было только временным и если бы виновный мог надеяться на искупление; но нет: он осужден навеки. Его раскаяние, его возврат к добру, его сожаление о содеянном грехе излишни. Таким образом, демоны служат как бы провокаторами, поставщиками душ для ада, и все это с позволения Бога, Который знал, сотворяя души, судьбу, которую Он для них готовит. Что бы сказали на земле о судьбе, который поступал бы так для пополнения тюремного населения? Странное понятие дают нам о божестве, о Боге, существенные свойства Которого — высшая доброта и справедливость! Такое учение преподают во имя Иисуса Христа, Который проповедовал только прощение, любовь и милосердие! Было время, когда такие аномалии проходили незамеченными: их не

понимали, их не чувствовали; под тяжестью деспотизма человек покорялся слепо и отказывался от своего разума. Теперь же пробил час освобождения, человек стал понимать справедливость, он желает ее при жизни и после смерти, вот почему он говорит: «Этого нет, этого не может быть, или Бог не Бог».

16. «Наказание преследует повсюду этих падших и проклятых существ; ад с ними всюду, они не имеют ни покоя, ни отдыха; даже сладостная надежда преобразилась для них в горечь, она им отвратительна. Рука Божия поразила их в самом грехе, и воля их ожесточилась во зле. Сделавшись порочными, они не хотят ничего другого и остаются такими навеки.

Они после грехопадения подобны людям после смерти. *Восстановить тех, которые пали — невозможно:* они погибли безвозвратно; они упорствуют в гордости против Бога, в ненависти против Христа, в зависти против человечества.

Не приобретя славы небесной, они селятся создать свое царство на земле и изгнать с нее царствие Божие.

Вопреки их желанию воплотившееся Слово исполнило Свое намерение для спасения и славы человечества; все их действия направлены только на то, чтобы отнять у Него искупленные Его страданиями души; они все пускают в ход: хитрость, назойливость, обман, искушение — и все это для того, чтобы подвинуть людей на зло и погубить их.

С такими врагами жизнь человека от колыбели и до могилы — постоянная борьба. Увы, они сильны и неутомимы! Враги эти — те самые, которые ввели зло на свете и покрыли землю таким густым покровом порока и заблуждений; те, которые в продолжение веков заставляли обожать себя, как богов, и господствовали над народами древности; те, которые и теперь еще имеют тираническое влияние на идолопоклонников и производят соблазн и беспорядок в самом христианском обществе».

Чтобы понять, какими средствами они располагают в их злобных целях, достаточно сказать, что *они ничего не потеряли из чудесных способностей, составляющих преимущества ангельской природы*. Конечно, будущее и сверхъестественный порядок имеют свои тайны, которые Бог не открывает и которых они постичь не могут; но все-таки их способности много превышают наши, и потому они мгновенно постигают следствия в причинах и причины в следствиях. Эта способность проникновения дает им возможность заранее объявлять события, которые ускользают от нашего предположения. Расстояние и разнообразие мест не существуют для них: быстрее молнии, скорее мысли, они почти в одно и то же мгновение могут находиться в различных точках земного шара и могут, как свидетели, сообщать о событиях, на нем совершающихся, почти в момент их совершения. Общие законы, которыми Бог управляет миром, им не подчиняются; они не могут их заменять, и, следовательно, предсказывать и совершать настоящие чудеса; но они имеют способность подражать и переделывать в известных пределах божественные дела, они знают, какие феномены происходят при соединении элементов, и с достаточной верностью предсказывают те из них, которые происходят естественным путем. Отсюда такое множество оракулов, о которых говорят как священные, так и светские книги, служившие предметом и основанием всех суеверий.

Итак, простая и бесплотная природа демонов делает их незримыми нашему глазу; они около нас, а мы их не видим; они действуют на нашу душу, без помощи нашего слуха; мы слышим как будто собственные мысли, тогда как подвергаемся их внушению и соблазну их пагубного влияния. Наши же характеры им известны по впечатлениям, которые мы испытываем, и они нападают на нас по обыкновению с самой слабой стороны. Чтобы вернее соблазнить нас, они предоставляют нам соблазны и внушения, соответствующие нашим

склонностям. Они изменяют свой образ действий согласно характеру и темпераменту соблазняемого, но их любимейшее оружие — ложь и лицемерие.

17. Говорят, что наказание за ними следует повсюду: им нет более ни мира, ни покоя. Это не уничтожает замечания об отсрочках для тех, которые еще не находятся в аду; отсрочка эта тем менее объяснима, что, находясь на воле, они делают еще более зла. Без сомнения, они не так счастливы, как добрые ангелы; но разве данная им свобода не имеет никакой цены? Если они не пользуются моральным счастьем, которое есть достояние добродетели, то во всяком случае они менее несчастны, чем их сообщники, которые мучаются в огне. Притом злое существо испытывает своего рода удовлетворение, совершая зло на полной свободе. Спросите преступника, все ли ему равно быть в тюрьме или на свободе и совершать свои преступления без помехи. Положение в обоих случаях одинаковое.

Говорят, что угрызения совести преследуют их без пощады, но забывают, что угрызения совести — предвестник раскаяния, если не само раскаяние. Но ведь сказано: «Сделавшись порочными, они не желают исправиться и остаются таковыми навсегда». Раз они хотят быть порочными, значит, они не раскаиваются; если бы у них явилось малейшее сожаление о содеянном, они перестали бы делать зло и просили бы прощения. Следовательно, угрызения совести для них — не наказание.

18. «После проступка они то же, что человек после смерти. Искупление для того, кто пал, невозможно». Откуда взялась эта невозможность? Непонятно, какое сходство может быть между ними и человеком после смерти; это выражение вообще неясно. Невозможность эта происходит ли от их собственной воли или от Бога? Если она — действие их воли, то это доказывает их крайнюю порочность и закоренелость во зле; тогда непонятно, как такие испорченные существа могли быть

добродетельными ангелами и как в продолжение веков, проведенных между блаженными существами, они не выказывали своей испорченности. Если это воля Божия, то это еще менее понятно, почему Он назначает наказанием невозможность возврата к добру после первого же прегрешения? В Евангелии нет ничего подобного.

19. Еще прибавляют: «Гибель их безвозвратна, и они упорствуют в гордости своей перед Богом». К чему бы им и послужило желание не упорствовать, если всякое раскаяние бесполезно. Если бы они имели надежду на искупление, чего бы это ни стоило, то добро имело бы цель для них. Если же они упорствуют во зле, то это потому, что у них пропала всякая надежда. А почему Бог отнял у них всякую надежду? Чтобы отомстить за обиду, которую они нанесли Ему недостатком повиновения. Итак, чтобы удовлетворить свое неудовольствие против некоторых виновных, Он не только заставляет их страдать, но еще и делать зло, вовлекать во зло и толкать на вечную гибель человеческие существа; а ведь достаточно было одного только порыва милосердия, чтобы избежать такого ужасного бедствия, предвиденного еще заранее! Было ли тут дело в том, что этот столь простой и чистый акт милосердия был бы поощрением зла? Нет; он был бы условным прощением при чистосердечном обещании возврата к добру. Вместо слов надежды и милосердия Бога заставляют говорить: «Да погибнет лучше весь род людской, чем прекратится Моя месть!» И после этого удивляются, что при таком учении так много неверующих и атеистов! Таким ли изображает Иисус Своего Отца? Он, Который ставит непременно прощение и забвение обид, Который учит платить добром за зло, любовь к врагу считает высшею степенью добродетели, заслуживающей высшей награды, неба! Хотел ли Он, чтобы люди были добрее, справедливее и сострадательнее Самого Господа Бога?

ДЕМОНЫ ПО УЧЕНИЮ СПИРИТИЗМА

20. По учению спиритизма, ни ангелы, ни демоны не составляют каких-либо отдельных разновидностей существ, так как все разумные существа созданы одинаково. Соединенные с материальным телом, они составляют человечество, которое населяет землю и другие обитаемые сферы; отделенные от тел, они составляют мир духовный, или Духов, которые наполняют пространства. Бог создал их *способными к улучшению* и поставил им целью достижение совершенства, а также и счастья, как следствия совершенствования; но самого совершенства Он им не дал: Он хотел, чтобы они достигли его собственными усилиями, чтобы оно было заслужено. Они развиваются с минуты своего создания, то в состоянии воплощения, то в бестелесном состоянии; дойдя до апогея, они делаются *чистыми Духами, ангелами*, по общепринятому выражению, так что, начиная с зародыша разумного существа до ангела, существует неразрывная цепь, каждое звено которой есть известная степень совершенства.

Отсюда вывод, что существуют Духи всех степеней морального и интеллектуального совершенства, смотря по тому, где они находятся: внизу, на верху или на середине лестницы. Следовательно, они в соответственной степени обладают знаниями, невежественностью, злобой или доброю. В низших рядах есть такие, которые еще очень склонны ко злу и которым оно нравится. Можно их назвать *демонами*, если угодно, потому что они способны на все дурное. Если спиритизм не дает им этого названия, то это потому, что подразумевает под ним нечто отличное от человечества, существ, в корне развращенных, предназначенных к вечному злу и неспособных прогрессировать в добре.

21. По учению церкви, демоны были сотворены добрыми и стали злыми вследствие непослушания — это падшие ангелы. Господь поставил их высоко, но они сошли вниз. По учению спиритизма же, это несовер-

шенные Духи, которые еще не исправятся; они еще на нижних ступенях лестницы, но они поднимутся. Те, которые по своему нерадению, беззаботности, упрямству или злой воле остаются на нижних ступенях более долгое время, несут на себе последствия этого; а привычка ко злу еще более затрудняет выход из этого положения. Но наступает время, когда они начинают уставать от этого тяжелого состояния и сопровождающих его страданий; тогда-то, сравнивая свое положение с положением добрых Духов, они поймут, что в их интересах быть добрыми, и постараются исправиться; но сделают это только по собственной воле, без всякого принуждения. *По своей способности совершенствоваться они подчинены закону прогресса, и если не совершенствуются, то по своей воле.* Бог постоянно доставляет им средства к этому, но они свободны воспользоваться ими или нет. Если бы прогресс был принудительный, то он не имел бы заслуги, а Бог хочет, чтобы его достигали своими трудами; Он никого не выдвигает на первое место по привилегии, но первые ряды открыты для всех, и желающие достигают их своими усилиями. Даже самые высшие ангелы достигли своих степеней, пройдя как и другие, по общему пути.

22. Достигнув известной степени очищения, Духи получают миссии сообразно своим совершенствам; они исполняют все то, что приписывается ангелам различных разрядов. Так как Бог творит вечно, то всегда находились Духи, способные исполнять Его повеления по управлению миром. Итак, один только разряд разумных существ, подчиненных закону прогресса, удовлетворяет всевозможным потребностям. Это единство в творении и мысль, что все имеют одинаковую точку отправления, проходят тот же путь совершенствования и возвышаются своими трудами, гораздо более соответствуют справедливости Божией, чем создание более или менее одаренных и привилегированных существ.

23. Обычное учение об ангелах, демонах и душах человеческих не допускает закона совершенствования;

но вид существ, стоящих на разных ступенях, приводит людей к заключению, что это особенные создания. Итак, это учение представляет Господа пристрастным отцом, дающим все некоторым из своих детей и возлагающим на других самые тяжелые труды. Неудивительно, что люди долго не находили такое пристрастие несправедливым, так как сами придерживались того же относительно своих детей; давая им права старшинства и привилегии рождения, могли ли они думать, что поступают хуже Самого Бога? Но теперь идеи стали яснее и шире; люди имеют более верное понятие о справедливости, стремятся к ней, и если не всегда видят ее на земле, то надеются, по крайней мере, найти ее на небесах; вот почему всякое учение, в котором правосудие Божие не является во всей своей чистоте, отвергается разумом.

Глава X

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ. ВМЕШАТЕЛЬСТВА ДЕМОНОВ

1. Новейшие феномены в области спиритизма заставили обратить внимание на подобные им явления, происходившие во все эпохи, и никогда общество так живо не интересовалось этим вопросом, как за последнее время.

Сходство фактов указывало на однородность их происхождения. Невежество увидело в них, как и во всех необыкновенных явлениях, причина которых неизвестна, нечто сверхъестественное, а суеверие преувеличило их, прибавив к ним нелепые верования; отсюда произошла масса легенд, представляющих собой большей частью смесь истины с большим вымыслом, и, помимо прочего, учение о демоне, которого так долго придерживались и настолько преувеличивали его

могущество, что заставили, так сказать, забыть Бога: ему приписывали все, что, казалось, превосходило могущество человека; во всем видели руку сатаны; все лучшее, самые полезные открытия, особенно все те, которые могли вывести человека из невежества и расширить его кругозор, часто принимали за деяния демона.

2. Спиритические феномены, сильно развившиеся в наши дни и внимательнее изучаемые при помощи разума и научных данных, правда, подтвердили вмешательство таинственных существ, но ограниченных законами природы и открывающих своими проявлениями новую силу и не известные до сих пор законы.

Вопрос ограничивается, следовательно, желанием узнать, какого рода эти существа.

Пока о мире Духов были лишь неясные или несистематические представления, еще можно было ошибаться; но теперь, когда серьезные наблюдения и приобретенные опытом знания пролили свет на природу Духов, на их происхождение и предназначение, на их мировое значение и способ проявления, вопрос этот решен на основании фактов.

Теперь всем известно, что когда-то считавшиеся таинственными существами — не что иное, как души живших на земле людей. Известно также, что различные категории добрых и дурных Духов не представляют собой существ различного рода, а означают лишь различные степени их совершенства и развития.

По своему духовному и нравственному развитию они занимают различное положение, почему и проявляются различно, но это нисколько не мешает им происходить от одной большой человеческой семьи, точно так же, как от нее происходят дикарь, варвар и образованный человек.

3. В вопросе о демонах церковь придерживается старых верований. Она говорит: «Наши правила не изменились в течение восемнадцати веков и остаются непреложными».

Главная ошибка церкви заключается именно в том, что она не желает считаться с прогрессом мысли и думает, что и Бог также не соразмеряет Своих откровений с развитием человеческого разума и говорит с развитыми людьми тем же языком, каким говорил и с людьми первобытными.

Если в то время, как человечество совершенствуется, религия будет продолжать держаться старых заблуждений как в духовном, так и в научном отношениях, то настанет момент, когда она совершенно уничтожится неверием.

4. Вот как церковь объясняет исключительное вмешательство демонов в новейших проявлениях спиритизма: «Демоны всегда старательно заботятся скрыть свое присутствие, чтобы удалить всякое подозрение. Всегда хитрые и лукавые, они запутывают своими сетями человека прежде, нежели дать ему почувствовать цепи гнева и рабства. Они или возбуждают в человеке любопытство разными феноменами и глупыми шутками, или удивляют прелестью чудесного и этим подчиняют его своей власти. Если проявляется сверхъестественное, если их могущество выдает их, они успокаивают опасения, возбуждают доверие, вызывают дружбу. То они выдают себя за божество и добрых гениев, то присваивают себе имена и даже черты умерших, оставивших по себе память среди живущих. При помощи этих обманов, достойных древнего змия, они говорят, и их слушают; они лжеучительствуют, и им верят; они примешивают к своей лжи немного истины и вводят человека в различные заблуждения. К этому и сводятся все предположения, открывшиеся «из-за могилы»; чтобы достичь этого результата, дерево, камень, леса и ручьи, идольские капища, ножка стола, рука ребенка делаются прорицателями, вот почему ворожея пророчествует в бреду, а невежда в таинственном сне становится вдруг ученым. Обманывать и совращать — вот конечная цель, всюду и во все времена преследуемая в этих

странных проявлениях. Удивительные результаты этих наблюдений или фактов, большей частью странных и нелепых, не могут происходить от их внутренней силы (камня, дерева и т. д.), и по порядку, установленному Богом, их можно получить только при содействии тайных сил. Такими именно и представляются необыкновенные феномены, получаемые в наши дни через посредство (по-видимому, совершенно безобидное) и спиритизма, и разумных ответов говорящих столов. При помощи этих деяний новой магии у нас снова возникли вызывания Духов и прорицания, вопрошания, исцеления и те обманы, которыми так прославились идольские капища и пещеры сивилл. Как и прежде, приказывают дереву, и дерево слушается; его вопрошают, и оно отвечает на всех языках и на все вопросы; ухитряются быть в присутствии невидимых существ, присвоивших себе имена умерших, предполагаемые откровения которых отмечены противоречиями и ложью; иногда появляются легкие и призрачные образы, одаренные сверхчеловеческой силой.

Кто же эти таинственные устроители феноменов, настоящие действующие лица этих необъяснимых явлений? Ангелы не взяли бы на себя этой недостойной роли и не пожелали бы подвергаться всем случайностям пустого любопытства. Души умерших, которых Бог запрещает вопрошать, пребывают там, где указало им Его правосудие, и они не могут без позволения приходить к живущим. Таинственные существа, являющиеся по первому призыву еретика и нечестивца, а также и правоверного, по первому призыву преступления и невинности, — не посланники Бога, не апостолы истины и спасения, *а сообщники заблуждения и ада*. Несмотря на все свое старание прикрыться самыми уважаемыми именами, они выдают себя ничтожеством своего учения, низостью своих поступков и бессвязными речами. Они стараются изъять из символа веры учение о первородном грехе, о воскресении из мертвых, о вечных муках и все божественное откровение, чтобы ли-

шить закон его истинного смысла и открыть пороку широкий путь. Если бы их наущения могли иметь преобладающее значение, они создали бы законы, удобные для социализма и для всех тех, кто пренебрегает понятием о долге и совести. Безверие нашего века приготовило им путь. О, если бы христиане вернулись в лоно истинной церкви, они избежали бы этого нового и опасного наваждения!

5. Вся эта теория основана на том положении, что ангелы и демоны — существа, отличные от душ человеческих; эти же последние представляют собой особые создания, стоящие по разуму, знаниям и способностям ниже даже демонов. Она признает воздействие исключительно падших ангелов во всех проявлениях, как прежних времен, так и новейших, приписываемых Духам умерших.

Возможность для душ сообщаться с живыми доказывается фактами, опытами и наблюдениями, рассматривать которые мы здесь не будем. Допустим, хотя бы только в предположении, вышеизложенную теорию и посмотрим, не разобьет ли она сама себя своими доводами.

6. Из трех категорий ангелов одна, по учению церкви, занимается исключительно небом; другая управляет миром; третьей поручена земля, в этой последней находятся ангелы-хранители, назначенные покровителями к каждому человеку.

Часть ангелов этой категории возмутилась и сделалась так называемыми *демонами*.

Если Бог разрешил этим последним толкать людей к гибели при помощи всевозможных наваждений и проявлений, почему же Он, *если Он действительно добр и справедлив*, дал им такое огромное могущество и свободу, из которых они делают пагубное употребление, и не позволил добрым ангелам противодействовать им такими же проявлениями, направленными исключительно к добру?

Предположим, что Бог дал одинаковое могущество добрым и дурным, что уже было бы беспримерной милостью для последних, тогда человек был бы свободен в своем выборе; но предоставить им преимущество соблазна и способность подделываться под добро, чтобы вернее совращать с пути истины, равнялось бы западне, в которую легко попадает человек по своей слабости, неопытности и прямодушию; скажем более: это было бы злоупотреблением его веры в Бога. Рассудок отказывается признать такое пристрастие в пользу зла.

Но обратимся к фактам.

7. Демонам приписывают различные качества: они ничего не утратили из своей ангельской природы, они обладают знанием, проницательностью, предусмотрительностью и ясновидением ангелов и, кроме того, коварством, ловкостью и хитростью самой высокой степени. Их цель — отдалить людей от добра, *особенно* — удалить от Бога и вовлечь в ад, помощниками и вербовщиками которого они состоят.

Было бы понятно, если бы они обращали свое внимание на идущих по правильному пути и поэтому ушедших от их власти; обольщение этих людей, чтоб вовлечь их в свои сети, *понятно*; но что остается непонятным, так это то, что они обращаются и к тем, кто уже принадлежит им душой и телом; кто же еще прочнее находится в их когтях, как не тот, кто отрицает Бога и способен надругаться над Ним, кто погряз в пороке и страстях?

Не находится ли он и без того на пути, ведущем к аду? Будет ли понятно то, что, уверенные в своей добыче, «они» будут побуждать его *молиться Богу, покоряться Его воле, отказываться от зла; будут раскрывать перед его глазами все радости жизни добрых Духов и с отвращением описывать положение злых?*

Видали ли когда-нибудь купца, который бы расхваливал своим покупателям товар соседа в ущерб свое-

му собственному и предлагал бы им купить у другого?

Хулит ли когда-нибудь вербовщик солдатам военную жизнь и восхваляет ли отдых жизни семейной? Говорит ли он рекрутам, что их ждет жизнь труда и лишений; что у них девять шансов из десяти быть убитыми или, по крайней мере, остаться без рук и без ног?

А между тем такую глупую роль церковные учения заставляют играть демона, так как достоверно известно, что вследствие наставлений, получаемых в спиритической практике из мира незримых, каждый день неверующие и безбожники возвращаются к Богу и молятся Ему с усердием, *чего они никогда не делали раньше*; порочные люди с жаром работают над своим совершенствованием. Допустить мысль, что это хитрость демона, значит признать его за *настоящего глупца*.

Так как вышесказанное не простое предположение, а факт, удостоверенный опытом, отрицать который не представляется никакой возможности, приходится из него вывести следующее заключение: или демон в высшей степени неразумен, так как он работает не в свою пользу, и не настолько хитер и лукав, как это ему приписывают, а следовательно, и не особенно опасен; или все эти проявления не есть результат его вмешательства.

8. *«Они вводят человека в различные заблуждения, чтобы достичь этого результата; дерево, камень, леса, ручьи, идольские капища, ножки столов, рука ребенка делаются прорицателями».*

Какая же после этого оценка слов Евангелия: «Излию от Духа Моего на всякую плоть; и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего и будет пророчествовать». (Деяния Апостолов, гл. 2, ст. 17 — 18).

Не есть ли это предсказание медиумичности, могущей быть достоянием каждого, даже детей, которое

осуществляется в наши дни? Разве Апостолы предали анафеме эту способность? Нет. Они говорят о ней, как о милости Божией, а не как о работе демона.

Неужели наши богословы больше знают по этому вопросу, нежели Апостолы? Не должны ли они скорее видеть в этом перст Божий, как в исполнении приведенных выше Евангельских слов?

9. *«При помощи этих деяний новой магии у нас снова возникли вызывания Духов и прорицания, вопрошания исцеления и те обманы, которыми так прославились идольские капища и пещеры сивилл».*

В чем же видны деяния новой магии в спиритических общениях с загробным миром?

Было время, когда деяниям магии верили, но теперь это просто смешно и никто этому не верит, а спиритизм это порицает.

В те времена, когда процветала магия, о природе Духов имели лишь очень неясное понятие и приписывали им сверхчеловеческое могущество; их вызывали только для того, чтобы получить через них, хотя бы ценою собственной души, счастье, богатство, раскрытие сокровищ, любовные напитки и разоблачение будущего.

Магии, с ее кабалистическими знаками, формулами и вычислениями, было выгодно представляться таинственной, производить чудеса, принуждать Духов служить людям и исполнять их желания.

Но теперь мы знаем, что духи — это не что иное, как души людей; мы сообщаемся с ними только для того, чтобы получить совет от добрых Духов, наставить несовершенных и продолжать общаться с существами, нам дорогими и близкими.

Вот как смотрит на этот предмет спиритизм.

10. Нет никакого средства принудить Духа прийти к вам, помимо его желания, если он на одинаковой с вами нравственной ступени или выше вас, так как у вас нет над ним никакой власти; вы можете это сделать, если он стоит ниже вас, и вы желаете этого для его

добра, потому что в этом случае вам помогут другие Духи.

Можно иметь общение со всеми Духами, к какой бы ступени развития своего они ни принадлежали: как с добрыми, так и со злыми; как с теми, которые умерли недавно, так и с жившими в самые отдаленные времена; как со знаменитыми или известными нам людьми, так и с совершенно посторонними нам индивидуумами. Но это не значит, чтобы они всегда желали или могли явиться на наш зов независимо от их собственной воли или позволения, в котором им может быть отказано высшею властью. Им могут воспрепятствовать причины, которые нам не всегда даже дано знать.

Мы хотим сказать, что нет безусловного препятствия к сообщениям, исключая того, о чем будет сказано дальше. Препятствия, могущие помешать Духу явиться, почти всегда бывают личными и зависят часто от обстоятельств.

Из причин, могущих помешать явлению Духа, одни касаются его лично, другие не касаются. В числе первых должно поместить его занятие *там* или исполняемое им служение, которого он не может остановить, чтобы удовлетворить наше желание. В этом случае его посещение только отсрочивается.

Сообщению может мешать еще его собственное положение. Хотя состояние воплощения, если он воплощен в живое существо, не есть препятствие безусловное, но может быть помехою в известные минуты, в особенности если он воплощен в низшем мире и если сам Дух находится в порабощении у своего тела, у материи.

В мирах более высших, в тех, где связь духа и материи весьма слаба, явление почти так же легко, как и в блуждающем в неперевоплощенном его состоянии, и во всяком случае гораздо легче, нежели в тех, где телесная материя так же плотна, как на земле.

Посторонние причины зависят преимущественно от природы медиума или природы обращающейся к Духам

особы, от среды, в которой предполагается общение, и, наконец, от предположенной цели.

Некоторые медиумы большею частью получают сообщения от своих домашних Духов, которые могут быть более или менее возвышенны.

Другие медиумы способны служить посредниками всем Духам. Это зависит от симпатии или от антипатии, от притяжения или от отталкивания, обнаруживаемого собственным воплощенным в него Духом медиума относительно постороннего Духа, который может взять его посредником с удовольствием или с отвращением.

Это зависит еще, кроме внутренних качеств медиума, от развития медиумической способности. Духи охотнее являются и вообще изъясняются свободнее, когда медиум не представляет им никаких материальных препятствий. При одинаковых нравственных условиях, чем свободнее медиум пишет или выражается, тем обширнее делается круг его сношений с миром Духов.

Нужно еще принимать во внимание легкость, которая приобретается вследствие привычки сообщаться с тем или другим Духом. По прошествии некоторого времени посторонний Дух свыкается с Духом медиума, а также и с Духом того, кто его вызывает. Независимо от симпатии между ними устанавливается соотношение токов, которое делает сообщения более быстрыми. Вот почему первое сообщение не всегда бывает так удовлетворительно, как можно было бы желать, и почему часто сами Духи требуют, чтобы с ними опять общались. Дух, постоянно являющийся, чувствует себя как бы дома. Он привыкает к своим слушателям и медиумам, говорит и действует гораздо свободнее.

Из всего сказанного нами следует, что способность общения с каким бы то ни было Духом не возлагает обязанности на самого Духа быть всегда к нашим услугам. Он может явиться в известную минуту, а не в другую; с таким медиумом или лицом, ищущим обще-

ния с ним, который ему нравится, а не с другим; говорить то, что он желает, не будучи принужден говорить того, чего не хочет, и может уйти, когда ему угодно. Наконец, по причинам, зависящим или независящим от его воли, являясь в продолжение некоторого времени постоянно, он может вдруг перестать являться.

Вследствие этих причин до общения с новым Духом нужно спросить у своего Духа-Покровителя, возможно ли общение с другим; в случае невозможности он почти всегда объясняет причины, и тогда бесполезно настаивать.

Здесь, помимо прочего, выясняется важный вопрос: желательны или нет общения с Духами дурного направления. Это зависит от цели, с которою желают общения с этими последними Духами. Нет никакого неудобства в том, если к ним обращаются с целью серьезной, поучительной и для собственного их улучшения; напротив, препятствие весьма велико, если общение делается из одного только пустого любопытства или шутки или если ради этого общения нужно подчиняться им, прося у них какой-нибудь услуги.

Добрые Духи в этом случае могут дать им власть сделать так, чтобы строго наказать дерзкого вызывателя, который осмелится обратиться к Духам зла за помощью и верит в их могущество больше, чем в могущество Бога.

Напрасно желали бы сделать из этого полезное употребление впоследствии и прогнать этого Духа, получив от него услугу. Сама эта услуга, как бы ничтожна она ни была, есть настоящий договор, заключенный с злым Духом, от которого не так-то легко отделаться.

Власть над низшими Духами приобретается только посредством *нравственного превосходства*. Развращенные Духи имеют в добродетельных людях своих повелителей. С тем же, кто противопоставляет им лишь одну свою волю, некоторого рода грубую силу, они вступают в борьбу и часто оказываются сильнейшими.

Некто старался укротить непокорного Духа силою своей воли. Дух ему отвечал: «Оставь меня в покое со своими ухватками хвастуна. Ты не лучше меня. Не скажут ли, глядя на нас, что вор проповедует нравственность вору?»

И еще удивляются тому, что имя Божие, Которое призывают против них, часто бывает бессильно!

Святой Людовик разъяснил нам причину этого в следующем ответе:

«Имя Бога имеет влияние на несовершенных Духов только тогда, когда произносится тем, кто по своим добродетелям может употреблять Его со властью; произнесенное же человеком, не имеющим над Духом никакого нравственного превосходства, это слово остается простым словом, как и всякое другое. То же самое можно сказать и о освященных вещах, которые им противопоставляют. Оружие, самое ужасное, делается вовсе не опасным в руках, не умеющих владеть им или не способных носить его».

Самое главное условие при общении с Духами — сосредоточение мысли, если желают иметь дело с серьезными Духами. Вера же и желание добра наиболее содействует привлечению высших Духов. Возвышая душу, сосредотачивая на несколько минут свои мысли при общении, сливаются воедино с добрыми Духами и тем располагают их придти на призыв.

Известные предметы, как, например, медали и талисманы не имеют свойства ни привлекать, ни отталкивать Духов; материя не имеет никакого влияния на них. Добрые Духи никогда не скажут такой нелепости. Сила талисманов всегда существовала лишь в воображении людей легковверных. Для вызывания нет никаких таинственных формул. Того, кто вздумал бы предлагать их, можно смело считать шарлатаном, потому что формула для Духов ничего не значит. Во всяком случае общение с загробным миром всегда должно делаться во имя Бога.

Духи, назначающие свидания в местах мрачных и в необыкновенные часы, забавляются с теми, кто слушает их. Всегда бывает бесполезно и нередко даже опасно поддаваться подобным внушениям. *Бесполезно* — потому, что от них ничего не получают, а лишь подвергаются обману; *опасно же* не потому, что Духи могут сделать зло, но потому, что это может иметь вредное влияние на слабый мозг человека.

Для общения с Духами часы и дни безразличны, для них это решительно все равно, как все материальное, и было бы суеверием допускать влияние дней и часов. Самые удобные минуты для общения — те, в которые желающий общаться может быть менее развлечен своими обычными занятиями и в которое тело и дух его находятся в наиболее спокойном состоянии.

Недоброжелательная критика представляет спиритические сообщения исполненными смешных и суеверных приемов магии и некромантии. Если бы те, кто говорит о спиритизме, не зная его, потрудились изучить то, о чем они желают говорить, они избавили бы себя от затрат воображения или от тех доводов, которые доказывают только их невежество или недобросовестность.

В наставление людям несведущим мы скажем только, что для общения с Духами не существует ни дней, ни часов, ни мест, которые предпочтительнее других; не нужно ни формул, ни заклинательных и кабалистических речей; не нужно никаких приготовлений и посвящений; употребление каких-либо знаков или материальных предметов с целью призвать или удалить Духов не имеет никакого влияния, достаточно для этого одной мысли.

Наконец, медиумы получают сообщения, не выходя из нормального состояния, так же просто и естественно, как если бы они были продиктованы им людьми живыми. Только одно невежество или вера в таинственность может употреблять странные способы и прибавлять смешные подробности.

Далее, будущее должно быть сокрыто от человека, и только в редких и исключительных случаях Бог позволяет Духам открывать его. Если бы человек знал будущее, он пренебрегал бы настоящим и действовал бы уже не с полной свободой, потому что ему постоянно приходило бы в голову, что если такое-то событие должно исполниться, то нечего и заботиться о нем, или же он бы старался помешать ему. Бог не хотел того, чтобы каждый содействовал ходу событий, даже таких, которым бы он желал противиться. Бог позволяет открывать будущее лишь в том случае, когда откровение это должно не замедлить, а облегчить исполнение события, побуждая человека действовать иначе, чем он действовал бы, не имея этого откровения.

Духи не могут руководить в ученых исследованиях и открытиях. Наука есть произведение гения. Она должна приобретаться не иначе, как с помощью труда, потому что только один труд подвигает человека на пути его. В чем же заключалась бы его заслуга, если бы ему нужно было только спросить Духов, чтобы все знать? Всякий простой смертный мог бы таким образом сделаться ученым. То же самое можно сказать относительно изобретений и открытий в промышленности.

Когда время того или другого открытия наступило. Духи, на которых возложена свыше обязанность направлять ход его, отыскивают человека, способного вести это дело к хорошему концу, и внушают ему нужные идеи, чтобы всю заслугу открытия предоставить ему одному, потому что он должен еще обработать эти идеи и приложить их к делу. То же самое бывает со всеми великими произведениями человеческого ума. Духи оставляют каждого человека в его сфере. Того, кто способен только пахать землю, они не делают хранителем тайн Божиих. Но они сумеют вывести из ничтожества человека, способного содействовать их намерениям. Поэтому напрасный труд увлекать себя любопытством или честолюбием на путь, который не составляет

цели спиритизма и который приведет вас к самым смешным мистификациям.

Духи не могут указывать, где найти спрятанные сокровища. Высшие Духи не занимаются подобными вещами; но Духи-насмешники часто указывают сокровища, которые не существуют, или могут показать клад в одном месте, тогда как он находится в совершенно другом; и это имеет свою цель показать, что истинное богатство заключается в труде. Если Провидение назначает кому-нибудь скрытые богатства, то он найдет их естественным путем, иначе не может быть.

Спиритизм, объяснивший нам свойства флюидов, которые являются деятелями невидимого мира и составляют одну из сил природы, дал нам ключ к разрешению множества вещей, необъяснимых никакими другим способом и которые могли в отдельные времена прослыть чудесами.

Он открывает, как и магнетизм, закон, хотя и давно известный, но дурно понятый; или, лучше сказать, его действия были известны, потому что они производились во все времена, но не знали их закона, и это незнание породило суеверие.

Как скоро закон открыт, чудесное исчезает и феномены входят в разряд явлений естественных. Вот почему спириты не делают чудес, заставляя вертеться стол или писать умершего, точно так же, как медик, заставляющий оживать обмершего, или физик, низводящий на землю молнию. Тот, кто утверждает, что может при помощи этой науки делать чудеса, рекомендует себя или невеждой, или шарлатаном.

Многие имеют ложное представление о спиритическом общении с загробным миром, будто оно заключается в том, чтобы заставлять умерших являться с мрачным отпечатком могилы. Это случается только в романах, в фанстастических сказках о привидениях и в театре, где бестелесные мертвецы выходят из своих могил, закутанные в саваны и постукивающие костями.

Спиритизм, никогда не творивший чудес, не делал и этого чуда, никогда он не оживлял тела умершего; раз тело попало в могилу, оно остается в ней окончательно. Но существо духовное, флюидическое, разумное, не было зарыто в могилу вместе со своей грубой оболочкой; оно отделилось от нее в момент смерти, и раз это отделение произошло, оно не имеет с ней ничего общего.

11. Мы сделали эти пространные выписки из различных сочинений Аллана Кардека, чтобы показать, что основы спиритизма не имеют ничего общего с основами магии.

Итак, в спиритизме нет Духов для услуг человечеству; нет средств их вызывать и принуждать по своему капризу, без Божьего на то соизволения, к чему-либо; нет кабалистических законов и формул; нет открытия кладов или иных способов обогащения; нет чудес; нет гадания и привидений; нет, словом, ничего, что составляет цель и основание магии. Спиритизм не только все это отрицает, но и доказывает его невозможность в своей области и недействительность.

Нет никакого сходства между целью и средствами магии и спиритизма; желать их сравнивать может только невежество и недобросовестность, так как основы спиритизма не имеют в себе ничего таинственного, выражены ясно и без обиняков, они не могут ввести в заблуждение.

Что касается случаев исцеления, признанных действительными в вышеупомянутом изречении, то это плохо выбранный пример для подтверждения несостоятельности общений с Духами.

Это одно из благодеяний, которое более всего трогает и которое каждый может оценить; немногие решаются его отрицать, особенно после того, как были испробованы все средства, прежде, чем решиться обратиться к этому последнему, из боязни получить исцеление от дьявола. Мы думаем, что многие, напротив, скажут

теперь, что если их исцелил дьявол, то он сделал доброе дело*.

12. «Кто же эти таинственные устроители феноменов, настоящие действующие лица этих необъяснимых явлений? Ангелы не взяли бы на себя этой недостойной роли и не пожелали бы подвергаться всем случайностям простого любопытства».

Автор говорит, очевидно, о физических проявлениях Духов; правда, между ними есть много достойных высших Духов, и если слово «ангелы» заменить определением «чистые Духи» или «высшие Духи», вы получите как раз то, что говорит относительно этого спиритизм.

Но нельзя ставить на одну доску с ними разумные сообщения, получаемые посредством письма, разговора, слушания или иным каким-нибудь способом, — эти сообщения являются вполне достойными добрых Духов, точно так же, как они были бы достойны великих людей, живущих на земле, наряду с явлениями, исцелениями и массою подобных факторов, которыми так изобилуют священные книги, приписывающие их делу рук ангелов и святых.

Если ангелы и святые могли некогда производить подобные феномены, почему же они не могут производить их теперь? Почему те же самые феномены, которые признаны святыми *чудесами* у одних, у других приписываются действию демона?

Поддерживать этот тезис — значит отказаться от всякой логики.

Автор приведенного нами изречения заблуждается, называя эти феномены необъяснимыми. Напротив, они вполне объяснимы в наши дни, и потому их перестали

* Церковь, желая убедить исцеленных Духами, что их исцелил дьявол, отшатнула этим самым от себя многих, не имевших намерения уходить от нее. (Ал. Кард.).

Этот факт напоминает тот эпизод исцеления Христом слепорожденного, где фарисеи говорили исцеленному: «Воздай славу Богу: мы знаем, что человек тот грешник»... (Иоан. 9, 24)

(Перевод).

считать чудесными и сверхъестественными; но если бы они не были объяснимы и теперь, все же было бы нелогично приписывать их дьяволу, как это делали в прежние времена, приписывая ему честь воспроизведения самых обыкновенных действий, казавшихся тогда непонятными.

Под неблагоприятной ролью надо подразумевать деяния смешные и направленные ко злу; но этого никак нельзя применить к Духам, делающим добро и возвращающим людей к Богу и добродетели.

Спиритизм именно и говорит, что недостойные деяния не присущи высшим Духам, что подтверждается следующими доводами спиритизма:

13. «Степень совершенства Духов узнается по их языку; язык Духов истинно добрых и высоких всегда достоин, благороден, логичен, лишен противоречий, он дышит мудростью, доброжелательством, скромностью и самой чистой моралью; он кроток, лишен ненужных слов. У Духов низших, невежественных или горделивых, пустота мысли почти всегда выражается в избыточной речи. Всякая явно лживая мысль, всякое правило, противоречащее здравой морали, всякий смешной совет, всякое грубое, пошлое или просто легкомысленное выражение, словом, всякий знак недоброжелательства, высокомерия или надменности есть неоспоримые признаки низкого развития Духа.

Высшие Духи занимаются лишь разумными сообщениями с целью нашего просвещения; физические же или чисто материальные проявления присущи исключительно низшим Духам, грубо называемым *стучащими Духами*; равно как между нами ловкими штукарами занимаются скоморохи, а не ученые. Было бы бессмысленно думать, что Духи, хотя немного развитые, занимаются пустяками.

Духи бывают различных разрядов, смотря по степени достигнутого ими совершенства. Число разрядов не определено, потому что между этими разрядами нет черты, разграничивающей их, и, следовательно, раз-

деление это можно увеличивать или уменьшать произвольно. Между тем, если разбирать главные свойства Духов, то их можно разделить на три разряда. В первом разряде можно поместить Духов, достигших совершенства, это чистые Духи; ко второму разряду относятся Духи, находящиеся посредине духовной лестницы: стремление к добру есть их главное занятие. Духи же последнего разряда находятся еще на низших ступенях лестницы; это — Духи *несовершенные*. Они отличаются невежеством, желанием зла и всеми дурными страстями, замедляющими их совершенствование. Духи второго разряда могут делать добро в зависимости от степени своего совершенства; одни имеют знания, другие — мудрость и доброту, но всем им предстоит еще испытания.

Духи третьего разряда не все без исключения злы; одни не делают ни добра, ни зла; другие, напротив, наслаждаются злом и тогда только бывают удовлетворены, когда встречают случай сделать зло. Кроме того, есть еще легкие Духи, скорее, вздорные, чем злые, отличающиеся больше хитростью, нежели злостью, и находящие удовольствие в том, чтобы обманывать и причинять легкие неприятности, над которыми они потом смеются.

Классификация Духов основана на степени их развития, на качествах, приобретенных ими, и на несовершенствах, от которых они должны освободиться. Впрочем, классификация эта не может быть безусловна; каждый разряд представляет резкий характер только в целом, но переход от одной ступени к другой не замечен, и оттенки их сливаются, как в царстве животных, как в цветах радуги или же как в различных периодах жизни человеческой. Следовательно, можно составить больше или меньше классов в зависимости от того, как смотреть на этот вопрос. Здесь замечается то же самое, что и во всех системах классификаций: они могут быть более или менее полны, более или менее рациональны, более или менее удобны для рассудка; но каковы бы

они ни были, они ничего не изменят в основании науки. Итак, Духи, расспрашиваемые об этом предмете, могли различно определять разряды, нисколько не изменяя этим сущности учения.

Многие вооружились против спиритизма этим мнимым противоречием, не подумав о том, что Духи не обращают внимания на вещи условные; мысль составляет для них все; форму же, выбор терминов, классификаций, одним словом, всякого рода системы они предоставляют нам.

Прибавим еще к этому, что не нужно терять из виду, что между Духами, как и между людьми, есть совершенные невежды и что не все Духи знают все потому только, что они Духи. Всякая классификация требует анализа и глубокого знания предмета.

Духи, коих познания ограничены, не в силах охватить весь предмет, составить систему; они знают или понимают классификации вообще лишь несовершенно; для них все Духи, стоящие выше них, принадлежат к первому разряду, потому что они не могут оценить оттенков знаний, способностей и нравственных достоинств, отличающих их; точно так же, как среди нас человек необразованный не может заметить мелких различий между людьми образованными. Те же, которые способны к этому, и то могут говорить о подробностях по-разному, смотря по взгляду на вещи, в особенности — когда разделение не имеет определенных границ. Линея, Жюсье, Турнфор имели каждый свою систему, но ботаника нисколько не изменилась от этого, потому что они не выдумывали ни растений, ни отличительных свойств их; они рассматривали только сходство растений и на основании их составили группы и классы. То же самое сделали и мы: мы не выдумывали ни Духов, ни их свойств; мы только видели и наблюдали; судили о них по их словам и их действиям; потом распределили их по классам, основываясь на данных, доставленных нам самими Духами.

Духи допускают вообще три главных разряда, или три больших деления. К последнему, находящемуся на самых низких ступенях лестницы, принадлежат несовершенные Духи, отличающиеся преобладанием материальности над духовной стороной и склонностью ко злу. Духи второго разряда отличаются преобладанием духовного над материальным и стремлением к добру. К первому же разряду принадлежат одни только чистые Духи, достигшие высочайшей степени совершенства.

Если совершенное тождество Духов во многих случаях составляет второстепенный вопрос, не имеющий особенной важности, то нельзя сказать этого относительно Духов добрых и злых. Их индивидуальность может быть неважна для нас, качества же их всегда очень важны. Следовательно, во всех поучительных сообщениях именно на этом нужно сосредоточить все свое внимание, потому что это одно может основать степень нашего доверия к духу, который проявляется, каким бы именем он ни называл себя.

Кто из добросовестных людей может увидеть в этих выдержках недостойную роль, приписываемую возвышенным Духам?

Спиритизм не только не смешивает Духов, но в то время, как демонам приписывается разум, равный разуму ангелов, он констатирует, основываясь на наблюдениях фактов, что низшие Духи более или менее невежественны, что их нравственный кругозор и проницательность ограничены, что о многих предметах они имеют часто ложное и неполное понятие и не способны, решать некоторые вопросы, и это делает для них невозможным производить все то, что приписывают силе демонов.

14. *«Духи умерших, вопрошать которых Бог запрещает, пребывают там, где указало им Его правосудие, и они не могут без позволения приходить к живущим».*

Спиритизм тоже говорит, что они не могут приходить без позволения Бога. Спиритизм даже еще более строг, потому что говорит, что ни один Дух, добрый или

злой, не может явиться без этого позволения, тогда как церковь приписывает демонам власть обходиться без этого Божьего позволения.

Спиритизм идет далее, говоря, что даже получив это разрешение, Духи приходят на призыв живущих *не для того, чтобы ими распоряжались люди.*

Вызываемый Дух повинуется воле Бога, т. е. общему закону, управляющему вселенной; и никто не является по принуждению, потому что он сам решает, полезно ли ему явиться в том или другом случае или нет, в этом он имеет свободную волю.

Высший Дух всегда является, когда его призывают с полезной целью. Он отказывается отвечать только людям несерьезным, обращающим общение с загробным миром в шутку.

Вызываемый Дух может и не явиться на делаемый ему призыв. Без этого где же была бы его свободная воля? Не думаете ли вы, что все существа вселенной должны быть готовы к вашим услугам? А вы сами разве считаете себя обязанными отвечать всякому, кто только произнесет ваше имя?

Когда я говорю, что Дух может отказаться, то я понимаю отказаться исполнить *требование* стремящегося к общению, потому что низший Дух *может быть принужден явиться по воле высшего Духа.*

Спириты до такой степени уверены, что они не имеют никакой личной власти над Духами и не могут ничего получить от них без соизволения Божия, что когда они приступают к общению на сеансах с каким-либо Духом, они обращаются к Господу Богу с такими словами: «Я прошу Всемогущего Бога дозволить доброму Духу сообщить со мною; я прошу также моего ангела-хранителя быть около меня и удалять от меня злых Духов». Или же, если желают общения с известным уже им Духом, говорят так: «Я прошу Всемогущего Бога дозволить Духу (*такого-то*) сообщить со мною».

15. Обвинения, которые церковь предпосылает спо-

собу вызывания, не относятся к спиритизму, потому что они преимущественно направлены против действия магии, с которой спиритизм не имеет ничего общего. Спиритизм в этих действиях осуждает как раз то же самое, что и церковь. Он также не заставляет добрых Духов играть недостойные их роли, и, наконец, он заявляет, что ничего не спрашивает и не получает без разрешения на то Бога.

Конечно, есть люди, которые злоупотребляют спиритическими сеансами, устраивают вызывания Духов, делают из них забаву и искажают цель Провидения, чтобы заставить их служить своим личным интересам. Эти люди по своему невежеству, легкомыслию, гордости или корыстолюбию удаляются от истинных основ учения; серьезный спиритизм отрицает их, точно так же, как истинная религия отрицает ханжей и фанатиков.

Было бы нелогично и несправедливо приписывать спиритизму все злоупотребления, которые он сам порицает, или заблуждения тех, кто его не понимает. Прежде, нежели предпослать какое-либо обвинение, следует рассмотреть правильно ли оно направлено. Мы скажем так:

Порицание церкви падает на *шарлатанов*, людей, злоупотребляющих своими способностями и имеющих сношения с *магией и колдовством*; на это она имеет *полное право*.

Критика церкви и скептицизма, клеймя шарлатанство и злоупотребления, выставляет этим на вид чистоту учения, которому она помогает очиститься от той грязи, которой его забрасывают; она только облегчает нашу задачу.

Ошибка церкви заключается в том, что она смешивает добро со злом вследствие невежества большинства и недобросовестности некоторых из ее представителей; но то, что не различает она, различают за нее другие.

Во всяком случае, это порицание, к которому при-

соединится каждый истинный спирит, касается зла, но не относится к учению спиритизма.

16. *«Таинственные существа, являющиеся по первому призыву еретика и нечестивца, а также правоверного, по первому призыву преступления и невинности — не посланники Бога, не апостолы истины и спасения, а сообщники заблуждения и ада».*

Итак, Бог не позволяет добрым Духам приходить на помощь еретику, нечестивцу и преступнику, чтобы спасти их от вечной гибели! Он посылает к ним лишь сообщников ада, чтобы они как можно глубже увязали в топи! Больше того, Он посылает к невинности развратные существа, чтобы ее развратить!

Неужели же между ангелами, этими привилегированными Божьими созданиями, нет ни одного сострадательного, который пришел бы на помощь к этим погибшим душам? К чему же их блестящие качества, которыми они так щедро одарены, если они служат только для их личного наслаждения? Действительно ли они добры, если они так поглощены блаженством созерцания, что, видя эти несчастные души на пути к аду, они не хотят придти им на помощь? Не есть ли это подобие богатого эгоиста, который, утопая в изобилии, оставляет умирать с голоду, безо всякого сожаления, бедного нищего у дверей своего дома? Не есть ли это возвышенный в своей добродетели эгоист, находящийся в обители Предвечного.

Вы удивляетесь, что добрые Духи нисходят до еретика и нечестивца? Но вы забываете слова Христа: «Не здоровый нуждается во враче, а больной». Неужели вы не хотите посмотреть на вещи глубже фарисеев того времени?

А вы сами, если бы вас позвал неверующий, неужели вы отказались бы пойти к нему, чтобы направить его на путь истины? Добрые Духи делают то, что делали бы и вы: они идут к нечестивцу с добрым словом.

Нет, вместо того, чтобы предавать анафеме сообщения из-за могилы, благословите пути Господни и пре-

клонитесь перед Его всемогуществом и бесконечной добротой.

Говорят, что существуют ангелы-хранители; но когда эти ангелы-хранители не могут заставить себя слушать при помощи тайного голоса совести или внушения, почему бы им не употребить для этого средство более прямое и материальное, чтобы поразить чувства, раз это средство существует?

Следовательно, Бог дает эти средства (т. к. Он их создал, все идет от Него и ничто не совершается без Его позволения), исключительно в руки злых Духов, а добрых лишает возможности ими пользоваться?

Отсюда надо вывести следующее заключение: Бог дал демонам возможность легко губить людей, а ангелов-хранителей лишил возможности их спасать.

17. Но чего не могут, по мнению церкви, сделать ангелы-хранители, делают за них демоны; при помощи так называемых адских сообщений они приводят к Богу людей, Его отрицающих, и к добру людей, погруженных в пороки; они нам показывают странное зрелище: миллионы людей веруют в Бога благодаря могуществу демонов, тогда как церковь была бессильна их к этому склонить.

Сколько людей, никогда прежде не молившихся, усердно молятся Богу, вследствие наставлений все этих же мнимых демонов. Сколько людей гордых, эгоистичных и развращенных сделались смиренными, милосердными и менее чувственными! И говорят, что все это дело рук демонов. Если это так, то надо сознаться, что демоны принесли людям большую услугу и лучше о них позаботились, нежели ангелы.

Нужно быть очень низкого мнения о суждении людей нынешнего века, чтобы думать, что они могут слепо на веру принимать такие идеи.

Религия, которая создает себе краеугольный камень на подобном учении и заявляет, что ее подрывают в основании, отнимая от нее ее демонов, ее ад, ее вечные

муки и ее бессострадательного Бога, сама лишает себя жизни.

18. Разве Бог, говорит церковь, пославший на землю Христа, чтобы спасти людей, не доказал любви к Своим созданиям и оставил их без покровительства? Без всякого сомнения, Христос есть Божественный Мессия, посланный к людям, чтобы научить их истине и указать им правый путь; но сосчитайте число людей, которые могли слышать Его слова о истине, сколько из них с того времени умерло и сколько умрет, не зная истины; да и среди знающих ее многие ли ей следуют?

Почему же Бог, в заботе о спасении детей Своих, не может послать им других посланников, приходящих во все страны, проникающих в самые скромные уголки, к великим и к малым, к ученым и к неучам, к верующим и к неверующим, чтобы научить истине не знающих ее и разъяснить ее непонимающим, дополнить *прямым и множественным* учением недостаток проповеди Евангелия и ускорить пришествие царствия Божия?

А когда эти посланники приходят в бесчисленном множестве, открывая очи слепым, обращая нечестивых, исцеляя больных, утешая несчастных, по примеру Иисуса, вы их отталкиваете, вы отвергаете добро, которое они делают, говоря, что это демоны!

Так говорили и фарисеи об Иисусе, так как они тоже говорили, что Он делает добро силою дьявола. Что Он им на это ответил? «Узнавайте дерево по плодам его: дурное дерево не может принести добрых плодов».

Но для них плоды, приносимые Иисусом, были дурные, потому что Он пришел истребить злоупотребления и проповедовал свободу, которая должна была уничтожить их власть. Если бы Он пришел льстить их гордости, санкционировать их преступления и поддерживать их власть, Он был бы в их глазах Мессией, ожидаемым иудеями. Он был один, беден и бессилен, они Его убили и думали, что убили и Его Слово; но Слово Его было божественно и пережило Его.

Слово это распространялось медленно, и спустя во-

семнадцать столетий его познала едва ли не десятая часть всего человеческого рода, да и то между Его учениками возникли многочисленные расколы.

Тогда Бог по Своему милосердию посылает Духов подтвердить это Слово, дополнить его, сделать Его достоянием всех, распространить его по всему свету.

Но Духи не воплощены в одного человека, голос которого ограничен; они бесчисленны, они приходят всюду и их нельзя удержать, вот почему учение их распространяется с быстротою молнии; они говорят сердцу и разуму, вот почему их понимают смиренные.

19. *«Не достойно ли небесных посланников, говорите вы, передавать их поучения таким грубым способом, как говорящие столы? Не оскорбительно ли для них предполагать, что они забавляются тривиальностями, покидают свою блистательную обитель, чтобы явиться к услугам первого встречного».*

А разве Иисус не оставил дом Своего Отца, чтобы родиться в яслях? И откуда видно, чтобы спиритизм приписывал тривиальности высшим Духам? Он, наоборот, говорит, что все грубые проявления получаются через грубых Духов. Но даже и эти факты самой своей грубостью только сильнее поразили воображение; они доказали существование духовного мира и показали этот мир совсем иным, чем его себе представляли.

Это было начало, оно было просто, как все начинающееся; но дерево, выходящее из маленького семечка, широко раскидывает впоследствии свою листву.

Кто бы подумал, что из бедных яслей Вифлеема произойдет Слово, которое перевернет весь мир?

Да, Христос — Божественный Мессия; да, Его Слово — Слово истины. Да, религия, основанная на этом Слове, будет непоколебима, но при условии следовать этому дивному учению и выполнять его, а не делать из Бога справедливого и доброго, с Которым оно [слово] нас знакомит, *Бога пристрастного, мстительного и безжалостного.*

О ЗАПРЕЩЕНИИ ВЫЗЫВАТЬ УМЕРШИХ

1. Церковь нисколько не отрицает факта проявлений Духов; она их признает, но только приписывает их исключительно вмешательству демонов. Но напрасно прибегают некоторые к Евангелию, чтобы запретить эти проявления: Евангелие о них не говорит ни слова. Высший аргумент, которым пользуются как доказательством этого, следует назвать запрещение Моисея: «Не обращайтесь к вызывающим мертвых и к волшебникам не ходите, — говорится в книге Левит, — и не доводите себя до осквернения от них» (19, 31). «Мужчина или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти; камнями должно побить их, кровь их на них» (Левит, 20, 27). И в книге Второзакония (18, 10, 11, 12): «Когда ты войдешь в землю, которую даст тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии. 10. Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь прорицатель, гадатель, ворожея, чародей. 11. Обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. 12. Ибо мерзок перед Господом всякий делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего».

2. Если строго рассматривать закон Моисея в этом пункте, точно так же надо его рассматривать и во всех других, иначе — какое же основание считать его хорошим во всем, что касается вызывания Духов, и утратившим силу в других частях? Надо быть последовательным; если мы соглашаемся с тем, что его законы не гармонируют больше с нашими нравами и нашей эпохой в некоторых частях, то почему же они могут гармонировать в данном вопросе о запрещении?

Надо к тому же вспоминать о мотивах, вызвавших это запрещение, мотивах, которые тогда имели смысл, но которые не существуют теперь. Еврейский законода-

тель хотел, чтобы его народ порвал со всеми обычаями, взятыми у египтян, где вызывание Духов было распространено и сделалось предметом злоупотреблений, как показывают слова пророка Исаии: «И дух Египта изменеет в нем и разрушу совет его, — и прибегут они к идолам и к чародеям, и к вызывающим мертвых, и гадателям» (19, 3).

3. К тому же, израильтяне не должны были завязывать отношений с иностранцами, а те же обычаи они встретили бы у народов, которых должны были покорить. Моисей должен был из политических соображений внушать еврейскому народу отвращение ко всем обычаям, которые могли бы стать точками соприкосновения, если бы они их усвоили. Для того, чтобы мотивировать это отвращение, надо было представить чужеземные обычаи отвергнутыми Самим Богом, потому Моисей и говорит: «Мерзок перед Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего».

4. Запрещение Моисея было тем более оправданно, что Духов вызывали тогда не из уважения и любви к ним, не из чувства набожности. Это было просто гадание, имеющее смысл предсказания, которое эксплуатировалось шарлатанством и суеверием. Но что бы он ни делал, он не мог с корнем уничтожить этой привычки, сделавшейся промыслом, что показывают следующие слова того же пророка: «И когда скажут вам: обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шептунам и к чревовещателям, — тогда отвечайте, не должен ли народ обращаться к своему Богу? Спрашивают ли мертвых о живых?» (Исайя, 8, 19...). Который (Господь Бог) делает ничтожными знамения лжепророков и обнаруживает безумие волшебников, мудрецов прогоняет назад и знание их делает глупостью». (Исайя, 44, 25).

«Пусть же выступят наблюдатели небес и звездочеты, и предвещатели по новолуниям, и спасут тебя от того, что должно приключиться тебе... Вот они, как солома, огонь сожжет их, — не избавили души своей от

пламени, не осталось угля, чтобы погреться, ни огня, чтобы посидеть перед ним... Такими стали для тебя те, с которыми ты трудилась, с которыми вела торговлю от юности своей. Каждый побрел в свою сторону, никто не спасает тебя». (Исайя, 47, 13, 14, 15).

В этой главе Исайя обращается к вавилонянам в образе девицы, дочери халдеев, он говорит, волшебники не воспрепятствуют падению их монархии. В следующей главе он обращается прямо к израильтянам: 3. «Но приблизьтесь сюда, вы, сыновья чародейки, семя прелюбодея и блудницы! 4. Над кем вы глумитесь? Против кого расширяете рот, высовываете язык? Не дети ли вы преступления, семя лжи, 5. Разжигаемые похотью к идолам под каждым ветвистым деревом, закаляющие детей при ручьях, между расщелинами скал? 6. В гладких камнях ручьев доля твоя; они, они жребий твой; им ты делаешь возлияние и приносишь жертвы; могу ли я быть доволен этим?» (Исайя, 57, 3, 4, 5, 6).

Эти слова недвусмысленны. Они показывают ясно, что в то время вызывания имели целью предсказания и что из них делали торговлю; они были принадлежностью магии и колдовства и сопровождалась даже человеческими жертвами. Не прав ли был Моисей, запрещая такие вещи и говоря, что они мерзостны перед Богом? И подобное суеверие практиковалось вплоть до средних веков; наконец, теперь здравый смысл осудил их, и спиритизм пришел показать самые возвышенные, моральные, религиозные и успокоительные цели общения с незримым миром. Итак, спириты не приносят в жертву маленьких детей и не делают возлияние в честь своих богов; не вопрошают звезды, не спрашивают мертвых и прорицателей, чтобы узнать будущее, которое Бог так премудро скрыл от людей; отвергают всякую торговлю теми способностями, которыми некоторые из них одарены для общения с Духами; они не побуждаемы ни любопытством, ни алчностью, но только набожным чувством, только желанием учиться, совершенствоваться и успокаивать страждущих. Очевидно, что запрещение

Моисея ни с какой стороны их не касается, и те, кто ссылаются на него для того, чтобы осудить спиритов, увидели бы это сами, если бы они вникли поглубже в смысл библейских слов; они узнали бы, что не существует ни малейшей аналогии между тем, что происходило у евреев, и спиритическими принципами; более того: что спиритизм осуждает именно то, что мотивировало запрещение Моисея; но ослепленные желанием найти аргумент против новых идей, они и не заметили, что эти аргументы ошибочны.

Гражданские законы наших дней наказывают все злоупотребления, которые хотел обуздать Моисей. Если он произнес смертный приговор против преступных, так это оттого, что недисциплинированный народ требовалось вести более суровыми мерами. Наказание смертью имеет широкое применение в законах Моисея также и потому, что он не имел большого выбора в способах наказания, у него не было в пустыне ни тюрьмы, ни исправительных домов, и его народ не был склонен подчиняться страху наказаний чисто дисциплинарных, Моисей не мог разделить свое законодательство на такие градации, как это делается в наши дни.

Итак, напрасно опираются на строгость взыскания, чтобы доказать степень виновности вызывания умерших. И почему с такой настойчивостью восстанавливают эту статью закона Моисея, обходя столько других, может быть, еще более важных.

5. Законодательство Моисея разделяется на две части, которые отчетливо различаются: собственно закон Божий, обнародованный на горе Синай, и гражданский закон, или дисциплинарный, соответствовавший нравам и характеру народа.

Один — неизменен, а другой изменяется в зависимости от времени, и никому не может придти в голову, чтобы мы в настоящее время могли руководствоваться теми же мерами, какими руководствовались евреи в пустыне. Кто стал бы восстанавливать, например, следующую статью закона Моисея: «Если вол забодает

мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мясо его не есть; а хозяин вола не виновен» (Исход., 21, 28 и след.).

Тем не менее эта статья, представляющаяся нам абсурдной, не имела целью наказывать вола и оправдывать хозяина: она просто имела смысл конфискации имущества за случившееся, чтобы обязать владельца усилить надзор. Потеря вола была наказанием хозяину, наказанием достаточно чувствительным для пастушеского народа; но никто не должен был пользоваться им, поэтому налагалось запрещение есть его мясо. Другие статьи постановляют такие случаи, где хозяин ответственный.

Все имело свое значение в законодательстве Моисея, потому что все там предвиделось до мельчайших деталей; но все, как форма, так и сущность, было соответственно времени. Без сомнения, если бы Моисей снова пришел на землю для того, чтобы составить свод законов культурной европейской нации, он не дал бы ей еврейских законов.

6. На это возражают, что все законы Моисея божественны, как и возведенные с Синая. Если считают их все исходящими из одного источника, то почему же заповеди ограничиваются одним десятисловием? Потому, вероятно, что их различают; если все они исходят от Бога, все — одинаково обязательны; почему же их так не рассматривают? Наконец, почему, например, не сохранили обрезание, которое Господь не уничтожал и Сам подвергся ему?

Христос приходил также смягчить законы Моисея и дать свой закон христианский. Не говорил ли Он: «Вы слышали, что сказано древним... а Я говорю вам...» и т. д. А касался ли Он синайского законодательства? Ни в каком случае; Он санкционирует его, и вся Его доктрина есть развитие и разработка этого законодательства. И все Его нравственное учение есть только развитие этого закона. Также нигде не говорит Он о запрещении вызывать умерших, хотя это был настолько важный воп-

рос, что Он не мог бы выкинуть его из Своих поучений, тогда как рассматривались вопросы более второстепенные.

7. Сказать короче, дело здесь в том, признает ли церковь закон Моисея выше Евангелия, т. е. причисляет ли она себя к еврейскому вероисповеданию или христианскому? Следует заметить, что из всех вероисповеданий иудейское менее других восставало против спиритизма и даже не приводило против общения с умершими закон Моисея, на который опираются все христианские исповедания.

8. И если Моисей запретил вызывать Духов умерших, значит, они могут приходить, иначе его запрещение не имело бы смысла.

Если они могли приходить в его время, они могут приходить и теперь; если это Духи умерших, значит — не исключительно демоны. К тому же Моисей вовсе не о них говорит. Итак, очевидно, что в этом случае нельзя логически опереться на закон Моисея по двойной причине: потому, что он не руководит христианством, и потому, что он не соответствует нравам нашей эпохи. Но, оставляя даже за ним ту авторитетность, которую некоторые ему приписывают, он все же, как мы видим, не может быть применим к спиритизму.

Правда, Моисей признает, что мертвых можно вызывать, но только как вопрос второстепенный, как принадлежность колдовства. Само слово *вопрошать*, поставленное в одном ряду с *предсказаниями* и *гаданиями*, показывает, что евреи вызывали только для этой цели; но спириты *не вызывают* умерших для запрещенных сообщений, а для того, чтобы получить от них добрые советы и доставить успокоение страждущим. Без сомнения, если бы евреи пользовались сообщениями из иного мира только для этого, то Моисей не только не запрещал бы им, но стал бы их поощрять, потому что это смягчило бы их нравы.

9. Если некоторым критикам-шутникам и недоброжелателям захотелось представить спиритические соб-

рания как сборища клоунов и гадателей, а медиумов — как предсказателей будущего; если некоторые шарлатаны примешивают имена медиумов к тем смешным случаям, от которых откажется всякий из них, то все же есть много людей, которые хорошо понимают значение высоконравственных собраний серьезных спиритов. Доктрина, изложенная для всего мира, достаточно протестует против всякого рода злоупотреблений, и клевета падает на того, кто ее заслужил.

10. Говорят, вызывание есть неуважение к мертвым, прах которых не надо тревожить. Кто это говорит? Противники двух противоположных лагерей, подающие друг другу руки: атеисты, которые *не верят в душу*, и те, которые, хотя и верят, но уверяют, что *она не может прийти и что приходят одни только демоны*.

Когда вызывание совершается с чувством религиозным, сосредоточенно, не из любопытства и с полным уважением, при искреннем желании учиться и сделаться лучше, — нельзя сказать, что вызывать людей после смерти — преступнее, чем вызывать их при жизни. Но есть еще один решительный ответ на это возражение — это то, что Духи приходят добровольно, а не насильственно; что они приходят даже неожиданно, без зова; что они всегда довольны общением с людьми и часто жалуются на то, что их забывают. Если бы их спокойствие было нарушено, если бы они были недовольны нашим зовом, они сказали бы это или перестали бы приходить. Они свободны, и если приходят, значит, они не против этого.

11. Приводят еще следующий довод: «Духи пребывают в жилище, определенном для них справедливостью Божией, т. е. в раю или в аду»; таким образом, те, которые в аду, не могут из него выйти, предоставленные демонам; те, которые в раю, всецело предаются блаженству; они слишком высоко над миром, чтобы заниматься им, и слишком счастливы, чтобы снова приходить на эту несчастную землю, интересоваться родными и близкими, которых они оставили на ней. Они, зна-

чит, как те богатые, которые отвращают взоры от бедных, чтобы не испортить себе пищеварения... Если бы это было так, они были бы мало достойны высшего блаженства, которое было бы таким образом ценою эгоизма. Итак, остаются только Духи, находящиеся в чистилище, но они, страдая, прежде всего думают только о своем спасении. Следовательно, если ни те, ни другие не могут придти, вместо них приходят демоны. А если они не могут придти — нам нечего бояться нарушить их покой.

12. Но здесь представляется другое затруднение. Если души, пребывающие в блаженстве, не могут покинуть свое счастливое место пребывания, чтобы придти на помощь смертным, почему церковь призывает святых, которые должны в еще большей степени пользоваться блаженством? Почему повелевает она верным принимать их во время болезни, скорбей и всяких бедствий? Почему святые и Сама Пречистая Дева приходят к людям совершать чудеса? Они оставляют небо, чтобы придти на землю, почему же не могут сделать этого души, находящиеся в менее высоких условиях блаженства?

13. Что неверующие отрицают явление душ, это понятно, потому что они не верят в душу; но что поистине странно, так это видеть тех, верование которых опирается на ее существование и на ее будущность, видеть, как ожесточенно они восстают против доказательства ее существования и селятся убедить, что это невозможно. Кажется бы, естественнее, наоборот, что наиболее заинтересованные в ее существовании должны бы принять с радостью и как милость Провидения возможность поколебать неверующих неопровержимыми доказательствами. Они беспрестанно оплакивают утрату верных, которых уносит наводнение атеизма, а когда представляется самое могущественное средство его победить, они его отталкивают с большим упорством, чем сами неверующие. Потом, когда явные свидетельства бьют через край, не оставляя уже никакого сомнения, тогда

прибегают как к высшему аргументу к запрещению, и чтобы его удостоверить, идут разыскивать статью Моисеева закона, который никому не приходил в голову и в котором, во что бы то ни стало, хотят видеть не приложимое к данному случаю применение. Этим открытием так очастливлены, что не замечают даже, что статьи закона Моисеева только подтверждают спиритическую доктрину.

14. Все мотивы, приводимые против сношения с Духами, не выдерживают строгой критики; по тому же ожесточению, которое примешивается к этому вопросу, можно заключить, что он имеет большой интерес, иначе он не вызывал бы такую настойчивость. Видя эти выступления всех культов против проявления Духов, можно подумать, что они их боятся. Наиболее серьезным мотивом, конечно, может быть страх, что Духи, вследствие своей пронизательности, могут осветить людям те загадочные места, которые старательно оставляются в тени, и расскажут им всю правду о том, что существует по ту сторону мира, и каковы на самом деле условия для того, чтобы быть там счастливым или несчастным. Так же, как пугают детей, говорят и взрослым: «Не зовите Духов, это дьяволы». Но пусть говорят; запрещая людям вызывать Духов, не запретят Духам приходить к ним и раскрывать им истину.

Верование, которое будет абсолютно правдиво, не будет бояться света, потому что он заставит еще ярче выступить истину, которую демоны не могут превозмочь.

15. Отталкивать сообщения из загробного мира это значит отталкивать могущественное средство для познания, получаемое каждым через посвящение в таинство будущей жизни, через примеры, которые они нам доставляют. Кроме того, опыт научает нас тому добру, которое можно сделать, отвращая от зла несовершенных Духов, помогая страдающим отделиться от материи и совершенствоваться. Запрещать все это — значит лишать несчастных той помощи, которую мы можем им доставить.

Следующие слова Духа прекрасно выражают те следствия общения с Духами, которые практикуются ради высоких целей милосердия: «Всякий страдающий скорбный Дух расскажет вам причину своего падения и те увлечения, которым он поддался; он поведаст вам о своих надеждах, борьбе, своих ужасах, угрызениях совести, горе, отчаянии; он вам покажет Бога во гневе Его, карающего грешника со всею Своей справедливой строгостью. В вас шевельнется сочувствие и страх за ваше собственное будущее; следя за ним в его жалобах, вы увидите дальше, с какой заботливостью Бог не теряет его из вида, ожидая раскаяния, протягивая ему руку при первом движении сердца. Вы увидите успехи виновного и будете счастливы — слава содействия принадлежит также и вам; вы будете заботливо следить за ним, как хирург следит за успехами заживления раны, которую он перевязывает». (Бордо, 1861).

Часть вторая

ПРИМЕРЫ

Глава I

ПЕРЕХОД

1. Вера в будущую жизнь не исключает страха перехода от этой жизни к будущей. Многие боятся не самой смерти, а момента переселения. Страдают или не страдают при переходе? Вот что, собственно, их беспокоит. Об этом стоит подумать, тем более, что этого никто не избежит. Можно отказаться от земного путешествия, но тут все, как бедный, так и богатый, должны совершать этот переход, и как бы он ни был тягостен, ни знатность, ни богатство не усладят его горечи.

2. Достаточно видеть спокойную и тихую смерть некоторых и ужасные муки агонии других, чтобы судить, что чувства и ощущения не всегда и не у всех в эту минуту бывают одинаковы. Но кто может научить нас в этом отношении? Кто опишет нам физиологический процесс отделения души от тела? Кто расскажет нам свои впечатления в эту великую минуту? На этот счет как наука, так и религия остаются безмолвны. А поче-

му? Да потому, что как той, так и другой, недостает знания тех законов, которые управляют взаимоотношениями духа и материи. Одна останавливается на пороге жизни духовной, другая — на пороге жизни материальной. Спиритизм же есть грань, соединяющая то и другое; он один может сказать, как происходит переход как более точным определением, которое он дает о свойствах души, так и рассказами тех, которые уже покинули земную жизнь. Знакомство с флюидической связью, которая соединяет душу и тело, есть ключ к этому явлению, как и ко многим другим.

3. Инертная материя нечувствительна, это несомненный факт. Одна только душа испытывает ощущения удовольствия и скорби. Во время жизни все, что испытывает тело, отражается на душе, вызывая в ней всевозможные впечатления. Страдает душа, а не тело; последнее есть только орудие страдания, а душа — страдалец. После смерти тело, отделенное от души, может быть безнаказанно изрублено; оно ничего не чувствует. Душа, отделенная от него, не получает впечатления от ран, наносимых телу; она имеет свои собственные ощущения, которые не исходят из осязаемой материи. *Периспри* — есть флюидическая оболочка души, от которой она не отделяется ни *до*, ни *после* смерти и с которой она составляет одно целое; потому что одно не может быть постигнуто без другого. В продолжение жизни периспиритальный флюид проникает в тело во всех его частях и служит проводником физических ощущений души; через этого же проводника душа влияет на тело и направляет его деятельность.

4. Пресечение органической жизни ведет к отделению души от тела посредством флюидических связей, которые их соединяли. Но это расставание никогда не бывает резко; периспиритальный флюид отделяется постепенно от всех органов, так что отделение бывает полным и совершенным только тогда, когда не остается уже ни одного атома периспри, связанного с мельчайшей частицей тела. Болезненное ощущение, которое

душа испытывает в это время, зависит от количества точек соприкосновения между телом и периспри и от большей или меньшей легкости или медленности отделения во время перехода.

Итак, не надо скрывать от себя, что смерть, смотря по обстоятельствам, может быть более или менее тяжелой; и вот эти-то различные обстоятельства мы и намерены рассмотреть.

5. Но прежде всего примем в качестве основных следующие четыре случая, которые можно рассматривать как крайние положения, между которыми есть множество оттенков:

а) Если в момент прекращения органической жизни отделение периспри совершилось вполне, то душа решительно ничего не почувствует.

б) Если в этот момент связь или сцепление двух элементов было в полной силе, то происходит что-то вроде раздиранья, что болезненно отражается на душе.

в) Если сцепление слабое, отделение происходит легко и без потрясения.

г) Если по окончательном прекращении органической жизни остается еще много точек соприкосновения между телом и периспри, душа может чувствовать разложение своего собственного тела до тех пор, пока связь не порвется окончательно.

Из этого следует, что страдания, сопровождающие смерть, зависят от силы сцепления тела и периспри и что все, что способствует уменьшению этого сцепления и скорости отделения, делает переход менее тягостным. Наконец, если отделение происходит без всякого затруднения, душа не испытывает никакого неприятного чувства.

6. При переходе от жизни телесной к жизни духовной происходит еще один феномен значительной важности — это беспокойство, смущение Духа. В это время душа испытывает оцепенение, которое парализует ее способности и чувства. Она пребывает как бы в каталеп-

сии и поэтому *образом* почти никогда не бывает сознательной свидетельницей последнего вздоха. Мы говорим *почти никогда*, потому что есть случаи, когда она может быть в сознании, как мы это увидим сейчас. Итак, смущение может быть рассматриваемо как нормальное состояние души во время смерти; его продолжительность неопределенна: она колеблется от нескольких часов до нескольких лет. По мере того как смятение рассеивается, душа как бы просыпается от глубокого сна; мысли спутаны, неопределенны, представления не ясны, она видит все как бы в тумане; но мало-помалу, наступает просветление, возвращается память и наконец дух приходит в себя. Но пробуждение это бывает различно, смотря по индивидуальности: у иных оно покойно и производит чудное ощущение; у других оно полно ужаса и тревоги и производит впечатление страшного кошмара.

7. Момент последнего вздоха, стало быть, не самый трудный, потому что обыкновенно душа находится тогда в бессознательном состоянии; но перед этим она страдает от разложения материи в продолжение агонии, а после — от мук смятения. Поспешим сказать, что это состояние не общее. Сила и продолжительность страданий, как мы уже говорили, находится в зависимости от сродства, существующего между телом и периспри. Чем больше это сродство, тем большее усилие должен сделать Дух, чтобы освободиться от связей, и тем мучения его сильнее и продолжительнее. Но у некоторых связь эта так слаба, что освобождение происходит само собою и безболезненно. Дух отделяется от тела, как спелый плод падает с ветви, — это случай когда смерть покойна и пробуждение мирно.

8. Нравственное состояние души больше всего влияет на легкость освобождения. Сродство между телом и периспри зависит от привязанности Духа к материи. Оно всего сильнее у людей, чьи помыслы сосредоточиваются на материальной жизни и ее наслаждениях; но почти отсутствует у тех, чья чистая душа заранее

слилась воедино с жизнью духовной. Медленность и трудность расставания зависит от степени чистоты и дематериализации души, и от каждого зависит сделать это отделение или переход по возможности легче и безболезненнее.

Итак, установив это положение и теоретически, и как результат наблюдения, нам остается рассмотреть влияние разного рода смерти на ощущения души в последнюю минуту.

9. В случаях естественной смерти, которая происходит от истощения жизненных сил болезнью или летами, освобождение происходит постепенно; у человека, душа которого дематериализована и мысли оторвались от всего земного, освобождение почти полностью происходит еще до смерти; тело живет еще органической жизнью, а душа уже вошла в жизнь духовную и держится на такой тонкой связи, что она без труда прерывается при последнем биении сердца. В таком положении Дух может уже обладать всем своим ясновидением и быть сознательным свидетелем прекращения жизни своего тела, от которого он рад избавиться; для него смятение очень непродолжительно: это минута спокойного, тихого сна, от которого он пробуждается с чувством несказанного, счастья и надежды. У человека материального и чувственного, который жил больше телом, чем душой, для которого духовная жизнь — ничто, даже не действительность, в его представлении все способствовало укреплению связи, которой он был привязан к материи, и ничто не помогало ее ослаблению при жизни. С приближением смерти отделение происходит также постепенно, но с большими усилиями. Судороги агонии — признак борьбы Духа с материей: иногда он сам хочет разорвать связи, которые ему сопротивляются; иногда же хватается за тело, чтобы удержаться; но неодолимая сила отрывает его по частям с огромными усилиями.

10. Дух тем более цепляется за телесную жизнь, что

он ничего не видит после нее; он чувствует, что жизнь от него уходит и хочет ее удержать, и вместо того, чтобы свободно отдаться движению, которое его увлекает, он сопротивляется всеми силами и может продолжать борьбу целые дни, недели и даже месяцы. Без сомнения, в это время Дух не пользуется ясным сознанием: смутное состояние началось задолго до смерти, но он от этого страдает не меньше, и хаос, в котором он находится, неуверенность, что с ним будет, еще прибавляет смертельную тоску. Смерть наконец приходит, но не все еще кончено: смятение продолжается, он чувствует, что он жив, но не знает, что это за жизнь — материальная или духовная. Он продолжает борьбу до тех пор, пока не порвутся последние нити прикрепления периспри. Смерть положила конец фактической болезни, но она не остановила последствий ее; пока еще существуют точки соприкосновения между телом и периспри, Дух продолжает чувствовать их воздействие и страдает от того.

11. Совершенно иное бывает с Духом, уже отрешившимся от материи при жизни, даже при самых тяжелых болезнях. Флюидические связи, соединяющие его с телом, слабы и обрываются незаметно; потом его вера и надежда на будущее, которое он уже видит мысленно, а иногда даже реально, позволяют ему смотреть на смерть как на избавление; а на страдания — как на испытание. Отсюда нравственное спокойствие и покорность высшей воле, которые смягчают его страдания. Так как эти нити порываются в самый момент смерти, то он не испытывает никакой болезненной реакции: он при своем пробуждении чувствует себя свободным, радостным и освобожденным от тяжелого бремени.

12. В случаях насильственной смерти условия не таковы. Никакое частичное разъединение не могло подготовить предварительного отделения периспри от тела; органическая жизнь в полной своей силе внезапно останавливается; освобождение периспри начинается только после смерти и в этом случае, как и в других,

не может произойти мгновенно. Дух, захваченный врасплох, как бы ошеломлен, но, чувствуя, что он продолжает думать, уверен, что он еще жив, и иллюзию эту сохраняет до тех пор, пока не даст себе отчета в своем положении. Это промежуточное состояние между жизнью телесной и духовной всего интереснее для наблюдения, потому что представляет странное зрелище Духа, принимающего свое флюидическое тело за материальное и испытывающего все ощущения органической жизни. Оно представляет бесконечное разнообразие оттенков, в зависимости от характера, знаний и степени морального развития Духа. У возвышенных душ оно непродолжительно, потому что освобождение совершилось у них заранее, и смерть, хотя бы даже внезапная, только ускорит его окончание; у других переход этот может продолжаться годы. Это состояние встречается очень часто даже в случаях обыкновенной смерти и для некоторых не представляет ничего тяжелого, смотря по качествам Духа. Но для других это состояние ужасно. Оно ужасно, в особенности у самоубийц. Тело соединено с периспри всеми своими фибрами, и все его судороги передаются душе, которая испытывает страшные страдания.

13. Состояние Духа в момент смерти можно вкратце описать так: Дух страдает тем больше, чем медленнее освобождается периспри; быстрота освобождения зависит от степени нравственного совершенствования Духа; для Духа, свободного от материи, совесть которого чиста, смерть есть сон нескольких мгновений, свободный от всякого страдания, а пробуждение полно сладости.

14. Чтобы трудиться над своим очищением, исправлять свои дурные склонности, побеждать свои страсти, нужно понимать все преимущества совершенствования в будущем; чтобы освоиться с будущей жизнью, иметь на нее надежду и предпочитать ее земной жизни, нужно не только в нее верить, но и понимать ее; нужно

себе представить ее в том виде, который мог бы быть принят разумом, который был бы логичен, согласен с здравым смыслом и с тою идеей, которую имеешь о величии, благодати и справедливости Божией. Из всех философских учений спиритизм в этом отношении оказывает самое могущественное влияние тою несокрушимою верою, которую он дает. Истинный спирит не ограничивается простым верованием: он верит потому, что понимает и что верование это доступно его рассудку; будущая жизнь для него — реальная жизнь, которая постоянно разворачивается перед его глазами; он видит и, можно сказать, осязает ее, и сомнение не имеет доступа к его душе. Ограниченная земная жизнь исчезает для него перед жизнью духовной, которая и есть настоящая, действительная жизнь. Оттого-то убежденный спирит и придает так мало значения случайностям пути и с покорностью переносит все превратности жизни: он понимает их причину и их пользу. Душа его возвышается в непосредственном общении с невидимым миром; флюидические связи, привязывающие его к материи, ослабляются, и таким образом происходит первое частичное освобождение, которое облегчает переход этой жизни к загробной. Смутное состояние при освобождении весьма непродолжительно, потому что тотчас по переходе душа сознает свое состояние; ничто ей не чуждо, и во всем она себе отдает полный отчет.

15. Конечно, нельзя сказать, чтобы спиритизм был единственным путем к спасению душ; но он облегчает его тем, что дает сознательное отношение к религии, внушает добрые чувства и поясняет Духу необходимость совершенствования. Кроме того, он дает каждому способ облегчить освобождение других душ в ту минуту, когда он покидает свою телесную оболочку, и сократить их смутное состояние молитвой и вызыванием. Искренней молитвой, которая есть духовная магнетизация, вызывают скорейшее разъединение флюидов периспри; а осторожным вызыванием и словами ободрения и доб-

рожелательности извлекают Духа из того состояния оцепенения, в котором он находится, и помогают ему скорее придти в себя; если он страдает, его побуждают к раскаянию, которое одно может сократить страдания*.

Глава II

СЧАСТЛИВЫЕ ДУХИ

Г. САНСОН

Господин Сансон, член Парижского Спиритического Общества, умер 21 апреля 1862 г. после целого года ужасных страданий. Предвидя свой близкий конец, он обратился к президенту Общества с письмом следующего содержания:

«В случае неожиданного отделения моей души от

* Примеры, которые мы здесь приводим, изображают Духов в различных фазах счастья и несчастья духовной жизни. Мы не искали их среди более или менее знаменитых лиц древности, положение которых с тех пор могло значительно измениться и которые к тому же не представили бы достаточно доказательств своей достоверности. Мы черпали их из более обыкновенных источников современной жизни, потому что в них всякий скорее найдет сходство с собственным положением и через сравнение извлечет много поучительного. Чем ближе к нам земное существование Духов, по социальному ли их положению или по родственным отношениям, тем более оно нас интересует и тем легче его проверять. Обыкновенное положение — это положение большинства; тогда как исключительные случаи затрагивают немногих потому, что они выходят из сферы наших привычек. Итак, мы не искали знаменитостей; если в этих примерах и попадаются несколько известных лиц, то большая часть никому не известна. Громкие имена, ничего не прибавив, могли бы только оскорбить щекотливость. Мы обращаемся, вдобавок, не к любопытным и не к любителям шума, а к желающим серьезно учиться.

Эти примеры могли бы быть умножены до бесконечности; но, вынужденные ограничить их число, мы выбирали те из них, которые могли бросить более яркий свет на состояние духовного мира по тому ли положению, в каком находится Дух, или по тому объяс-

тела, имею честь напомнить вам просьбу, с которой я уже обращался к вам в прошлом году, а именно: вызывать мой Дух как можно чаще, если вы найдете это нужным. Как член нашего Общества в продолжение моей жизни на земле я был мало полезен. Я желал бы послужить ему за гробом, предоставляя возможность через вызывания проследить шаг за шагом все обстоятельства, сопровождающие то, что в обыденной жизни называется смертью. Но это для нас, спиритов, есть только превращение, согласное неисповедимым судьбам Божиим, всегда ведущим нас к намеченной цели.

Кроме этого полномочия и просьбы сделать мне честь такого рода духовного вскрытия, которое, быть может, будет и бесплодно по причине моей малой духовной возвышенности, осмеливаюсь просить вас и всех моих коллег молить Всевышнего да дозволит Он добрым Духам помогать мне своими советами. В особенности же прошу св. Людовика, нашего духовного покровителя, руководить мною, когда настанет время нового воплощения. Это уже теперь заботит меня, и я боюсь обмануться в моих духовных силах, боюсь, что слишком рано и самонадеянно могу молить Бога о воплощении, в котором не оправдываю божественной благодати, и, вместо того, чтобы возвыситься, еще продолжу свое пребывание на земле или где-либо в другом месте».

Чтобы исполнить желание Сансона и вызвать его как можно скорее после его кончины, мы с несколькими членами Общества отправились в его дом и в присутствии тела, за час до погребения, произошла следующая беседа. При этом у нас было две цели: во-первых, исполнить его последнее желание и, во-вторых, сделать наблюдения над состоянием души в момент, столь близ-

нению, которое он мог дать! Большая часть из них еще нигде не напечатана, только некоторые были помещены в «Revue Spirite». Мы исключили из них излишние подробности, оставив только самое существенное, что может быть полезно для нашей цели, и прибавить только некоторые дополнительные объяснения.

кий к смерти, и у человека столь высокого и просвещенного ума, глубоко проникнутого спиритическими истинами; мы хотели проследить влияние этих верований на состояние Духа и схватить его первые впечатления; и мы не обманулись в наших ожиданиях. Сансон чрезвычайно ясно описывал момент перехода, он как будто присутствовал при своей смерти и при своем возрождении. Обстоятельство очень редкое и свидетельствующее о степени возвышенности Духа.

(Комната, где лежал покойник 23 апреля 1862 г.)

После обычного вызова Дух сказал:

— Я прихожу на ваш зов, чтобы исполнить мое обещание.

1. *Вопрос.* — Дорогой г-н Сансон, мы считаем долгом и удовольствием вызвать вас как можно скорее после вашей смерти, как вы этого желали.

Ответ. — Это особенная милость Божия позволить Духу моему сообщаться; благодарю вас за ваше доброе желание, но я очень слаб и *трепещу*.

2. *Вопрос.* — Вы так страдали, что мы можем, кажется, спросить вас, как вы себя теперь чувствуете? Страдаете ли вы еще? Какие ощущения испытываете теперь по сравнению с тем, что было два дня тому назад?

Ответ. — Я совершенно счастлив, ибо я не чувствую более никаких страданий, я переродился и как будто заново восстановлен. Переход от земной жизни к жизни Духа сначала был для меня как бы непонятен, мы проводим иногда несколько дней без ясного сознания; но перед смертью я молил Бога и просил Его дать мне возможность говорить с теми, кого я люблю, и Бог услышал меня.

3. *Вопрос.* — Через сколько времени вы получили ясность мысли?

Ответ. — Через 8 часов; Господь был милостив ко мне, признав меня достойным, и я никогда не смогу достаточно возблагодарить Его.

4. *Вопрос.* — Вполне ли вы уверены, что не находитесь более на этом свете, и из чего вы это заключаете?

Ответ. — О, конечно, я больше не в вашем мире, но я всегда буду около вас, чтобы помогать вам и постоянно напоминать о милосердии и самоотречении, которые были главным двигателями в моей жизни; я буду учить вас истинной вере, вере духовной, которая должна поднять веру в справедливость и добро; я силен, я очень силен, я совершенно преобразился; вы бы не узнали меня, я уже больше не немощный старик, отказывающийся от всего, от всех радостей и удовольствий. Теперь я — Дух, мое отечество — пространство, моя будущность, — Бог, Который сияет в необъятности. Я бы очень желал поговорить с моими детьми, которым я бы мог объяснить то, во что они никогда не хотели верить.

5. *Вопрос.* — Какое впечатление производит на вас вид вашего тела, здесь лежащего?

Ответ. — Тело мое, бедные бранные останки, должны превратиться в прах, и я храню доброе воспоминание о всех тех, кто был ко мне внимателен. Смотрю я на это бедное обезображенное тело, жилище моего Духа, испытание стольких лет! Благодарю тебя, мое бедное тело! Ты очистило мой Дух, и десять раз благословенное страдание дало мне заслуженное место, ибо тотчас же я получил возможность говорить с вами.

6. *Вопрос.* — Сохранили ли вы сознание до последней минуты?

Ответ. — Да. Мой Дух сохранил свои способности, хотя я уже не видел, но предчувствовал: вся моя жизнь развернулась и прошла перед моими воспоминаниями, и моя последняя мысль, моя последняя молитва была о том, чтобы говорить с вами, что я и делаю; затем я просил Бога, чтобы Он позволил мне помогать вам; это было всегда моим желанием, и оно исполнилось.

7. *Вопрос.* — Отдавали ли вы себе отчет о минуте, когда тело ваше испустило последний вздох; что про-

изошло с вами в этот момент; что вы чувствовали?

Ответ. — Жизнь кончается, и зрение, то есть зрение Духа, потухает; находишь пустоту, неизвестность и уносишься неизвестно каким чудом в мир, где все — радость и величие. Я ничего не чувствовал, не отдавал себе отчета, но все же я исполнился невыразимым счастьем; и я более не чувствовал страданий.

8. *Вопрос.* — Имеете ли вы понятие... (Того что я предполагал прочесть на вашей могиле)?

(Только что успели произнести первые слова этого вопроса, как Дух ответил, не дав кончить. Он ответил еще на вопрос, хотя и не предложенный, но возбужденный в разговоре между присутствующими, о том, своевременно ли будет прочесть это сообщение на кладбище, принимая во внимание присутствие лиц, не разделяющих эти воззрения).

Ответ. — О, друзья мои, я знаю, я видел вас вчера и вижу сегодня, я очень доволен. Благодарю, благодарю. Говорите, чтобы меня поняли и вас оценили; не бойтесь ничего, так как смерть все-таки уважают; говорите, чтобы неверующие получили веру. Прощайте, говорите, мужайтесь и верьте, и пусть дети мои обратятся к чтимому верованию.

Ж. Сансон.

В продолжение церемонии похорон на кладбище он продиктовал следующие слова: «Пусть смерть не пугает вас, друзья мои; это только переход для вас, если вы умели хорошо жить; это счастье, если вы достойно служили и хорошо исполнили ваши испытания. Повторяю: мужайтесь и не унывайте! Не цените слишком высоко земные блага, и вы будете вознаграждены; *нельзя много наслаждаться, не отнимая чего-либо у других и не причиняя себе тем громадного нравственного зла.*

Да будет земля легка праху моему!»

Парижское спиритическое общество 25 апреля 1862 года.

1. *Вызывание.*

— Я с вами, друзья мои.

2. *В.* — Мы были очень счастливы тем, что могли беседовать с вами в день вашего погребения, и, с вашего позволения, были бы очень рады еще пополнить наши знания.

От. — Я готов. Я счастлив, что вы обо мне думаете.

3. *В.* — Все, что может просветить нас насчет состояния невидимого мира и дать нам о нем понятие, имеет для нас огромный интерес, так как ложные понятия большей частью ведут к неверию. Не удивляйтесь же вопросам, которые мы можем вам предложить.

От. — Я не удивлюсь и жду их.

4. *В.* — Вы с блестящею ясностью описали переход от жизни к смерти; вы сказали, что в момент последнего вздоха жизнь обрывается и зрение Духа угасает. Сопровождается ли это каким-либо тяжелым болезненным ощущением?

От. — Без сомнения, так как жизнь есть последовательность страданий, а смерть — дополнение ко всем страданиям; отсюда сильнейшее потрясение, так как Дух должен сделать нечеловеческое усилие, чтобы вырваться из своей оболочки; это усилие и охватывает все существо и заставляет терять сознание.

(Явление это не обязательно. опыты доказали, что многие Духи теряют сознание до отхода, и у тех, кто дошел до известной степени чистоты, отделение происходит без усилия).

5. *В.* — Знаете ли вы Духов, для которых момент этот проходит более болезненно? Труднее ли он для материалиста, для того, кто думает, что для него в эту минуту все кончается?

От. — Да, это верно, ибо Дух подготовленный уже

забыл страдания, или, лучше сказать, привык к ним, и спокойствие, с которым он смотрит на смерть не дает ему страдать вдвойне: он знает, что его ждет. Нравственная мука—самая сильная, и отсутствие ее в минуту смерти — большое облегчение. Тот, кто не верит, походит на осужденного на смертную казнь, который видит топор и неизвестность. Есть сходство между этой смертью и смертью атеиста.

6. В. — Есть ли такие закоренелые материалисты, чтобы даже в эту важную минуту думать, что они окунутся в небытие?

От. — Конечно, до последней минуты многие верят в небытие; но в момент отделения Дух чувствует глубокое волнение, его одолевает сомнение и мучает его; он спрашивает себя, что с ним будет; он хочет что-то схватить, но не может. Отделение не может произойти без этого впечатления.

Дух дал нам следующее описание смерти неверующего:

Закоренелый атеист испытывает в последнюю минуту томление тех ужасных кошмаров, когда видишь себя на краю пропасти уже падающим в бездну; он делает напрасные усилия, чтобы бежать, и не может двинуться, хочет за что-нибудь удержаться, найти точку опоры и чувствует, что скользит; хочет крикнуть, позвать кого-нибудь, но ни единый звук не выходит из его горла. Тогда-то с умирающим делаются судороги; он ломает себе руки и издает глухие стоны; это верный признак кошмара. При обыкновенном кошмаре пробуждение прекращает страх, и вы чувствуете себя счастливым, что это был только сон; но предсмертный кошмар продолжается очень долго (иногда даже целые годы после кончины), и что еще мучительнее для Духа — это тьма, в которую он иногда бывает погружен.

7. В. — Вы сказали, что в минуту смерти вы не видели, а предчувствовали. Что вы не видели телесно, т. е. глазами, — это понятно; но, может быть, вы еще до

наступления конца жизни уже предвидели светлые лучи мира Духов?

От. — Я это и сказал прежде: момент смерти возвращает ясновидение Духу; глаза уже не видят больше, но Дух, который имеет более глубокое зрение, мгновенно открывает неизвестный мир; истина является ему внезапно и наполняет его (правда, на мгновение), или глубокой радостью, или невыразимой мукой, смотря по состоянию его совести и воспоминаниям его прошедшей жизни.

(Здесь идет речь о минуте, предшествующей той, когда Дух теряет сознание; это объясняет слово *мгновение*, так как те же впечатления, приятные или тяжкие, продолжают после пробуждения).

8. В. — Потрудитесь сказать нам, что в минуту, когда открылись глаза ваши, вас особенно поразило и что вы увидели? Не можете ли описать, что представилось вашему взгляду?

От. — Когда я пришел в себя и взглянул на то, что было перед моими глазами, я был поражен, ослеплен и не мог дать себе отчета, так как ясное понимание не приходит сразу. Но Бог, оказавший мне великую милость, позволил мне вернуть мои чувства. Я увидел себя окруженным многочисленными и верными друзьями. Все Духи, наши покровители, окружили меня и улыбались мне; несравненное счастье сияло в их взорах, и я сам, сильный и здоровый, мог без всякого усилия переноситься в пространстве. Все, что я видел, не может быть выражено человеческим языком.

Я приду еще, чтобы подробнее рассказать вам о моем счастье, не переходя, однако, дозволенных Богом пределов. Знайте, что счастье, каким вы его понимаете, просто вымысел. Живите мудро и свято, в духе милосердия и любви, и вы приготовите себе впечатления, каких ни один поэт в мире не в силах описать.

(Волшебные сказки, конечно, полны небылиц, но не изображают ли они, хоть в некоторых отношениях, то, что происходит в мире Духов?)

Рассказ г-на Сансона не походит ли на рассказ человека, заснувшего в бедной хижине и проснувшегося в чудном дворце, среди блестящего общества).

III

9. В. — Под каким видом предстали пред вами Духи? В образе ли человека?

От. — Да, дорогой друг, Духи еще на земле передавали нам, что они и в другом мире сохраняют временно тот вид, который имели на земле, и это правда.

Но какая разница между этой безобразной машиной, которая так тяжело тащится со своими испытаниями, и чудною эфирностью духовных тел.

Уродства больше нет, так как черты потеряли грубое выражение, свойственное человеческому роду. Бог освятил эти грациозные тела, движущиеся с изящной легкостью; язык их имеет невыразимые для нас интонации, а взгляд — глубину звезд. Постарайтесь хоть мысленно представить себе, что Бог мог бы создать в Своем могуществе. Он зодчий из зодчих, и вы едва составите себе слабое понятие об образе Духов!

10. В. — А вы сами каким себя видите? Имеете ли вы определенную форму, вид, хотя бы и воздушный? Имеете ли вы голову, туловище, руки, ноги?

От. — Дух, сохраняя человеческий образ, но одухотворенный, идеализованный, имеет, без сомнения, все члены, о которых вы спрашиваете. Я чувствую у себя ноги, пальцы, руки, и мы можем по нашему желанию явиться вам и пожать вам руку. Я около вас и пожал уже всем друзьям моим руки, но они этого не заметили; наша эфирность позволяет нам проникнуть всюду, не занимая пространства и не производя чувственного впечатления, если мы того не пожелаем. В настоящую минуту мои руки находятся в ваших руках. Я говорю, что люблю вас. Мое тело не занимает места, свет пронизы-

вает его, и то, что вы называли бы чудом, если бы видели его, есть для Духов постоянное, ежеминутное явление. Зрение Духов не имеет ничего общего со зрением людским, так же, как тела их не имеют никакого реального сходства: все изменилось в самой сущности. Дух имеет божественную прозорливость, которая распространяется на все, потому что он может отгадать даже вашу мысль. Он также может в случае надобности принять и тот вид, который лучше всего может воскресить его в вашей памяти. Но в действительности высший Дух, окончивший свои испытания, любит тот вид или образ, в котором он пришел к Богу.

11. В. — Духи не имеют пола. Но так, как вы еще недавно были человеком, то чего в вас больше: *мужской* или *женской природы*? То же ли самое происходит с Духом, давно покинувшим свое тело?

От. — Мы не стремимся быть ни мужчинами, ни женщинами, Духи не размножаются. Бог создал их по Своей воле, и если для Своих великих целей Он захотел, чтобы Духи перевоплощались на земле, Он должен был создать для размножения видов мужской и женский пол. Но вы, конечно, без объяснения понимаете, что Духи не могут иметь пола.

(Всегда было говорено, что Духи не имеют пола, необходимого только для размножения тел; но Духи сами не размножаются и потому для них не нужно деления на полы. Мы не искали подтверждения этого факта, но хотели узнать у г-на Сансона, который еще так недавно покинул нас, осталось ли у него какое-нибудь впечатление о земном существовании. Вот почему мы предложили этот вопрос. Чистые, возвышенные Духи отдают себе ясный отчет о своей природе, но Духи низшие, не дематериализованные, — а таких много — продолжают считать себя тем, чем они были раньше, и даже сохраняют прежние желания и страсти. Вот почему некоторые из них говорили, что Духи имеют разделение полов. От этого так часто получают противо-

речивые сообщения. Вина тут не Духов, а тех, которые предлагают вопросы и не хотят поглубже вникнуть в них.

12. В. — Какой вид имеет теперь в ваших глазах наш сеанс? Так же ли вы смотрите на него, как при жизни? В каком виде вам представляются люди? Все ли для вас по-прежнему ясно и определено?

От. — Гораздо яснее, так как я могу читать мысли каждого из вас, и я очень счастлив от хорошего впечатления, которое производит на меня доброе расположение всех собравшихся Духов. Я бы желал, чтобы подобное согласие водворилось во всех обществах, не только в Париже, но и во всей Франции, где группы завидуют друг другу и делятся, подстрекаемые вздорными Духами, любящими беспорядок и ссоры, тогда как спиритизм должен быть полнейшим забвением самого себя, отсутствием личного самолюбия.

13. В. — Вы сказали, что читаете наши мысли; не можете ли объяснить, как происходит эта передача мыслей?

От. — Это довольно трудно вам рассказать; чтобы объяснить это чудное явление, нужно открыть вам целый ряд новых двигателей природы, и вы были бы тогда столь же сведущи, как мы, а это невозможно, так как способности ваши ограничены материей. Будьте терпеливы, будьте добры, и вы достигнете всего. В настоящее время вы имеете то, что посылает вам Бог, и надежду на постоянное совершенствование; позже вы будете такими же, как мы. Постарайтесь хорошо умереть, чтобы много знать. Любознательность, возбуждающая мыслящего человека, тихо и покойно ведет вас к смерти, приготовляя там для вас полное удовлетворение вашей прошедшей, настоящей и будущей любознательности. Пока я скажу вам, чтобы только ответить как-нибудь на ваш вопрос: воздух, окружающий вас и не осязаемый, как и мы, переносит вашу мысль; ваше дыхание есть, так сказать, страница, на которой написа-

ны ваши мысли; их воспринимают Духи, постоянно окружающие вас; от них ничто не ускользает.

СМЕРТЬ ПРАВЕДНИКА

После первого сообщения Сансона в Парижском обществе было еще и следующее сообщение одного неизвестного Духа, назвавшегося Георгием.

«Смерть человека, о котором вы думаете в настоящее время, есть смерть праведника, т. е. смерть, сопровождаемая спокойствием и надеждою. Как день естественно наступает после рассвета, так духовная жизнь последовала для него за земной, без потрясения, без разрыва, и последний вздох его был гимном благодарности и любви. Сколь немногие так же легко совершают этот тяжкий переход! Как мало тех, кто после опьянений и разочарований жизни понимает гармонию небесных сфер! Как человек, изувеченный в бою, ощущает боль в оторванном члене, так и душа умершего без веры и надежды разрывается и трепещет, выделяясь из тела, и, не сознавая себя, бросается в пространство. Молитесь за эти мятущиеся души; молитесь за всех, кто страдает; милосердие не должно ограничиваться только видимым человечеством; оно должно утешать и тех, кто населяет пространство. Вы имели трогательное доказательство тому в неожиданном обращении Духа, на которого подействовали молитвы, принесенные на могиле праведника; он желает, чтобы вы продолжали совершенствоваться на пути добра. Любовь не имеет границ; она наполняет пространство, давая и получая свои божественные утешения. Море разворачивается в бесконечной перспективе; его черта кажется слившейся с небом, и Дух поражается видом этих величественных зрелищ.

Так же любовь, еще более глубокая, чем глубина морская, еще более бесконечная, чем сама вселенная,

должна соединять вас всех, живущих и умерших, в одном общении милосердия».

Георгий.

Г-Н ЖОБАР

Директор музея промышленности в Брюсселе родился в Бессэ, умер в Брюсселе от апоплексического удара 27 октября 1861 года, 69 лет от роду.

Г-н Жобар был почетным президентом спиритического общества в Париже; предполагалось вызвать его на сеанс 8 ноября, но он предупредил это, дав произвольно следующее сообщение:

«Вот и я, тот, кого вы хотели вызвать. Я хочу сообщить через этого медиума, которого я тщетно просил столько времени. Хочу сначала рассказать вам мои впечатления в минуту отделения моей души. Я почувствовал неслыханное потрясение и вдруг вспомнил свое детство, свою молодость, старость. Вся жизнь ясно пронеслась в моей памяти. Я испытывал только одно святое желание — поскорее очутиться в области, открытой нашим дорогим верованием; потом весь этот хаос будто утих. Я был свободен, а тело лежало неподвижно. О, дорогие друзья мои, какое упоение — сбросить тяжесть тела, какой восторг — ринуться в пространство! Не думайте только, что я вдруг сделался избранником Господа; нет, я нахожусь между Духами, которые хотя кое-что и приобрели, но должны еще много учиться. Я тотчас же вспомнил о вас, братья мои *по изгнанию*, уверяю вас, что все мои симпатии и все мои добрые пожелания стремятся к вам. Вы хотите знать, какие Духи меня встретили, что я почувствовал?»

Встретили меня все мои друзья, все те, которых мы вызывали, все братья, которые разделяли наши труды. Я увидел и великолепие, но не могу описать его! Я старался распознать, что было верно в прежних сооб-

щениях, и опровергнуть ошибочные показания, желая быть рыцарем правды и в этом мире, как был им в вашем».

Жобар.

1. В. — Вы предлагали нам еще при жизни вызвать вас, когда вы покинете землю; мы исполняем это не только как ваше желание, но также, чтобы засвидетельствовать вам наше искреннее расположение и вместе с тем, пополнить наши познания, так как никто лучше вас не может просветить нас и дать нам точные сведения о том мире, в котором вы теперь находитесь. Мы будем счастливы, если вы пожелаете нам ответить.

От. — В настоящее время самое важное — это ваше просвещение. Настрой же ваш мне известен; мне уже не нужно слышать его ушами: это большой успех для меня.

2. В. — Чтобы сосредоточить наши мысли и не разбрасываться, мы спросим вас сначала, в каком месте вы находитесь здесь, между нами, и каким бы мы вас увидели, если бы могли вас видеть?

От. — Я около медиума, и вы увидели бы меня в виде того самого Жобара, который когда-то сидел за вашим столом, потому что ваши смертные глаза не могут видеть Духа иначе, как под его земной оболочкой.

3. В. — Не можете ли вы показаться нам и, если не можете, то почему?

От. — Ваши личные способности тому мешают. Видящий медиум мог бы меня увидеть, но другие лица — нет.

4. В. — Вот то место, которое вы занимали при жизни, мы его оставили вам. Те, кто видел вас здесь живым, могут себе представить вас таким, каким вы были прежде. Если вы здесь не в материальном теле, то в флюидической оболочке, что то же самое, и мы видим вас мысленно; если вы не можете общаться с нами сло-

весно, то можете это сделать письменно, с помощью посредника, и наши отношения нисколько не прерываются вашей смертью. Мы будем продолжать беседовать с вами, как и прежде. Не правда ли?

От. — Да, и все это вы давно знаете. Место это я буду часто занимать и даже без вашего ведома, ибо Дух мой будет жить с вами.

Мы обращаем внимание на последние слова: «Мой Дух будет жить с вами». В данном случае это не фраза. Из того, чему учит нас спиритизм о природе Духов, мы знаем, что Дух может быть с нами не только мысленно, но всем своим существом посредством эфирного тела, придающего ему определенную индивидуальность. Дух, стало быть, может жить среди нас после смерти так же, как и при жизни тела, и даже лучше, потому, что может приходить и уходить, когда хочет. Таким образом, мы имеем массу невидимых собеседников, частью индифферентных, частью же близких нам по личной привязанности. Об этих последних и говорится здесь, что они живут с вами, т. е. они вдохновляют нас, помогают и покровительствуют нам.

5. В. — Не так давно вы еще сидели на этом самом месте; не кажутся ли вам странными новые условия, в каких вы теперь находитесь здесь? Какое впечатление это производит на вас?

От. — Перемена эта не удивляет меня, так как мой невоплощенный Дух обладает ясновидением и не оставляет без внимания ни одного вопроса.

6. В. — Помните ли вы, были ли вы в таком же состоянии до последнего вашего существования и не находите ли какую-нибудь перемену?

От. — Я помню свои предшествовавшие существования и нахожу, что я улучшился. Я вижу и даю себе отчет в том, что вижу. В прежние же мои воплощения Дух мой был смутен, и я не видел ничего, кроме земных недостатков.

7. В. — Помните ли вы ваше существование, предшествующее жизни Жобара?

От. — В моем предпоследнем существовании я был рабочим-механиком, придавленный нищетой, и с постоянным желанием усовершенствовать свое ремесло. И

вот я, в жизни Жобара, осуществил мечты бедного труженика и воздаю хвалу Господу за Его бесконечную благость, дозволившую произрасти колосу от зерна, посеянного в уме моем.

8. В. — Давали ли вы уже сообщения где-нибудь в другом месте?

От. — Я очень мало сообщался; во многих местах другой Дух назывался моим именем; хотя я был около него, но сам не мог вмешаться. Моя смерть такая еще недавняя, что я до сих пор испытываю на себе некоторое земное влияние. Мне нужна симпатизирующая мне обстановка, чтобы я мог выразить свою мысль. В скором времени я уже буду в состоянии действовать, независимо от окружения; но теперь, повторяю, еще не могу. Когда умирает человек сколько-нибудь известный, его призывают во все стороны; тысячи Духов спешат выступить под его именем, что произошло и со мною много раз. Уверяю вас, что тотчас после освобождения мало кто может сообщаться, даже и любимейшему медиуму.

9. В. — Видите ли вы Духов, которые здесь с нами?

От. — Я вижу Лазаря, Эраста; затем далее — Духа Истины, витающего в пространстве; еще далее — целую толпу Духов друзей, которые вас окружают. Будьте счастливы, друзья, и спокойны, ибо добрые намерения оградили вас от бедствий заблуждения.

10. В. — Когда вы жили, вы разделяли мнение об образовании земли через соединение четырех планет. Остались ли вы при том же убеждении?

От. — Это заблуждение. Новые геологические открытия объясняют причину земных переворотов и ее последовательного образования. Земля, как и другие планеты, живет своей собственной жизнью, и Богу не было надобности допускать такой беспорядок, как соединение четырех планет. Вода и огонь — главные составляющие элементы земли.

11. В. — Вы также думали, что человек может на-

ходить в каталептическом состоянии неопределенное время и что в этом состоянии род человеческий был принесен на Землю?

От. — Иллюзия моего воображения, всегда переходящего границы. Каталепсия может продолжаться долго, но не бесконечно. Это предание, восточная легенда, еще преувеличенная фантазией. Друзья мои, я уже много страдал, перебирая в уме моем все те иллюзии, и химеры, которыми я увлекался в моей жизни; не идите по этому пути. Я многому учился и могу сказать, что ум мой, готовый воспринять все обширные и разнообразные науки, сохранил от последнего воплощения любовь к чудесному и сложному, черпаемому из народных фантазий и сказок.

Я еще мало занимался предметами чисто научными в том смысле, как вы их понимаете. Да и как бы я мог это сделать, когда я еще ошеломлен окружающим меня чудным зрелищем. Спиритические связи, более могущественные, чем вы, люди, можете себе представить это, одни только могут привлечь меня к земле, которую я покинул, не скажу — с радостью, это было бы нечестно, но с глубокой благодарностью за освобождение.

Во время подписки, открытой Обществом в пользу Лионских рабочих, в феврале 1862 года один из членов внес 50 фр., из которых 25 от себя и 25 от имени Жобара; по этому поводу Жобар дал следующее сообщение:

«Я очень польщен и благодарен, что не забыт моими братьями-спиритами. Благодарю великодушное сердце, принесшее вам дар, который, конечно, сделал бы и я, если бы был еще в вашем мире. В том, где я нахожусь теперь, деньги не нужны, и мне пришлось воспользоваться дружбой, чтобы прийти материально на помощь несчастным братьям из Лиона. Честные труженики, ретиво возделывающие виноградник Господа, вы должны видеть, что милосердие — не праздное слово, так как все, от мала до велика, доказали вам свое брат-

ское расположение. Вы находитесь на великом пути гуманности прогресса; да поддержит вас Господь и дай Бог вам быть счастливее. Духи-друзья поддержат вас и вы восторжествуете.

Я начинаю жить духовно, тише и не так беспокожно от постоянных вызываний, как это было за последнее время. Мода распространяется даже на Духов; когда мода — Жобар уступит место другой, я возвращусь в небытие людского забвения; я буду просить тогда своих серьезных друзей, т. е. тех, которые не забудут меня, вызывать меня почаще. Тогда мы углубимся в разрешение вопросов, слишком поверхностно рассмотренных, и ваш Жобар, совершенно преображенный, будет вам полезен, чего он от души желает».

Жобар.

По прошествии некоторого времени, посвященного им своим друзьям, Жобар занял место между Духами, ревностно работающими над социальным обновлением, в ожидании своего будущего возвращения к живущим. Тогда он примет более непосредственное участие в этом движении. С тех пор он часто давал Парижскому Обществу, членом которого он пожелал остаться, сообщения неоспоримого превосходства; он не оставлял и своих умных и оригинальных причуд, составляющих его характерную особенность, по которой его всегда можно было узнать даже без подписи.

САМУИЛ ФИЛИПП

Самуил Филипп был превосходный человек в полном смысле этого слова. Никто никогда не мог сказать, чтобы он сделал что-нибудь дурное, либо кому-нибудь повредил. Беспредельно преданный своим друзьям, он всегда был готов придти им на помощь. Труд, усталость,

жертва — все было нипочем, лишь бы быть полезным, и он это делал без хвастовства, удивляясь, что ему это ставят в заслугу. Никогда он никому не делал зла, даже своим недоброжелателям, и когда приходилось видеть неблагодарных, он говорил: «Не меня нужно жалеть, а их». Очень образованный и одаренный большим умом, он провел полную труда жизнь в неизвестности и прошел через тяжелые испытания. Это одна из тех избранных натур, которые расцветают в тени и о которых свет не говорит и не знает, и лучи их отражаются не на земле. В изучении спиритизма он почерпнул горячую веру в будущую жизнь и большую покорность в земных страданиях. Умер он в декабре 1862 г., пятидесяти лет, от тяжелой болезни, искренне оплакиваемый своей семьей и несколькими друзьями. Вызван он был через несколько месяцев после смерти.

В. — Ясно ли вы понимаете свои последние минуты на земле?

От. — Отлично; память возвратилась ко мне постепенно, но в то время мысли мои были смутны.

В. — Не можете ли вы для нашего назидания, а также ввиду того интереса, который внушает нам ваша примерная земная жизнь, описать нам, как совершился ваш переход от земной жизни к жизни духовной, а также ваше положение в мире Духов?

От. — Охотно; этот отчет будет полезен не только вам, но и мне. Возвращаясь мысленно к земле, я сравниваю и еще лучше ценю благость Создателя. Вы знаете, как много я испытал в жизни, но никогда, благодаря Богу, не падал духом в несчастье, и теперь этому радуюсь. Сколько бы я потерял, если бы предался отчаянию! Содрогаюсь при одной мысли, что если бы я не выдержал, я мог бы потерять и то, что уже приобрел и пришлось бы начинать сначала. О, друзья мои, проникнитесь истиной, что дело идет о вашем будущем счастье. И, конечно, несколько лет страдания не слишком большая плата за это счастье. Если бы вы знали,

как мало значат несколько лет в сравнении с вечностью! Если вы находите, что мое последнее существование имело какие-нибудь заслуги, то вы не сказали бы того же о тех, которые ему предшествовали. Только работая над самим собою, я достиг того, чем я стал в настоящее время. Чтобы изгладить последние следы моих прежних грехов, мне нужно было вынести испытания, добровольно мною принятые. Теперь я их благословляю; с их помощью я порывал с прошедшим, ставшим для меня теперь лишь воспоминанием, и могу отныне с законным удовлетворением взирать на пройденный мною путь.

О, вы, заставлявшие меня страдать на земле, относившиеся ко мне недоброжелательно и черство, оскорблявшие и ненавидевшие меня и заставлявшие меня терпеть тяжелую нужду; не только я прощаю вам, но благодарю вас! Желая сделать мне зло, вы не подозревали, что приносите мне столько добра, и верно, что я вам, главным образом, обязан тем блаженством, каким пользуюсь теперь. Вы дали мне случай прощать и платить добром за зло. Бог послал вас мне, чтобы испытать мое терпение и научить меня милосердию наиболее трудному — любви к недругам своим. Не сетуйте на то, что я отклонился от предмета нашего разговора; я приближаюсь к тому, о чем вы меня спрашиваете.

Хотя я жестоко страдал во время моей последней болезни, но у меня не было агонии: смерть пришла, как сон, без борьбы, без сотрясения. Не боясь будущего, я не цеплялся за жизнь, и отделение произошло без усилия, без боли; так, что я и не заметил его. Не знаю, сколько времени продолжался этот сон, но он был, кажется, короток. Пробуждение было тихое, в сравнении с предшествующим моим состоянием; я не чувствовал более страданий и радовался этому: хотел подняться, ходить, но какое-то оцепенение, впрочем, довольно приятное, удерживало меня, и я с наслаждением предался этому чувству, не давая себе отчета в своем положении.

и не подозревая, что уже покинул землю. Все, что меня окружало, было как сон. Я видел свою жену на коленях и нескольких друзей, плачущих в моей комнате. Я решил, что они считают меня мертвым, хотел их разубедить, но не мог произнести ни слова, почему и подумал, что это сон. Еще более утвердило меня в этой мысли то, что я был окружен несколькими дорогими мне особами, уже давно умершими, и другими, которых я не знал, но которые сидели за мною и ждали моего пробуждения. Состояние это перемещивалось то сознанием, то потерей его; но мало-помалу мысли стали проясняться; свет, который я видел как бы через туман, сделался ярче; тогда я стал приходить в сознание и понял, что не принадлежу уже к земному миру. Если бы я не был знаком с учением спиритов, то, конечно, иллюзия продолжалась бы гораздо дольше.

Мои бранные останки еще не были погребены; я смотрел на них с жалостью и радовался, что наконец от них освободился. Я был так счастлив своей свободой! Я дышал с наслаждением, как будто вышел из душливой атмосферы; неопишное блаженство проникло все мое существо, а присутствие тех, кого я любил, наполняло меня радостью. Я несколько не удивлялся видеть их: мне казалось, что это свидание после долгого путешествия. Одно только меня удивляло: мы понимали друг друга, не говоря ни слова; мысли наши передавались взглядом, как бы через флюидическое проникновение. Однако я еще не совсем избавился от земных соображений; воспоминание о том, что я испытал, возвращалось ко мне временами, как бы для того, чтобы я лучше оценил свое новое положение. Я страдал телесно, но в особенности нравственно; я подвергался недоброжелательству и тысячам мелких, злых уколов, которые, может быть, еще тяжелее настоящего несчастья, потому что держат вас в постоянном беспокойстве. Впечатления эти не совсем еще изгладились, и я подчас думал: да совсем ли я избавился от них? Мне казалось, что я слышу еще некоторые неприятные го-

лоса; я боялся новых затруднений, которые так часто меня мучили, и невольно начинал дрожать; так сказать, ощущал себя, чтобы убедиться, что я не сплю, и когда, наконец, я убедился, что все действительно кончено, я почувствовал, как будто огромная тяжесть свалилась с моих плеч. Значит, это действительно верно, что я, наконец, избавлен от всех жизненных забот, и я возблагодарил Бога. Я чувствовал себя, как бедняк, на которого вдруг свалилось большое наследство. О, если бы люди понимали будущую жизнь, какую силу, какое мужество внушило бы им это убеждение в борьбе с несчастьями! Что бы ни сделали они, живя на земле, чтобы заручиться счастьем, которое Бог назначает тем из детей Своих, которые были покорны Его законам. Они бы видели, как ничтожны те радости, которым они завидуют на земле, в сравнении с теми, которыми они пренебрегают.

В. — Тот мир, столь новый для вас и пред которым наш мир так ничтожен, где вы встретили новых друзей, не заставил ли он вас забыть и потерять из виду вашу семью и друзей, оставшихся на земле?

От. — Если бы я их забыл, то был бы недостоин счастья, которым пользуюсь; Бог не вознаграждает эгоизма, Он его карает. Мир, где я нахожусь, может заставить меня пренебрегать землею, но не Духами, которые на ней воплощены. Только на земле, между людьми, можно видеть, что счастье и удача заставляют пренебрегать товарищами по несчастью. Я часто навещаю своих близких, радуюсь их доброй памяти обо мне; мысли их привлекают меня к ним. Я присутствую при их беседах, разделяю их радости, а огорчения их меня печалят; но это не та тревожная печаль жизни людской, какую я испытывал прежде; теперь я понимаю, что в жизни земной все преходяще и служит моим близким лишь в пользу. Я радуюсь, зная, что и они придут сюда, в это счастливое место, где страдания неизвестны. Я стараюсь, чтобы и они были того достойны, внушаю им добрые мысли, и в особенности — покорность воле

Божией. Но как я печалюсь, если вижу, что они отдают эту минуту отсутствием должного мужества, жалобами, сомнениями в будущем или каким-либо достойным порицания поступком. Тогда я стараюсь отвратить их от ложного пути, и если это мне удастся, то это большое счастье для меня, и мы все здесь радуемся вместе. Если же не удастся, я с сожалением говорю: еще одно замедление для них! Но утешаюсь, думая, что не все еще потеряно безвозвратно.

Г-Н ВАН ДЮРСТ

Бывший чиновник, умер в Антверпене в 1863 г., 80 лет от роду. В скором времени после смерти г-на Ван-Дюрста медиум спросил своего духовного покровителя, можно ли его вызвать. Ему ответили: «Дух этот очень медленно освобождается от смятения; он мог бы уже отвечать вам, но это ему будет очень трудно, потому прошу вас обождать еще четыре дня и тогда он будет в силах говорить с вами; к тому времени он узнает ваше доброе расположение к нему и придет к вам, как благородный и добрый друг».

Через четыре дня Дух продиктовал следующее: «Друг мой! Жизнь моя была маленькой крупинкой на весах вечности, но я далеко не несчастлив; я нахожусь в скромных, но относительно счастливых условиях, принадлежа к числу тех, кто, хотя и не мечтал о совершенстве, но мало сделал зла. Если есть счастливые люди в этой узкой сфере, то я из них. Об одном только сожалею, что не знал того, что вы теперь знаете; смятение мое было бы короче и менее тяжело. А оно было действительно велико: жить — не жить; видеть свое тело, быть к нему крепко привязанным, а вместе с тем не иметь возможности им пользоваться; видеть тех, кого любим, и чувствовать, как порывается связь с ними. Это ужасно! Какая жестокая минута, когда вы чувст-

вуете, что ошеломлены и что вас что-то душит, и через мгновение — мрак. Чувствовать и вдруг быть уничтоженным; хочешь прийти в сознание, изнемогаешь, не существуешь больше, но знаешь, что живешь и находишься в глубоком смятении. И потом, после неопределенного времени, времени сдержанной тоски и тревоги, кажущегося нескончаемым, медленно возрождаться к жизни в новом мире. Нет более материального тела, нет земной жизни, — есть жизнь бессмертная! Нет более телесных, грубых людей; но легкие тени. Духи, скользящие со всех сторон вокруг вас и которых вы не можете даже всех окинуть взглядом, ибо они летают в бесконечности! Иметь пред собою пространство и быть способным по своей воле пролететь его; сообщаться мыслью со всем, что вас окружает! Друзья, какая новая жизнь, какая чудная, какая радостная жизнь! Привет, о, привет тебе, вечность, объявшая меня! Прощай, земля, так долго державшая меня далеко от естественной сферы души моей! Нет, я более не хочу тебя, ты земля изгнания и твое величайшее счастье — ничто!

Но если бы я знал то, что знаете вы, как бы это посвящение в тайну другой жизни было легко и приятно для меня. Я бы знал до смерти то, что я должен был узнать только после, в минуту расставания, и душа моя отделилась бы легче. Вы на верной дороге, друзья мои, но никогда, никогда не уйдете достаточно далеко! Скажите это моему сыну, но скажите ему так, чтобы он поверил и проникся; тогда мы, когда он придет сюда, не будем разлучены. Прощайте все, друзья мои, прощайте!

Я жду вас, и пока вы будете на земле, буду часто приходить учиться у вас, так как я все еще знаю меньше, чем некоторые из вас. Но я скоро научусь здесь, где мне нет помехи и где годы не влияют на мои силы. Здесь живут и быстро совершенствуются, так как пред собою видят такие чудесные горизонты, что с нетерпением жаждут их постигнуть.

Прощайте, я уйду, прощайте».

Ван, Дюрст.

СИКСДЕНЬЕ

Добродетельный человек, умер случайной смертью, был лично известен медиуму. (Бордо, 11 февраля 1861 г.).

В. — Можете ли вы рассказать мне некоторые подробности вашей смерти?

От. — Да, после того, как я утонул.

В. — Почему же не ранее?

От. — Ты их знаешь (медиум их действительно знал).

В. — Потрудитесь описать мне ваши ощущения после смерти?

От. — Я очень долго не мог прийти в сознание, но по милости Божией и с помощью тех, кто окружал меня, все вокруг меня прояснилось, я был залит светом. Ты можешь надеяться: всегда найдешь более, чем ожидаешь. Ничего материального, все производит впечатление на скрытые чувства: все, чего рука не может коснуться, а глаз — увидеть; понимаешь ли ты меня? Это духовное очарование, которое превосходит ваши земные понятия, нет слов, чтобы выразить, это можно почувствовать только душой.

Пробуждение мое было очень радостно. Жизнь — это сновидение, которое я не могу назвать иначе, как ужасным кошмаром, несмотря на грубый смысл этого слова. Ты видишь во сне, что ты заключен в вонючую тюрьму, что тело твое точат черви и оно висит над пылающей жаровней; что твое пересохшее горло и язык не находят воздуха, чтобы освежиться; что Дух твой, объятый ужасом, видит вокруг себя только уродов, готовых поглотить тебя; представь себе все, что фантастический сон может придумать самого отвратительного, ужасного, и вдруг тебя переносят в чудесный Эдем. Ты

просыпаешься окруженный всеми теми, кого ты любишь и оплакивал; видишь кругом обожаемые лица, улыбающимися тебе, вдыхаешь самые нежные ароматы, освежаешь свое пересохшее горло из источника живой воды; чувствуешь свое тело поднимающимся в бесконечное пространство, которое несет и колышет его, как ветерок, уносящий сорвавшийся со стебелька цветок; чувствуешь себя объатым любовью Божией, как новорожденное дитя любовью матери, и ты все-таки не будешь иметь полного понятия об этом переходе. Я постарался объяснить счастье жизни, которое ждет человека после смерти его тела, но я этого не смог. Можно ли объяснить бесконечное тому, чьи глаза закрыты для света и чьи члены не могли никогда выйти из узкого круга, в котором заключены? Чтобы объяснить вечное блаженство, я тебе скажу: люби! Ибо одна любовь может его предчувствовать. У кого есть любовь, у того нет эгоизма.

В. — Были ли вы счастливы с первых минут вашего появления в мире Духов?

От. — Нет, я должен был заплатить долг человека. Сердце мое предчувствовало будущность, но я не имел веры. Я должен был искупить мое равнодушное отношение к Создателю, но Его милосердие зачло мне ту долю добра, которую я сделал, страдания, которые я терпеливо переносил. Правосудие Его, которого никогда не поймут люди, положило на весы добро с такой любовью и милосердием, что зло было быстро перевешено.

В. — Не можете ли вы дать мне сведения о вашей дочери, умершей через четыре или пять лет после отца?

От. — Ей дана миссия на вашей земле.

В. — Счастлива ли она? Я не хочу задавать нескромных вопросов.

От. — Я это отлично знаю, разве я не вижу твоих мыслей, как на картине перед моими глазами. Нет, как человек она не счастлива, напротив, все бедствия вашей жизни должны ее постигнуть; но она должна подать

пример тех великих добродетелей, о которых вы так много говорите; и я ей помогу, я должен ее оберегать, но ей не слишком трудно будет преодолевать препятствия; она послана не на испытание, а с миссией. Успокойтесь на ее счет, я благодарю за память.

В этот момент медиум испытывает затруднение в писании и говорит: «Если меня останавливает страждущий Дух, то я прошу его подписаться».

От.— Несчастливая.

В.— Прошу вас сказать ваше имя?

От.— Валерия.

В.— Скажете ли мне, за что вы наказаны?

От.— Нет.

В.— Раскаиваетесь ли вы в ваших грехах?

От.— Ты сам видишь.

В.— Кто привел вас сюда?

От.— Сиксденье.

В.— С какой целью он это сделал?

От.— Чтобы ты мне помог.

В.— Это вы помешали мне сейчас писать?

От.— Он поставил меня на свое место.

В.— Какие между вами отношения?

От.— Он мною руководит.

В.— Просите его присоединиться к нашей молитве. После молитвы, Сиксденье продолжает: «Благодарю за нее; ты меня понял, я тебя не забуду; думай о ней».

В.— (К Сиксденье). Как Дух много ли вы имеете страждущих душ для руководства?

О.— Нет; но как только мы приводим одного к добру, сейчас же берем другого, но не совсем покидаем и первого.

В.— Как можете вы успевать в надзоре, который должен до бесконечности увеличиваться в течение веков.

От.— Пойми, что те, кого мы направили на путь доб-

ра, сами уже очищаются и совершенствуются; следовательно, с ними меньше труда; в то же время и мы сами возвышаемся, а следовательно, и наши способности увеличиваются и власть наша расширяется пропорционально нашей чистоте.

Примечание. Высшие Духи имеют миссию помогать низшим и руководить ими; задача эта возлагается не исключительно на воплощенных, но они должны способствовать ей, так как это для них способ возвышения. Если низший Дух вмешивается в сообщения доброго Духа, как это было в настоящем случае, то делает это не всегда с добрым намерением; но добрые Духи позволяют это или как испытание, или чтобы тот, к кому они обращаются, потрудился над его совершенствованием. Его настойчивость, правда, иногда переходит в одержание, но чем больше она упорна, тем более доказывает, насколько нужна помощь. Так что несправедливо было бы оттолкнуть его от себя; на него нужно смотреть как на бедняка, приходящего просить милостыню. Нужно сказать себе: это несчастный Дух, которого посылают мне добрые Духи, чтобы заняться его воспитанием. Если мне удастся, я испытаю радость, что возвратил одну душу к добру и тем уменьшил ее страдания. Эта задача подчас бывает очень тяжела; и было бы гораздо приятнее иметь всегда прекрасные сообщения и беседовать только с Духами по своему выбору; но не удовлетворением своих желаний и не отказом в помощи ближнему можем мы заслужить покровительство добрых Духов.

ДОКТОР ДЕМЕР

Умер в Альби (Тарн) 25 января 1865 г. Г-н Демер был врач-гомеопат, очень известный в Альби. Его характер и знания приобрели ему любовь и уважение его сограждан. Доброта и милосердие его были неисчерпаемы, и, несмотря на свои преклонные лета, он пренебрегал всякой усталостью, если нужно было подать помощь бедным людям. О плате за визит он никогда не думал; напротив, скорее шел к нищему, чем к богатому, потому, говорил он, что богатый всегда может найти себе другого доктора. Бедным же он не только давал даром лекарства, но даже оставлял деньги, чтобы купить что-нибудь съестное, что ча-

сто бывает полезнее лекарства. Г-н Демёр стал горячим последователем учения спиритов, в котором он нашел ключ к решению великих проблем, разрешение которых до тех пор напрасно искал в науке и в философии. Его глубокий и пытливый ум тотчас оценил все значение спиритизма, и он стал самым страстным его проповедником. Нас соединяли отношения взаимной живой симпатии, и между нами завязалась самая горячая переписка.

О его смерти мы узнали 30 января, и нашей первой мыслью было поговорить с ним. Вот сообщение, данное им в тот же день:

От.— Я здесь. Я обещал сам себе еще при жизни, что как только умру, то явлюсь к вам, если это будет возможно, чтобы пожать вашу руку, дорогой учитель и друг г-н Аллан Кардек! Смерть ввергла мою душу в гяжелый сон, называемый летаргическим; но мысль моя бодрствовала. Я постарался стряхнуть с себя это ужасное оцепенение, которое увеличивает смятение, следующее за смертью, я проснулся и в один миг совершил путь. Как я счастлив! Я более не стар и не немощен. Тело мое было как бы вынужденным переодеванием. Теперь я красив и молод, красив той вечной красотой и юностью Духов, у которых время не кладет морщин на лицо и не седеют волосы под влиянием прожитых лет. Я легок, как птица, быстрым взмахом крыльев пролетающая горизонты вашего туманного неба; я люблю, восхищаюсь, я благословляю, люблю и преклоняюсь; я пылинка, атом, перед величием и мудростью Создателя, перед чудесами, которые меня окружают.

Я счастлив, я в славе. О, кто может описать чудные красоты жилища избранных; небеса, миры, солнца и их участие в состязании всемирной гармонии? Но я попробую, дорогой учитель, постарюсь, научусь и принесу вам в дар труды моего Духа, которые заранее посвящаю вам. До свидания.

Демёр.

Следующие два сообщения, данные 1 и 2-го февраля, касаются моей болезни. Хотя они относятся ко мне лично, но я их привожу, потому что они доказывают, что Демёр был так же добр после смерти, как и при жизни.

«Друг мой, имейте к нам доверие; этот кризис, хотя и утомителен, недолго продлится; принимая прописанные лекарства, вы в силах по желанию вашему докончить труды, которые составляют цель жизни вашей. Я всегда здесь, около вас вместе с Духом Истины, который дозволил мне от его имени говорить с вами, как последнему из друзей ваших, явившемуся между Духами. Они приветствуют мое прибытие. Дорогой учитель, как я счастлив, что вовремя умер, чтобы быть среди них в эту минуту! Если бы я умер несколько раньше, то, может быть, я бы мог избавить вас от этой болезни, которой я не предвидел; но я так недавно освободился от плоти, что не мог думать ни о чем, кроме духовных предметов; теперь же я буду следить за вами, дорогой учитель; брат и друг ваш счастлив быть Духом, чтобы иметь возможность помогать вам в вашей болезни; но не забывайте пословицы «береженого Бог бережет». Поберегитесь и тем помогите добрым Духам, строго исполняя предписания. Здесь очень жарко, не жгите так много угля, пока вы больны; он выделяет ядовитые газы, которые увеличивают ваше удушье».

Ваш друг Демёр.

«Это я, Демёр, друг г-на Кардека. Я пришел ему сказать, что я был около него в то время, когда с ним произошел припадок; это могло бы плохо кончиться, если бы не сильное вмешательство, в котором и я был счастлив участвовать. Из моих наблюдений и собранных из хороших источников сведений, для меня очевидно, что чем раньше он освободится от плоти, тем скорее может вновь воплотиться для окончания своих трудов. Но ему необходимо, прежде чем уйти, закончить труд,

который должен пополнить теорию того учения, инициатором которого он выступил; но его можно будет обвинить в самоубийстве, если он утомлением и излишеством труда будет способствовать разрушению своего организма. Не надо бояться высказать ему всю правду, чтобы он был осторожнее и исполнял буквально наши предписания».

Демёр.

Следующее сообщение было получено в Монтобанае, 26 января, на другой день после его смерти, в кружке его друзей-спиритов.

«Антуан Демёр. Для вас я не умер, мои добрые друзья, а только для тех, кто не знаком с этим святым учением, которое соединяет всех любивших друг друга на земле и имевших одинаковые чувства любви и милосердия. Я счастлив более, чем мог надеяться, ибо пользуюсь ясновидением, редким между Духами, недавно покинувшими материю. Мужайтесь, друзья, я часто буду с вами и постараюсь сообщать вам то, чего мы не знаем, находясь во власти плоти, скрывающей от нас столько радостей и великолепия. Молитесь за тех, кто лишен этого счастья. Они не знают, какого счастья сами себя лишают и какое зло себе приносят.

Сегодня я больше продолжать не буду, но скажу вам, что я не чувствую себя чужим в мире незримых; мне кажется, что я там всегда жил. Я здесь счастлив, ибо вижу друзей моих и могу с ними беседовать, когда захочу.

Не плачьте, друзья мои; вы заставите меня пожалеть, что я вас знал. Дайте время, и Бог приведет вас туда, где все мы должны соединиться. Добрый вечер, да утешит, вас Бог, я около вас».

Демёр.

Другое письмо из Монтобана содержит следующий рассказ:

«Мы скрыли от г-жи Г. видящего медиума и сомнамбулы, смерть г-на Демёра, чтобы не огорчать ее, и доктор, вероятно, сочувствовал нам, так как избегал ей появляться. 10 февраля мы все были в сборе по приглашению наших руководителей, чтобы помочь г-же Г., которая вывихнула себе ногу и очень страдала. Мы более ничего не знали и были далеки от мысли об ожидающем нас сюрпризе. Как только эта дама заснула сомнамбулическим сном, она вдруг сильно закричала, показывая на свою ногу. Вот что произошло: г-жа Г. увидела Духа, наклонившегося над ее ногою, но так, что его нельзя было узнать; он стал делать ей массаж ноги и время от времени вытягивать ее совершенно так, как бы это делал настоящий врач. Операция эта была так болезненна, что пациентка кричала и вырывалась. Но это длилось недолго; через 10 минут всякий след вывиха исчез и опухоль ноги пропала: г-жа Г. выздоровела.

Но Дух все-таки остался неузнанным медиумом и не хотел показаться, как будто даже хотел совсем удалиться; как вдруг наша больная вскакивает и бросается на середину комнаты (несколько минут раньше она не могла сделать и шагу), чтобы пожать руку своему доктору. Дух и на этот раз отвернул голову, но оставил руку в ее руке. В эту минуту г-жа Г. вскрикивает и падает в обморок: она узнала в Духе-целителе своего друга Демёра. Во время обморока ее окружили Духи, ей симпатизирующие. Когда ясновидение возвратилось, она стала разговаривать с Духами, и в особенности благодарила доктора, который отвечал ей и наделил ее укрепляющим флюидом.

Сцена эта полна захватывающего интереса; было поразительно, что все участвующие лица действовали, как живые люди. Не доказательство ли это, что Духи — существа вполне реальные, имеющие тело и действующие как если бы они были на земле? Мы были счастливы, что видели нашего друга, с его добрым сердцем

и деликатной заботливостью. Он был и при жизни доктором медиума, знал ее чрезвычайную чувствительность и оберегал ее, как родное дитя. Это доказательство самоличности Духа, проявившегося именно тому, кого он любил, заставляет смотреть на будущую жизнь с самой утешительной стороны».

Примечание. Положение г-на Демёра как Духа было таково, как и следовало ожидать при его полезной и достойной жизни. Но другое, не менее полезное наставление вытекает из этого сообщения, а именно, что он тотчас после смерти старался быть полезным. По-своему высокому уму и моральным качествам он принадлежит к разряду высших Духов; он счастлив, но счастье его не в бездействии. Несколькими днями тому назад он лечил больных, как доктор на земле, и только что освободившись, уже идет помогать, как Дух. Что же выигрывают на том свете, если и там не пользуются отдыхом? — пожалуй, скажут некоторые. Но их можно спросить: разве вы ни во что не ставите отсутствие забот, нужды, болезней, свободу и возможность без всякой усталости с быстротою молнии пролететь пространства; видеть родных и друзей, когда пожелаешь, на каком бы расстоянии они ни находились? Затем мы прибавим: когда вы будете на том свете, никто не будет заставлять вас делать то, чего вы не хотите; вы будете совершенно свободны оставаться в блаженной праздности столько времени, сколько пожелаете; но вам, конечно, надоеет этот эгоистический отдых, и вы сами будете просить какого-либо дела. Тогда ответят вам: если вам надоела праздность, то ищите сами труда; случай принести пользу всегда существует, как в мире Духов, так и между людьми. Таким образом, духовная деятельность не есть принуждение: это необходимость, удовлетворение для Духов, ищущих занятий, соответствующих их вкусам и способностям; они и выбирают такие, которые могут послужить их возвышению.

Г-ЖА ФУЛЛОН, УРОЖДЕННАЯ УОЛЛИС

Вдова Фуллон, умершая в Антибе, 3 февраля 1865 г., жила долго в Гавре, где была известна как художница-миниатюристка. Ее замечательный талант сначала был для нее только развлечением любительницы; но

позднее, когда настали черные дни, она сумела воспользоваться им для добывания средств к жизни. В особенности привлекала к ней ее приветливость, заставляя невольно любить ее; все, знавшие ее частную жизнь и ее чудный характер, отдавали ей дань справедливости. Полное отсутствие эгоизма и готовность к самопожертвованию были ее отличительными чертами; она всегда готова была помочь, пожертвовать своим покоем, здоровьем и деньгами тому, кто в ней нуждался. Жизнь ее с самой ранней молодости была рядом тяжелых и жестоких испытаний, в которых мужество, покорность и постоянство ей никогда не изменяли. Но, к несчастью, зрение, утомленное ее мелкой работой, с каждым днем угасало; и еще немного и слепота, и так уже начинавшаяся, пришла бы окончательно.

Когда г-жа Фуллон познакомилась со спиритическим учением, она была поражена им, как лучом света; ей показалось, что поднялась завеса над чем-то, что ей было как будто уже известно, но о чем она имела только смутное предчувствие. Она стала изучать его с горячим усердием, но в то же время с ясностью мысли и верностью оценки, присущими ее высокому уму. Нужно знать все превратности ее жизни, все ее несчастья, касавшиеся преимущественно тех, кого она любила, чтобы понять, какое утешение она нашла в этом чудном откровении, давшем ей непоколебимую веру в будущность и показавшем ничтожество всего земного.

Смерть ее была достойна ее жизни. Она видела ее приближение без тяжелой болезни; для нее это было освобождение от земных цепей; смерть открыла ей двери в счастливую духовную жизнь, с которой она сроднилась, изучая спиритизм. Она умерла тихо, с сознанием исполненного долга, принятого ею на себя здесь, на земле: как жена и мать она вполне добросовестно исполнила свои обязанности, во время своей жизни она не чувствовала ни злобы, ни жажды мщения против тех, кто дурно поступал с ней или платил ей неблагодар-

ностью. Она всегда платила добром за зло и покинула жизнь, простив всем и предавая себя в руки правосудия Божия. Она умерла со спокойствием, которое дает только чистая совесть, и уверенностью быть менее разлученной со своими детьми, чем в жизни телесной. Как Дух она всегда могла быть с ними и помогать им своими советами. Как только мы узнали о смерти г-жи Фуллон, первым нашим желанием было поговорить с ней. Наши дружеские отношения и симпатии объясняют некоторые ее выражения, а также и фамильярность ее обращения.

I.

**ПАРИЖ, 6 ФЕВРАЛЯ 1865 ГОДА,
ТРИ ДНЯ ПОСЛЕ ЕЕ СМЕРТИ**

«Я была уверена, что вы вызовете меня тотчас же после моего освобождения, и была готова вам отвечать, так как не знала смятения, только тот, кто боится смерти, бывает окутан этим густым мраком. Итак, друзья мои, я счастлива теперь; мои бедные утомленные глаза оставляли мне только воспоминание о тех отливающих блестящими лучами картинах, какими я любовалась в молодости; теперь они открылись и увидели чудные горизонты, которые в туманных выражениях ваших великих поэтов кажутся выдуманными, тогда как их реальная величественность, суровая, но полная прелести взята из настоящей действительности. Только три дня как я умерла и чувствую уже себя художником; мои стремления к идеалу красоты в искусстве были проявлением способностей, которые я приобрела в других существованиях и развила окончательно в последнем. Но что мне делать, как быть, чтобы воспроизвести ту великую картину, которая поражает Дух, когда он является в область света. Дайте мне кисти, и я докажу, миру, что спиритическое искусство — венец языческого

и христианского, которым грозит падение, и что одному спиритизму предназначена слава его воскресить во всем блеске в вашем обездоленном мире. Но довольно об этом. Теперь поговорю как друг ваш.

Зачем вы, дорогая (г-жа Аллан Кардек), печалились о моей смерти? Вы зная все мои огорчения и разочарования моей жизни, вы должны были бы радоваться, что я избавлена от горькой чаши земных страданий, которую я осушила до дна. Верьте мне, что мертвые счастливее живых и оплакивать их значит сомневаться в истинах спиритизма. Вы вновь увидите меня, будьте в том уверены; я ушла первая, потому что задача моя была окончена; всякий имеет свои обязанности, и когда ваши закончатся на земле, вы придете отдыхать около меня, чтобы в случае надобности вновь начать жизнь.

Каждый имеет свои наклонности и следует им; это высший закон, доказывающий силу свободной воли; итак, милый друг, снисходительность и милосердие необходимы. Все мы в них нуждаемся в видимом или невидимом мире. А с этими правилами все будет хорошо.

Но вы меня не останавливайте, а я, для первого раза, очень много наговорила; потому оставляю вас. Теперь очередь за моим другом г-ном Кардеком. Я хочу поблагодарить его за сердечные слова, обращенные к другу, опередившему его в смерти. Мы чуть было не ушли вместе в мир, где я уже нахожусь. (Намек на болезнь, о которой говорил доктор Демёр).

Чтобы сказала подруга вашей жизни, если бы добрые Духи не помогли вам? Вот когда бы она рыдала и плакала, и я ее понимаю. Но все-таки нужно, чтобы она наблюдала за вами, чтобы вы опять не подверглись опасности ранее, чем окончите вашу работу по распространению спиритизма; иначе вы рискуете слишком рано появиться среди нас и, как Моисей, увидеть обетованную землю только издали. Будьте же осторожны, это советует вам искренний друг.

Теперь я уйду и возвращаюсь к моим дорогим детям; потом я отправлюсь за море посмотреть, приехала ли моя путешественница, моя милая овечка. (Одна из ее дочерей, жившая в Америке). Да хранят ее добрые Духи! К вам же я возвращусь еще, так как я неутомимая болтуня, вы ведь это помните. До свидания, добрые друзья».

Вдова Фуллон.

II.

8 ФЕВРАЛЯ 1865 ГОДА

В.— Я очень счастлив, милая г-жа Фуллон, что получил ваше сообщение и обещание продолжать. Я узнал вас в последнем сообщении; вы говорите там о вещах, известных медиуму, и выказываете расположение к нам, которое могло исходить только из вашего любящего сердца. Однако в словах ваших слышится какая-то уверенность и твердость, которых не было в вашем характере при жизни. Вы помните, что я не раз замечал вам это в некоторых обстоятельствах.

От.— Это правда; как только я почувствовала свою смертельную болезнь, возвратилась вся твердость моего характера, потерянная вследствие печалей и огорчений моей жизни, делавшей меня подчас боязливой. Я подумала: ты — спирит, забудь землю, приготовься к превращению твоего существа и смотри на блестящую тропинку, по которой пойдет душа твоя, покинув тело. Мысль твоя поведет ее, счастливую и свободную, в небесные области, где отныне ты должна будешь жить. Вы, пожалуй, скажете, что было самонадеянно рассчитывать на совершенное счастье, расставаясь с землей; но я так страдала, что должна была уже искупить грехи моих прежних и последнего существования. Пред-

чувствие это не обмануло меня, и оно дало мне мужество, спокойствие и твердость последних минут; твердость эта, конечно, еще не увеличилась, когда после моего освобождения я увидела, что мои надежды исполнились.

В.— Будьте добры описать нам теперь ваш переход, ваше пробуждение и первые впечатления.

От.— Я страдала, но Дух мой был сильнее тех физических страданий, которые я испытывала при отделении. После последнего вздоха я очутилась как бы в обмороке, без сознания, ни о чем не думая и как бы в смутном забытьи, не похожем ни на сон тела, ни на пробуждение души. В таком состоянии я находилась довольно долгое время; потом, как бы приходя в сознание, я постепенно просыпалась, окруженная неизвестными мне братьями. Они расточали мне заботливые ласки, показывали на блестящую точку в пространстве: «Туда, туда ты пойдешь с нами. Ты более не принадлежишь земле». Тогда я все припомнила и мы быстро понеслись в неизвестные сферы с уверенностью, что найдем там счастье. Мы все поднимались, все выше и выше, а звезда все увеличивалась. Это был счастливый мир, мир высший, где друг ваш, наконец, нашел покой и отдых. Я хочу сказать, отдых от телесных утомлений, которые я испытывала, а также и от превратностей земной жизни, но не отдых в смысле полной бездеятельности Духа, ведь деятельность Духа — радость для него.

В.— Окончательно ли вы покинули землю?

От.— Я оставила там слишком много дорогих мне существ, чтобы окончательно ее покинуть. Я буду возвращаться туда как Дух, имея миссию, которую я должна исполнить около моих внуков. Вы ведь знаете, что для возвышенных Духов нет препятствий, когда они хотят посетить землю.

В.— Положение, в котором вы сейчас находитесь, должно, кажется, ослабить сношения ваши с теми, которые остались на земле?

От.— Нет, друг мой, любовь соединяет сердца. Верьте мне, что можно на земле быть ближе к тем, кто достиг совершенства, чем к тем, кто по несовершенству и эгоизму не отделяется от земной сферы. Любовь и милосердие — два могучих двигателя. Их связь скрепляет союз душ, привязанных одна к другой, и продолжается, несмотря ни на место, ни на расстояние. Отдаление существует для материальных тел, но не для Духов.

В.— Что вы думаете теперь о моей работе, касающейся спиритизма?

От.— Я нахожу, что вы несете ответственность за спасение душ, а ноша эта тяжела; но я вижу цель и знаю, что вы ее достигнете. Я помогу вам моими советами, как Дух, чтобы вы могли преодолеть те затруднения, которые вам будут поставлены. Буду советовать вам вовремя принимать необходимые предосторожности, чтобы можно было еще при жизни вашей ускорить обновление, к которому стремится спиритизм. Друг ваш Демёр в соединении с Духом Истины будет вам еще полезнее: он образованнее и серьезнее меня, но так как я знаю, что помощь добрых Духов поддерживает вас в вашем труде, то будьте уверены, что я всегда и везде буду с вами.

В.— Из ваших слов я могу заключить, что вы не окажете личного содействия работам по спиритизму?

От. — Вы ошибаетесь. Но я вижу столько других Духов, более способных, чем я, для обсуждения этого важного вопроса, что чувство застенчивости мешает мне в настоящую минуту отвечать вам согласно вашему желанию. Подождите немного; может быть, я стану смелее. Только четыре дня, как я умерла. Я еще нахожусь под сильным впечатлением всего, что меня окружает. Разве вы этого не понимаете? Я не могу достаточно ясно выразить мои новые ощущения. Я силою должна отрываться от очарования, охватившего меня при созерцании всех окружающих меня чудес. Я только и могу, что поклоняться Господу и благословлять Его во всех

Его творениях. Но это пройдет: Духи уверяют меня, что я привыкну и тогда с ясновидением Духа буду в состоянии обсуждать все вопросы, касающиеся земного обновления. Теперь же я должна еще утешать свою семью. Прощайте и до скорого свидания. Ваш друг, который вас любит и будет любить всегда, дорогой учитель; вам я обязана единственным истинным утешением, которое я получила на земле.

Вдова Фуллон.

III.

СЛЕДУЮЩЕЕ СООБЩЕНИЕ БЫЛО ДАНО ДЛЯ ЕЕ ДЕТЕЙ 9 ФЕВРАЛЯ

Дети мои, милые, дорогие дети! Бог взял меня от вас, но награда, которую Он соизволил дать мне, очень велика в сравнении с тем, что я сделала на земле. Будьте покорны, дети, воле Всевышнего. Черпайте из всего, что Он дает вам, силы для перенесения испытаний жизни. Держите в сердце вашем ту веру, которая так облегчила мне переход от земной жизни к той, которая ждет нас по выходе из этого мира. Бог ниспослал на меня и после смерти Свою благодать, как делал, когда я была на земле. Благодарите же Его за все милости, ниспосылаемые вам, благословляйте Его, дети мои, ежесекундно. Не теряйте никогда из виду цели, к которой стремитесь, ни пути, по которому вы должны следовать; думайте о наилучшем употреблении времени, которое Бог назначил вам пробыть на земле. Вы будете счастливы, дети мои, если связь и единение будут царствовать между вами. Будете счастливы в ваших детях, если вы их воспитаете и направите по добродушному пути, по пути, который Бог открыл вам. Если вы не можете меня видеть, то знайте, что нить, связыва-

ющая нас здесь, на земле, не порвалась смертью тела; нас соединяла не оболочка, а дух; им же я и могу, дорогие мои, по благодати Всевышнего, руководить вами и ободрять на пути вашем, чтобы нам впоследствии соединиться.

Работайте, дети мои, трудитесь над распространением этого чудного верования, и вам уготованы великие и прекрасные дни. Все это было уже сказано вам; а мне не пришлось дожидаться этих дней на земле; но я сверху вижу эти счастливые времена, обещанные всеблагим и милосердным Богом.

Не плачьте, дети мои, пусть эти беседы подкрепляют вашу веру, вашу любовь к Богу, который столько раз посылал вам милости Свой и так часто помогал вашей матери. Молитесь Ему всегда; молитва укрепляет. Согласуйте свою жизнь, данную вам Богом, с наставлениями, которым я следовала так усердно. Я еще приду к вам, дети мои, но мне нужно еще поддержать мою бедную дочь: она так во мне нуждается. Прощайте. Верьте в благодать Всевышнего, я молюсь за вас. До свидания.

Фуллон.

Примечание. Всякий просвещенный и верующий спирит легко выведет из этой беседы вытекающие из нее наставления; и мы обратим внимание только на два пункта:

1) Пример этот указывает нам на то, что нет необходимости еще раз воплощаться на земле, а можно прямо перейти в высший мир, не разлучаясь совершенно с другими существами, оставленными здесь. Те, кто опасается нового воплощения, могут его избежать, поступая как следует и работая над своим улучшением.

Кто не хочет прозябать в рядах низших Духов, тот должен просвещаться и работать, чтобы подняться на высшую ступень.

2) Подтверждение истины, что после смерти мы менее разлучены с дорогими нам существами, чем при жизни. Г-жа Фуллон должна была вследствие болезни и преклонных лет жить на юге в маленьком городке и имела около себя только часть своей семьи; остальные же дети и друзья ее бы-

ли рассеяны далеко, и материальные обстоятельства не позволяли ей их видеть так часто, как она того желала. Дальность расстояния даже переписку делала очень затруднительной.

Но как только она освобождается от материальной своей оболочки, то сейчас же спешит к каждому из своих близких, пролетает пространства без утомления, с быстротой электричества, видит всех своих, присутствует на их семейных собраниях, окружает их своим покровительством и может через посредство медиума беседовать с ними каждую минуту, как бы и при жизни. Как говорить при этом, что есть люди, которые предпочитают этой утешительной мысли идею вечной разлуки!

РУССКИЙ ДОКТОР

Г-н П... был доктором в Москве, одинаково известным, как своими выдающимися нравственными качествами, так и своими научными знаниями. Особа, которая его вызвала, знала его при жизни только по слухам и не имела с ним прямых отношений. Сообщение было дано на русском языке.

В.— Здесь ли вы?

От.— Да. В день моей смерти я хотел заставить вас писать, но вы воспротивились этому. Я слышал ваши слова обо мне, и у меня явилось желание сообщить с вами, чтобы быть вам полезным.

В.— Отчего вы, такой добрый, так много страдали в своей жизни?

От.— Это была милость Создателя. Он хотел дать мне возможность сильнее почувствовать цену моего освобождения и подвинуть меня как можно больше еще на земле.

В.— Мысль о смерти была ли вам страшна?

От.— Нет, я слишком верил в Бога.

В.— Очень ли было мучительно отделение?

От.— Нет, то, что вы называете последней минутой, ничто; я почувствовал только короткий треск и скоро

после того был уже совершенно счастлив, что освобо-
дился от своего остова.

В.— Что же произошло потом?

От.— Я имел счастье увидеть множество друзей, ко-
торые шли мне навстречу и приветствовали меня; это
преимущественно были те, которым я имел возмож-
ность помогать.

В.— В каких областях вы живете? На какой вы пла-
нете?

От.— Все, что не на планетах, вы называете про-
странством; так вот там я и нахожусь; но сколько раз-
личных стадий в этой необъятности, о которой человек
не может составить себе никакого понятия! Сколько ступе-
ней на этой лестнице Иакова, поднимающейся от зем-
ли и до неба; от унижительного воплощения в низшем
мире, как ваш, и до полного очищения души! Туда, где
я сейчас нахожусь, доходят только после целого ряда
испытаний, т. е. после многих воплощений.

В.— Значит вы имели несколько существований?

От.— Как бы могло быть иначе? В непреложном за-
коне, установленном Богом, нет исключений; награда
может быть дана только после одержанной победы; и
если награда велика, то и борьба была столь же вели-
ка. Но жизнь так коротка, что борьба может происхо-
дить только с промежутками, то есть в различные по-
следовательные существования; поэтому если я нахо-
жусь на возвышенной уже ступени, то, вероятно, до-
стиг этого блаженства долгой борьбою, в которой, с
соизволения Господа, одерживал победу.

В.— В чем состоит ваше блаженство?

От.— Это довольно трудно вам объяснить. Счастье,
которым я пользуюсь, есть довольство самим собою,
только не своими заслугами, это было бы гордостью, а
гордость есть достояние осужденных Духов, но доволь-
ство, так сказать, проникнутое любовью к Богу, благо-
дарностью к Его бесконечной доброте. Великая это ра-
дость видеть везде добро; можешь сказать себе: может

быть, и я способствовал улучшению кого-нибудь из тех, кто возвысился до Господа. Чувствуешь себя как бы слившимся с добротой; что-то вроде соединения Духа с божественной благодатью. Можешь видеть чистых Духов, постигать их миссии и назначения, знать, что когда-нибудь дойдешь до того же; видеть в неизмеримой бесконечности области, сияющие божественным огнем, ослепительным даже сквозь еще закрывающую его завесу. Да что говорить? Понимаете ли вы слова мои? Может быть, вы думаете, что тот огонь, о котором я говорю, похож хоть бы на солнце? Нет, нет, это нечто невыразимое для человека; ибо слова выражают понятия о таких только предметах, которые известны человеку, о предметах физических или метафизических, известных ему по памяти или по духовному созерцанию; но абсолютная неизвестность не может быть восстановлена и памятью, а потому не имеет и термина. Но знайте: уже огромное счастье думать, что можно возвышаться бесконечно.

В.— Вы сказали, что хотите быть мне полезным; в чем же, скажите пожалуйста?

От.— Я могу помогать вам и поддерживать вас в испытаниях, утешать в горестях. Если вера ваша колеблется или сомнения смущают вашу душу, призовите меня: Бог внушит мне слова, чтобы напомнить Его вам и призвать к Нему; если вы почувствуете, что готовы впасть в искушение, которое сами признаете преступным, призовите меня и я помогу вам нести крест ваш, как когда-то Иисусу помогли нести Его крест, тот крест, который должен был возвестить нам истину и милосердие; если вы ослабеете под тяжестью скорбей, если отчаяние овладеет вами, призовите меня; я приду вырвать вас из этой пропасти и призову вас к исполнению предназначенных вам обязанностей, и не ради общественных или материальных соображений, а в любви, которую вы почувствуете во мне, любви, которую Бог вложил в мое существо для передачи тем, кто мо-

жет быть спасен. Вы, вероятно, имеете друзей на земле; они, может быть, разделяли ваши горести, может быть, даже спасали вас. В несчастии вы идете к ним, несете им ваши жалобы, ваши слезы, а они, взамен этого расположения к ним, дают вам совет, поддержку, даже ласку; не думаете ли вы, что друг отсюда, сверху, был бы вам также полезен? Не утешительно ли сказать себе: когда я умру, мои друзья на земле будут у моего изголовья молиться за меня и оплакивать меня; друзья же потусторонние будут у порога жизни и придут, улыбаясь, вести меня на место, которое я заслужил своими добродетелями.

В. — Чем же я заслужил ваше особое покровительство?

От. — Вот почему я так расположен к вам со дня моей смерти. Я знаю вас как спирита, хорошего медиума и искреннего последователя учения; между всеми, кого я оставил на земле, я увидел вас прежде всех; тогда же я решил прийти и способствовать вашим успехам, прежде всего, конечно, для вас же; но еще больше — в интересах всех тех, кого вы призваны просветить и научить истине. Вы видите, Бог любит вас настолько, что делает вас миссионером; вокруг вас все мало-помалу разделяют ваши верования; самые непокорные слушают вас и вы увидите, как в один прекрасный день они вам поверят. Поэтому не теряйте терпения, идите вперед, несмотря на камни пути; возьмите меня, как посох, опору вашей слабости.

В. — Я не смею верить, что заслужил такую милость.

От. — Конечно, вы далеки от совершенства, но ваше усердие в распространении здравого учения, в поддержании веры в тех, кто вас слушает, в проповеди милосердия и доброжелательства, даже когда с вами дурно поступают, ваше воздержание от гневных вспышек, которым вы так легко могли бы предаваться, когда вас огорчают или не понимают ваших намерений,

служат противовесом тому, что в вас есть дурного; и знайте, что прощение — это могучий противовес. Бог даровал вам способности, и вы можете своими трудами увеличить их, чтобы производительнее работать для спасения ближнего. Я покидаю вас, но надейтесь на меня. Постарайтесь ограничить ваши земные желания и мысли и живите в более частом общении с вашими потусторонними друзьями.

П...

БЕРНАРДЕН

(Бордо, апрель 1862 г.)

Я Дух, забытый в продолжение многих веков; я жил на земле в нищете и в унижении; я работал не покладая рук, чтобы принести семье моей кусок черствого хлеба; но я всегда любил своего истинного Господина. Когда же земной мой владыка увеличивал бремя моих страданий, я говорил: «Боже мой, дай мне силу вынести ношу эту безропотно». Я искуплял свои прегрешения, друзья мои! Но при выходе из этого тяжелого испытания Господь принял меня с миром, и самое мое дорогое желание теперь — это собрать вас всех вокруг меня, дети мои, братья мои, и сказать: как бы высоко вы ни ценили его, но блаженство, ожидающее вас, будет еще выше.

Я не имел никакого ремесла; родясь в многочисленной семье, я служил всякому, кто помогал мне переносить жизнь. Это были времена жестокого рабства, и я испытывал все несправедливости, все преследования, все тяготы, какие только можно было возложить на меня. Я видел жену мою оскорбленной, дочерей моих похищенными и потом брошенными, сыновей моих уведенными на разбойничьи войны и потом повешенными за преступления, которых они не совершали! Если

бы вы знали, друзья мои, что я испытал в моем долгом существовании! Но я ждал, ждал счастья, которого нет на земле, и Господь даровал его мне. Вам всем, братья мои, говорю теперь: мужайтесь, терпите и покоряйтесь!

Дитя мое, сохрани практическое наставление, которое я даю тебе, проповедника лучше слушают, если он может сказать: «Я перенес больше вашего. И я перенес безропотно».

В. — В каком веке вы жили?

От. — От 1400 года до 1460.

В. — Имели ли вы с тех пор другое существование?

От. — Да, я жил еще между вами как миссионер веры; но веры чистой, настоящей, такой, какая выходит из рук Господа, а не той, какой ее сделали люди.

В. — А теперь, в жизни Духа, имеете ли вы какое-либо занятие?

От. — Можешь ли ты думать, что Духи остаются праздными? Бездеятельность, бесполезность была бы для них мучением. Миссия моя — руководить рабочими и наставлять их в спиритизме; я внушаю добрые мысли и стараюсь парализовать дурное влияние, которое имеют на них злые Духи.

Бернарден.

ГРАФИНЯ ПАУЛА

Графиня была женщиной молодой, богатой, красивой, знатного рода и к тому же живого ума и доброго сердца. Умерла она 36-ти лет от роду в 1851 году. Это была такая женщина, что надгробное слово для нее у всех должно было быть одно и то же: зачем Бог так рано берет к Себе подобных людей? Счастливы те, чью память так благословляют. Она была добра, кротка и снисходительна ко всем, избегая злословия, была готова извинить чужую вину; не гордая и не заносчивая,

она относилась к подчиненным с доброжелательством и мягкостью, но без унижительной фамильярности. Она понимала, что люди, живущие трудом, нуждаются в заработанных деньгах, и никогда не задерживала платежей, так как мысль о том, что кто-нибудь может пострадать от несвоевременной уплаты, была бы для нее мучением. Она была не из тех людей, которые всегда имеют деньги на удовольствия, но не для уплаты своих долгов. Она вообще не могла допустить, чтобы порядочные люди имели долги. Поэтому после ее смерти со всех сторон слышались одни только сожаления. Благотворительность ее была неисчерпаема, но это была не та официальная благотворительность, которая выставляется на показ, не тщеславие, но милосердие от чистого сердца. Один Бог знает, сколько слез она осушила, сколько она предотвратила несчастий. Свидетелями этого были только Бог да те несчастные, которым она помогла.

Высокое общественное положение ее мужа вынуждало ее держать дом свой на известной высоте; но, удовлетворяя требованиям своего положения, она в то же время была очень аккуратна и ввела порядок, которым избегала разорительного мотовства и лишних издержек. Таким образом, сберегая свои средства, она находила возможность согласовать свои общественные обязанности с помощью несчастным, помогать которым считала своим долгом (можно сказать, что эта дама была живым портретом добродетельной женщины, описанной в «Евангелии в объяснении Спиритизма», гл. XIII).

Вызванная через двенадцать лет после смерти одним из ее родственников, она дала следующее сообщение, в ответ на различные вопросы:*)

«Вы правы, друг мой, что я счастлива; я действи-

* Мы берем из ее сообщения, сделанного на немецком языке, только то, что касается интересующего нас вопроса.

тельно счастлива так, что не могу выразить этого; но я все-таки еще далека от последней ступени совершенства. И на земле я также была счастлива, я не помню, чтобы когда-либо испытывала действительное горе. Молодость, здоровье, богатство, почести — все, что считается у вас блаженством, я все имела. Но что все это значит в сравнении с тем, что мы имеем здесь? Что такое ваши великолепные празднества с богатыми украшениями рядом с собранием Духов, сияющих таким блеском, что глаза ваши не выдержали бы сияния их чистоты? Что такое ваши дворцы и раззолоченные салоны в сравнении с воздушными жилищами, с пространствами, блистающими красками, пред которыми бледнеет радуга? Что значат ваши прогулки размеренным шагом по паркам рядом с полетами через необъятные пространства, быстрее молнии? Что такое ваши виды, туманные, недалекие, в сравнении с величайшей картиной движущихся миров в беспредельной вселенной, руководимой Всемогущей Десницей Всевышнего. Что ваши концерты, хотя бы и самые великолепные, в сравнении с гармоничной мелодией, заставляющей трепетать эфирные флюиды и все фибры души? Как печальны, как скучны ваши величайшие радости рядом с неопишуемым ощущением счастья, которое, как благотворный ток, без примеси какого-либо беспокойства, какого-либо опасения или страдания проникает все наше существо? Здесь все дышит любовью, доверием и искренностью; везде любящие сердца, везде друзья; нет ни зависти, ни ревности. Таков мир, в котором я нахожусь и куда придете вы все, если будете следовать правым путем.

Однако однообразное счастье могло бы скоро утомить. Не думайте, что и наше вполне неизменно: это не постоянный концерт, не бесконечный праздник, не вечное блаженное состояние созерцания. Нет, это движение, жизнь, деятельность. Занятия наши, хотя и не утомительны, однако приносят постоянное разнообра-

зие и волнение массою случайностей, которыми они сопровождаются. Каждому дана задача, которую он должен исполнить; у каждого есть нуждающиеся в его покровительстве друзья на земле, которых он должен навестить, явления природы, которые он должен направить, страждущие души, требующие утешения. Поэтому все движется, приходит, уходит, но не с одной улицы на другую, а из одного мира в другой. Сходятся, расходятся, сообщают друг другу, что сделали, и в трудных случаях помогают один другому. И могу вас уверить, что никто не имеет времени скучать, хотя бы одну минуту.

В настоящее время земля представляет главный предмет наших забот. Какое движение между Духами! Сколько их стекается с разных сторон, чтобы участвовать в ее преобразовании. Это можно сравнить с тысячами рабочих, занятых расчисткой леса под руководством опытных распорядителей. Одни рубят старые деревья, вырывают крепкие корни, другие расчищают, пахуют, засеивают; а там уже строят новый город на развалинах старого света. Начальники собираются, держат совет, посылают гонцов с их распоряжениями во все концы мира. Земля должна быть в известное время преобразована; намерение Провидения должно быть исполнено, вот почему все за работой. Не думайте, что я остаюсь только зрительницей этого великого труда; мне было бы стыдно бездельничать, когда все работают; мне дана важная миссия, и я стараюсь как можно лучше ее исполнить. Не без борьбы достигла я того положения, которое занимаю в духовной жизни; верьте мне, что мое последнее существование, как бы оно ни казалось вам достойным, не было бы для того достаточно. В продолжение многих существований я прошла все испытания труда и нищеты, которую добровольно избрала, чтобы очистить и укрепить свою душу; оставалось последнее и самое опасное испытание богатством и благосостоянием без примеси какой-либо горечи. Тут была главная опасность. Прежде чем его испробовать, я хотела

испытать, достаточно ли я сильна. Но Бог увидел мои добрые намерения и поддержал меня. Многие Духи торопятся избрать это положение; но увы, они слишком слабы, чтобы противостоять опасности, и обыкновенно не выдерживают и искушение торжествует над их неопытностью.

Трудящиеся! И я была между вами, я, благородная дама, зарабатывала хлеб свой в поте лица, испытывала нужду и страдала от суровости людей. Это-то и выработало во мне крепость духа, без которой я, вероятно, не выдержала бы последнего испытания и, следовательно, не усовершенствовалась бы. Как и я, вы также будете подвергнуты испытанию богатством; но не торопитесь просить его слишком рано; а вы, которые уже богаты, всегда помните, что настоящее богатство не на земле, и не забывайте, какую ценою вы можете заслужить милость Всевышнего».

Паула, на земле графиня Д.

ИВАН РЕЙНО

*(Парижское Спиритическое Общество.
Самопроизвольное сообщение)*

«Друзья мои, как эта новая жизнь великолепна, она походит на блестящий поток, в своем быстром течении увлекающий души, опьяненные видом бесконечности! После разрыва телесных уз взор мой окинул новые горизонты и наслаждался чудным великолепием. Я перешел от мрака материи к блестящей заре, предвестнице Всемогущего. Я спасен, но не заслугами дел моих, а знанием вечных начал, которые избавили меня от мерзостей и грязи, сопровождающих страдания несчастного человечества. Благословенна смерть моя! Мои биографы считают ее преждевременной. О, слепцы! Они, пожалуй, сожалеют о нескольких сочинениях, не увидевших света, они не понимают, что те толки и разговоры, ко-

торые сопровождали мою смерть, принесут пользу святому учению спиритизма. Мой труд был окончен; я дошел до кульминационной точки, когда человек уже дал все, что может дать лучшего, и дальше может только повторяться. Смерть моя привлекла внимание публики и заставила ученых заняться моим капитальным трудом, касающимся спиритизма, которого они преднамеренно избегали, но который вскоре поборет их. Хвала Господу! С помощью высших Духов, покровительствующих новому учению, я буду освещать и прокладывать его путь.

Иван Рейно.

*(Париж. Семейный кружок.
Самопроизвольное Сообщение)*

Дух отвечает на разговор о его неожиданной смерти в молодые годы, поразивший многих из знавших его.

«Кто может утверждать, что смерть моя не есть благодееяние для спиритизма и для его будущности? Заметили ли вы ход прогресса и путь, по которому следует вера в спиритизме? Сначала Бог дозволил материальные проявления, как-то: пляску столов, стуки и другие феномены; все это было необходимо, чтобы обратить внимание, как забавное предисловие. Людям нужны осязательные доказательства, чтобы поверить. А теперь совсем другое. После материальных фактов Бог говорит уже разуму, уму, холодному рассудку; это уже не фокусы, но разумные доказательства, которые должны убедить и соединить даже самых закоренелых противников. И это только начало. Заметьте хорошенько, что я говорю: целая серия разумных проявлений, неопровержимых, последует одно за другим и число последователей спиритизма и так уже значительное, возрастет еще больше. Господь обратится к избранным умам, к людям заметным по образованию, знаниям и талантам. Это будут блестящие лучи, которые распространятся по всей земле, как неотразимый магнетический ток,

и направят самых упрямых на розыски бесконечного, на изучение этой великой науки, которая преподает нам столь чудные наставления. Все сгруппируются вокруг вас и, отбросив дипломы, возводившие их в сан гениев, станут скромными и маленькими для того, чтобы у вас поучиться. Позднее, когда они будут достаточно просвещены и убеждены, они воспользуются своим авторитетом и своим именем, чтобы еще подвинуть исследования и, достигнув последних пределов, дойти до цели, которую вы себе поставили. Цель же эта есть возрождение человеческого рода посредством глубокого разумного изучения последовательных существований, прошедших и будущих. Вот мое искреннее мнение о настоящем положении спиритизма».

Бордо.

(Вызывание) — Я с удовольствием являюсь на ваш зов, сударыня. Да, вы правы, духовного смятения я действительно не испытывал (ответ на мысль медиума). Я был добровольным пришельцем на вашей земле, где я должен был посеять первые семена великих истин, охвативших мир в настоящее время; я всегда сохранял воспоминание об отечестве и потому быстро освоился среди своих братьев.

В.— Благодарю вас, что вы явились; но я никак не предполагала, что мое желание вас видеть подействует на вас; между нами такая большая разница, и я отношусь к вам с таким почтением!

От.— Благодарю за ваши добрые мысли, дитя мое, но вы должны знать, что несмотря на расстояние, образовавшееся между нами вследствие более или менее быстро оконченных испытаний, существует могущественная связь, нас соединяющая — это симпатия, а вы эту связь еще скрепили вашими постоянными мыслями обо мне.

В.— Хотя многие Духи уже описывали нам свои первые ощущения по пробуждении, но не будете ли вы

так добры сказать нам также, как совершилось отделение вашего Духа от тела?

От.— Как для всех. Я почувствовал приближение момента освобождения, но он не причинил мне тягости потому, что я знал последствия, которые, однако, еще превзошли мои ожидания. Тело — это окова или помеха для духовных способностей, и какие бы знания мы ни сохраняли, они всегда более или менее задавлены прикосновением материи. Я уснул с надеждой на счастливое пробуждение: сон был краток, восторг пробуждения — неопишум. Великолепие небес развернулось перед моими глазами во всем своем блеске. Очарованный взор мой углубился в бесконечность миров, существование и обитаемость которых я утверждал. Подтверждалась истина моих предчувствий. Человек хотя и твердо верит в то, что говорит, но часто все-таки в глубине души у него являются минуты сомнения, неуверенности, он не доверяет если и не самой истине, которую исповедует, то часто тому несовершенному способу, которым ее доказывает. Сам я был уверен в истине, в которой хотел убедить других, но часто боролся с собою против уныния: вот вижу, осязаю, так сказать, истину и не могу разъяснить ее тем, кому было бы так необходимо поверить ей, чтобы следовать по тому пути, которым они должны идти.

В.— Проповедовали ли вы спиритизм при жизни?

От.— Между проповедью и исполнением — большая разница. Многие проповедуют какое-либо учение, но не следуют ему; я же исполнял, но не проповедовал. Всякий человек — христианин, когда следует законам Христа, даже не зная их, так и всякий может быть спиритом, если верит в бессмертие своей души, во множественность существований, в непосредственное прогрессивное движение, в земные испытания, как необходимые омовения ради очищения Духа. Я верил во все это, значит, я был спиритом. Я понял цель блуждающего состояния, эту промежуточную связь между воплощениями —

это чистилище, где грешный Дух сбрасывает свои загрязненные одежды, чтобы переодеться в новые; где возвышающиеся Духи тщательно ткут свои покровы, в которые облекутся снова и которые желают сохранить чистыми. Я понял, говорю вам, но я не проповедовал, а исполнял.

Примечание. Эти три сообщения были получены тремя неизвестными друг с другом медиумами. По сходству мыслей, по аналогии языка, можно предположить вероятность одной и той же личности. Выражение *ткнут тщательно покровы, в которые снова облекутся* — очень красивый оборот, дающий понятие о том, с каким старанием Духи приготовятся к новому существованию, в котором они будут далее совершенствоваться. Остальные Духи менее предусмотрительны и часто делают несчастный выбор, заставляющий их возвращаться назад и начинать снова.

АНТУАН КОСТО

Член Парижского Спиритического общества, похороненный 12 сентября 1863 г. на Монмартрском кладбище в общей могиле. Это был человек, которого спиритизм обратил к Богу; вера его в будущую жизнь была глубока, искренна и совершенна. Простой бедный рабочий, он исполнял заповедь милосердия на словах и на деле; несмотря на свои скудные средства, он находил еще возможность помогать тем, кто имел меньше его. Если Общество не решилось на приобретение ему отдельной могилы, то это потому, что предпочитало употребить свои средства на более полезный для живущих расход, чем удовлетворение пустого самолюбия; а спириты знают, что общая могила — такие же врата в царствие небесное, как и самые богатые мавзолеи.

Г-н Каню, секретарь Общества, бывший прежде глубоким материалистом, произнес на его могиле следующую речь:

«Дорогой брат Косто! Еще несколько лет тому назад многие из нас (и я, сознаюсь, первый) видели бы

перед этой открытой могилой только окончание человеческих страданий; а далее — ничего, ужасное небытие, т. е. отсутствие души, чтобы *искупить* и *заслужить*, а потому и отсутствие Бога, чтобы *вознаградить*, *наказать* или *простить*. Теперь же, благодаря нашей Божественной доктрине, мы видим в ней конец испытанию, а для вас, дорогой брат, чьи бранные останки мы предаем земле, — торжество и начало награды. Вы заслужили ее вашим мужеством, покорностью, милосердием, одним словом, вашими добродетелями; и в этом торжество и слава Бога, Мудрого, Всемогущего, Справедливого и Благого. Отнесите же, дорогой брат и друг, нашу хвалу и поклонение к подножию престола Предвечного, пожелавшего рассеять вокруг нас мрак заблуждения и неверия; ибо прошло немного еще времени с тех пор, как мы в подобном случае сказали бы вам с потупленным челом и отчаянием в сердце: прощай, друг, навсегда. Сегодня же мы говорим с поднятой головой, озаренной надеждой, с сердцем, преисполненным любви и мужества: дорогой брат, до свидания и молись за нас».

Один из медиумов получил на этой же открытой могиле следующее сообщение, чтение которого все присутствующие слушали с непокрытыми головами и в глубоком волнении. Это было поразительно, слышать слова мертвого, как из глубины могилы!

«Благодарю вас, друзья мои; могила моя не закрыта, но еще мгновенье — и земля покроет навсегда мои останки. Но ведь вы знаете, что душа моя не будет погребена под этим прахом: она будет витать в пространстве и подниматься к Богу. Какое утешение, что можно сказать себе, несмотря на утраченную оболочку: нет, я не умер, я живу настоящей жизнью, жизнью вечной. Погребение бедняка не сопровождается большой толпой; на его могиле не происходит шумных манифестаций, но верьте мне, друзья, что здесь *нет недостатка в многочисленной толпе* и добрые Духи следуют за вами и этими набожными женщинами, за телом того, кто лежит тут. Все вы верите и любите Бога. О, ко-

нечно, нет, мы не потому умираем что изнашивается наше тело. Дорогая, любимая жена! Я всегда буду с тобой и около тебя, чтоб помогать тебе переносить испытания. Жизнь твоя будет тяжела, но с помощью мысли о вечности и любви к Богу страдания твои покажутся легкими. Родные мои, окружающие мою подругу, любите ее, берегите, будьте ей братьями и сестрами. Не забывайте, что вы должны помогать друг другу на земле, если хотите войти в жилище Господа.

И вы, братья спириты, благодарю, что пришли проводить меня до этого жилища моего праха; но вы знаете сами, что душа живет и бессмертна и что она иногда будет приходить к вам просить молитвы, в которой, я надеюсь, ей не откажут, а также и помощи, чтобы подвигаться по чудному пути, который вы указали мне во время жизни. Прощайте, все находящиеся здесь, мы можем увидеться в другом месте, а не на этой могиле. Души зовут меня к себе на свидание. Прощайте, молитесь за тех, кто страдает. До свидания.

Косто.

Через Три дня Дух Косто, вызванный в частном собрании, продиктовал нижеследующее сообщение через другого медиума:

«Смерть — это жизнь. Я повторяю то, что уже было сказано; но для вас нет другого выражения, несмотря на то, что говорят материалисты и те, которые желают остаться слепыми... О, друзья, мои! какое это чудное явление на земле, это развевающееся знамя спиритизма, великой науки, из которой мы знаем только первые строки. Какую ясность мышления приносит она тем, кто добровольно разорвал цепи гордости, чтобы громко возвестить свою веру в Бога. Молитесь люди, благодарите Его за все Его милосердие. Бедное человечество, если бы ты могло все понять!.. Но время еще не пришло, когда милосердие Господа должно распространиться на всех, чтобы все признали Его волю и подчинились ей.

О, благословенная наука, твоими блестящими лучами разольется свет познания, к твоему благотворному огню придут отогреть сердца и получать веру, надежду и утешение. Под твоими живительными лучами станут вместе *хозяин* и *работник*, соединятся в одно и поймут братскую любовь, которую проповедовал нам Божественный Мессия.

О, братья, подумайте о том счастье, которое досталось на вашу долю, вспомните, что вы были первые призваны к делу преобразования. Честь вам, друзья. Продолжайте, и когда придете в отечество Духов, как я, то воскликните: смерть — это жизнь, или, скорее — это сон, род кошмара, который длится минуту и от которого пробуждаешься окруженный друзьями, радующимися вашему прибытию. Счастье мое было так велико, что я не мог понять, за что мне все это, когда я так мало сделал. Мне казалось, что я сплю и все это вижу во сне, как иногда мне случалось видеть во сне, что я умер. И теперь я боялся, что мне придется проснуться и возвратиться в это несчастное тело; но скоро я удостоверился в истине и возблагодарил Господа. Я благодарил учителя, который сумел пробудить во мне человека, обязанного думать о жизни вечной. Да, я благодарил его и благословлял, так как Книга Духов разбудила во мне порывы любви к моему Создателю. Благодарю вас, добрые друзья, что вы привлекли меня к себе. Скажите братьям, что я часто вижусь с другом нашим Сансоном. До свидания, мужайтесь, вас ждет победа! Счастлив тот, кто участвует в битве!»

С тех пор Косто часто являлся то в нашем Обществе, то в другом и давал сообщения, полные возвышенности мысли, что всегда характеризует высших Духов.

ДЕВИЦА ЭММА ЛИВРИ

Молодая девушка, умершая после долгих страданий от полученных ожогов. Кто-то предложил вызвать ее в

Парижском Обществе Спиритов, как вдруг она явилась сама 31 июля 1863 г., в скором времени после смерти.

«Вот я опять на сцене этого мира; я уже думала, что навсегда погребена в моем девичьем уборе невинности и молодости. Земной огонь спас меня от огня адского; так я думала на основании католической религии. Я не смела думать о чудесах рая, и моя трепещущая душа искала убежища в искуплениях чистилища; я молилась, страдала и плакала. Но кто дал моей слабости силу вынести мои страдания? Кто в долгие, бессонные ночи во время тяжелой лихорадки склонялся над моим ложем мученицы? Кто освежал мои воспаленные губы? То был ты, мой ангел-хранитель, окружавший меня своим тихим сиянием, и вы также, дорогие Духи и друзья, шептавшие мне в тиши ночной слова надежды и любви. Пламя, на котором сгорело мое слабое тело, освободило меня от привязанности к тому, что есть здесь, на земле, и я умерла, живя уже настоящею жизнью. Я не испытывала смятения и спокойно и сосредоточенно вошла в сияющий день, который освещает тех, кто после многих страданий умер с надеждою. Мать моя, милая мать — был последний земной звук, который раздался в душе моей! Как бы хотела я, чтобы она стала спиритом!

Я оторвалась от земли, как преждевременно спелый плод, падающий с дерева. Я была только слегка задета демоном гордости, который захватывает сердца несчастных, увлеченных блестящими успехами света и опьянением молодости. Теперь я благословляю пламя, благословляю страдания и испытания, которые были моим искуплением. Я похожу на белые осенние нити, уносимые легким ветерком в сияющую даль; теперь уже не бриллиантовые звезды блестят на моей голове, но золотые звезды Господа Бога».

Эмма.

В другом кружке в Гавре тот же Дух дал также самопроизвольно следующее сообщение 30 июля 1863 г.

«Кто страдает на земле, бывает вознагражден в загробной жизни. Бог справедлив и милосерден для тех, кто здесь, на земле, переносит мучения. Он дарует такое чистое счастье, такое чудное блаженство, что не следует бояться ни смерти, ни страдания. О, если бы могли бедные человеческие создания постичь таинственные цели Создателя! Но земля есть место испытаний, часто великих, сопровождаемых очень острою болью. Подчинитесь им всем с кротостью, если они постигнут вас: преклонитесь пред высшею мудростью Господа. Он Всемогущ; если Он призовет вас к Себе после долгих болезней, вы увидите в другой жизни, жизни счастливой, насколько малы были эти муки и страдания на земле; тогда вы узнаете о награде, которую Бог вам назначил, если ни жалоба, ни ропот не нашли себе места в сердце вашем. Я очень молодою покинула землю, и Бог милостиво простил меня и дал мне жизнь такую, какую получают только те, кто преклоняется безропотно перед Его волею. Всегда поклоняйтесь Богу, любите Его от всего сердца, в особенности молитесь Ему: это ваша поддержка на земле, ваша надежда, ваше спасение».

Эмма.

ДОКТОР ВИНИАЛЬ

Старинный член Парижского Общества, умер 27 марта 1865 г. Накануне похорон одна ясновидящая сомнамбула (хорошо видящий медиум) во время сна была спрошена, видит ли она что-нибудь? Она отвечала: «Я вижу покойника, в котором происходит необыкновенное явление, как будто движется какая-то масса и старается освободиться, но не может; Духа же я не различаю ясно».

Он был вызван 31 марта.

В.— Все ваши товарищи сохранили о вас наилуч-

шее воспоминание, а я в особенности. Призывая вас к нам, мы прежде всего желаем выразить вам наши симпатии и будем счастливы, если вы захотите придти побеседовать с нами.

От.— Дорогой друг и уважаемый учитель, ваша память и выраженные чувства очень трогают меня. Если я могу явиться сегодня и присутствовать на собрании всех ваших друзей и братьев-спиритов, то это благодаря вашим добрым мыслям обо мне и помощи ваших молитв. Как справедливо сказать, мой молодой секретарь, я с нетерпением ждал возможности сообщить; с самого начала этого вечера я употреблял всю свою духовную силу, чтобы воздержаться от этого. Ваши сообщения и серьезные вопросы, которые вы обсуждали, очень заинтересовали меня и облегчили мое ожидание. Простите, дорогой друг, но моя горячая благодарность искала скорейшего выражения.

В.— Будьте добры сообщить нам, как вы себя чувствуете в мире Духов? Опишите, пожалуйста, минуту отделения, ваши ощущения и скажите, через сколько времени вы пришли в сознание?

От.— Я так счастлив, как только возможно, когда видишь полнейшее подтверждение своих тайных надежд и нашего утешительного и обновляющего учения. Да, я счастлив, потому что вижу теперь без всякой помехи развернувшуюся передо мною будущность науки и духовной спиритической философии.

Но оставим на сегодня эти несовременные рассуждения; я приду еще раз побеседовать об этом, зная, что мое присутствие доставит вам такое же удовольствие, какое испытываю и я, приходя к вам.

Отделение мое произошло довольно быстро; быстрее, чем я заслуживал. Мне очень содействовала ваша помощь, а ваша ясновидящая дала вам верное описание моего освобождения. Было что-то вроде колебания или качания, как если бы меня тянули в две разные стороны; Дух восторжествовал, и вот я здесь. Я оконча-

тельно покинул тело только тогда, когда оно было предано земле; я возвратился вместе с вами.

В.— Что вы думаете о церковной службе, совершенной на ваших похоронах? Я считал своим долгом присутствовать на ней. Были ли вы достаточно свободны в это время и могли ли видеть, а также слышать мои молитвы, хотя только мысленные?

От.— Да, как я уже сказал, ваше содействие много помогло, и я возвратился с вами, покинув окончательно мою скорлупу. Все материальное меня мало интересует, вы это знаете. Я думаю только о душе и о Боге.

В.— Помните ли вы, что пять лет тому назад, в феврале 1860 г., мы по вашему желанию, произвели над вами опыт? В это время Дух ваш при жизни отделился и пришел беседовать с нами. Разъясните нам, насколько возможно, разницу между вашим теперешним освобождением и тем, которое произошло тогда?

От.— Да, конечно, я помню; но какая разница между теперешним и тогдашним моим состоянием... Тогда материя стягивала, сжимала меня своей непроницаемой сетью; и я хотел освободиться полнее, но не мог. Теперь же я свободен; обширное поле неизвестного открыто передо мною, и я надеюсь с вашей помощью и с помощью добрых Духов как можно скорее подвинуться вперед и проникнуться теми чувствами, которые необходимы, чтобы, сойдя с пути испытаний, заслужить вступление в мир наград. Какое величие, какое великолепие! Нами овладевает почти чувство ужаса, когда мы, слабые существа, пожелаем взглянуть на великое и чудесное сияние.

В.— В другой раз мы будем очень счастливы продолжить эту беседу, когда вы пожелаете посетить нас.

От.— Я отвечал кратко и бессвязно на ваши вопросы; не спрашивайте большего с вашего верного ученика, я еще не совсем свободен. Говорить, еще говорить было бы величайшим удовольствием для меня, но мой руководитель удерживает меня; а я уже достаточно оце-

нил его доброту и справедливость и подчиняюсь его решениям, хотя и очень сожалею, что должен прервать эту беседу. Я утешаюсь мыслью, что буду часто приходить и невидимо присутствовать на ваших собраниях. Иногда буду говорить с вами; я вас люблю и хочу вам это доказать. Но другие Духи, более возвышенные, чем я, требуют первенства, и я должен уступить им; они позволили моему Духу высказать все накопленные им мысли. Я покидаю вас, друзья, и должен поблагодарить как вас, спиритов, которые меня призвали, так и того Духа, который позволил мне занять его место. Он при жизни своей носил знаменитое имя Паскаля.

Остаюсь, как был и как всегда буду, преданным вашим последователем.

Д-р Виниаль.

ВИКТОР ЛЕБЮФЛЬ

Молодой лоцман из Гавра, умер 20-ти лет от роду. Он жил со своей матерью, бедной торговкой, к которой относился с заботливой и нежной лаской; он содержал ее плодами своего тяжелого труда. Он никогда не посещал кабаков и не предавался излишеству, как это часто можно встретить у людей его профессии. Все время, когда он бывал дома, т. е. когда не ездил на промысел, он проводил с матерью и помогал ей в домашней работе. Давно страдавший тяжким недугом, от которого и умер, он старательно скрывал от матери свои страдания, чтобы не беспокоить ее и не давать ей самой взяться за работу. Этот молодой человек должен был обладать большой силой воли и добрыми чувствами, чтобы в таком юном возрасте устоять против пагубного влияния среды, в которой он вращался. Он искренно веровал, и смерть его была поучительна.

Накануне своей смерти он попросил мать пойти отдохнуть, говоря, что он сам хочет немного заснуть. Мать

согласилась, и когда она заснула, то ей представилось видение, как будто она находилась в глубоком мраке; затем появилась блестящая точка, которая все увеличивалась и вдруг комната осветилась чудным светом, и среди него ее сын, сияющий, поднимался в бесконечную высоту. Она поняла, что конец его близок, и действительно на другой день его чудная душа покинула землю; умирая, он шептал молитву.

Семейство спиритов, знавших его и интересовавшихся его матерью, оставшейся одинокою, захотело вызвать его вскоре после смерти; но он сам проявился и сообщил следующее: «Вы хотите знать, что я теперь? Я счастлив, очень счастлив! Считайте ни во что все страдания и томления — это источник радости и благословения за могилой. Счастье, радость... вы не знаете, что значат эти слова! Земное счастье так далеко от того, что мы испытываем, когда приходим к Господу с чистой совестью, с сознанием, что хорошо исполнили свой долг и, полные радости, ждем одобрения Того, Кто для нас Все!

О, друзья мои, жизнь трудна и горька, если не смотреть на конец; но истинно говорю вам, если вы придете к нам после того, как прожили ее согласно закону Бога, вы будете вознаграждены свыше, свыше всех страданий, свыше всякого ожидания. Будьте добры, милосердны тем милосердием, которое почти неизвестно между людьми и называется благожелательностью. Помогите себе подобным, делайте им более того, что бы вы желали, чтобы они делали для вас, ибо вы не знаете скрытой нищеты других, а свои нужды знаете. Помогите моей бедной матери; это единственное мое сожаление, оставленное на земле. Она должна будет перенести еще и другие испытания, чтобы достичь неба. Прощайте, иду к ней».

Виктор.

Руководитель медиума. — Страдания, испытываемые в продолжение жизни, не всегда бывают наказанием. Души, которые по воле Божией приходят на землю для исполнения какой-нибудь миссии, как тот, который сейчас говорил с вами, готовы переносить страдания, которые для других были бы тяжким искуплением. Сон, приближая их к Всевышнему, освежает их и дает им силы все переносить во славу Божию. Миссия этого Духа в этом существовании была не блестяща, но заслуга его от этого не меньше, так как его не побуждала гордость. Он прежде всего исполнил долг благодарности относительно той, которая была его матерью; а затем он должен был доказать, что в самой низкой среде могут быть чистые души с благородными и возвышенными чувствами и что при желании можно противостать всем искушениям. Это доказывает, что хорошие качества имеют начало в предшествующих существованиях, и пример этот не останется бесплодным.

Г-ЖА АНАИС ГУРДОН

Очень молодая женщина, отличавшаяся кротостью своего характера и добрыми нравственными качествами; умерла в ноябре 1860 г. Она принадлежала к семье рабочих в каменноугольных копях в окрестностях С.-Этьена — обстоятельство очень важное для оценки ее положения как Духа.

Вызывание.

От. — Я здесь.

В. — Отец ваш и муж просили меня вызвать вас. Они будут счастливы иметь ваши сообщения.

От. — Я тоже очень рада.

В. — Почему вы так рано покинули любившую вас семью?

От. — Потому что я окончила свои земные испытания.

В. — Приходите ли вы к ним иногда?

От.— О, я часто бываю с ними.

В.— Счастливы ли вы, как Дух?

От.— Я счастлива, надеюсь, жду и люблю; загробная жизнь не страшна мне, и я с доверием и любовью жду, чтобы отросли мои белые крылья.

В.— Что вы подразумеваете под этими крыльями?

От.— Я надеюсь превратиться в чистого Духа и сиять, как небесные посланники, ослепляющие меня.

Крылья ангелов, архангелов, серафимов, то есть чистых Духов, очевидно, придуманы людьми, чтобы яснее выразить быстроту, с которой они передвигаются. На самом деле их эфирная природа не нуждается ни в какой поддержке, чтобы пролетать пространства. Но они могут появляться людям украшенными этими атрибутами, отвечающими человеческому представлению, точно так, как другие Духи принимают на себя вид, который они имели на земле, чтобы их легче можно было узнать.

В.— Могут ли ваши родные сделать вам что-нибудь приятное?

От.— Они, дорогие мои, не должны бы были печалить меня своими сожалениями и слезами; они же знают, что я не потеряна для них; пусть мысль обо мне им будет приятна и легка. Я пронеслась как легкий лепесток, и ничего печального не должно остаться после меня.

В.— Откуда вы заимствовали эти поэтические выражения; кажется, вы на земле занимали положение не очень высокое и не получили образования?

От. — Это говорит моя душа. Да, я имела ранее приобретенные значения и Бог часто допускает, чтобы возвышенные и нежные Духи воплощались между самыми грубыми людьми, чтобы дать им предчувствие той тонкости и деликатности душевной, которую они поймут и достигнут впоследствии.

Без этого объяснения, столь логичного и отвечающего благодати Божией ко всем созданиям, было бы трудно понять эти выражения; они могли бы показаться аномалией. Действительно, что может быть более грациозно, чем эти слова Духа молодой женщины, выросшей среди грубых работ? Часто мы видим и противоположное: Духи низшие воплощаются среди людей образованных и утонченных, и тогда это уже с противоположной целью — для их собственного возвышения. Бог дарует им Свою благодать и ставит их в соприкосновение с людьми просвещенными; иногда же — для испытания этих последних. Какое философское учение, кроме спиритического, может разрешить такую задачу?

МОРИС ГОНТРАН

Морис был единственным сыном; он умер 18-ти лет от роду от чахотки. Имея редкий, не по летам развитый ум, он любил науку; характера был кроткого, любящего и симпатичного и обладал всеми качествами, дающими несомненные надежды на блестящую будущность. Учение свое он окончил рано и с величайшим успехом и продолжал еще занятия в Политехнической школе. Смерть его была для родителей тяжким горем, оставляющим глубокие следы и тем более тяжелые, что он всегда отличался слабым здоровьем. Родители же его приписали его раннюю смерть усиленным занятиям, к которым они его поощряли, и это-то теперь ставили себе в упрек. «К чему, — говорили они, — послужит ему теперь все, чему он учился? Лучше бы было, если бы он остался необразованным, так как ему не нужно было этого для жизни, и тогда бы он, без сомнения, остался еще с нами и был бы утешением нашей старости». Если бы они были знакомы со спиритизмом, то рассуждали бы иначе. Позднее они и нашли в нем истин-

ное утешение. Следующее сообщение было дано их сыном одному из своих друзей, через несколько месяцев после смерти:

В.— Дорогой Морис, ваша нежная привязанность к вашим родителям позволяет мне надеяться, что вы пожелаете поддержать их мужество и утешить их печаль. Огорчение, даже отчаяние, в которое повергла их ваша смерть, видимо, подрывает их здоровье и заставляет тяготиться жизнью. Несколько добрых слов с вашей стороны, несомненно, возродят их.

От.— Мой дорогой друг, я с нетерпением ждал случая сообщить с вами. Горе моих родителей удручает меня; но они утешатся, когда узнают, что я для них не потерян; вы должны постараться убедить их в этой истине. Все это должно было произойти, чтобы привести родителей моих к вере, которая составит их счастье, ибо она прекратит их ропот против воли Провидения. Мой отец, как вы знаете, был скептик и не верил в будущую жизнь; *Бог послал им это горе, чтобы вывести их из заблуждения.*

Мы увидимся здесь, в этом мире, где нет печали и куда я пришел раньше них; но скажите им, что дозволения меня видеть они не получают, если недоверием к благодати Господа заслужат это наказание. Мне будет даже запрещено сообщаться с ними, пока они будут на земле. Отчаяние есть возмущение против воли Всевышнего, и оно всегда бывает наказано *продолжением причины того, что вызвало это отчаяние* и продолжается до тех пор, пока люди не смиряются. Отчаяние есть настоящее самоубийство; оно подтачивает силы и сокращает жизнь. Напротив, нужно работать для поддержания своих телесных сил, чтобы можно было легче переносить тяжести испытаний.

Дорогие родители, к вам обращаюсь! С тех пор как я покинул брэнное тело, я постоянно был около вас и даже чаще, чем при жизни... Утешьтесь же: я не умер; только тело мое умерло, а Дух мой будет жить всегда.

Он свободен, счастлив, избавлен от болезней и печали. Вместо того, чтобы горевать, возрадуйтесь, что я там, где нет ни печали, ни воздыханий и где сердце наполняется чистою радостью. О, друзья мои, не жалейте о тех, кто умер преждевременно; это милость, дарованная им Богом, во избежание земных скорбей. Мое существование на этот раз не должно было больше продолжаться на земле; я приобрел там все, что должен был приобрести, чтобы подготовиться к более важной будущей миссии. Если бы я там пробыл долгие годы, знаете ли вы какой опасности, какому искушению я бы мог подвергнуться? Знаете ли вы, что если бы я не устоял против искушения, то замедлил бы свое возвышение на несколько веков! Зачем же жалеть о том, что мне выгоднее. Неутешное горе в этом случае, доказывает недостаток веры и может основываться только на вере в небытие за гробом. О да, об этих нужно сожалеть! Для думающих так нет утешения; существа, которые им дороги, потеряны для них навеки, могила уносит их последнюю надежду!

В. — Сопровождалась ли ваша смерть страданиями?

От. — Нет, друг мой, я страдал раньше от моей болезни; но мои страдания уменьшались по мере приближения к смерти; я уснул, не думая о ней. И я видел сон; о чудный сон! Мне снилось, что я выздоровел; я не мучился больше и дышал полной грудью, сладостно вдыхая живительный и полный аромата воздух; неведомая сила несла меня через необозримые пространства, чудный свет сиял вокруг меня! Я видел моего деда; он имел уже не старческий, а свежий и молодой вид; он протянул мне руки и прижал меня к своему сердцу. Много других улыбающихся лиц встретили меня с доброю и снисходительностью; мне казалось, что я их узнаю, я был рад их видеть, и мы обращали друг к другу выражения приветствия. Но то, что я считал сном, была действительность; я уже не должен был проснуться на земле, я проснулся в мире Духов.

В. — Не была ли ваша болезнь следствием слишком усиленных занятий?

От. — О нет, будьте в том уверены. Время, которое я должен был провести на земле, было заранее определено и ничто уже не могло удержать меня там. Дух мой в минуты освобождения знал это и был счастлив, думая о своем будущем избавлении. Но время, которое я провел на земле, не прошло для меня бесплодно, и я радуюсь теперь, что не потерял его даром. Серьезное учение укрепило мою душу и увеличило мои знания, и если я не мог их применить в мое кратковременное пребывание между вами, я применяю их после с большею пользою. Прощайте, друзья мои, я иду к своим родителям подготовить их к принятию моего сообщения.

Морис.

Глава III

ДУХИ СРЕДНЕГО СОСТОЯНИЯ

ИОСИФ БРЕ

Умер в 1840 г., вызван в Бордо в 1862 г. своей внучкой

Честный человек перед Богом и перед людьми

1. Милый дедушка, скажите мне, как вы себя чувствуете среди Духов, дайте нам несколько наставлений для нашего усовершенствования.

От. — Все, что хочешь, милое дитя. Я искупаю недостаток веры; но милость Божия велика. Он принимает во внимание все обстоятельства. Я страдаю, но не так, как ты понимаешь, а от сожаления о том, что плохо воспользовался своим временем на земле.

2. Как же вы могли плохо жить? Вы всегда были честным человеком.

От. — Да, с точки зрения людей; но между честным человеком перед людьми и честным человеком перед Богом — целая пропасть. Ты ищешь поучения, дитя мое, я постараюсь дать его тебе и объяснить эту разницу:

Между вами считается честным человеком тот, кто соблюдает законы своей страны, законы весьма эластичные для многих; например, ты не делаешь зла своему ближнему, если явно не отнимаешь у него его достояния; но часто без зазрения совести отнимаешь у него доброе имя и счастье в таких случаях, когда закон и общественное мнение не могут обличить твоего лицемерия. Когда кому-нибудь напишут на могильном памятнике длинный ряд добродетелей, о которых он при жизни проповедовал, то думают, что он заплатил свой долг человеку. Какое заблуждение! Чтобы быть честным человеком перед Богом, недостаточно соблюдать законы человеческие, нужно прежде всего не нарушать законов Божеских. Честный человек перед Богом тот, кто полный самоотвержения и любви, посвящает свою жизнь добру и помощи ближнему; тот, кто, сознавая конец, деятелен в жизни, исполняет порученную ему материальную задачу и подает братьям своим пример любви к труду; он должен быть деятелен в добрых делах, ибо не должен забывать, что он слуга, у которого господин спросит отчета в употреблении его времени; деятелен перед концом жизни, ибо он должен показать пример любви к Создателю и к своему ближнему. Честный человек перед Богом должен избегать язвительных выражений, этого яда, прикрытого цветами красноречия, который вредит честному имени человека и часто убивает его нравственно, предавая его осмеянию. Честный человек перед Богом должен всегда остерегаться гордости, зависти и честолюбия. Он должен быть терпелив и кроток с теми, кто на него нападает; он должен прощать от всего сердца и без тщеславия того, кто его оскорбил;

он должен любить своего Создателя во всех Его созданиях; он должен, наконец, привести в исполнение сжато выраженное великое правило обязанностей человека: любить Бога превыше всего и своего ближнего, как самого себя.

Вот, дорогое дитя мое, почти все, чем должен отличаться человек честный перед Богом. А сделал ли я все это? Нет, я не исполнил многих из этих условий и каюсь теперь в этом; я был не настолько деятелен, насколько это нужно; забвение Бога вовлекало меня в другие забвения, которые хотя и не подлежат ответственности перед законом людским, тем не менее преступны перед законом Бога. Я достаточно мучился, когда понял и почувствовал все это; вот почему я надеюсь теперь на благость Господа, Который видит мое раскаяние. Скажи все это, дитя мое, и повтори тем, чья совестьотягощена; пусть они постараются загладить свои преступления добрыми делами, и милосердие Божие не остановится для них на поверхности. Его отеческие любящие очи сосчитают все искупления, а всемогущая рука сотрет все ошибки.

ЕЛЕНА МИШЕЛЬ

Молодая женщина, умершая в 25 лет внезапно, в несколько минут, без страдания и безо всякой видимой причины. Она была богата, немного легкомысленна и занималась в жизни больше пустяками, чем серьезными вещами; но, несмотря на это, сердце у нее было доброе, она была кротка, снисходительна и милосердна. Вызванная через три дня после смерти людьми, знавшими ее, она отвечала так: «Я не знаю где я... какой хаос окружает меня? Вы звали меня, и я пришла.

Я не понимаю, почему я не у себя... меня оплакивают, как умершую, а я здесь и не могу заставить узнать себя... Тело мое мне больше не принадлежит, между тем

кровь моя застыла... Я хочу уйти от него, от этого тела, а не могу оторваться, я точно пригвождена к нему и все возвращаюсь сюда... Я как бы раздвоилась... О, когда же я пойму, что со мною происходит? Я опять должна идти туда; что станет с моим другим я в мое отсутствие? Прощайте».

Чувство раздвоенности, еще не совсем уничтоженное полным отделением, здесь очевидно. Это был характер легкомысленный, а обеспеченное состояние и возможность исполнения всех капризов еще более располагали ее к ветрености. Неудивительно, что освобождение ее шло не быстро и через три дня после смерти она еще чувствовала свою связь с телом. Но так как у нее не было серьезных пороков и в основе она была очень добра, то это положение длилось недолго и было не особенно тяжело. Когда ее вызвали еще раз через несколько дней, понятия ее оказались сильно изменившимися.

Вот что она говорила: «Благодарю, что вы помолились за меня. Я преклоняюсь перед благостию Господа, Который избавил меня от страданий и страха перед минутой отделения души от тела. Бедная моя мать, ей будет очень тяжело покориться; но ее поддержит и то, что в ее глазах есть великое несчастье, — было необходимо, чтобы небесное стало для нее тем, чем должно быть: всем. Я буду около нее до окончания ее земных испытаний и помогу ей их переносить. Я не несчастлива, но мне еще многое надо сделать, чтобы подвинуться к блаженству. Я буду молить Господа дозволить мне возвратиться на землю, мне нужно возместить время, которое я потеряла в последнем существовании. Да поддержит вас вера, друзья мои, имейте доверие в силу молитвы, когда она исходит от сердца. Бог милосерден!»

В. — Долго ли вы не могли придти в сознание?

От. — Я поняла смерть в тот день, как вы помолились за меня.

В. — Это состояние смятения было болезненно или нет?

От. — Нет, я не страдала; я думала, что вижу сон, и ожидала пробуждения. Жизнь моя была не лишена огорчений, но каждый воплощенный на этом свете, должен страдать; я покорялась воле Божией, и он захел мне это. Я благодарна вам за молитву, которою вы помогли мне опомниться. Благодарю. Всегда с удовольствием буду приходить к вам. Прощайте.

Елена.

МАРКИЗ СЕН-ПОЛЬ

Умер в 1860 г., вызван был по просьбе его сестры, члена Парижского Общества, 16 мая 1861 г.

Вызывание.

От. — Я здесь.

В. — Ваша сестра просила вызвать вас, хотя она и сама медиум, но недостаточно сформированный и потому не уверена в себе.

От. — Я постараюсь ответить на ее вопросы.

В. — Она хочет знать, счастливы ли вы?

От. — Я в скитальчестве, а это переходное состояние не приносит никогда ни блаженства, ни положительного наказания.

В. — Долго ли вы не приходили в сознание?

От. — Я долго оставался в смятении и пришел в себя только тогда, когда мог поблагодарить тех, кто не забыл меня и молится за меня.

В. — Можете ли определить продолжительность вашего смятения?

От. — Нет.

В. — Кого из родных вы узнали прежде всего?

От. — Я узнал отца и мать; оба они встретили ме-

ня после пробуждения, они же и посвятили меня в новую жизнь.

В. — Почему в конце вашей болезни вы разговаривали с теми, кого вы особенно любили на земле?

От. — Потому что до моей смерти мне был показан мир, в котором я буду находиться. Я перед смертью был ясновидящим, и зрение мое омрачилось только во время перехода и окончательного отделения духа от тела; телесная связь у меня была еще очень крепка.

В. — Почему вам преимущественно приходили на память воспоминания детства?

От. — Потому что начало жизни ближе к концу ее, чем середина.

В. — Как вы это понимаете?

От. — Умиравшие вспоминают и видят как бы в *утешительном мираже* годы чистоты и невинности.

Вероятно, по той же причине старцы, приближающиеся к концу жизни, имеют столь ясное воспоминание о малейших подробностях их детства.

В. — Почему, говоря о теле, вы всегда употребляли третье лицо?

От. — Потому что я был ясновидящим, как уже сказал; я ясно чувствовал разницу между физическим и духовным, и разница этих двух субстанций, соединенных жизненным флюидом, особенно ярко выступает в глазах умирающего ясновидящего.

Эта особенность проявилась и в смерти этого господина. В последние минуты он все повторял: он хочет пить, ему холодно, он страдает и т. д. И когда ему говорили: «Ведь, это вы хотите пить?», он отвечал: «Нет, это он». Тут ясно определяются два существования, мыслящие в Духе, а не в теле; Дух, уже почти отделенный, смотрел на свое тело, как на постороннюю личность, уже ему не принадлежащую; и вот этому-то телу надо было дать пить

и есть, а не ему, Духу. Этот феномен замечался также у некоторых сомнамбулов.

В. — Все, что вы сказали о вашем скитальческом состоянии и о продолжительности вашего смятения, наводит на мысль, что вы несчастливы; а между тем ваши качества должны бы были доказывать противное. Впрочем, бывают Духи-скитальцы счастливые, как есть и несчастные.

От. — Я нахожусь в переходном положении; человеческие добродетели приобретают здесь настоящую цену. Мое состояние, конечно, предпочтительнее земному воплощению; но я всегда имел стремление к добру и к истинной красоте, и душа моя только тогда удовлетворится, когда поднимется к стопам своего Создателя.

Г-Н КАРДОН. ДОКТОР

Доктор Кардон провел часть своей жизни в торговом флоте в качестве врача на китоловном судне и приобрел там материалистические привычки и взгляды. Возвратившись в деревню, он занялся скромной профессией деревенского врача. Спустя некоторое время г-н Кардон убедился, что у него начинается гипертрофия сердца, и зная, что эта болезнь неизлечима, он стал думать о смерти, и мысли эти повергли его в такую тяжкую меланхолию, что ничто не могло его развлечь. За два месяца он предсказал свою кончину, определив даже день ее; когда он почувствовал приближение смерти, то собрал свою семью, чтобы проститься со всеми. Его жена, мать, трое детей и другие родственники все находились около его постели, и в ту минуту, когда жена хотела его приподнять, он опустился, посинел, глаза его закрылись и все подумали, что он умер; жена стала перед ним, чтобы закрыть его от детей. Через несколько минут, он открыл глаза; его лицо сияло, оно приняло выражение блаженства и он воскликнул: «О, дети мои, как это великолепно, какое величие! О,

смерть, какое благо! Какая сладость! Я уже был мертв и почувствовал, что душа моя поднялась высоко-высоко; но Бог позволил мне возвратиться, чтобы сказать вам: «Не опасайтесь смерти, это освобождение!..» Отчего не могу описать вам великолепия всего того, что я видел, и высказать вам свое впечатление; но все равно, вы этого не поймете!.. О, дети мои, поступайте всегда так, чтобы заслужить это неопишное блаженство, предназначенное для людей добродетельных; живите по закону милосердия, отдавайте часть того, что имеете, нищему. Дорогая жена, я оставляю тебя в несчастливом положении; у нас есть должники, но, прошу тебя, не мучь тех, кто нам должен; если они находятся в стесненном положении, то подожди, когда они будут в состоянии расплатиться; кто же не сможет отдать, прости им долг. Бог вознаградит тебя. Ты, сын мой, работай, чтобы содержать мать твою, будь всегда честным человеком и остерегайся, чтобы не обесчестить нашу семью. Возьми этот крест, который достался мне от матери моей, держи его всегда при себе, и пусть он напоминает тебе мои последние советы... Дети мои, помогайте и поддерживайте друг друга, да будет мир между вами, не будьте ни горды, ни тщеславны; прощайте врагам вашим, если хотите, чтобы Бог простил вас». Затем, подзвав к себе детей, он протянул к ним руки и прибавил: «Благословляю вас, дети мои!» И глаза его закрылись на этот раз уже навсегда; но лицо его сохранило такое величественное выражение, что множество посторонних людей приходило любоваться им вплоть до дня его погребения.

Все эти интересные подробности сообщил нам друг этой семьи. Тогда мы решили, что вызывание его будет очень поучительно для всех нас, а также полезно для самого Духа.

1. *Вызывание.*

От. — Я около вас.

2. *В.* — Нам рассказали ваши последние минуты,

которые восхитили нас. Будьте добры, описать нам, что вы видели в том промежутке времени, между вашими двумя смертями, если можно так выразиться?

От. — То, что я видел, поймете ли вы? Я не знаю, потому что я не могу найти выражений, способных объяснить то, что я видел в продолжение этих нескольких мгновений.

3. *В.* — Отдаете ли вы себе отчет в том, где вы были? Далеко ли это от земли, на другой ли планете или в пространстве?

От. — Дух не определяет расстояний, так как вы их понимаете. Унесенный неизвестной силой, я увидел величие неба, такое, как можно себе представить только во сне. Этот полет через беспредельное пространство произошел так быстро, что я не могу определить время, употребленное на это моим Духом.

4. *В.* — В настоящее время пользуетесь ли вы тем блаженством, которое вы увидели тогда?

От. — Нет, я бы хотел им пользоваться, но Бог не может меня так вознаградить. Я слишком часто восставал против благочестивых мыслей, которые диктовало мне мое сердце, и смерть казалась мне несправедливостью. Неверующий врач, я почерпнул в науке сомнение в нашей второй натуре, которая есть наше разумное начало; я думал, что бессмертие души есть вымысел или фикция, соблазняющая малоразвитые натуры; однако пустота небытия пугала меня, и я часто проклинал этого таинственного деятеля, т. е. — смерть, которая все уносит и уносит человечество. Философия спутала мои понятия и не объяснила мне всего величия Предвечного, Который умеет распределять горе и радости для наказания людей.

5. *В.* — После вашей настоящей смерти скоро ли вы пришли в сознание?

От. — Нет. Я пришел в чувство во время моего перехода, когда Дух мой пролетел эфирные пространства; но после настоящей смерти мое смятение продолжалось

несколько дней. Бог послал мне милость, и я скажу вам почему: мое первоначальное неверие больше не существовало; я веровал еще до моей смерти. Рассматривая с научной точки зрения причину, от которой я погибал, я не мог найти никакой, так сказать, земной причины, а нашел скорее Божественную: она-то меня утешила, вдохновила, и мужество мое стало сильнее страдания. Я благословлял то, что прежде проклинал, и смерть казалась мне освобождением.

Мысль о Боге велика, как мир. О какое бесконечное утешение дает нам молитва, приводящая нас в умиление; это вернейший элемент нашей нематериальной жизни; с ее помощью я твердо уверовал, и потому Бог, услышав мои мольбы, пожелал вознаградить меня до окончания моего воплощения.

6. В. — Можно ли сказать, что в первый раз вы умерли?

От. — И да и нет; Дух оставил тело, и, конечно, тело угасло; но, возвратившись, он вошел опять в свое земное жилище, и жизнь возвратилась телу, которое было как бы во сне.

7. В. — Чувствовали ли вы в то время связь с вашим телом?

От. — Конечно; Дух имеет крепкую связь с телом; чтобы его покинуть, нужно последнее содрогание тела, и тогда только Дух возвращается к настоящей своей жизни.

8. В. — Почему во время вашей кажущейся смерти ваш Дух мог в продолжение нескольких минут отделиться от тела без всякого сотрясения, тогда как после, при настоящей смерти, смятение продолжалось несколько дней? Казалось бы, что в первом случае связь души с телом должна быть крепче, чем во втором?

От. — Вы часто вызывали воплощенных Духов и получали разумные ответы; я находился в таком же положении. Бог позвал меня, а служители Его сказали мне: «Иди», я повиновался и благодарю Господа за да-

рованную мне особенную милость; я увидел бесконечность Его величия! Благодарю и вас, что вы помогли мне до моей смерти дать наставление моей семье.

9. В. — Кто внушил вам добрые и благочестивые мысли, которые вы высказали семье?

От. — Мысли эти были отголоском того, что я видел и слышал; добрые Духи вдохновляли мой голос и оживляли мое лицо.

10. В. — Как вы думаете, какое впечатление произвели ваши слова на присутствующих, на ваших детей в особенности?

От. — Очень глубокое, поразительное; смерть не обманывает, дети, как бы неблагодарны и нечувствительны они ни были, преклоняются перед отходящим воплощением! Если бы возможно было раскрыть все сердца детей перед открытой еще могилой их родителей, то видны были бы только настоящие их мысли, которые внушают им в эту минуту Духи: «Трепещите, если вы сомневаетесь; смерть есть искупление, справедливость Божеская!» Уверяю вас, что, несмотря на неверие, друзья и дети мои поверят моим словам, которые произнес голос мой пред смертью. Я был выразителем другого мира.

11. В. — Вы сказали, что не пользуетесь счастьем, которое видели тогда; разве вы несчастны?

От. — Нет, потому что я верил еще до своей смерти. Заметьте, что Господь вспомнил о моих молитвах и моей безусловной вере; я нахожусь на пути к совершенствованию и дойду до цели, которую мне дозволили видеть. Молитесь, друзья мои, о мире невидимых, руководящих вашими судьбами; эта братская взаимность есть милосердие, могучий рычаг, который приводит в общение Духов всех миров.

12. В. — Не хотите ли сказать несколько слов вашей жене и детям?

От. — Я прошу всех моих близких верить во

Всевышнего, могущественного, праведного, незыблемого, молитва Которому утешает и подкрепляет; и в милосердие, которое есть самое чистое деяние воплощенного человечества. Пусть помнят, что можно дать мало: лепта вдовицы — самая большая заслуга перед Богом; Он знает, что бедный дает много — давая крупицу, богатый же должен давать много и часто, чтобы заслужить столько, сколько бедный.

Будущность есть милосердие и доброжелательность во всех действиях; Духи все должны быть братьями и никогда не тщеславиться пустыми преимуществами. Дорогая семья, тебя постигнут тяжкие испытания, но прими их с мужеством, помня, что Бог все видит. Произносите чаще следующую молитву: «Бог любви и милосердия, Бог Всесильный, дающий все и всегда, дай нам силу, которая бы не отступала ни перед какими трудами; дай нам доброту, кротость и милосердие, сделай нас малыми по достоянию, но великими по сердцу. Пусть Дух наш будет спиритом на земле, чтобы лучше понять Тебя и лучше возлюбить! Да будет Имя Твое, о Боже, эмблемой свободы, да утешит оно всех угнетенных, всех тех, кто любит, прощает и верит!»

Кардон.

СТАНИСЛАВ ЭРИК

(Произвольное сообщение, Парижское Общество, август, 1863).

«Сколько счастья дают нам любвеобильные, живочувствующие сердца! О сладкие мечты, открывающие путь к спасению тем, кто только живет, кто дышит; да распространится ваш целебный источник широким потоком как на нас, так и на вас. Какие выражения выбирать, чтобы передать то счастье, которое испытывают все ваши братья за могилой, в созерцании той чи-

стой любви, которая соединяет всех вас! О, Братья, сколько добра повсюду, какие хорошие чувства, высокие и простые, вы призваны сеять по длинному пути, который вам назначено пройти; как велика будет награда, даже ранее того времени, как вы получите на нее право!

Я присутствовал на всех ваших собраниях, я слушал, я слышал, я понял — в свою очередь могу исполнить свой долг и просветить несовершенных Духов.

Слушайте: я далеко не был счастлив; погруженный в необъятное, в бесконечное, я чувствовал, что мои страдания были оттого сильнее, что я не мог дать в них себе точного отчета. Благословен Бог! Он дозволил мне войти в святое-святое, где нет места злым. Друзья, как я вам благодарен, сколько сил я почерпнул благодаря вам! Добродетельные люди, собирайтесь чаще, поучайте; вы не можете знать, сколько добра приносят ваши серьезные собрания; Духи, которым надо еще много учиться, которые добровольно остаются бездеятельными, ленивыми, забывчивыми к своим обязанностям, все могут придти и слушать. И вот, пораженные тем, что услышат, они могут опомниться, оглянуться на себя, взглянуть на цель, которую должны достичь, и, глядя на вас, может быть, постараются поискать средство выйти из тяжелого положения, в котором они находятся. Я с великим счастьем предлагаю свои услуги быть посредником и выразителем страждущих душ; я знаю, что обращаюсь к людям, исполненным любовью, и не буду отвергнут. Примите же еще раз, великодушные люди, выражение благодарности моей и всех тех, кому вы, может быть, не подозревая этого, сделали столько добра!

Эрик Станислав.

Дух — руководитель медиума: — Дети мои, Дух этот был очень несчастлив, потому что долго заблуждался; теперь он понял свои ошибки, раскаялся и нако-

нец обратился к Богу, Которого не хотел знать раньше. Теперешнее его положение не есть счастье, но он надеется на будущее и уже не так страдает. Бог дозволил ему придти слушать и потом отправиться в низшие сферы наставлять Духов, которые, как и он, нарушили законы Предвечного. И теперь он достигнет блаженства, так как твердо решился на это.

Г-ЖА АННА БЕЛЬВИЛЬ

Молодая женщина, умершая в 35 лет после долгой и тяжелой болезни. Живая, умная, одаренная редкими нравственными качествами, верная жена и чудная мать, она к тому же никогда не теряла присутствия духа и обладала сильной и твердой волей. Не злопамятная, она всегда была готова оказать услугу даже тем, на которых имела право жаловаться. Хорошо знакомые и даже связанные с ней давнишнею дружбой, мы легко могли проследить всю ее жизнь, а также и обстоятельства ее смерти.

Случайно заболев тяжелой болезнью, она провела в постели три года; страдания свои она выносила с героическим мужеством и до последней минуты не теряла природной своей веселости. Она твердо верила в существование души, в загробную жизнь, но не много о ней думала; все мысли ее были заняты настоящей жизнью, которую она очень любила. Но смерти она не боялась и не искала материальных наслаждений; жизнь ее была очень проста, и она без труда обходилась тем, что ей было доступно. Она хотела жить не столько для себя, сколько для детей, которым, как она это чувствовала, была необходима; вот почему она так цеплялась за жизнь. Она была знакома со спиритизмом, но не изучала его основательно; интересовалась им, но не могла сосредоточить своих мыслей на идее о будущем. Спиритизм казался ей истиною, но не производил глу-

бокого впечатления на ее ум. Она делала добро по естественному, непосредственному побуждению, но не с мыслью о награде или наказании. Давно уже положение ее было безнадежно, с минуты на минуту ожидали ее смерти, и сама она не сомневалась в своей близкой кончине. Однажды, когда муж ее отсутствовал, она почувствовала слабость и поняла, что час ее настал; взор ее затуманился, смятение овладело ею, и она почувствовала уже томление расставания. Но ей очень не хотелось умереть до прихода мужа. Сделав над собою громадное усилие, она сказала: «Нет, я не хочу умирать». Тогда она почувствовала, что оживает, и совершенно пришла в себя. Когда возвратился муж, она сказала ему: «Я собираюсь умирать, но хотела подождать твоего возвращения, так как имею несколько указаний, которые хотела тебе передать». Борьба ее со смертью продолжалась еще три месяца и сопровождалась мучительными страданиями.

Вызов на другой день после смерти: «Благодарю вас, добрые друзья, что интересуетесь мною; но вы всегда были для меня, как самые близкие родные. Итак, радуйтесь, я счастлива. Утешьте моего бедного мужа и следите за моими детьми. Я тотчас же пойду к ним».

В. — Вероятно, смятение продолжалось у вас недолго? Вы отвечаете нам с такой ясностью?

От. — Друзья мои, я так много перенесла, а вы знаете, что я страдала безропотно. Мое испытание кончилось. Сказать, что я совершенно освободилась, не могу, но я не страдаю более, а это для меня большое облегчение. На этот раз я совершенно выздоровела; но мне необходима помощь молитвы, чтобы потом работать вместе с вами.

В. — Какая могла быть причина ваших столь долгих страданий?

От. — Ужасное прошлое, друг мой.

В. — Можете ли вы объяснить, что это было за прошлое?

От. — Дайте мне забыть его, я так дорого за все заплатила!

Через месяц после смерти:

В. — Теперь вы, вероятно, окончательно освободились, мы будем счастливы иметь с вами более подробную беседу. Не можете ли вы сказать нам, что было причиной вашей долгой агонии?

От. — Благодарю вас за память и молитвы обо мне; сколько они принесли мне пользы и как способствовали моему освобождению! Пожалуйста, поддержите меня еще и молитесь за меня. Вы понимаете, что такое молитва! Вы не произносите пустых слов, как многие другие, которые не знают, что значит хорошо молиться. Я много страдала, но все страдания мои вознаграждены; мне позволено часто бывать около детей, которых я покинула с таким сожалением. Я сама продолжила свою мученическую жизнь; мое страстное желание жить для детей заставило меня крепко держаться за материю, и в противоположность прочим я не хотела покинуть свое бренное тело, которое причинило мне столько страданий. Вот настоящая причина моей долгой агонии. Моя болезнь, мои муки — все это искупление, это часть долга, уплаченного мною. Да, друзья мои, если бы я вас слушала, какая бы была разница в теперешней моей жизни. Какой бы я чувствовала покой в последнюю минуту и насколько отделение было бы легче, если бы я, вместо того, чтобы противиться, с доверием положила на волю Божию. Но я была занята настоящим, вместо того, чтобы думать только о будущем.

Когда я вновь приду на землю, я буду спиритом. Какое великое учение, какая обширная наука! Я часто присутствую на ваших собраниях и слушаю наставления, которые вам дают. Если бы я могла понимать их, пока была на земле, то меньше бы страдала, но тогда не настал еще час. Теперь я понимаю всю благодать Господню и всю справедливость Его; но еще недостаточно возвы-

силась, чтобы не интересоваться житейскими делами; в особенности притягивают меня к земле мои дети; не для того, однако, чтобы баловать их, но чтобы за ними следить и стараться, чтобы они следовали по пути, начертанному спиритизмом. Да, друзья мои, у меня еще много забот; в особенности одна, от которой зависит судьба моих детей.

В. — Не можете ли вы рассказать нам ваше прошлое, о котором вы так жалеете?

От. — Дорогие друзья, я готова исповедаться перед вами! Вина моя состояла в том, что я не хотела признать чужого страдания; я видела мучения моей матери и не жалела ее; я предполагала, что она преувеличивает. Никогда не видя ее в постели, я думала, что она здорова, и смеялась над ее воображаемыми болезнями. Вот как наказывает Бог!

Через шесть месяцев после смерти.

В. — Теперь уже прошло довольно времени с тех пор, как вы покинули вашу земную оболочку; не скажете ли вы что-нибудь о вашем положении и о занятиях в мире Духов?

От. — В продолжение моей земной жизни я была то, что обыкновенно называется доброй женщиной; но я прежде и больше всего любила собственное благополучие; от природы я была сострадательна, но я бы не могла принести себя в жертву, чтобы помочь ближнему в несчастии. Теперь все изменилось; я — все-таки я, но это я значительно изменилось. Я приобрела многое. Я поняла, что в мире невидимых нет ни ранга, ни положения, кроме личного достоинства. Тут добрый бедняк стоит выше гордого и злого бочага, который унижал его своей милостыней. Я теперь покровительствую людям, преимущественно огорченным семейными неприятностями или потерей родителей и состояния. Мне дана миссия утешать и ободрять их, и я счастлива, исполняя это.

Анна.

Важный вопрос вытекает из всего вышесказанного: может ли кто-нибудь усилием воли задержать отделение души от тела?

Ответ Духа св. Людовика: Если решать этот вопрос утвердительно и без исключения, то можно прийти к ложным выводам. Конечно, воплощенный Дух может в некоторых случаях продлить свое телесное существование, чтобы окончить дела, которые он считает необходимым; это может быть ему дозволено, как и в том случае, о котором сейчас упоминалось. Но подобное продолжение жизни может быть только очень кратковременным, так как не может быть дозволено человеку нарушать законы природы и вызывать возврат жизни, когда она дошла до своего предела. Это только временная отсрочка. Но из возможности такого исключительного факта не следует заключать, чтобы он мог быть обобщен и что всякий мог бы, по желанию, продлить таким образом свою жизнь. *Для испытания Духа* или ради окончания его миссии его изношенные органы могут получить прибавку жизненного флюида, которая позволит им на несколько минут продлить материальное проявление мысли; но это исключение, а не правило. Не следует также видеть в этом нарушение неизменных законов Божьих; это последствие свободы воли и души человеческой, которая в последнюю минуту желает окончить данную ей миссию. Иногда же это бывает наказанием для Духа, сомневающегося в будущей жизни; ему продолжают эту жизнь, а вместе с нею и мучения.

Св. Людовик.

Можно удивляться той быстроте, с которой Дух этот освободился, несмотря на привязанность его к телесной жизни; но нужно заметить, что привязанность эта не имела ничего материального или чувственного; скорее даже тут было нравственное чувство, так как оно мотивировалось заботами о малолетних детях. Дух же этот был довольно возвышен и в нравственном, и в умствен-

ном отношении. Периспиритальные связи его не имели цепкости, происходящей от преобладания материи; скорее можно сказать, что жизнь, ослабленная долгой болезнью, держалась только на нескольких нитях и эти нити помешали отделению. За свое же сопротивление Дух был наказан продолжением страданий, которые зависели от свойства болезни, а не от трудности отделения. Вот почему после освобождения смятение длилось недолго.

Не менее важный факт вытекает из этого сообщения так же, как из большинства тех, которые получили после более или менее значительного промежутка со дня смерти. Это постепенная перемена, происходящая в понятиях Духа, перемена, которую легко можно проследить. В данном случае она выражается не в лучших чувствах, но в более здравых понятиях о вещах. Итак, совершенствование души в духовной жизни есть факт, подтвержденный опытом; жизнь телесная есть осуществление этого прогресса на практике; это испытание новых решений, горнило, в котором Дух очищается.

Раз душа совершенствуется после смерти, судьба ее не может быть неизменно определена, так как неизменность определения, как мы уже объясняли выше, есть отрицание прогресса.

Эти два положения не могут существовать одновременно; остается то, которое признано разумом и доказано фактами.

Глава IV

СТРАЖДУЩИЕ ДУХИ

ВОЗМЕЗДИЕ

Общее изложение состояния грешников при их появлении в мире Духов, продиктованное в Спиритическом Обществе в Париже в октябре 1860 г.

Духи злые, эгоистичные и жестокие тотчас после смерти предаются тяжкому страху за свое настоящее и будущее положение; они осматриваются и в первое время не сразу могут найти, на кого бы излить свою злобу. И вот отчаяние овладевает ими (одиночество и бездействие невыносимы для злых Духов), они не хотят поднят своего взора выше, где обитают чистые Духи; но, озираясь, видят удрученных, подавленных, слабых Духов, уже наказанных; они бросаются на них, как на добычу, и, вспоминая их прежние грехи, всеми средствами издеваются над этими несчастными. Но скоро эти насмешки надоедают им, и вот они низвергаются на землю, как голодные коршуны, и среди людей ищут душу, наиболее доступную искушению. Они овладевают ею, возбуждают ее алчность, стараются погасить ее веру в Бога, и когда, завладев наконец совестью человека, утверждают в своей власти над ним, то окутывают всех окружающих его тою же роковою заразой.

Злой Дух, удовлетворяя свою злобу, почти счастлив; он страдает только в те минуты, когда не может действовать или когда добро берет верх над злом. Но проходят века; злой Дух чувствует вдруг, как его обволакивает тьма, круг действий его суживается, совесть его, до тех пор молчавшая, дает ему чувствовать острые шипы раскаяния. Бездеятельный, уносимый вихрем, он скитается, чувствуя, как говорит Писание, как волосы поднимаются на голове его от ужаса; вскоре он ощущает в

себе и вокруг себя ужасную пустоту — настала минута, он должен начать искупление; угрожающее перевоплощение ждет его; он видит вдали, как в мираже, ожидающие его ужасные испытания; хотел бы бежать, но, вместо того, бессознательно приближается и, увлеченный, устремляется в открытую пропасть жизни и катится все дальше и дальше, пока завеса бессознательности не закроет его окончательно. Он живет, он действует, он опять преступен; он чувствует какое-то беспокойное воспоминание, какое-то предчувствие заставляет его дрожать, но он держится твердо и не отступает от пути зла. И вот, обессиленный грехом и преступлением, он умирает. На одре смерти виновный человек, для всех кажущийся недвижимым, сам чувствует в себе движение и жизнь забытых ощущений. Под его закрытыми веками зарождается свет, он слышит странные звуки. Душа, готовая покинуть тело, волнуется, тогда как судорожно сжатые руки хватаются за одеяло; он хотел бы говорить, хотел бы крикнуть тем, кто его окружает: «Удержите меня, я вижу ужас наказания!», но он не может позвать: смерть сковывает его бледные уста, а присутствующие говорят: «Он успокоился навек...»

Между тем, он все слышит, он витает над своим телом и не хотел бы его покидать, но тайная сила влечет его; он видит и узнает то, что уже видел. Устрашенный, он бросается в пространство, где он хотел бы скрыться. Но убежища нет, нет покоя, другие Духи встречают его теми же насмешками и делают ему то же зло, которое он сам делал раньше; наказанный, осмеянный, пристыженный, он скитается и будет скитаться, пока Божественная искра не упадет в его одеревенелую совесть, не осветит его и не покажет ему Бога-мстителя, Бога, торжествующего над всяким злом, умилоствовать Которого можно только искуплением и мольбою.

Георгий.

Никогда не было представлено более красноречивой, более ужасной и более верной картины участи злого Духа; нужно ли после этого прибегать к фантазмагии адского пламени и физических мучений?

НОВЕЛЬ

Дух обращается к медиуму, которого знал при жизни:

«Я расскажу тебе, что я испытал, когда умер. Мой Дух, прикрепленный материальными узами к телу, долго не мог отделиться от него, и это было первым моим жестоким мучением. Жизнь, которую я покинул в 24 года, была еще так сильна во мне, что я не думал о смерти. Я искал свое тело и был удивлен и испуган, увидев себя как бы потерянным среди этой толпы теней. Наконец, сознание моего положения и всего совершенного во всех моих воплощениях зла внезапно поразило меня. Яркий пронизывающий луч осветил малейшие складки моей души, и она, как бы обнаженная, была объята стыдом. Я старался скрыться от этого света и заняться новыми и в то же время известными мне предметами, которые меня окружали; счастливые Духи, витающие в эфире, напоминали мне о счастье, о котором я не мог и мечтать; темные и одинокие тени, то погруженные в тупое отчаяние, то иронические, то озлобленные скользили мимо меня и спускались на землю, от которой я не мог отделиться. Я видел волнуемое человечество и завидовал его неведению; целый ряд неизвестных, но как будто вспоминаемых ощущений, овладел мною. Захваченный несокрушимой силой и желая избежать жестокой боли, я пролетал пространства, преодолевал материальные препятствия; и все красоты природы и великолепия небесные не могли ни на минуту утешить угрызений моей совести, ни успокоить ужаса, который я ощущал при виде открыва-

ющейся вечности. Смертный может с содроганием тела предчувствовать физические страдания; но ваши легкие боли, смягченные надеждою, развлечением и убиваемые забвением, никогда не дадут вам понятия о муках души, страдающей без перерыва, без надежды, без раскаяния. Я провел время, продолжительность которого определить не могу, завидуя избранным, блаженство которых я провидел; ненавидя злых Духов, которые преследовали меня насмешками; презирая человечество, мерзость которого я видел, и переходя от глубокого унынья к безумному возмущению! Наконец ты позвал меня, и первый раз чувство нежности и сладости овладело мною. Я слышал наставления, которые дает тебе твой покровитель; истина осенила меня; я начал молиться; Господь услышал меня и явился мне во всей Своей благодати, как прежде являлся в Своем правосудии».

Новель.

АВГУСТ МИШЕЛЬ

Гавр, март 1863 г.

Это был молодой человек, богатый, веселящийся и широко и всецело наслаждавшийся материальными благами жизни. Хотя он был и умен, но относился беззаботно к серьезным вопросам. Незлой от природы, скорее, даже добрый, он был любим своими товарищами по развлечениям и хорошо принят в обществе, где ценили его светские достоинства. Не делая добра, он не делал и зла. Умер он от ушиба при падении из экипажа. Вызванный через несколько дней после смерти медиумом, который знал его по слухам, он последовательно дал следующие сообщения.

8 марта 1863 г. «Я только что освободился от тела и потому с трудом могу отвечать вам. Ужасное паде-

ние, которое убило мое тело, повергло Дух мой в тяжкое смятение. Я нахожусь в тревоге о своей участи, и неизвестность эта очень тяжела. Страдания моего тела — ничто в сравнении с тем, что я чувствую! Молитесь, чтобы Бог простил меня! О, какое страдание, смилуйся, о Боже! Какое страдание... прощайте».

18 марта. «Я уже приходил к вам, но почти не мог говорить с вами; еще и теперь мне это довольно трудно. Вы — единственный медиум, к которому я могу обратиться с просьбою помолиться за меня, чтобы милосердие Господа вывело меня из смятения, в котором я нахожусь. Зачем страдать, когда тело мое уже больше не страдает. Откуда эта ужасная тягость и мучение? Молитесь, молитесь, чтобы Бог послал мне покой. Какая тяжкая неизвестность! Я все еще связан с телом; оно тут, и я около него, но не могу разобрать хорошенько, где я. Придите помолиться над ним, чтобы я мог освободиться из этих тисков. Бог смилуется, надеюсь, и простит меня. Я вижу около вас Духов и через них могу говорить с вами. Помолитесь за меня».

6 апреля. «Это я пришел просить вас помолиться за меня. Следовало бы пойти на то место, где лежит мое тело, просить Всемогущего утешить мои страдания. Я мучаюсь... о, я мучаюсь... идите туда... так нужно, и обратитесь к Господу с молитвою о моем прощении. Я вижу, что могу успокоиться, а то я постоянно возвращаюсь туда, где лежит мой прах».

Медиум не понимал, почему Дух настаивал на том, чтобы он шел молиться на его могиле, и потому не исполнил этой просьбы тотчас же, а только спустя некоторое время, и затем там же, на месте, получил следующее сообщение.

11 мая. «Я ожидал вас. Я надеялся, что вы придете на то место, где душа моя как бы прикована к своей оболочке; придете, чтобы умолить милосердного Бога успокоить мои терзания. Вы можете помочь мне вашими молитвами, не медлите, умоляю вас! Я вижу, на-

сколько жизнь моя была далека от того, чем она должна была быть; я вижу ошибки и грехи, которые я совершил. Я был совершенно бесполезен и не сделал ничего хорошего в жизни; богатство мое служило для удовлетворения моих страстей и стремления к роскоши и тщеславию. Я думал только о наслаждениях тела, а не о душе, и не сделал никакого доброго употребления из моих способностей. Снизойдет ли милосердие Бога на мой бедный Дух, который страдает от земных своих грехов? Молитесь о помиловании и прощении моих прегрешений, чтобы я избавился от этих страданий. Благодарю, что пришли помолиться надо мною».

8 июня. «Благодарю Господа за разрешение говорить с вами. Я познал свои ошибки и надеюсь, что Бог простит меня. Следуйте всегда по пути жизни с верою, которая оживляет вашу душу, она предохранит вас от мучений и даст покой, которого я еще не имею. Благодарю за молитвы. До свидания».

Настойчивое требование, чтобы непременно пошли на его могилу, есть замечательная особенность; она объясняется тем, как цепки были связи, соединяющие его с телом, и как трудно и продолжительно было отделение из-за его необычной материальности. Можно предположить, что молитва близко около тела могла произвести некоторое магнетическое действие и способствовать отделению. Обычай молиться около тела усопшего не есть ли бессознательное внушение для достижения этой цели? В этом случае действие молитвы будет одновременно нравственное и материальное.

РАСКАЯНИЕ КУТИЛЫ

Бордо, 19 апреля 1862 г.

30 июля. «В настоящее время я чувствую себя менее несчастным, так как я не ощущаю более связи с моим телом; наконец я свободен; но я не исполнил еще

искупления — я должен еще возместить потерянное время; Бог, надеюсь, увидит мое искреннее раскаяние и простит меня! Молитесь за меня, умоляю вас.

Люди, братья мои! Я жил только для себя, и теперь я это искупаю и страдаю! Да избавит вас Бог от шипов, которые раздирают меня. Идите по широкому пути Господа, и молитесь за меня: я так злоупотреблял благами, которые Он *дает* Своим созданиям! Тот, кто руководствуется одними грубыми инстинктами и жертвует им своими способностями и добрыми чувствами, которые Господь вложил в него, уподобляется животному. Человек должен с умеренностью пользоваться благами, которые ему даны; он должен привыкать жить не иначе, как в виду ожидающей его вечности, и по возможности избегать материальных наслаждений. Пища его должна иметь одну цель — поддержание жизни; обстановка должна соответствовать точным требованиям его положения; вкусы и наклонности должны управляться самым строгим разумом, а иначе он материализуется, вместо того, чтобы очищаться. Страсти человеческие, как тесные оковы, впиваются в тело; не затягивайте их. Живите, но не излишествуйте! Вы не можете себе представить, чего это стоит при возвращении на родину! Земные страсти обнажают вас ранее, чем вас покинут; и вы предстаете перед Господом нагими, совершенно нагими; прикройте же добрыми делами; они помогут вам пройти пространство, отделяющее вас от вечного блаженства. О, это блестящее одеяние, оно скроет все человеческие мерзости! Облачитесь в милосердие и любовь, этот Божественный покров, который ничто не может сорвать».

Наставление Духа — покровителя медиума: «Дух этот на добром пути, потому что к раскаянию прибавляет и советы против опасности той дороги, по которой он шел. Признать свою вину — уже заслуга и первый шаг к добру; вот почему положение его, хотя и не совсем счастливое, но лучше страждущего Духа. Он раскаивается, следовательно, ему остается искупление,

которое он совершит в другом существовании. Но прежде, чем достигнуть такого положения, знаете ли вы, какова участь людей чувственных, которые занимались только постоянным придумыванием новых наслаждений? Влияние материи преследует их и за гробом, и смерть не избавляет и не прекращает их вожделений, которые они напрасно стараются удовлетворить. Они ищут не духовной пищи, которой и прежде не искали, и душа их скитается в пространстве без цели, без надежды и становится добычею терзаний человека, не видящего пред собою ничего, кроме безграничной пустыни. Ничтожество их умственных знаний на земле во время телесной жизни ведет, конечно, и к ничтожеству их духовной работы после смерти; не имея возможности удовлетворить тело, они не имеют ничего и для удовлетворения Духа; ими овладевает смертельная тоска, конца которой они не видят; они, пожалуй, предпочли бы небытие — но его не существует. Они могли убить тело, но не могут убить Дух, и он должен существовать в этих нравственных муках до тех пор, пока покоренный страданиями и усталостью, он не решится обратить взоров своих к Господу.

ЛИЗБЕТА

Бордо, 13 февраля 1862 г.

Страждущий дух подписывается именем Лизбеты.

1. В. — Не можете ли вы сообщить мне некоторые подробности о вашем положении и причине ваших страданий?

От. — Будь смиренна сердцем и покорна воле Божией, терпелива в испытаниях, милосердна к бедному, ободряй слабых, с сердечною теплотой отзывайся на все страдания и не будешь испытывать тех мук, которые выпали на мою долю.

2. В. — Если вы сожалеете о содеянных прегреше-

ниях, то раскаяние ваше должно ли принести вам пользу и облегчение?

От. — Нет; раскаяние бесплодно, когда оно происходит только от страдания. Оно тогда только действительно, когда основано на глубоком сожалении о проступках, оскорбивших Бога, на горячем желании искупления. А я еще, к несчастью, не дошла до этого. Попросите помолиться за меня всех тех, кто посвятил себя помощи несчастным. Я очень в этом нуждаюсь.

Это — великая истина; страдание иногда вызывает крик раскаяния; но это не всегда бывает искренним выражением сожаления о содеянном зле; если бы Дух не страдал, то и не выразил бы раскаяния, а продолжал бы поступать дурно. Вот почему одно раскаяние не всегда ведет к немедленному освобождению Духа, а только располагает его к этому; но ему нужно доказать твердость и искренность своего решения, исправить то зло, которое он сделал. Если хорошо вдуматься в примеры, которые мы приводим, то можно в словах даже низших Духов найти немало поучительного, именно потому, что они касаются самых мелких, интимных подробностей духовной жизни. Человек поверхностный найдет в этих примерах только более или менее живописные описания, но серьезный читатель увидит в них обильный источник поучения.

От. — Я сделаю, что вы хотите.

3. В. — Опишите нам подробности вашего последнего существования? Оно может быть поучительно для нас, а ваше раскаяние принесет вам пользу.

(Дух несколько времени не решается отвечать на этот вопрос и на некоторые из последующих).

От. — Я родилась в семье, которая занимала исключительное положение и обладала всем, что люди считают верхом счастья. Я была богата, но эгоистична; красива, но тщеславна; равнодушна и обманчива; благородна, но горда и честолюбива. Я притесняла тех, кто недостаточно низко мне кланялся, но была также безжалостна и к тем, кто был у моих ног. Я не думала, что гнев Господень рано или поздно обрушится на самые гордые и высоко поднятые головы.

4. В. — В какое время вы жили?

От. — 150 лет тому назад в Пруссии.

5. В. — И с тех пор вы, как Дух, не сделали никаких успехов?

От. — Нет, материя всегда восставала. Ты не можешь себе представить, какое влияние она имеет, несмотря на отделение от Духа. Гордость опутывает вас своими цепями, все более и более сжимает несчастного, который передает ему свое сердце. Гордость — это столбовая гидра; она умеет превращать свой ядовитый свист в небесную музыку! Гордость — это демон, подделывающийся ко всем заблуждениям вашего Духа; она прячется в самых сокровенных тайниках вашего сердца, проникает в ваши жилы, обволакивает вас, поглощает вас и увлекает за собою в мрак вечной геенны!.. Да, вечной!

Дух утверждает, что он не сделал никаких успехов, но это потому, что положение его все еще тяжелое; но способ, каким он описывает гордость и ее последствия, — есть несомненный прогресс, ибо ни при жизни, ни вскоре после смерти он не мог бы рассуждать так. Он понимает зло, а это уже много; мужество и желание его избежать придут после.

6. В. — Бог слишком добр, чтобы обречь Свои создания на вечные муки, надейтесь на Его милосердие.

От. — Может быть, и есть конец, говорят, что так, но где он? Я давно его ищу, но вижу только одно страдание, всегда, всегда, всегда!

7. В. — Как вы пришли сюда сегодня?

От. — Дух, который часто следит за мною, привел меня сюда.

В. — Давно ли вы заметили этого Духа?

От. — Недавно.

В. — А давно ли вы отдаете себе отчет в содеянных вами прегрешениях?

От. — (После долгого раздумья). Да, ты права, я тогда же его и увидела.

8. В. — Не видите ли вы связи между вашим раскаянием и видимой помощью вашего Духа-покровителя? Источник этой помощи есть любовь Божия, а цель ее — бесконечное Его милосердие и прощение.

От. — О, как бы я этого желала.

В. — Я думаю, что могу вам это обещать во имя Того, Кто никогда не был глух к голосу Своих скорбящих детей. Призовите Его от глубины вашего раскаяния, Он услышит вас.

От. — Я не могу, я боюсь.

9. Помолимся вместе, Он услышит нас. (После молитвы) Вы еще здесь?

От. — Да, благодарю, не забывай меня.

10. Приходите сюда каждый день.

От. — Да, я буду приходить всегда.

Дух — покровитель медума: «Не забывай никогда нравочений, вытекающих из страданий тех, кому ты покровительствуешь, в особенности же — из причин этих страданий. Да послужат они всем вам предостережением от тех же опасностей, и тех же наказаний. Очистите ваше сердце, будьте кротки, любите друг друга, и да не забудет никогда ваше благородное сердце, где источник всех благ, источник неисчерпаемый. Черпайте из него в изобилии; это источник живой воды, который питает и утоляет жажду, источник жизни и счастья вечного. Идите туда, дорогие мои, берите из него с верою, смело закидывайте туда ваши сети, и они будут наполнены благословениями; поделитесь этой благостью с вашими братьями и предупредите их об опасности, которую они могут встретить. Распространяйте благословение Господне — оно неиссякаемо; чем более вы будете распространять его, тем более оно будет умножаться. Держите его в своих руках и говорите вашим братьям: «Тут опасность, тут соблазн, следуйте за нами, чтобы избежать их; *подражайте нам, мы показываем вам пример*», и вы распространите благосло-

вение Господне на тех, кто вас слушает. Да будут благословенны ваши труды, мои дорогие, Господь любит чистых сердцем; заслужите Его любовь».

Св. Паулин.

КНЯЗЬ УРАН

Бордо, 1862 г.

Страждущий Дух явился под именем Урана, бывшего русского князя.

В. — Скажите нам что-нибудь о вашем положении?

От. — Блаженны кроткие сердцем, ибо их есть Царство небесное! Молитесь за меня. Блаженны те, кто с кротостью сердца выбирают себе скромное положение для выполнения своего земного испытания! Вы не можете себе представить, вы все, кого гложет зависть, в какое положение поставлен один из тех, кого вы называете счастливец на земле. Вы не представляете, каких жертв требует богатство, когда хотят им пользоваться для вечного спасения! Да позволит мне Господь, мне, гордому деспоту, придти искупить свои грехи среди тех, кого я преследовал своей тиранией, все свои преступления, в которые меня вовлекла гордость. О, *гордость*, повторяйте постоянно это слово, чтобы никогда не забыть, что она есть источник всех несчастий и страданий! Да, я злоупотребил и властью, и преимуществами, которыми пользовался; я был суров, жесток со своими подчиненными, которые должны были беспрекословно исполнять все мои капризы и удовлетворять мою развращенность. Я желал знатности, почестей и богатства, но не выдержал тяжести, оказавшейся выше моих сил.

Духи, которые не выдерживают испытания, всегда говорят, что они несли тяжесть свыше своих сил; это —

желание, найти извинение в собственных своих глазах, остаток гордости; им не хочется сознаться, что они пали по своей вине, Бог никогда не дает испытания тяжелее того, что можно вынести, и не спрашивает с людей больше, чем они могут дать; Он не требует, чтобы едва посаженное дерево давало плод, подобно вполне развившемуся растению. Бог дает Духам свободу; но *если нам нравятся наши дурные наклонности, то мы, естественно, не делаем усилий, чтобы побороть их.* В таком случае мы несем ответственность за последствия.

В. — Вы сознаете свои ошибки, это уже первый шаг к улучшению.

От. — Это сознание — также страдание. Для многих Духов страдание составляет почти физическую боль, потому что они еще очень близки к земле, почти прикасаются к человеческому окружению своего последнего воплощения и им недоступны моральные ощущения. Мой Дух освободился от материи, а нравственное чувство усилилось всем, что было мучительного в ощущениях, казавшихся физическими.

В. — Предвидите ли вы окончание ваших мучений?

От. — Я знаю, что они будут не вечны, но срока их я еще не знаю: мне нужно еще будет пройти новое испытание.

В. — Скоро ли вы надеетесь начать новое существование?

От. — Этого я еще не знаю.

В. — Помните ли вы ваши прежние существования? Я вас спрашиваю об этом с целью поучения.

От. — Да, твои покровители здесь, они знают, что тебе надо. Я жил во времена Марка Аврелия. Тогда, столь же могущественный, я стал жертвой все той же гордости — причины всех падений. Скитаясь целые века, я пожелал испробовать жизнь скромную. Я сделался бедным студентом, я почти нищенствовал, но гордость все же не покинула меня; Дух мой возвысился в

науке, но не в добродетели. Будучи учен и честолюбив, я продавал душу свою тому, кто больше давал, и служил орудием чужой ненависти, чужого мщения. Я сознавал свою вину, но жажда почестей и богатства заглушала голос совести. После этого искупление тоже было долгое и жестокое. Наконец, в моем последнем существовании, я вновь захотел испробовать роскошную жизнь и прелесть власти. Я надеялся побороть препятствия и не слушал совесть; опять я из гордости положился на собственное суждение, вместо того, чтобы следовать советам друзей-покровителей, всегда борющихся над нами. Результат моей последней попытки тебе известен. Теперь я все понял и надеюсь на милосердие Бога; я принес к Его стопам мою мятущую душу и сломленную гордость, и молю Его возложить на мои плечи самое тяжелое испытание. Я знаю, что с помощью Его милосердия всякая ноша покажется мне легкой. Молитесь со мною и за меня, молитесь также, чтобы огненный демон гордости не поглотил в вас ваше стремление к Богу. Братья по страданию! Да послужит вам мой пример на пользу: не забывайте, что гордость — враг счастья: от гордости исходит все зло, которое завладело человечеством и преследует его даже в небесных областях.

Дух — покровитель медиума: «У тебя являются сомнения насчет этого Духа, потому что выражения его не соответствуют страдальческому состоянию, обличающему его изменность. Но не беспокойся: ты получил серьезное наставление; несмотря на страдания, он достаточно развился умственно, чтобы говорить так, как он это делает. Ему недоставало только смирения, без чего ни один Дух не может достичь Бога. Это смирение он приобрел только теперь, и мы надеемся, что с настойчивостью он выйдет победителем из нового испытания. Отец наш Небесный справедлив и велик в своей мудрости; Он всегда ценит усилия, которые делает человек, чтобы победить свои дурные инстинкты. Каждая

одержанная над собою победа есть ступень на той лестнице, один конец которой касается земли, а другой останавливается у подножия Престола Всевышнего Судьи. Идите смело, поднимайтесь по этой лестнице, по ней идти легко тому, кто имеет твердую волю. Смотрите всегда с надеждою вверх, чтобы не терять бодрости, ибо горе тому, кто остановится и обернется назад. Тогда он смущается, его пугает окружающая пустота и он слабеет, говоря: зачем желать еще подвигаться, я так мало прошел! Нет, друзья, не оборачивайтесь назад. Гордость внедрена в человеке, так употребите лучше эту гордость как двигательную силу, чтобы иметь мужество окончить ваше возвышение. Употребите ее, чтобы превозмочь ваши слабости и подняться на вершину вечности».

ПАСКАЛЬ ЛАВИК

Гавр, 9 августа 1863 г.

Дух этот появился медиуму неожиданно, он его не знал раньше, даже по имени.

«Я верю в благость Господа: Он сжалится над моим бедным Духом. Я страдал, много страдал, и тело мое погибло в море. Дух мой был все привязан к телу и долго скитался по волнам... Бог...

(Сообщение прервалось; на другой день Дух продолжал):

...допустил, чтобы молитвами тех, кого я оставил на земле, я мог выйти из состояния смятения и неизвестности, в которую был погружен мой Дух. Они долго искали меня и наконец нашли мое тело, которое теперь похоронено; а Дух, с трудом освобожденный, видит теперь все свои прегрешения. Испытание окончено, Бог судит справедливо, и Его милосердие распространяется на кающихся.

Если Дух мой долго скитался вместе с телом, то это было потому, что я должен был искупить свою вину. Следуйте по прямому пути, если хотите, чтобы Бог быстро отделил Дух ваш от его оболочки. Живите в любви к нему, молитесь, и смерть, столь страшная для многих, будет смягчена для вас, знающих ту жизнь, которая вас ожидает. Я погиб в море, и они долго меня ожидали. Невозможность отделиться от тела была для меня тяжелым испытанием; вот почему я нуждаюсь в ваших молитвах. Вы преисполнены той веры, которая спасает, и мне нужна ваша помощь; вы можете молиться Всемогущему Богу, Который справедлив ко мне. Я раскаиваюсь и надеюсь, что Он простит меня. 6-го августа тело мое было найдено; я был бедный моряк и погиб давно. Молитесь за меня».

Паскаль Лавик.

В. — Где нашли ваше тело?

От. — Здесь близко.

Гаврская газета от 11-го августа 1863 г. поместила следующую заметку, о которой медиум не мог знать: «Мы извещаем, что 6-го августа был найден остаток трупа, выброшенного на мель между Блевилем и Ля-Гев. Головы, рук и части туловища не было, но его узнали по обуви, еще державшейся на ногах. Было установлено, что тело рыбака Лавика, погибшего 11-го декабря вместе с судном, утонувшим около Трувиля. Лавику было 49 лет, родился он в Кале. Вдова его опознала его труп».

12-го августа, когда шли разговоры об этом событии в кружке, в котором проявился Лавик, он вновь явился самопроизвольно: «Я тот самый Паскаль Лавик и очень нуждаюсь в ваших молитвах. Вы можете мне сделать добро, так как испытание мое было ужасно. Отделение моей души от тела произошло только тогда, когда я осознал свои грехи; но и то не совершенно, и она сопровождала мое тело по морским волнам. Мо-

лите же Бога, чтобы он простил меня, чтобы Он дал мне покой. Молитесь, умоляю вас! Да послужит вам ужасный конец моей несчастной земной жизни наставлением. Думайте о будущем и не забывайте молить Господа о милосердии. Молитесь и за меня; я очень нуждаюсь в Милосердии Божиим!

Паскаль Лавик.

ФЕРДИНАНД БЕРТИН

Один медиум, живший в Гавре, вызывал Дух одной знакомой ему особы. Дух этот отвечал: «Я хотел бы сообщить с вами, но не могу преодолеть препятствия, стоящего между нами; я должен допустить к вам этих несчастных страждущих». Затем он получает следующее внезапное сообщение: «Я нахожусь в ужасной пропасти. Помогите мне! О, Боже, кто выведет меня из этой пучины?.. Кто протянет руку помощи несчастному, которого поглощает море? Ночь так темна... я так боюсь!.. Вокруг режут волны, и не слышно дружеского голоса, ни слова утешения и помощи в такую ужасную минуту; эта глубокая тьма — это, конечно, смерть во всем своем ужасе, а я не хочу умирать. О, Боже мой! Ведь это смерть не будущая, а прошедшая! Я навсегда удален от всех, кого люблю... Я вижу мое тело, и то, что я переношу сейчас, есть только воспоминание ужасной муки отделения... Сжальтесь надо мной, вы, видящие мои страдания, молитесь за меня, я не хочу больше переносить их, как с той фатальной ночи переношу все терзания агонии! Однако, в этом мое наказание, я это чувствую! О, море... холод... я буду поглощен! Помогите!.. Не отталкивайте меня! Мы спасемся вместе на этом обломке! О, задыхаюсь... Волны сейчас поглотят меня, и мои родные никогда не увидят меня больше... Но нет... что я вижу... как будто тело мое не качается больше на волнах. Верно, молитвы моей матери услы-

шаны!.. Бедная мать моя! если бы она видела сына своего в этом несчастном положении, то, верно, молилась бы лучше; но она думает, что причина моей смерти освятила прошедшее; она оплакивает меня как мученика, а не как несчастного и наказанного!.. А вы, знающие все, будьте же милостивы, молитесь за меня».

Фердинанд Бертин.

Это имя, совершенно не известное медиуму, ничего не напоминало ему; он предположил, что это был Дух какого-нибудь несчастного утонувшего, который являлся, как это не раз бывало, и раньше. Впоследствии же он узнал, что это была одна из жертв ужасного кораблекрушения, происшедшего в этой местности 2-го декабря 1863 г. Сообщение было дано 8-го декабря, через шесть дней после события. Человек этот погиб, с невероятными трудностями, спасая других утопавших, и в ту минуту, когда считал свое спасение обеспеченным. С медиумом он не имел никаких отношений при жизни, ни родства, ни знакомства. Почему же он проявился именно ему, а не кому-либо из своей семьи? Потому, что Духи не у всех находят благоприятные условия для соединения флюидов, а в том смятении, в котором он находился, он не мог долго выбирать; его привлек инстинкт притяжения к этому медиуму, имевшему преимущественную способность к самопроизвольным сообщениям этого рода; он также предчувствовал, вероятно, что будет выслушан с симпатией. Его же семья, не знакомая со спиритизмом, может быть, и не сочувствовавшая этому верованию, не могла бы принять его сообщение, как это сделал медиум.

Хотя смерть произошла несколькими днями раньше, но Дух мучился еще тоскою и томлением. Было очевидно, что он не отдавал себе отчета в своем положении; он считал себя живым, борющимся с волнами, а вместе с тем о своем теле говорил так, как будто оно от него отделено; он призывает на помощь, говорит, что

не хочет умирать, а через минуту упоминает о причине своей смерти, признавая ее наказанием; все это доказывает смешение понятий, которое почти всегда сопровождает насильственную смерть.

Через 2 месяца, 2-го февраля 1864 г., он опять явился тому же медиуму: «Сострадание, которое вы выказали по отношению ко мне и к моим мукам, меня очень утешило. Я понимаю теперь надежду; я предвижу прощение, но только после наказания за содеянные преступления. Я продолжаю мучиться; но если Бог дает мне иногда предвидеть конец моих несчастий, то это утешение посылается мне только благодаря молитвам милосердных душ, тронутых моими страданиями. О, надежда, благодатный луч небесный, будь благословенна, когда зарождаешься в душе моей!.. Но, увы, пропасть вновь раскрывается, и ужас и страдание изглаживают из памяти это воспоминание о милосердии! Ночь... вечная ночь!.. вода, шум волн, поглотивших мое тело, все это только слабое отражение ужаса, охватившего мою бедную душу... я спокойнее, когда нахожусь около вас, — подобно тому, как тяжелая тайна, доверенная другу, облегчает удрученное его сердце, так и ваша жалость утешает мое горе и дает отдых моему Духу. Ваши молитвы приносят мне успокоение, не отказывайте мне в них. Я не хочу впадать в этот ужасный сон, который превращается в действительность, как только я его вижу. Беритесь чаще за карандаш: мне так отраднo общаться через вас».

Несколько дней спустя Дух этот был вызван в одном спиритическом кружке в Париже и отвечал там, но уже через другого медиума. Ему задали несколько вопросов, и он отвечал все тем же сообщением.

Вопросы: Кто направил вас к медиуму, с которым вы беседовали? Сколько времени прошло со дня вашей смерти, когда вы первый раз проявились? Когда вы первый раз говорили, вы, кажется, сомневались, живы ли вы или нет, и вы испытывали все муки ужасной

смерти? Лучше ли вы теперь понимаете свое положение? Вы тогда положительно утверждали, что ваша смерть была искуплением; не можете ли вы объяснить нам, за что? Это было бы наставлением для нас и облегчением для вас. Таким искренним сознанием вы привлечете к себе милосердие Божие, о котором и мы также будем усердно молиться.

Ответы: «Кажется невозможным представить себе, чтобы какое-нибудь существо страдало так жестоко! Боже, как тяжело видеть себя постоянно окруженным разъяренными волнами и постоянно чувствовать эту горечь, этот леденящий холод, который подымается и сжимает желудок! Но к чему постоянно занимать вас этим описанием? Мне следует поблагодарить вас, всех вас, кто принимает столь горячее участие в моих страданиях. Вы спрашиваете, через сколько времени после смерти я проявился? Мне нелегко ответить на это: подумайте, в каком ужасном состоянии я нахожусь еще! Мне кажется, однако, что я был приведен к первому медиуму какою-то постороннею силою и, странное дело, *я пользовался его рукой так же легко, как и вашей сейчас, думая, что это моя рука.* Я в настоящую минуту испытываю большое удовольствие и какое-то особенное облегчение, которое, к несчастью, скоро кончится. Но, Боже мой, я должен сделать вам признание, буду ли я в силах?..».

После многих поощрений со стороны медиума, Дух прибавляет: «Я был очень виновен! Особенно же мне тяжело, что меня считают мучеником, а этого вовсе нет... В моем прежнем существовании я совершил страшное преступление: я велел положить в мешок несколько человек и бросить в море!.. Молитесь за меня!..»

Поучение св. Людовика по поводу этого сообщения.

Признание это будет служить большим облегчением для Духа. Он был действительно очень виновен; но жизнь, которую он только что покинул, была добродетельна; он был любим всеми окружающими, и это был

результат его раскаяния и добрых решений, принятых им при возвращении на землю, где он хотел быть настолько же добр и человечен, насколько раньше был жесток. Самопожертвование, высказанное им, было его искуплением, но ему еще нужно было пострадать за прежние преступления и вынести еще более сильное испытание. Он сам захотел очиститься от греха жестокою смертью, и теми же муками, какие причинял другим, искупить содеянное; заметьте, что его преследует одна мысль: сожаление о том, что на него смотрят, как на мученика. Поверьте, что ему зачтется это чувство самоуничтожения. Отныне он покинул путь искупления, чтобы вступить на путь восстановления; вы можете помочь ему вашими молитвами, поддержать его и заставить более уверенно и смело идти по пути совершенствования.

ФРАНСУА РИКЬЕ

Франсуа Рикье, старый скряга, холостяк, живший одиноко, умер в С... в 1857 году, оставив дальним родственникам довольно большое состояние. Когда-то в его доме жила одна дама, которая с тех пор совершенно его забыла и не знала даже, существует ли он на свете. Дочь этой дамы, подверженная припадкам каталепсии, сопровождавшимся внезапным магнетическим сном, была к тому же хорошим пишущим медиумом. В 1862 году она в подобном сне увидела этого господина; он хотел говорить с ее матерью. Через несколько дней, так как он явился самопроизвольно, с ним произошел следующий разговор.

В. — Чего вы хотите?

От. — Мои деньги; они все взяли у меня и разделили между собою, негодяи! Они продали мои фермы, дома, все; они расхитили мое имущество, как будто оно не мое. Сделайте так, чтобы мне отдали все; они меня не

слушают, а я не могу видеть подобной подлости. Они говорят, что я был ростовщик, и забрали мои деньги! Отчего же они не хотят мне отдать их, если находят, что они дурно приобретены?

В. — Но ведь вы уже умерли, почтеннейший, вам деньги больше не нужны. Просите лучше Бога послать вам новое существование в бедности, чтобы искупить вашу нынешнюю скупость.

От. — Я не могу жить в бедности; мне нужны мои деньги; к тому же, зачем мне другая жизнь, когда я и теперь жив.

В. — (Следующий вопрос был сделан с целью заставить его опомниться и понять свое положение) Страдаете ли вы?

От. — О, да, я страдаю хуже, чем в самой жестокой болезни, у меня болит душа! Я знаю, что я презренный, недостойный жалости человек, меня не оставляет мысль о неправильности моей жизни, послужившей соблазном для многих. Я знаю, что я грешник, но я так мучаюсь, что нужно мне помочь выйти из этого несчастного состояния.

В. — Мы будем молиться за вас.

От. — Благодарю, молитесь, чтобы я забыл свои земные богатства; иначе я никогда не раскаюсь. Прощайте и благодарю.

Франсуа Рикье (Улица Шаритэ, № 14).

Довольно любопытно, что Дух этот дает свой адрес, как будто он еще жив. Дама, не знавшая этого адреса, навела справки и была очень удивлена, узнав, что это был действительно последний дом, в котором он жил перед смертью. Итак, после пяти лет он не сознавал, что умер, и находился в беспокойстве, очень тяжелом для скупого, видя, как его наследники расхищают его имущество. Вызывание, направленное, вероятно, каким-

либо добрым Духом, заставило его понять положение, в котором он находится, и поощрило его к раскаянию.

КЛАРА

(Парижское Общество, 1861 г.)

Дух, продиктовавший следующее сообщение, принадлежал женщине, которую медиум знал при жизни. Характер ее и поведение вполне соответствовали тем мучениям, которые она испытывала. Она была очень эгоистична и очень самолюбива, что ясно видно в третьем сообщении, где она высказывает обиду, что не ею одною занимаются. Сообщения ее получены в разное время; последние три указывают на видимый поворот к добру, благодаря заботам медиума, который занялся ее нравственным воспитанием.

1. «Вот и я, несчастная Клара; что ты хочешь знать? Покорность и надежда — одни слова для того, кто знает, что его бесчисленные, как песок морской, страдания будут продолжаться до окончания веков. Ты говоришь, что я могу их смягчить? Какие туманные слова! Где же найти мужество и надежду для этого? Постарайся же, безмозглая голова, понять, что такое день, который никогда не кончается. Что это, один ли день, год или вечность? Почему знать, ведь часы его не разделяют; времена года не меняются, время течет, как вода, медленно и вечно капающая из камня; этот проклятый, ненавистный, долгий день давит на меня, как свинцовая гиря... Я страдаю... Около себя не вижу ничего, кроме молчаливых равнодушных теней, снующих вокруг меня... О, я страдаю! Впрочем, я знаю, что там, наверху, над этим ничтожеством, над нами, витает и царствует Бог, Тот, к Кому все стремимся. Я хочу к Нему обратиться, я хочу Его умолять! Как хромоногий нищий, я тащусь вдоль дороги и не понимаю, какая сила влечет меня к тебе? Может быть, в тебе спасение?

Когда я тебя покидаю, я несколько успокаиваюсь, как будто согреваюсь! Как дрожащий от холода старец согревается лучом солнца, так застывшая душа моя оттаивает при твоём приближении».

2. «Несчастье мое увеличивается по мере того, как уясняется мне понятие о вечности. О, горе! Как я проклинаю вас, часы греха, часы эгоизма и забывчивости, когда, не желая знать ни милосердия, ни самозабвения, я думала только о себе и о своём благополучии! Будьте прокляты, человеческие ухищрения, праздные заботы о материальных интересах! Будьте прокляты вы, которые ослепили и погубили меня! Вечно гложет меня сожаление о прошлом. Что сказать тебе, ты слушаешь меня! Следи за собой непрестанно; люби других больше, чем себя; не задерживайся на пути собственного благосостояния; не откармливай своего тела в ущерб душе; бодрствуй, как говорил Спаситель своим ученикам. Не благодари меня за эти советы.

Дух мой их постигает, но сердце мое их никогда не слушало. Страх заставляет меня пресмыкаться, как побитую собаку, но свободной любви я ещё не знаю. Божественная заря её сильно запаздывает. Молись же за мою иссохшую и презренную душу!».

3. «Я пришла к тебе, так как ты забываешь меня. Ты воображешь, что твои уединенные молитвы и простое упоминание моего имени достаточны, чтобы утишить мои страдания? Нет, сто раз нет! Я рычу от боли, я скитаюсь без отдыха, без пристанища, без надежды, я чувствую вечные укоры совести; возмездие, как острые шипы, впивается в мою возмущенную душу! Мне смешно, когда я слышу ваши жалобы, когда вижу вас унылыми. Что значит ваше бледное горе, ваши слезы и жалкие заботы, все ваши мучения, прерываемые сном. А я разве сплю! Я хочу, слышишь ли, я хочу, чтобы ты оставил свои философские диссертации, занимался мною и заставил бы и других заниматься мною. Я не нахожу выражений, чтобы описать терза-

ния этого проходящего без определенных периодов времени. Я вижу только чуть заметный, едва брезжащий проблеск надежды, а эту надежду ты же и дал мне; не покидай меня».

4. *Дух св. Людовика:* «Описание это нисколько не преувеличено и совершенно верно. Быть может, вы спросите, что сделала эта женщина, чтобы быть такой несчастной? Совершила ли она какое-нибудь ужасное преступление? Украла ли, убила ли кого? Нет; она не сделала ничего, что могло бы подвергнуться суду человеческому. Она только забавлялась тем, что вы называете земным счастьем. Все ей улыбалось; красота, богатство, удовольствия, лесть, она имела все в изобилии, и при виде ее говорили: «Какая счастливая женщина!» И все завидовали ее судьбе. Но что же она сделала?.. Она была себялюбивая эгоистка, она имела все, кроме доброго сердца. Если она не преступила законов человеческих, она нарушила законы Бога, так как не хотела знать милосердия — первой из добродетелей. Она любила только себя, теперь ее никто не любит; она ничего не давала, и ей никто ничего не дает; она отвергнута всеми, оставлена, покинута, потеряна в пространстве, где никто о ней не думает, никто ею не занимается; это и составляет ее мучение. Она искала только светских радостей, а теперь этих радостей больше нет, и ее окружает пустота. Она ничего не видит впереди, и ей кажется, что это ничто и есть вечность. Она не страдает физически, дьяволы не приходят мучить ее, но этого и не нужно: она сама себя мучит и терзает гораздо хуже, так как демоны все же были бы существами, которые о ней думали. Именно этого ей и хочется; эгоизм был ее радостью на земле, а здесь он ее преследует, он гложет ее сердце, как червь. Это и есть настоящий демон!»

Св. Людовик.

5. «Теперь я вам скажу о важном различии, которое существует между божественной и человеческой моралью. Первая говорит неверной жене и всем грешникам: «Раскайтесь, и царство небесное будет вам открыто». Божественное милосердие принимает всякое раскаяние и все осознанные прегрешения; тогда как человеческая мораль отвергает открытое сознание и, с улыбкою, допускает грехи скрытые — наполовину уже прощенные, по ее мнению.

В одной — любовь и прощение; в другой — лицемерие.

Выбирайте, жаждущие истины души! Выбирайте между небом, отверзтым перед кающимся, и терпимостью, допускающей зло, когда оно не тревожит ее эгоизма и не расстраивает ее расчетов, но отвергающую страсть и рыдания громко признаваемых преступлений. Итак, кайтесь все, кто грешит; отрекайтесь от зла, но в особенности — от лицемерия, прикрывающего уродство улыбающейся и обманчивой маски приличия».

6. «Теперь я покойна и покорилась необходимости искупления моих грехов. Зло во мне, а не в окружающем меня; стало быть, я должна перемениться, а не внешние условия. Мы сами носим в себе свой рай и ад, и грехи наши, запечатленные в нашей совести, ясно читаются в день воскресения; тогда мы сами свои судьи, потому что состояние нашей души возвышает или унижает нас. Я объясню это: Дух, загрязненный и обремененный грехами, не может ни понять, ни желать возвышения, которого он не сможет достичь. Верьте, что, как различные виды существ живут каждый в своей среде, так и Духи, смотря по степени своего возвышения, пребывают в той сфере, которая соответствует их способностям; они и не понимают другой, пока прогресс не оторвет их от низких наклонностей и не освободит их от оболочки греха. Тогда они могут воспорхнуть и, наконец, стрелою ринуться к Богу, Который будет тогда их единственной и желанной целью.

А я все еще существую, но больше уже не ненавижу; понимаю и верю в бесконечное блаженство божественной любви. Молитесь же обо мне; я надеюсь и жду».

В следующем сообщении Клара говорит о своем муже, от которого она много перенесла горя при жизни, и о его положении в мире Духов. Это описание, которое она не могла окончить сама, дополнено Духом — покровителем медиума.

7. «Я прихожу к тебе; ты совсем забыл меня, но я терпелива и больше не отчаиваюсь. Ты хочешь знать, в каком положении бедный Феликс: он скитается во мраке, с глубоким отчаянием в сердце. Его поверхностное и легкомысленное существо, опошленное удовольствиями, никогда не знало ни любви, ни дружбы. Даже страсть не осветила его своими мрачными лучами. Я сравниваю его теперешнее положение с положением ребенка, не знающего жизни и лишенного всякого руководства. Феликс со страхом странствует в этом удивительном мире, где все блестит сиянием Бога, Которого он отвергал...»

8. *Дух—покровитель медиума:* «Клара не может продолжать описание страданий своего мужа, не ощущая их сама. Я буду говорить за нее: Феликс, который был человек поверхностный, как в мыслях, так и в чувствах, жестокий вследствие слабости, развратный от холодности, вошел в мир Духов нагим как нравственно, так и физически. *Вступив в земную жизнь, он ничего не сумел приобрести в ней и потому должен будет все начать сначала.*

Как человек, просыпающийся от долгого сна, видит, что напрасно было его волнение, так и этот несчастный, выйдя из смятения, признает, что он жил химерами, которые обманули его; он проклянет материализм, который, под видом реальности, представляет одну пустоту; проклянет позитивизм, который заста-

вил его будущую жизнь называть мечтою, надежды — безумием, а веру в Бога — слабостью. Несчастный! Проснувшись, он увидит, что слова, им осмеянные, действительно выражали истину».

Георгий.

НАСТАВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ СООБЩЕНИЙ КЛАРЫ

Эти сообщения поучительны в особенности потому, что показывают нам самую обыденную сторону жизни — эгоизм. Конечно, это не те страшные преступления, которые приводят в ужас даже самых испорченных людей. Это самые обыкновенные условия, в которых находится масса людей, живущих на свете, часто уважаемых и любимых в обществе, потому что они обладают некоторым светским лоском и не подвергаются обвинениям в нарушении социальных законов. И в мире Духов они также не испытывают каких-нибудь особенных, из ряда выходящих мучений, но находятся в самом простом положении, вытекающем из их образа жизни и состояния их душ. Одиночество, отчуждение, заброшенность — вот возмездие тех, кто жил только для себя. Клара была, как видно, очень развитым и ученым человеком, но сердце имела сухое; на земле ее положение, ее богатство, ее физические преимущества привлекали к ней поклонников, льстивших ее тщеславию, и этого ей было довольно. А там она встречает только равнодушие, и пустота образуется вокруг нее. Это наказание хуже боли, потому что оно оскорбительно; боль внушает жалость, сострадание, это — способ привлечь взгляды, заставить заняться собой, заинтересовать своей судьбой.

Шестое сообщение заключает совершенно верное объяснение упорства некоторых Духов во зле. Удивляешься, когда видишь, что они остаются равнодушными даже перед картиной того счастья, которым наслаждаются добрые Духи. Они находятся в положении лю-

дей, нравственно павших, которым нравится жить в грязи и проводить время в грубых и чувственных удовольствиях. Тут они чувствуют себя как дома, в своем обществе; они не понимают утонченных радостей и предпочитают чистому и изящному одеянию свои грязные обноски; в них им удобнее. Также нравятся им вакхические празднества больше, чем удовольствия хорошего общества. Они так сроднились с этой жизнью, что она стала для них второю натурою, и они себя считают уже не способными подняться над этой средой. Они остаются в ней до тех пор, пока совершенствование их существ не просветит их разум и не разовьет их нравственное чувство. Тогда только они сделаются способными к более тонким ощущениям.

Эти Духи, когда не воплощены, не могут быстро приобрести утонченности чувства и в продолжение еще долгого времени будут занимать низшие ступени в мире Духов, как занимали такие же в телесной жизни; но в конце концов с приобретением опыта, после невзгод и несчастий последовательных существований, приходит минута, когда они начинают понимать нечто, что лучше того, что они имеют. Стремления их возвышаются; они понимают, чего им недостает, и делают усилия, чтобы приобрести это и возвыситься. Раз ступив на этот путь, они уже быстро движутся по нему: они испытали удовлетворение, которое кажется им много выше прежних грубых радостей, внушающих им теперь одно отвращение.

В. (Св. Людовику) — Что нужно понимать под мраком, в который погружены некоторые страждущие души? Тот ли это мрак, о котором часто упоминается в святом Писании?

От. — Это действительно тот мрак, о котором говорят Иисус Христос и пророки, упоминая о наказании злых. Но это опять было только аллегорическое выражение, сильнее действовавшее на материальные чувства людей, еще не способных понять духовное возмез-

дие. Некоторые Духи погружены во мрак; но это следует понимать как мрак души, подобный мраку, окутывающему ум идиота. Это не безумие души, но отсутствие сознания самой себя и окружающего, что, конечно, проявляется как при свете, так и в физической темноте. Преимущественно это наказание тех, кто сомневался в назначении своего существования: они верили в небытие, и вид этого небытия составляет их мучение до тех пор, пока душа не придет в сознание и не разорвет путы своего морального заблуждения. Так, человек, видящий страшный сон, всею силою своих способностей борется против ужаса, которому дозволил овладеть собой. Это погружение души в фиктивное небытие, с сохранением сознания своего существования, есть более тяжкое страдание, чем можно себе представить; в особенности — по тому кажущемуся покою, в который она погружена. Этот вынужденный покой, эта ненужность существования, неуверенность и неизвестность и составляют ее мучения; тоска, которой она подавлена, — самое ужасное возмездие. Она вокруг себя не видит ничего: ни предметов, ни существ, — и это составляет для нее самый настоящий мрак.

Св. Людовик.

Клара: «Вот и я. Я также могу ответить на вопрос о мраке, так как я долго блуждала и страдала в тех сферах, где столько слез и рыданий. Да, видимый мрак о котором говорится в Писании, существует, и те несчастные, окончившие свои земные испытания, которые покидают жизнь несведущими и виновными, погружаются в эти темные и холодные области в полной неизвестности о своей участи. Они верят в вечность своего настоящего положения, шепчут еще слова, прельщавшие их в жизни, удивляются и пугаются своего одиночества; этот мрак, это пустынное, хотя и населенное пространство, в котором скитаются стонущие, бледные Духи, без утешения, без любви и без всякой

помощи. Куда и к кому обратиться?.. Вот когда они чувствуют тяжесть вечности! Они дрожат и сожалеют о пустых заботах, занимавших их на земле; они сожалеют о ночи, которая, сменяя день, убаюкивала их сновидениями. Мрак для Духов есть неведение, пустота и ужас неизвестности... Более я не в силах продолжать!

Клара.

Об этом мраке дано также объяснение в следующем сообщении:

«Наше флюидическое тело (периспри) обладает способностью свечения, развивающейся вследствие деятельности и качества души. Можно сказать, что качества эти для периспиритального флюида — то же, что трение для фосфора. Сила света зависит от чистоты Духа, малейшие нравственные несовершенства омрачают и ослабляют его. Сияние, распространяемое Духом, тем ярче, чем он возвышеннее. Дух, так сказать, — свой собственный светильник, и видит тем яснее, чем сильнее его свет. Потому те, кто не светят себе сами, и остаются во мраке. Теория эта справедлива по отношению к свету, испускаемому светящимся флюидом высших Духов, что и доказано опытом. Но это не есть настоящая, или, по крайней мере, не единственная, причина явлений, о которых тут идет речь, потому, 1) что не все низшие Духи находятся во мраке, 2) что эти же самые Духи могут попеременно быть и в свете, и в тьме, 3) что и свет бывает иногда наказанием для очень несовершенных Духов. Если бы тьма, в которую погружены некоторые Духи, была присуща их существу, то она была бы постоянна для всех Духов низшего разряда; но этого нет, ибо самые развращенные Духи иногда видят превосходство; тогда как другие, которых нельзя назвать настолько испорченными, находятся временно в глубоком мраке. Все доказывает, что, кроме света, им принадлежащего, Духи получают также и внешний свет, которого, в некоторых слу-

чаях могут быть лишены. Из этого можно заключить что этот мрак зависит от посторонней воли или причины и составляет специальное наказание в случаях, определенных высшей справедливостью».

Вопрос Св. Людовику: Почему материализованные Духи легче поддаются моральному воспитанию, чем воплощенные? Установленными спиритизмом сношениями людей с Духами доказано, что свободные Духи гораздо легче подчиняются полезным советам и влияниям, чем воплощенные, как это видно на примере лечения одержимых?

Ответ (Парижскому Обществу): «Воплощенный Дух по самой природе своей находится в положении постоянной борьбы благодаря противоположным элементам, из которых он составлен и которые должны, действуя один на другого, вести его к предназначенной цели. Материя легко подчиняется действию наружного флюида. Если душа не противодействует этому всей нравственной силой, на которую она только способна, то она, через свое тело, подчиняется окружающим зловредным влияниям. И это тем легче, что невидимый враг нападает преимущественно на самые слабые стороны и действует в направлении преобладающих страстей.

Дух же невоплощенный находится в совершенно иных условиях. Хотя он еще подвержен влиянию полуматериальной оболочки, но эта сила не может сравниться с силою тела. Боязнь людского мнения, столь сильная у людей, ничтожна у Духов и не может заставить их долго упорствовать против доказательств, верность которых признает его собственный разум. Он может бороться и обыкновенно борется с большею силою, чем воплощенный, потому что он более свободен; никакие материальные расчеты или интересы, никакие общественные условия не стесняют его в суждениях. Он борется из любви к злу, но скоро убеждается в своей бессилии против нравственного могущест-

ва, подавляющего его. Мираж лучшего будущего действует на него сильнее, так как он находится в той самой жизни, где это будущее может осуществиться, и перспектива эта не сглаживается для него никакими человеческими развлечениями. Одним словом, он не находится более под влиянием тела, и это значительно облегчает обращение души, в особенности если она приобрела некоторое развитие посредством перенесенных испытаний.

Дух, мало воплощавшийся, остается нечувствительным к увещаниям; но для того, кто приобрел уже жизненный опыт, дело обстоит иначе. Необходимо действовать на чувство, на самую душу как воплощенного, так и невоплощенного существа. Материальное воздействие может временно облегчить страдания человека порочного, но уничтожить смертоносное начало, находящееся в душе его, не может: *всякое действие, не способствующее улучшению души, не может отвлечь ее от зла.*

Св. Людовик.

Глава V

САМОУБИЙЦЫ

I

САМОУБИЙЦА В ЗАВЕДЕНИИ ВАНН «САМАРИТЕН»

7 апреля 1858 г. около семи часов вечера человек лет 50-ти, прилично одетый, пришел в купальню «Самаритен» в Париже и приказал приготовить себе ванну.

Слуга по прошествии двух часов со времени его прихода был крайне удивлен, что посетитель не тре-

бует его, и решился войти к нему, думая, что, может быть, гость почувствовал себя нехорошо.

Глазам слуги представилось ужасное зрелище: несчастный перерезал себе горло бритвой, и кровь его смешалась с водой в ванне.

Личность самоубийцы установлена быть не могла, и потому труп отправили в Морг*.

Дух этого человека, вызванный Парижским Обществом шесть дней спустя после его смерти, дал следующие ответы:

1. На первое вызывание получили ответ Духа—руководителя медиума: «Остановись... он здесь».

2. Вопрос. — Где вы находитесь теперь?..

Ответ. — Я не знаю... Скажите мне, где я?..

3. В. Вы в обществе людей, занимающихся изучением спиритизма и желающих вам добра.

От. — Скажите мне, жив ли я... Я задыхаюсь в гробу.

Его душа хотя и отделилась от тела, но пока еще не погружена, если можно так сказать, в водоворот телесного вещества; его земные идеи живы; очевидно, поэтому он не считает себя умершим.

4. В. — Кто вас убедил придти к нам?

От. — Я почувствовал себя облегченным.

5. В. — Что побудило вас к самоубийству?

От. — Разве я умер?.. Нет, нет... я живу в своем теле... Вы не знаете, как я страдаю!.. я задыхаюсь... О, если бы нашлась сострадательная рука, которая бы меня прикончила!

6. В. — Почему вы не оставили никакого следа, по которому вас можно было бы узнать?

От. — Я, всеми оставленный, бежал от страдания и нашел муку.

* Морг — дом, где находятся мертвые тела.

7. В. — У вас и теперь те же причины остаться неизвестным?

От. — Да!.. не прикасайтесь раскаленным железом к свежей ране.

8. В. — Не скажете ли вы нам ваше имя, возраст, профессию, жительство?

От. — Нет... нет, ни за что.

9. В. — Была у вас семья, жена, дети?

От. — Я был всеми оставлен; ни одно существо меня не любило.

10. В. — Что же вы сделали, что вас никто не любил?

От. — Сколько таких, как я!.. Человек может быть покинутым среди семьи, когда ни одна душа его не любит.

11. В. — В момент выполнения самоубийства, вы не испытывали никакого колебания?

От. — Я жаждал смерти... Я ждал покоя.

12. В. — Как мысль о будущем не заставила вас отказаться от вашего намерения?

От. — Я в него более не верил; я был без надежды. Будущее... это — надежда.

В. — О чем вы думали в тот момент, когда почувствовали, что жизнь покидает вас?

От. — Я ни о чем не думал. Я чувствовал... Но моя жизнь не угасла... моя душа связана с моим телом... *Я чувствую, как меня точат черви.*

14. В. — Что вы испытывали в момент, когда совершилась смерть?

От. — Но разве она совершилась?..

15. В. — Страдали ли вы в тот момент, когда жизнь вас покинула?

От. — Менее, чем потом... Если я действительно умер, то страдало одно тело.

16. В. (К Духу-руководителю — св. Людовику) —

Что понимает Дух, говоря: что момент смерти был менее тяжел, чем потом.

От. — Он свалил с себя ношу, которая его тяготила, он чувствовал наслаждение в страдании.

17. В. — Такое состояние всегда ли является следствием самоубийства?

От. — Да. Дух самоубийцы связан с телом до конца его жизни; естественная смерть есть освобождение от жизни — самоубийство ее уничтожает.

18. В. — Это состояние такое же ли, как после всякой случайной смерти, не зависящей от желания и которая сокращает естественную продолжительность жизни?

От. — Нет... Что вы понимаете под самоубийством? Дух отвечает лишь за свои проступки.

Это сомнение в смерти — очень обыкновенное явление у людей, недавно умерших, и особенно у тех, кто при жизни не постарался возвысить свою душу над материей. Феномен весьма странный на первый взгляд, но он объясняется весьма естественно.

Если человека, первый раз находящегося в сомнамбулическом состоянии, спросить, спит ли он, он почти всегда отвечает, что нет, и ответ его вполне логичен: в данном случае вопрошающий неверно ставит вопрос, пользуясь несоответствующим для него выражением. Идея сна на нашем обычном языке связана с прекращением всех наших чувственных способностей; поэтому сомнамбул, который думает, видит, слышит, владеет моральной свободой, не предполагает, что он спит, и действительно, он не спит в глубоком смысле этого слова. Вот почему он отвечает «нет» до тех пор, пока он не отвыкнет от материального способа понимать вещи. То же самое происходит с человеком, только что умершим: для него смерть — это уничтожение бытия; как сомнамбул, он видит, чувствует, говорит, следовательно, по его мнению, он не умер, и он это утверждает до тех пор, пока не приобретет сознания своего нового положения.

Эта иллюзия всегда более или менее тягостна, потому что она никогда не бывает полной и держит Дух в некотором беспокойстве. В вышеприведенном примере иллюзия эта является настоящим мучением потому, что она доходит до ощущения червей, точащих тело, и потому, что она будет продолжаться так долго, как продолжительна должна бы была быть жизнь этого человека, если бы он самовольно не прервал ее. Такое состояние часто встречается у самоубийц, но оно не всегда бывает при одинаковых условиях; оно изменяется, особенно в продолжительности и в восприятии ощущений, смотря по обстоятельствам, усугубляющим или смягчающим вину.

Ощущение червей и разложения тела не есть исключительная принадлежность самоубийц; оно часто испытывается и теми, кто жил более материальной, чем духовной жизнью. В принципе, ни одна вина не остается ненаказанной; но нет правила *безусловного и одинакового* для способов наказания.

II

ОТЕЦ И НОВОБРАНЕЦ

В начале войны с Италией в 1859 году в Париже жил один негодник, отец семьи, пользовавшийся общим уважением всех своих соседей; у него был сын, которого судьба призвала в ряды войска. Будучи, по своему положению, не способным избавить сына от службы, негодник вздумал покончить с собою и этим освободить его как единственного сына вдовы.

Год спустя он был вызван Парижским Спиритическим обществом по просьбе одной особы, знавшей его и интересовавшейся его судьбой в мире Духов.

(Обращение к св. Людовику): «Будьте добры сказать нам, можем ли мы вызвать человека, о котором мы только что говорили?»

Ответ: «Да, он даже будет очень счастлив, потому что это его немного облегчит».

1. *На первое вызывание получили ответ:* «О! благодарю! я очень страдаю, но.. справедлив: он меня простит».

Дух пишет с большим трудом; буквы неправильные и бесформенные; после слова «но...» он останавливается, тщетно стараясь написать, но у него вышли лишь несколько неразборчивых черточек и точек. Очевидно, это слово «Бог», которое он не мог написать.

2. *В. — Заполните промежуток, который вы оставили.*

От. — Я недостоин.

3. *В. — Вы говорите, что вы страдаете; вы, конечно, были неправы, покончив жизнь самоубийством, но разве причина, которая вас к этому привела, не заслуживает снисхождения?*

От. — Мое наказание будет менее продолжительное, но поступок от этого ничуть не лучше.

4. *В. — Можете ли вы описать нам наказание, которое вы претерпеваете?*

От. — Я страдаю вдвойне душою и телом; я страдаю телом, хотя и не имею его, так же как подвергнутый ампутации чувствует боль в члене, который у него отнят.

5. *В. — Ваш поступок имел ли своей причиной исключительно вашего сына или был вызван и еще какими-нибудь побуждениями?*

От. — Мною руководила исключительно родительская любовь, но она плохо мною руководила; хотя мое страдание будет сокращено.

6. *В. — Предвидите ли вы конец ваших страданий?*

От. — Я не знаю конца; но я уверен, что конец этот существует, и это приносит мне облегчение.

7. *В. — Сейчас вы не могли написать имя Бог; но*

мы видели очень страдающих Духов, которые его писали; может быть, это также составляет ваше наказание?

От. — Я тоже смогу написать, но при большом усилии раскаяния.

8. *В.* — Ну, хорошо! Сделайте большое усилие и постарайтесь написать; мы уверены, что если вы этого достигнете, это вам принесет облегчение.

Дух кончил тем, что написал неправильными и дрожащими буквами: «Бог очень добр».

9. *В.* — Мы вам очень благодарны, что вы пришли на наш призыв, и мы будем молиться за вас Богу, чтобы призвать на вас Его милосердие.

От. — Да, пожалуйста.

10. (*Вопрос к св. Людовику*) — Будьте добры дать нам вашу личную оценку проступка Духа, которого мы только что вызывали.

От. — Этот Дух страдает справедливо, потому что у него не хватило веры в Бога, а эта вина всегда наказывается. Наказание было бы ужасно и очень продолжительно, если бы за него не говорило похвальное чувство, желание помешать сыну идти навстречу смерти. Бог, Который читает в глубине сердец и Который справедлив, наказал его по заслугам.

На первый взгляд это самоубийство кажется извинительным, потому что на него можно посмотреть, как на акт самоотвержения; на самом деле так оно и есть, но не совсем. Этому человеку, как говорит Дух св. Людовика, не хватило веры в Бога. Своим поступком он, может быть, помешал выполнению судьбы, предначертанной его сыну; прежде всего, не известно, умер бы его сын на войне или нет, а может быть, это поприще доставило бы ему случай совершить нечто такое, что способствовало бы его совершенствованию.

Намерение его, без сомнения, было хорошее, и оно было принято во внимание: в данном случае намерение

уменьшает вину и заслуживает снисхождения. Но оно не мешает дурному быть дурным; иначе под защитой мысли можно бы было оправдывать все проступки и, пожалуй, можно бы было убить человека под предлогом оказания ему услуги. Разве после этого менее виновна мать, убивающая свое дитя с сознанием, что она отправляет его прямо на небо: здесь тоже совершается преступление, если так можно выразиться, с добрым намерением?

С такой системой можно было бы оправдать все преступления, которые совершил слепой фанатизм во время религиозных войн.

В принципе, человек не имеет права располагать своей жизнью, потому что она ему дана для тех *обязанностей, которые он должен выполнить на земле*, поэтому он не должен самовольно ее сокращать ни под каким предлогом. А так как ему никто не может в этом помешать, ибо у него есть свободная воля, он и несет все последствия своего поступка.

Самое строго наказываемое самоубийство — самоубийство, совершенное с отчаяния или с целью избежать жизненной нищеты. Избавляться от ниспосланной нищеты, которая очень часто служит одновременно испытанием и искуплением, значит отклониться от принятой на себя задачи, а иногда и миссии, которую должно было выполнить.

Самоубийство не заключается только в одном поступке, влекущем за собою внезапную смерть; оно заключается во всем том, что заведомо влечет за собою преждевременную потерю жизненных сил.

Нельзя отнести к самоубийству самоотвержение, подвергающее себя неминуемой смерти с целью спасти своего ближнего; во-первых, потому что в данном случае нет предумышленного намерения лишиться себя жизни, а во-вторых, нет такой опасности, от которой Провидение не могло бы нас спасти, если не настал еще для нас час смерти.

Смерть при таких обстоятельствах является похвальной жертвой, потому что это — не что иное, как самоотречение в пользу другого.

III

ЛУВЕ ФРАНСУА-СИМОН (ИЗ ГАВРА)

Следующее сообщение было дано произвольно в Спиритическом собрании в Гавре 12-го февраля 1863 года:

«Имейте жалость к несчастному, который страдает так долго и так жестоко! О! пустота... пространство... я падаю, падаю... на помощь!.. Боже мой, но у меня была такая несчастная жизнь!.. Я был бедняк; в старости я часто страдал от голода; я начал пить, я всего стыдился и питал ко всему отвращение... Я хотел умереть и я бросился... О! Боже мой, какая минута!.. Зачем было желать покончить с собой, когда я и так был близок к концу?.. Молитесь! чтобы я не видел более *всегда этой пустоты под собою*... Я разбился на этих камнях!.. Умоляю вас, знающих ужасное положение всех, отошедших от вас, умоляю вас, хотя вы меня и не знали, но я так страдаю... Зачем вам доказательство? Я страдаю, неужели этого недостаточно? Если бы я страдал от голода вместо этого, более ужасного, но невидимого вам мучения, вы не колеблясь помогли бы мне, дав мне кусок хлеба... Я прошу вас молиться обо мне... Я не могу дольше оставаться... Спросите у одного из этих счастливых, находящихся здесь, и вы узнаете, кем я был. Молитесь обо мне».

Франсуа-Симон Лувэ.

Дух — руководитель медиума: «Тот, кто сейчас говорил с тобой, дитя мое, — несчастный бедняк, у которого земным испытанием была нищета, но он возымел

к ней отвращение; мужество его оставило, и несчастный, вместо того, чтобы поднять свои взоры к Небу, как он должен был это сделать, предался пьянству; он дошел до последних ступеней отчаяния и положил конец своему печальному испытанию, бросившись с башни Франциска I 22-го июля 1857 года. Пожалейте его бедную душу, еще несовершенную, но все же настолько имеющую понятие о будущей жизни, чтобы страдать и желать нового испытания. Молитесь, чтобы Господь дал ему эту милость, и вы сделаете доброе дело.

Навели справки и в «Journal du Navre» от 23 июля 1857 года нашли статью следующего содержания:

«Вчера, в четыре часа, гуляющие на молу были потрясены ужасным происшествием: человек бросился с башни и разбился на камнях. Это старый бурлак, которого склонность к пьянству привела к самоубийству. Его звали Франсуа-Виктор-Симон Лувэ. Тело его перенесли к одной из его дочерей на улицу Corderie; ему было 67 лет».

Прошло шесть лет, как умер этот человек, а он все видит себя падающим с башни и разбивающимся о камни; он ужасается пустоте, разверзающейся под ним; он находится в страхе от падения... и это в течение шести лет!

Как долго это продолжится?..

Он ничего не знает, и эта неизвестность усугубляет его мучение. Не стоит ли это ада и адского пламени?..

Кто рассказал об этих наказаниях? Выдумали ли их? Нет; те, кто их переносит, сами описали их, как другие описали бы свои радости. Часто они делают это произвольно, без того, чтобы о них думали, и это исключает всякую мысль об игре собственного воображения.

IV

МАТЬ И СЫН

В марте 1865 года у г-на С., негоцианта одного маленького городка около Парижа, был серьезно болен сын двадцати одного года. Этот молодой человек, чувствуя приближение смерти, позвал к себе мать, и у него еще хватило сил ее поцеловать. Проливая горючие слезы, она ему сказала: «Иди, сын мой, вперед меня, и не замедлю последовать за тобою». Она тотчас вышла, закрыв лицо руками. Присутствующие при этой тяжелой сцене посмотрели на слова г-жи С. просто как на взрыв екорби, которую время и рассудок должны были сгладить.

Но... когда больной умер, ее искали по всему дому и нашли повесившейся на чердаке. Похороны матери были одновременно с похоронами сына.

Вызывание сына спустя несколько дней после кончины:

В. — Знаете ли вы о смерти вашей матери, покончившей с собой от отчаяния, которое причинила ей утрата вас?

От. — Да, и если бы не скорбь, которую причинило мне ее пагубное решение, я был бы вполне счастлив. Бедная, хорошая мама! Она не могла вынести испытания мимолетной разлуки, и, чтобы соединиться с горячо любимым сыном, она выбрала путь, который, наоборот, отдалил ее от него... увы! на очень долгое время. Она только замедлила на неопределенное время наше соединение, *которое было бы так быстро, если бы душа ее преисполнилась покорности воле Создателя и если бы она была покорной, смиренной и раскаивающейся в этом постигшем ее испытании и искуплении, которое должно было ее очистить! Молитесь!.. о, молитесь о ней!.. и особенно не подражайте ей, вы, матери, которых так умилил печальный рассказ о ее кон-*

чине! Не думайте, что она лучше других матерей любила своего сына, который был ее гордостью и радостью; нет, она его любила ничуть не лучше, но у нее не хватило мужества и покорности. Матери, слушающие меня! Когда вы увидите агонию, застилающую потухающий взор ваших детей, вспомните, что они, как Христос, входят на вершину Голгофы, откуда они должны подняться в вечную славу.

Вениамин С...

Вызывание матери:

Мать: «Я хочу видеть моего сына! Имеете ли вы власть вернуть мне его?.. Жестокие!.. Они его у меня отняли, чтобы ввести его в свет, а меня они оставили во тьме!.. Я хочу его... я хочу его, он мне принадлежит! Неужели любовь матери ничего не значит?.. Как?.. Носить девять месяцев, кормить своим молоком плоть от плоти своей, кровь от крови своей; руководить его первыми шагами; научить его лепетать священное имя Бога и сладкое имя матери; сделать из него человека деятельного, разумного, честного, прямого, любящего сына — и потерять его тогда, когда он оправдал все возложенные на него надежды и когда перед ним открылось блестящее будущее!.. Нет, Бог несправедлив; это не Бог матерей; Он не понимает их отчаяния, их страдания... и когда я призвала к себе смерть, чтобы не разлучаться с моим ребенком, его у меня снова похитили!.. Сын мой! Сын мой!.. где ты..»

Вызыватель: «Бедная мать, мы сочувствуем вашему страданию, но вы выбрали плохое средство для соединения с вашим сыном; самоубийство есть преступление в глазах Бога, и вы должны были бы подумать, что Он наказывает всякое нарушение Его законов. Лишение права видеть сына — ваше наказание».

Мать: «Нет; я думала, что Бог лучше людей; я не верила в ад, а верила в вечное соединение душ, любивших друг друга — так, как мы любили; я ошиба-

юсь... Бог не добр и не справедлив, потому что Он не понял безмерности моей скорби и моей любви!.. О! кто возвратит мне моего сына!.. Неужели я его навсегда потеряла?.. Сжальтесь, сжальтесь, Боже мой!..»

Вызыватель: «Успокойтесь, не отчаивайтесь, если есть средство увидеть вашего сына, то конечно, не богохульство, как вы это делаете. Вместо того, чтобы умилостивить Господа, вы накликаете на себя еще больший гнев Его».

Мать: «Они мне сказали, что я больше его не увижу; я поняла, что они увели его в рай. А я... я, значит, в аду?.. в аду для матерей?... Этот ад существует, я это слишком хорошо вижу».

Вызыватель: «Ваш сын не потерян для вас безвозвратно, поверьте мне; без сомнения, вы его увидите; но это надо заслужить вашей покорностью воле Божией, вашим же возмущением вы только отдалите момент свидания на неопределенное время. Послушайте меня: Бог бесконечно добр, но и бесконечно справедлив. Он никогда не наказывает без причины, и если Он послал вам большие скорби на земле, так потому, что вы их заслужили. Смерть вашего сына была испытанием вашей покорности; к несчастью, вы его не выдержали при жизни, и после смерти вы его опять-таки не выдерживаете; как же вы хотите, чтобы Бог награждал Своих непокорных детей? Но Он не немолчим: Он всегда принимает раскаяние виновных. Если бы вы приняли безропотно и смиренно испытание, которое Он вам послал в этой короткой разлуке, и если бы вы терпеливо ждали, когда Он пожелает взять вас с земли, вы, при входе в этот мир, в котором вы сейчас находитесь, тотчас увидели бы вашего сына, который бы пришел вас встретить и протянул бы вам руки; вы бы испытывали радость видеть его счастливым после разлуки. То, что вы сделали, и то, что вы делаете и сейчас, ставит между ним и вами преграду. Вы думаете, что он затерялся в бесконечном пространстве;

нет, он ближе к вам, чем вы предполагаете, но непроницаемая завеса скрывает его от вашего взора. Он вас видит, он вас любит и страдает, видя ваше печальное положение, в которое вас поставил недостаток веры в Бога; он страстно молит Бога о ниспослании того счастливого момента, когда ему будет разрешено показаться вам; от вас одной зависит ускорить или отдалить этот момент. Молитесь Богу и говорите за мной:

«Боже мой! прости мне мое сомнение в Твоей справедливости и доброте; если Ты наказал меня, я сознаю, что я это заслужила. Прими мое раскаяние и мою покорность Твоей святой воле».

Мать: «Какой свет надежды вы пролили в мою душу! Это светлый луч во мраке, который меня окружает. Благодарю вас, я буду молиться. Прощайте».

Смерть, даже от самоубийства, не произвела у этого Духа иллюзии считать себя живым; он хорошо сознает свое положение; у других наказание заключается в иллюзии, что они связаны с телом. Эта женщина покинула землю, чтобы последовать за сыном, перешедшим в другой мир; надо было, чтобы она знала, что она находится в этом мире, чтобы наказать ее, не позволив ей встретиться с сыном. Ее наказание и состоит именно в сознании, что она не живет более телесно, и в сознании своего положения. Итак, каждый проступок наказывается по обстоятельствам, его вызвавшим, и нет наказаний одинаковых и постоянных для однородных проступков.

V

ДВОЙНОЕ САМОУБИЙСТВО ПО ЛЮБВИ И ПО ДОЛГУ

В одной из газет от 13 июня 1862 года был помещен следующий рассказ:

«Девушка Пальмира, модистка, живущая у своих

родителей, была одарена прекрасной внешностью и чудным характером; к ней многие сватались. Из всех своих поклонников она выделила г-на Б., страстно в нее влюбленного. Хотя она его очень любила, но сочла своим долгом подчиниться желанию родителей и выйти замуж за г-на Д., общественное положение которого казалось им предпочтительнее положения соперника.

Г-да Б. и Д. были близкие друзья. Они продолжали видеться, хотя у них не было общих дел. Взаимная любовь г-на Б. и Пальмиры, ставшей г-жей Д., несколько не ослабела, напротив, вследствие того, что они хотели подавить ее, она все росла, сопротивляясь насилию, которое над ней учинили. Пробуя погасить чувство, г-н Б. решил жениться. Он женился на молодой девушке с превосходными качествами и делал все возможное, чтобы ее полюбить; но вскоре он увидел, что и этот геройский поступок не в силах был его исцелить. Все же г-н Б. и г-жа Д. в течение четырех лет не нарушали своего долга. Невозможно выразить, сколько они выстрадали, потому что г-н Д., искренно любивший своего друга, всегда звал его к себе и, когда тот хотел бежать, принуждал его остаться. Но вот однажды влюбленные сошлись по непредвиденному обстоятельству, которого они совсем не искали, вместе, раскрыли друг другу свои души и пришли к заключению, что одна смерть может помочь их страданию. Они решили умереть вместе и выполнить свой замысел на другой же день, когда г-н Д. большую часть дня должен был провести вне дома. Сделав последние приготовления, они написали длинное и трогательное письмо, в котором объяснили причину смерти нежеланием нарушить свой долг. Письмо заканчивалось просьбой о прощении и желании быть похороненными в одной могиле. Когда г-н Д. вернулся, то нашел их задохнувшимися. Он исполнил их последнее желание и не пожелал разъединить их на кладбище».

Об этом факте, представленном в Парижское об-

щество Спиритов для исследования, один Дух сказал следующее: «Оба влюбленные, покончившие самоубийством, не могут еще вам отвечать; я их вижу; они находятся в смятении и испуганы дуновением вечности. Моральные последствия их проступка будут их терзать в течение *последующих перевоплощений*, в которых их разъединенные души будут беспрерывно отыскивать друг друга и страдать от двойной муки предчувствия и вожделения. Когда они окончат свое искупление, они соединятся навеки в вечной любви. Через восемь дней, на вашем будущем сеансе, вы можете их вызвать; они придут, но не увидят друг друга; глубокий мрак скрывает их надолго одного от другого».

1. *Вызывание женщины:*

— Видите ли вы вашего друга, вместе с которым вы наложили на себя руки?

От. — Я ничего не вижу; не вижу даже Духов, скитающихся за мною. Какой мрак!.. и какой густой вуаль на моем лице!

2. В. — Какое чувство вы испытывали, когда проснулись после смерти?

От. — Странное! мне было холодно, и я пылала; лед тек в моих жилах, и огонь горел у меня во лбу! Удивительная вещь, неслыханное смешение! Казалось, лед и огонь меня сдавливали! Я думал, что умираю вторично.

3. В. Испытываете ли вы физическое страдание?

От. — Все мое страдание *здесь и здесь...*

4. В. — Что вы хотите сказать словами *здесь и здесь*.

От. — Здесь, в моем мозгу; здесь, в моем сердце.

(Вероятно, если бы можно было увидеть Духа в момент этого сообщения, то увидели бы его подносящим руку ко лбу и сердцу.)

5. В. — Думаете ли вы, что всегда будете находиться в этом положении?

От. — О! всегда, всегда! Я слышу иногда адский хохот и ужасные голоса, кричащие мне слова: «Всегда так».

6. В. — Ну хорошо! Мы можем вам сказать с полной уверенностью, что это не всегда будет так; раскаявшись, вы получите прощение.

От. — Что вы сказали?.. Я не слышу.

7. В. — Я повторяю вам, что ваши страдания имеют конец, который вы можете ускорить вашим раскаянием, и мы вам в этом поможем молитвой.

От. — Я услышала только одно слово и неясные звуки; это слово было *милости!* Вы хотели говорить о *милости?*

Вы говорили о *милости*: конечно, вы говорили о ней, проходящей около меня душе бедного ребенка, который плачет и надеется...

Одна из дам, находящаяся в нашем Обществе, сказала, что она только что вознесла к Богу молитву за эту несчастную и что, без сомнения, молитва эта ее поразила; что она действительно мысленно молила Бога о *милости* для нее.

В. — Вы говорите, что вы находитесь во тьме; разве вы нас не видите?

От. — Скажите мне, жива ли я... Я задыхаюсь в гробу, я слышу слова, которые вы произносите, но я ничего не вижу, кроме черной завесы, на которой вырисовывается иногда плачущая голова.

9. В. — Если вы не видите вашего друга, вы, может быть, чувствуете его присутствие около вас, потому что он здесь?

От. — Ах, не говорите мне о нем, я должна о нем сейчас позабыть, если хочу, чтобы с завесы исчезло изображение, которое на ней вырисовывается.

10. В. — Чье это изображение?

От. — Изображение человека страдающего, у кото-

рого я убила надолго моральное существование на земле.

Читая этот рассказ, уже с самого начала находишь в этом самоубийстве вину обстоятельства, смотришь на него, как на геройский подвиг, потому что он был вызван чувством долга. Но, как видно, его судили иначе, и наказание виновным назначено долгое и ужасное за то, что они добровольно прибегли к смерти, чтобы избежать борьбы, намерение не нарушить долга было, конечно, похвально и позднее оно будет принято во внимание, но настоящая заслуга состояла в победе над увлечением, тогда как они поступили, как дезертир, который убегает в момент опасности. Наказание обоим состоит, как видно, в том, что они будут долго искать друг друга и не встретятся, *будет ли это в мире Духов, или в следующих земных воплощениях.* Наказание это в данный момент еще более усугубляется мыслью, что их настоящее положение будет длиться вечно; мысль эта составляет часть наказания, и им не позволено было услышать обращенных к ним слов надежды. Мы скажем тем, кто найдет это наказание слишком ужасным и долгим, особенно если оно должно кончиться не раньше, как после нескольких воплощений, что продолжительность безусловна и зависит от того, как они перенесут свои будущие испытания; в этом им можно помочь молитвой; они будут, как все виновные Духи, вершителями своей судьбы. Но разве это не лучше вечных адских мук без надежды, на которые они были бы безвозвратно осуждены, по учению церкви, которая смотрит на них, как на вечно обреченных пребывать в аду, и отказывает им в последней молитве, считая, очевидно, что она для них бесполезна?

VI

ЛЮДОВИК И БАШМАЧНИЦА

Семь или восемь месяцев Людовик Ж..., башмачник, ухаживал за девицей Викториной Р., башмачницею, на которой он должен был жениться в ближайшем будущем, потому что уже делались оглашения. Дело было настолько слажено, что молодые люди считали себя почти совсем соединенными, и, из экономии, башмачник ходил каждый день столоваться к своей будущей супруге.

Однажды Людовик пришел, по обыкновению, к невесте; за ужином поднялся между ними спор из-за пустяков; тот и другой заупрямились, и дело дошло до того, что Людовик вышел из-за стола, ушел, поклявшись, что он больше никогда не придет.

Но, говорят, что утро вечера мудренее, и на другой день башмачник пришел с извинением, но девушка, после произошедшей накануне сцены, предположила о возможных случиться столкновениях впоследствии, когда уже поздно будет всякое отступление, отказалась помириться, и ни уверения, ни слезы, ни отчаяние, ничто не могло поколебать ее решение.

Несколько дней прошло после ссоры. Людовик, надеясь, что его возлюбленная будет сговорчивей, решился на последнюю попытку: вот он приходит к ней и стучится так, чтобы быть узанным, но ему отказывают отворить дверь; новые мольбы со стороны бедного изгнанника, новые уверения через дверь, но ничто не действует на непреклонную молодую девицу. «Прощайте же, коварная! — воскликнул бедный молодой человек — прощайте навсегда! Постарайтесь найти себе мужа, который любил бы вас так же сильно, как я!» В то же время девушка слышит как бы подавленный стон, потом шум от падения тела, упавшего у ее дверей, и затем все смолкло; тогда она вообразила, что Людовик поместился на пороге, чтобы дожидаться ее

первого выхода; но она дала себе слово не выходить, пока он тут.

Четверть часа спустя после происшедшего один из жильцов, проходивший по сеним с огнем, вскрикнул и позвал на помощь. Тотчас прибежали соседи, и Викторина, тоже открывшая свою дверь, испустила крик ужаса, увидав своего жениха, лежавшего на полу, бледного и безжизненного. Все поспешили к нему на помощь, но вскоре заметили, что она для него бесполезна, так как он перестал существовать. Несчастный вонзил свой резак в область сердца, и железо осталось в ране.

(Спиритическое Общество в Париже, август 1858 г.)

1. *(К Духу св. Людовика)* — Лежит ли ответственность на молодой девушке — невольной причине смерти ее возлюбленного?

От. — Да, потому что она его не любила.

2. *В.* — Чтобы предотвратить это несчастье, не должна ли она была выйти за него замуж, несмотря на свое отвращение?

От. — Она искала случая разойтись с ним; она сделала в начале своей связи то, что все равно сделала бы позднее.

3. *В.* — Итак, ее вина заключается в том, что она поддерживала в нем чувства, которых не разделяла и которые были причиною смерти молодого человека?

От. — Совершенно верно.

4. *В.* — Ее ответственность в таком случае будет соразмерна ее вине; но она не будет так велика, как если бы сама покончила жизнь самоубийством?

От. — Без сомнения.

5. *В.* — Имеет ли самоубийство Людовика оправдание в заблуждениях, в которые его повергло упорство Викторины?

От. — Да, потому что, его самоубийство, имевшее своей причиной любовь, менее преступно в глазах Бога, нежели самоубийство человека, желающего покончить с жизнью из малодушия.

Духу башмачника Людовика Ж., вызванному в другой раз, предложили следующие вопросы:

1. В. — Что вы думаете о совершенном вами поступке?

От. — Викторина — неблагодарная, и я напрасно умер из-за нее, она этого не заслуживала.

2. В. — Значит, она вас не любила?

От. — Нет; она сперва думала, что любит; она ошиблась; сцена, которую я ей сделал, открыла ей глаза; она была обрадована этим предлогом, чтобы от меня отделаться.

3. В. — А вы ее искренно любили?

От. — У меня была к ней страсть и только; я думаю, если бы я ее любил чистой любовью, я не пожелал бы ее огорчить.

4. В. — Если бы она знала, что вы хотите действительно покончить с собой, неужели она упорствовала бы в своем отказе?

От. — Я не знаю... Я не думаю, потому что она не злая; но она была бы несчастна; для нее лучше, что все это так окончилось.

5. В. — Придя к ее двери, имели ли вы намерение покончить с собой в случае ее отказа?

От. — Нет; я об этом не думал; я не думал, что она будет так упорствовать; и только когда я увидел ее упорство, на меня нашло умопомешательство.

6. В. — Вы как будто раскаиваетесь в вашем самоубийстве только потому, что Викторина его не заслуживала; это единственное чувство, которое вы испытываете?

От. — В настоящий момент — да; я еще нахожусь в смятении; мне все кажется, что я у ее двери; но я чувствую нечто другое, что еще не могу определить.

7. В. — Поймете ли вы все это впоследствии?

От. — Да, когда я разберусь... Очень дурно то, что я сделал; мне следовало оставить ее в покое... я был

малодушен, и за это я наказан... Видите ли, страсть ослепляет человека и заставляет его делать много глупостей. И он их понимает тогда, когда уже слишком поздно.

8. В. — Вы говорите, что вы несете наказание; в чем же оно состоит?

От. — Я был неправ, покончив с жизнью; я не должен был этого делать; я должен был все перенести, но не обрывать ее безвременно. Я несчастлив; я страдаю; она все заставляет меня страдать; мне все кажется, что я у ее дверей. Неблагодарная! не говорите мне больше о ней, я не хочу больше о ней думать; мне слишком больно... прощайте...

Вот еще доказательство справедливости распределения наказания виновных по степени их ответственности. В данном случае главная вина — вина молодой девушки, которая поддерживала любовь в Людовике, не разделяя ее, а лишь забавляясь ею; она понесет бóльшую часть ответственности. Что же касается молодого человека, он наказан страданием, которое он испытывает; но его наказание легко, потому что он уступил необходимому чувству и минуте исступления, а не покончил с собой по холодному предумышленному расчету, как это делают те, кто накладывает на себя руки, чтобы избежать испытаний жизни.

VII

АТЕИСТ

Г-н Ж.-Б. Д. был человек образованный, но пропитанный до мозга костей материалистическими идеями, не верующий ни в Бога, ни в существование души. Он был вызван спустя два года после смерти в Парижском Обществе Спиритов по просьбе одного из родственников.

1. *На первое вызывание:*

От. — Я страдаю!.. Я проклят.

2. *В.* — Ваши родные желают знать вашу судьбу и просили нас вас вызвать; скажите нам: наше вызывание приятно вам или тягостно?

От. — Тягостно.

3. *В.* — Была ли ваша смерть добровольна?

От. — Да.

(Дух пишет с чрезвычайным трудом; писание его очень крупное, неправильное, конвульсивное и неразборчивое. Вначале он выказывает гнев, ломает карандаш и рвет бумагу).

4. *В.* — Будьте спокойнее: мы все будем молить о вас Бога.

От. — Я принужден верить в Бога.

5. *В.* — Какая причина заставила вас покончить с собой?

От. — Скука жить без надежды.

Задумывают самоубийство, когда жизнь течет *без надежды*; хотят избежать несчастья во что бы то ни стало; спиритизм раскрывает будущее и дает надежду; для самоубийства нет причины, более того — становится известно, что средство это избавляет от одной беды лишь для того, чтобы ввергнуть в другую, во сто раз худшую. Вот почему спиритизм уже вырвал столько жертв у добровольной смерти. Очень виновны те, кто старается укрепить научными софизмами, во имя *так называемого разума*, эту приводящую в отчаяние идею, источник стольких страданий и преступлений, что *все кончается с жизнью!* Они будут отвечать не только за свои собственные заблуждения, но и за все страдания, которые они причинили.

6. *В.* — Вы хотели избежать превратности жизни; выиграли ли вы что-нибудь от этого? Счастливее ли вы теперь?

От. — О! почему не существует небытие?

7. В. — Будьте так добры описать нам ваше положение как можно яснее?

От. — Я страдаю тем, что должен верить в то, что я отрицал. Моя душа находится как бы на раскаленных углях; она страшно страдает.

8. В. — Откуда у вас были ваши материалистические идеи, которых вы придерживались при жизни?

От. — В предыдущем существовании я был злой, и Дух мой осужден был претерпевать мучения сомнения в течение всей моей жизни последнего существования; поэтому я покончил с собою.

Здесь целый ряд идей. Часто спрашивают, как Духи могут быть материалистами, так как, находясь в мире Духов, должны же они иметь понятие о духовном мире? Вот именно в этом-то понятии и отказано некоторым Духам, которые сохранили свою гордость и не раскаялись в своих ошибках. Их испытание заключается в том, что они должны приобрести в течение своей *телесной жизни и своим собственным разумом* сознание существования Бога и будущей жизни, которая все время у них перед глазами; но часто ими овладевает надменность, не признающая ничего выше себя, и они несут наказание до тех пор, пока их гордость не будет сломлена и они не покорятся очевидности.

9. В. — Когда вы утопились, то вы думали о том, что с вами будет? О чем вы размышляли в этот момент?

От. — Ни о чем; для меня это было небытие. После я увидел, что мое наказание не окончено, и я буду еще много страдать.

10. В. — Теперь вполне ли вы убеждены в существовании Бога, души и будущей жизни?

От. — Увы!.. Только я за это слишком страдаю.

11. В. — Видели ли вы вашего брата?

От. — О, нет.

12. В. — Почему же?

От. — Зачем соединять наши мучения? В несчастии уединяются... соединяются лишь в счастье.

13. В. — Были бы вы рады увидеть вашего брата, которого мы можем вызвать сюда, рядом с вами?

От. — Нет, нет, я стою слишком низко.

14. В. — Почему вы не хотите, чтобы мы его вызвали?

От. — Потому что он тоже несчастлив.

15. В. — Вы боитесь свидания с ним; но разве для вас это не было бы хорошо?

От. — Нет; потом.

16. В. — Не желаете ли вы сказать что-нибудь вашим родным?

От. — Я прошу их молиться обо мне.

17. В. — Кажется, некоторые из того общества, к которому вы принадлежали при жизни, разделяют ваши мнения; не скажете ли вы им чего-нибудь по этому вопросу?

От. — Ах, несчастные! если бы они могли поверить в будущую жизнь! Это самое искреннее мое пожелание им; если бы они могли понять мое грустное положение, они бы над этим призадумались.

Вызывание брата только что говорившего Духа, проповедовавшего те же идеи, но не окончившего самоубийством. Хотя он также несчастлив, но он спокойнее; его писание ясное и разборчивое.

18. *Вызывание его:*

От. — Пусть картина наших страданий послужит вам полезным уроком и убедит вас в существовании другой жизни, в которой искупают свои ошибки и свое неверие.

19. В. — Видитесь ли вы с вашим братом, которого мы вызвали?

От. — Нет, он меня избегает.

Могут спросить, как могут Духи избегать друг друга в мире Духов, где нет материальных препятствий и мест, где бы можно было спрятаться. В этом мире все относительно и соответствует флюидической природе существ, в нем обитающих. Только у одних высших Духов понятия безграничны; у низших же Духов они ограничены, и флюидические препятствия производят на них впечатление препятствий материальных. Духи скрываются одни от других силой их воли, которая действует на их периспри и окружающие их флюиды. Но Провидение печется о каждом из своих детей и дает эту способность или отказывает в ней в зависимости от морального состояния каждого; и, смотря по обстоятельствам, это бывает или наказанием, или наградой.

20. В. — Вы спокойнее его; можете ли вы нам дать более обстоятельное описание ваших страданий?

От. — Не страдаете ли вы на земле в вашем самолюбии, в вашей гордости, когда вы принуждены сознаться в ваших ошибках? Разве ваш ум не возмущается при мысли об унижении перед тем, кто вам указывает на ваше заблуждение? Как вы думаете, что должен выстрадать Дух, который в течение всего своего существования был убежден, что после него ничего нет, и который считал себя умнее всех? Когда он вдруг встает лицом к лицу с очевидной истиной, он чувствует себя подавленным и уничтоженным. К этому присоединяется угрызение совести в том, что он мог на такое продолжительное время забыть о Боге как об идеале доброты и милосердия. Его состояние невозможно. Он не находит себе ни отдыха, ни покоя, он успокоится немного лишь тогда, когда его коснется свя-

тая милость, т. е. любовь Бога, потому что гордость до такой степени овладевает нашим бедным умом, что совершенно окутывает его, и нам нужно много времени, чтобы сбросить с себя эту пагубную одежду; и только молитва наших братьев может нам в этом помочь.

21. В. — Это вы говорите о ваших живых братьях или о Духах?

От. — О тех и о других.

22. В. — Пока мы разговаривали с вашим братом, одно из присутствующих здесь лиц молилось о нем; принесла ли ему пользу эта молитва?

От. — Она не пропадет даром. Если он отказывается теперь от милости, она придет к нему впоследствии прибегнуть к этой божественной *панацеи**.

Здесь мы видим другой род наказания, но оно далеко не одинаково для всех неверующих; у этого Духа, независимо от страдания, существует потребность познания истины, которую он отрицал при жизни. Настоящие его идеи указывают на некоторый прогресс сравнительно с другими Духами, которые упорствуют в отрицании Бога. Это уже *нечто* в сознании своего заблуждения, это начало смирения. Много вероятия в том, что в будущем воплощении его неверие заменится *прирожденным* чувством веры.

Результат этих двух вызываний был передан нами лицу, просившему нас об этом, и мы получили от него следующий ответ:

«Вы не можете себе представить, милостивый государь, того доброго дела, которое вышло из вызывания моего отчима и моего дяди. Мы их прекрасно узнали; особенно писание первого имеет поразительное сходство с его писанием при жизни, тем более, что за последние месяцы, проведенные им с нами, письмо его было неровное и неразборчивое; в нем встречается та же

* Средство от всяких зол и бедствий.

форма черт, росчерка и некоторых букв. Еще поразительнее речь, выражение и стиль; для нас — сходство полное, исключая лишь то, что теперь он имеет понятие о боге, душе и вечности, которые прежде абсолютно отрицал. Мы совершенно убеждены в тождестве его личности. Наша твердая вера в спиритизм прославит Бога, а наши друзья, Духи и живущие, сделаются лучше. Тождество личности его брата не менее очевидно; кроме огромного различия между атеистом и верующим, мы узнали его характер, его стиль, его обороты речи; особенно нас поразило слово *панацея*; это было его обычное слово; он его говорил и повторял ежеминутно всем и каждому.

Я сообщил об этих вызываниях многим лицам, которые были поражены их правдивостью; но неверующие, разделяющие мнения обоих моих родственников, хотели бы еще более точных ответов, а именно, чтобы г-н Д., например, указал точное место, где он был погребен, где он утонул, какой он для этого избрал способ и т. д. Чтобы их удовлетворить и убедить, не можете ли вы вызвать его сюда и предложить ему следующие вопросы; где и как он совершил самоубийство? Сколько времени он оставался под водой? В каком месте он был найден? В каком месте он был погребен? Какими были его похороны: гражданские или церковные, и т. д.

Будьте добры, милостивый государь, точно ответить на эти вопросы, которые важны для тех, кто еще сомневается; я убежден в большой пользе, которую они принесут. Я посылаю вам это письмо с таким расчетом, чтобы оно попало к вам завтра, в пятницу, и чтобы вы могли сделать это вызывание на сеансе Общества, который должен у вас состояться в этот день... и т. д.».

Мы воспроизвели это письмо, потому что оно констатирует факт тождества личности; но мы прибавим к нему наш ответ, чтобы несколько просветить людей, мало знакомых с сообщениями из-за могилы.

«...Вопросы, которые вы просите предложить Духу вашего отчима, без сомнения, продиктованы похвальным намерением убедить неверующих, так как у вас нет чувства сомнения или любопытства; но более глубокое знание науки спиритизма дало бы вам понять, что они излишни. Во-первых, ваша просьба заставить вашего родственника отвечать, указывает на то, что вы, без сомнения, не знаете, что Духами не распоряжаются по своему произволу: они отвечают, как хотят, когда хотят и, часто, как они могут; у них еще бóльшая свобода действия, чем при жизни, и у них больше средств избежать вынужденной морали, которую хотели бы им навязать. Лучшие доказательства тождества личности—те, которые даются ими добровольно, по их собственной воле, которые создаются обстоятельствами, и, как правило, напрасны бывают старания их вызвать. Ваш родственник дал, по вашему мнению, неопровержимые доказательства тождества своей личности, и более чем вероятно, что он откажется отвечать на вопросы, на которые он вправе смотреть как на излишние, предложенные для удовлетворения любопытства людей, ему совершенно безразличных. Он может в этом случае ответить, как это часто делали другие Духи: «К чему спрашивать меня о вещах, вам хорошо известных?» Я даже прибавлю, что состояние смятения и страдания, в котором он находится, делает ему эти вопросы еще более тягостными; это похоже на то, как если бы заставили больного, которому трудно говорить, рассказывать мельчайшие подробности его жизни; без сомнения, это было бы неуважением к его положению.

Что же касается результата, на который вы рассчитываете, будьте уверены, что его не последует. Доказательства тождества личности, полученные нами, гораздо ценнее уже потому, что они произвольны и ничто не могло иметь на них влияние; если неверующие ими не удовлетворены, они не будут удовлетворены бо-

лее, (а даже, пожалуй, менее) ответами на предложенные вопросы, так как они могут заподозрить в них наше личное участие. Есть люди, которых ничто не может убедить; если бы они увидели вашего родственника своими собственными глазами, они сочли бы это галлюцинацией.

Еще два слова, милостивый государь, относительно вашей просьбы сделать это вызывание в тот же день, как я получу ваше письмо. Вызывания не делаются по мановению волшебной палочки. Духи не всегда отвечают на наш призыв; необходимо, чтобы они этого желали и могли это выполнить; кроме того, необходим соответствующий медиум, имеющий специальную способность. Чтобы можно было иметь в своем распоряжении этого медиума в данную минуту, чтобы окружающая среда была симпатична Духу, и т. д. и т. д. — за все эти обстоятельства никогда нельзя ручаться, а, между тем, они необходимы, когда желают взяться за дело серьезно».

VIII

Г-Н ФЕЛИСЬЕН

Это был человек богатый, образованный, остроумный поэт, характера доброго, любезного, приятного, словом — человек, достойный полного уважения. Неудачные спекуляци разорили его. Возраст его не позволял ему восстановить свое благосостояние, он впал в отчаяние и покончил с собою в декабре 1864 года, повесившись у себя в спальне. Он не был ни материалистом, ни атеистом, а лишь человеком легкомысленным, мало заботящимся о будущей жизни. Зная его близко и питая к нему симпатию, мы вызвали его спустя четыре месяца после его смерти.

На вызывание последовал такой ответ: «Я сожа-

лею о земле; у меня были на ней разочарования, но меньшие, чем здесь. Я мечтал о чудесах, но я не нашел в действительности, того идеала, который я себе представлял. Мир Духов — очень смешанный, и необходима большая сортировка, чтобы сделать его сносным. Я его не покину!.. Какие можно набросать эскизы нравов Духов!.. Бальзак должен быть за работой; и работа эта нелегкая... Но я его не видел; где же находятся эти великие Духи, так язвившие человеческие пороки? Они, как и я, должны бы были пробить здесь некоторое время, прежде чем перейти в высшие сферы. Это очень любопытное сборище негодяев, наблюдать которое мне очень нравится, и я здесь остаюсь».

Хотя Дух и сказал нам, что он находится в смешанном обществе, а, следовательно, между низшими Духами, все же нас поразил его разговор, тем более, что он не сказал ни слова о причине его самоубийства, ни о роде его смерти, о которой он не сделал ни малейшего намека, что не было в его характере. Это заставило нас усомниться в тождестве его личности.

В. — Скажите нам, пожалуйста, как вы умерли?

От. — Как я умер? Смертью, которую я себе выбрал: она мне понравилась. Я долго обдумывал, какую мне избрать смерть, чтобы избавиться от жизни. И, право, я признаюсь, что я не много выиграл, я избавился от материальных забот, чтобы найти здесь, в положении Духа, другие, более серьезные и тягостные, страдания, которым я не вижу конца.

В. (*К Духу—руководителю медиума*) — На самом ли деле нам отвечал Дух г-на Фелисьена? Этот тон беспечности, который слышится в разговоре Духа-самоубийцы, поражает нас.

От. — Да; но из чувства, извинительного в его положении и которое вы поймете, он не хотел открыть медиуму род своей смерти, вот почему он говорил громкие фразы; в конце концов он сознался в ней, вынужденный на это вашим прямым вопросом, но очень

этим огорчен. Он очень страдает за свое самоубийство и всячески избегает всего, что напоминает ему его печальный конец.

В. (К Духу Фелисьена) — Ваша смерть нас тем более огорчила, что мы предвидим грустные для вас последствия, а мы так вас уважали и любили. Лично я не забыл, как вы всегда были ко мне добры и любезны. Я был бы счастлив засвидетельствовать вам свою признательность и сделать вам что-либо полезное.

От. — Я не мог иначе избавиться от затруднений моего материального положения. Теперь я нуждаюсь лишь в молитвах; молитесь особенно о том, чтобы я был избавлен от ужасных спутников, находящихся около меня и надоедающих мне смехом, криками и адскими насмешками. Они зовут меня трусом, и они правы; *это трусость — покончить с жизнью. Вот уже четыре раза я не выдерживаю этого испытания.* А между тем, я дал себе слово не поддаваться... Судьба... О. молитесь обо мне; о, какое мое наказание!.. Я очень несчастлив! Молясь обо мне, вы сделаете для меня гораздо больше, нежели я сделал вам во время моей земной жизни. Но испытание, которое я так часто пресекал, вырисовывается передо мною в неизгладимых чертах; *нужно, чтобы я его снова выдержал в назначенное для этого мне время; хватит ли у меня силы?..* О! так часто начинать снова жизни! Так долго бороться и быть увлеченным обстоятельствами и пасть помимо своей воли — это приводит в отчаяние даже здесь! Мне нужны силы выдержать это. Их, как говорят, черпают в молитве: *молитесь же обо мне, я тоже буду молиться».*

Этот частный случай самоубийства, хотя и совершенного при очень обыкновенных обстоятельствах, представляет собою особое явление. Он показывает нам Духа, не выдержавшего несколько раз одного и того же испытания, которое возобновляется при каждом новом его воплощении и *будет возобновляться до тех пор, пока у Духа хватит силы ему противостоять.*

Это подтверждение того принципа, что, когда цель совершенствования, для которого мы воплощаемся, не достигнута, мы страдали без пользы, так как мы должны до тех пор начинать снова, пока не выйдем из борьбы победителями.

Духу Г-на Фелисьена: «Послушайте, пожалуйста, что я вам скажу, и обдумайте мои слова. То, что вы зовете судьбой, — не что иное, как ваша собственная слабость, судьбы не существует, потому что иначе человек не был бы ответственен за свои поступки. Человек всегда свободен, и в этом его лучшая привилегия. Бог не хотел сделать из него слепое орудие. Если эта свобода делает его совершающим греховные поступки, она же делает его и способным к совершенствованию, и только посредством совершенствования он достигает высшего счастья. Только гордость человека заставляет его обвинять Предопределение в своих земных невзгодах, тогда как в большинстве случаев он должен приписать их личной беспечности. Вы сами представляете разительный пример в вашем последнем существовании; у вас было все, чтобы быть счастливым, по мнению света: ум, талант, состояние, вполне заслуженное уважение; у вас не было разорительных пороков, но, напротив, вы обладали почтенными качествами; каким же образом ваше положение совершенно изменилось?.. Исключительно благодаря вашей непредусмотрительности.

Согласитесь, что если бы вы действовали с большей осторожностью, если бы вы сумели удовлетвориться тем прекрасным положением, которое у вас было, а не старались бы, без необходимости, его улучшать, вы не были бы разорены. Итак, здесь не было судьбы, так как вы могли избежать случившегося.

Ваше испытание состояло в сцеплении обстоятельств, которые должны были вам доставить, *не необходимость, а искушение* самоубийства; к несчастью для вас,

несмотря на ваш ум и образование, вы не сумели совладать с этими обстоятельствами, и теперь вы несете наказание за вашу слабость. Это испытание, как вы справедливо предчувствуете, должно возобновляться; в следующем вашем существовании вы подвергнетесь событиям, которые снова вызовут у вас мысль о самоубийстве, и это будет повторяться до тех пор, пока вы не восторжествуете над нею.

Вместо того, чтобы обвинять судьбу, которая есть не что иное, как ваше собственное произведение, возблагодарите Бога за Его доброту, за то, что Он, вместо того, чтобы без пощады осудить вас за первый ваш проступок, дает вам беспрестанно возможность его исправить.

Вы будете страдать не вечно, а лишь до тех пор, пока с вашей стороны не наступит исправление. От вас зависит принять в состоянии Духа такое твердое решение к исправлению, выразить Богу такое искреннее раскаяние и настойчиво просить добрых Духов о поддержке, чтобы придти на землю хорошо вооруженным против всех искушений. Если вы одержите эту победу, вы пойдете по пути к счастью очень быстро, так как во всех других отношениях вы далеко ушли вперед. Для вас это один шаг, который вы должны переступить; мы вам в этом поможем нашими молитвами, но они будут бессильны, если вы не приложите к ним своих стараний».

Ответ: О, благодарю за ваши добрые увещания, я так в них нуждался, потому что я более несчастлив, чем хочу это показать. Я воспользуюсь вашими советами и приготовлюсь к моему будущему воплощению, во время которого я буду жить так, чтобы не впасть в соблазн. Я не дожусь, кажется, когда мне можно будет выбраться из этой низкой среды, в которой я нахожусь».

Фелисьен.

IX

АНТУАН БЕЛЛЬ

Антуан Белль был счетоводом одного банкирского дома в Канаде; он покончил жизнь самоубийством 28 февраля 1865 года. Один из наших корреспондентов, доктор и аптекарь этого города, дал нам о нем следующие сведения.

«Я знал Белля более 20 лет. Это был человек смирный, отец многочисленного семейства. Несколько времени назад он вообразил, что купил у меня яд и отравил им кого-то. Он часто бывал у меня и умолял сказать, когда именно я продал ему яд; при этом он впадал в страшное отчаяние. Он терял сон, обвинял себя, бил себя в грудь. Семья его находилась в постоянном страхе от четырех часов пополудни до девяти часов утра, когда он уходил в банк, где чрезвычайно аккуратно вел книги, никогда не делая ошибок. Он имел привычку говорить, что существо, которое он чувствовал в себе, заставляло его вести счетоводство в порядке и исправности.

В момент, когда он, казалось, бывал убежден в нелепости своих мыслей, он восклицал: «Нет, нет, вы хотите меня обмануть... я вспоминаю... это правда».

Антуан Белль был вызван в Париже 17 апреля 1865 г. по просьбе его друга.

1. *На первое вызывание получили ответ:* «Чего вы от меня хотите? Сделать мне допрос? Напрасно, я во всем сам сознаюсь».

2. *В.* — Мы далеки от мысли беспокоить вас нескромными вопросами. Мы хотели только знать, каково ваше положение в мире, в котором вы находитесь, и не можем ли мы быть вам чем-нибудь полезными.

От. — Ах! если бы вы могли, я вам был бы так благодарен! Я в ужасе от моего преступления, я очень несчастлив!

3. В. — Мы надеемся, что наши молитвы облегчат ваши страдания. Впрочем, нам кажется, что вы находитесь в хороших условиях; в вас есть раскаяние, а это уже начало очищения. Бог бесконечно милосерден и жалеет кающегося грешника. Молитесь с нами. Читают принятую в том обществе молитву о самоубийцах:

«Мы знаем, Господи, судьбу, предназначенную тем, кто нарушил Твои законы и самовольно прервал свою жизнь; но мы знаем также, что Твое милосердие бесконечно; прости же его на душу (имя). Пусть наши молитвы и Твое милосердие облегчат горечь страданий, которые он претерпевает за то, что не имел мужества дождаться конца своих испытаний!

Добрые Духи, ваша миссия помогает несчастным, возьмите его под ваше покровительство; внушите ему сожаление о сделанном им проступке, и пусть ваша помощь даст ему силы перенести с большей покорностью новые испытания, которые ему будут даны для исправления его проступка. Удалите от него злых Духов, которые могут снова направить его на дурное и этим продолжить его страдания, заставляя его терять плоды будущих испытаний.

«Ты, чье страдание является предметом нашей молитвы! пусть наше сострадание послужит тебе облегчением и родит в тебе надежду на лучшее будущее! Это будущее в твоих руках; предай себя в руки милосердия Божия, которое открыто для всех кающихся и закрыто лишь для черствых сердец».

4. В. — Теперь не скажете ли вы нам, в каком преступлении вы считаете себя виновным. Вам зачтется ваше признание, сделанное со смирением.

От. — Прежде всего, позвольте поблагодарить вас за ту надежду, которую вы зародили в моем сердце. Увы! Много, много времени назад, я жил в городе на берегу южного моря, омывающего своими волнами его стены.

Я любил прекрасную молодую девушку, она отвечала мне взаимностью; но я был беден, а потому и отвергнут ее семьей. Она мне заявила, что выходит замуж за одного богатого негоцианта, ведущего торговлю на двух морях, и я получил отказ. Я был в отчаянии и решил покончить с собою, но сперва пожелал утолить свою месть, убив ненавистного соперника... Но так как я питал отвращение к жестокости, я приходил в ужас при мысли об этом преступлении, но... ревность взяла верх.

Накануне дня, когда моя возлюбленная должна была принадлежать ему, он умер, отравленный мною, этот способ показался мне самым легким.

Этим объясняются мои воспоминания. Да, я уже жил, и я должен снова жить...

О, Боже мой, имей сострадание к моей слабости и к моим слезам!

5. В. — Мы сожалеем об этом несчастье, которое замедлило ваше совершенствование, и искренно вам сочувствуем; но так как вы раскаиваетесь, Господь смилуется над вами. Скажите нам, пожалуйста, привели ли вы в исполнение ваше намерение кончить жизнь самоубийством?

От. — Нет; к стыду моему, признаюсь, что в моем сердце воскресла надежда, и я захотел насладиться плодами моего преступления; но меня выдали угрызения совести; и я искупил смертной казнью минуту заблуждения: я был повешен.

6. В. — Было ли у вас сознание этого преступления во время вашего последнего воплощения?

От. — Только в последние годы моей жизни, и вот как. Я был добр по природе, но, как все Духи-убийцы, был подвергнут мучению постоянного созерцания моей жертвы, которая преследовала меня, как живое угрызение совести; долгие годы молитв и раскаяния освободили меня от этого. Я начал новую жизнь, послед-

нюю, и я проводил ее мирно и богобоязненно. Во мне было смутное сознание моей природной слабости и старого проступка, о котором я сохранил неясное воспоминание. Одному Духу, одержающему и мстительному, это был не кто иной, как отец моей жертвы, было нетрудно овладеть мною и воскресить в моем сердце, как в магическом зеркале, воспоминания прошлого.

Находясь по очереди под влиянием его и моего покровителя, я был то отравителем, то отцом семейства, зарабатывающим своим трудом хлеб для своих детей. Я был очарован этим одержающим демоном, и он толкнул меня на самоубийство. Я очень виновен, это правда, но менее, чем если бы я сам на это решился. Самоубийцы моего разряда — слишком слабые, чтобы противостоять Духам одержающим, — менее виновны и менее наказаны, нежели те, кто лишает себя жизни исключительно по своей свободной воле. Молитесь со мною о Духе, который так пагубно влияет на меня, чтобы он отказался от чувства мести, а также молитесь обо мне, чтобы я приобрел силы и энергию, необходимые для того, чтобы выдержать по свободной воле испытание самоубийства, *которому я буду подвергнут, как мне говорят, в моем будущем воплощении.*

В. (Духу—руководителю медиума) — Разве одержающий Дух действительно может натолкнуть на самоубийство?

*От. — Конечно, одержание, которое само по себе есть род испытания, может облекаться в разные формы; но это не оправдание. У человека всегда есть свободная воля, он свободен поддаться искушениям или устоять против них; если он не выдерживает их, то *всегда по своей воле.* Впрочем, Дух прав, говоря, что тот, кто поступает дурно по внушению другого, менее ответственен и менее наказан, чем если бы он поступил по своему личному побуждению; но он не оправдан, потому что, раз он уклоняется с прямого пути, то это значит, что добро недостаточно глубоко пустило в нем свои корни.*

7. В. — Как же случилось, что, несмотря на молитву и раскаяние, освободившие этого Духа от муки созерцания своей жертвы, его преследовала в его последнем воплощении месть Духа одержавшего?

От. — Раскаяние, как вы знаете, *есть неизбежное состояние, предшествующее очищению*, но его недостаточно, чтобы избавить виновного от всякого наказания. Бог не удовлетворяется обещаниями. Нужно доказать делами прочность возвращения к добру. Поэтому Дух подвергается новым испытаниям, которые его укрепляют и в то же время доставляют ему возможность приобрести заслуги, если он выходит из них победителем. Его преследуют злые Духи *до тех пор, пока не почувствуют, что он достаточно силен, чтобы противостоять им*; тогда они оставляют его в покое, потому что знают, что их попытки будут напрасны.

Эти два последних примера показывают нам, что одно и то же испытание возобновляется в каждом воплощении до тех пор, пока человек не устоит против него. Антуан Белль являет нам собою, кроме того, факт не менее поучительный, человека, преследуемого воспоминанием преступления, совершенного им в прежнем существовании; воспоминание это является угрызением совести и предупреждением. Отсюда мы видим, что все существования имеют между собою связь; справедливость и доброта Бога выражаются в способности человека постепенно улучшаться и никогда не лишают его возможности искупить свои проступки; виновный наказан своим же проступком; и наказание, вместо того, чтобы быть мстью со стороны Бога, является средством, способствующим прогрессу в совершенствовании человека.

КАЮЩИЕСЯ ПРЕСТУПНИКИ

ВЕРЖЕ, УБИЙЦА ПАРИЖСКОГО
АРХИЕПИСКОПА

3-го января 1857 г. архиепископ парижский Сибур, выходя из церкви Св. Стефана, был смертельно ранен молодым священником, по имени Верже. Виновный был приговорен к смерти и казнен 30-го января. До последней минуты он не выразил ни сожаления, ни малейшего раскаяния. Вызванный в самый день его казни, он дал следующие ответы:

1. *Вызывание:*

От. — Я еще задержан в своем теле.

2. *В.* — Разве душа ваша не совсем еще освободилась от тела?

От. — Нет, я боюсь... я не знаю... Подождите, дайте мне придти в сознание; я еще не умер, не правда ли?

3. *В.* — Раскаиваетесь ли вы в том, что сделали?

От. — Я был неправ, что убил, но я по своему характеру не мог подчиняться и переносить унижения. Вызовите меня в другой раз.

4. *В.* — Зачем вы хотите так скоро уйти?

От. — Я очень боюсь его увидеть, я боюсь, как бы он мне не сделал того же.

5. *В.* — Но чего же вам бояться? Душа ваша уже отделена от тела, и вы можете отогнать всякое беспокойство, оно неблагоприятно.

От. — Что же вы хотите, разве вы всегда владеете собою? Я не знаю, где я, я схожу с ума.

6. *В.* — Постарайтесь успокоиться.

От. — Я не могу, потому что я помешан. Подождите, я попробую припомнить все яснее.

7. В. — Если бы вы помолились, то это помогло бы вам собраться с мыслями?

От. — Я боюсь, я не смею молиться!

8. В. — Молитесь, милосердие Господа велико! Мы помолимся вместе с вами.

От. — О, да, милосердие Господа бесконечно, я всегда этому твердо верил.

9. В. — Теперь отдаете ли вы себе отчет в вашем положении?

От. — Это так необыкновенно, что я никак не могу прийти в сознание.

10. В. — Видите ли вы теперь свою жертву?

От. — Мне кажется, что я слышу голос, похожий на его голос, и он говорит мне: «Я ничего не имею против тебя», может быть, это мое воображение! Я сумасшедший, говорю вам; я вижу с одной стороны мое тело, а с другой — голову, а тем не менее, мне кажется, что я жив, но в пространстве между землею и тем, что называется небом! Я чувствую даже холод лезвия, падающего на мою шею... но это, конечно, от страха смерти... мне кажется, что я вижу массу Духов вокруг меня, они как будто меня жалеют, они говорят мне что-то, но я их не понимаю.

11. В. — Нет ли между этими Духами кого-нибудь, чье присутствие унижало бы или оскорбляло вас, напоминая о вашем преступлении?

От. — Скажу вам, что я опасаясь только одного, а именно — того, кого я убил.

12. В. — Помните ли вы ваши предыдущие существования?

От. — Нет, я в смятении, мне кажется, что все это я вижу во сне... в другой раз; мне нужно еще опомниться.

Три дня спустя.

13. В. — Как вы теперь себя чувствуете?

От. — Я знаю, что я уже не в вашем мире, и несколько об этом не жалею. Сокрушаюсь только о том, что совершил; но Дух мой более свободен; я уже знаю, что мы имеем несколько существований, в которых приобретаем все нужные сведения, чтобы сделаться совершенными, насколько это возможно для создания.

14. *В.* — Наказаны ли вы за совершенное вами преступление?

От. — Да, я сожалею о том, что сделал и потому страдаю.

15. *В.* — Какое наказание вы претерпеваете?

От. — Я наказан тем, что сознаю свою ошибку и прошу за нее прощения у Бога; я наказан в своей совести за недостаток веры в Бога; я понимаю теперь, что мы не должны лишать жизни своего ближнего; я наказан тем, что отдалил свое совершенствование, пустившись по ложному пути, и не послушался своей совести, которая твердила мне, что я не достигну цели, убивая своего брата; но я допустил гордости и ревности овладеть собою; я ошибся и очень раскаиваюсь, ибо человек всегда должен уметь владеть собою и своими страстями; а я этого не сделал.

16. *В.* — Что испытываете вы, когда мы вас вызываем?

От. — Удовольствие и боязнь, потому что я не зол.

17. *В.* — В чем же состоит это удовольствие и этот страх?

От. — Удовольствие разговаривать с людьми и иметь возможность, признаваясь в своем грехе, хотя отчасти заглаживать его! Боязнь же я не могу вам объяснить; это что-то вроде стыда чувствовать себя убийцей.

18. *В.* — Желали бы вы вновь воплотиться на земле?

От. — Да, я прошу этого и желаю находиться под постоянною угрозою быть убитым и этого бояться.

Вызванный архиепископ Сибур говорит, что он прощает своего убийцу и молится о его возвращении к

добру. Он прибавляет, что хотя он и присутствовал все время здесь, но не показался убийце, чтобы не увеличивать его страданий; боязнь его увидеть, как упрек совести, есть уже наказание.

В. — Человек, убивающий кого-нибудь, знал ли, выбирая себе новое воплощение, что он сделается убийцей?

От. — Нет, он знал только, что, выбирая жизнь, связанную с борьбою, он рисковал сделаться убийцей, но он не знал наверное, что непременно им сделается, так как в нем всегда происходит перед этим борьба с самим собою.

Положение Верже в минуту его смерти таково, каким почти всегда бывает состояние погибающих от насильственной смерти. Отделение души происходит не сразу, и они как бы ошеломлены и не могут понять, живы ли они или умерли. Верже избавлен от встречи с архиепископом, потому что она была ему не нужна для возбуждения в нем укоров совести, но другие убийцы обыкновенно преследуются взором своей жертвы.

К ужасу своего преступления Верже прибавил еще свое полное раскаяние перед смертью, он находился, стало быть, во всех желаемых условиях, чтобы подвергнуться вечному осуждению. Но как только он покинул землю, раскаяние проникло в его душу, он с ужасом отказался от своего прошлого и искренно молил о прощении. Конечно, его что-то подвинуло на это раскаяние, но не чрезмерное страдание: он еще не успел страдать, а единственно крик совести, которого он не хотел слушать при жизни. Почему бы не принять этого раскаяния во внимание? Почему то, что могло спасти его от ада несколькими днями раньше, не может сделать того же теперь? Почему Бог, Который был бы милостив перед смертью, будет безжалостен через несколько часов после нее?

Удивительна эта быстрая перемена убеждений и

мыслей у закоренелого преступника, остающегося непреклонным до последней минуты на земле; но как только он совершил переход в другую жизнь, ему тотчас делается ясно все беззаконие его поведения. Конечно, это явление далеко не общее, есть и исключения, иначе не было бы злых Духов; часто раскаяние приходит очень поздно, и соответственно этому и продолжается наказание.

Упорство во зле во время земной жизни часто происходит от гордости, отказывающейся преклониться и сознать свою вину; иногда человек поддается влиянию материи, которая затемняет его духовное зрение, как бы набрасывая на него покрывало, и совершенно порабощает человека; но как только спадает завеса, внезапный свет его освещает, и он чувствует себя как бы пробудившимся от опьянения. Быстрый возврат к лучшим чувствам есть всегда указание на уже свершившийся моральный прогресс, который ждет только удобного случая, чтобы проявиться. Но тот, кто продолжительное время после смерти упорствует во зле, есть, несомненно, отсталый Дух, в котором материальный инстинкт заглушает доброе семя и которому придется перенести еще много испытаний, пока он не исправится.

ЛЕМЕР.

Приговоренный к смертной казни судом присяжных в департаменте Эн и казненный 31 декабря 1857 г. Вызван 29-го января 1858 г.

Вызывание:

Ответ: — Я здесь.

Вопрос: Что чувствуете вы в нашем присутствии?

От. — Стыд.

В. — Сохранили ли вы сознание до последней минуты?

От. — Да.

В. — А после казни тотчас ли вы почувствовали, что находитесь в новом существовании?

От. — Я был погружен в ужасное смятение, из которого и до сих пор не вышел. Я почувствовал страшную боль, и мне казалось, что она у меня в сердце. Я видел, как что-то скатилось к подножию эшафота, я видел текущую кровь, и боль моя сделалась еще сильнее.

В. — Была ли эта боль физическая, похожая на боль какой-нибудь тяжелой раны, например, от ампутации какого-нибудь члена?

От. — Нет; представьте себе раскаяние, огромное нравственное страдание.

В. — Когда вы почувствовали эту боль?

От. — Как только освободился от тела.

В. — Физическая боль чувствовалась в теле или в душе?

От. — Боль моральная была в душе, а тело ощущало физическую боль; *но дух, отдаленный от тела, все-таки чувствовал ее.*

В. — Видели ли вы ваше обезглавленное тело?

От. — Я видел что-то бесформенное, чего, как мне казалось, я еще не покинул; однако, я чувствовал, что я цел; я был сам собою.

В. — Какое впечатление произвел на вас этот вид?

От. — Боль моя была слишком велика, я как бы потерялся в ней.

В. — Правда ли, что тело еще живет несколько времени после обезглавливания, и что казненный сознает все?

От. — Дух отделяется постепенно; чем сильнее связь его с материей, тем дольше продолжается отделение.

В. — Говорят, было замечено на лицах нескольких казненных выражение гнева и как бы желание что-то сказать: было ли это нервной реакцией или действительным актом воли?

От. — Конечно, это действие воли, так как Дух еще не удалился.

В. — Какое было ваше первое ощущение при вступлении в новый мир?

От. — Неизъяснимое страдание, какая-то острая мука совести, которой я совсем не понимал.

В. — Соединились ли вы с вашими соучастниками, которые были казнены в одно время с вами?

От. — Да, к нашему горю! Мы видимся, и это составляет для нас лишнее мучение, мы постоянно упрекаем друг друга за это преступление.

В. — Встречаете ли вы также ваших жертв?

От. — Я их вижу... они счастливы... их взгляды преследуют меня... они как бы проникают в глубину моего существа... напрасно я хочу бежать от них.

В. — Что же вы испытываете при виде их?

От. — Стыд и раскаяние. Я ненавижу их; *ведь я своими собственными руками способствовал их возвышению.*

В. — А что же они чувствуют при виде вас?

От. — Жалость.

В. — Питают ли они к вам ненависть или желание мести?

От. — Нет; они хотели бы, чтобы я принял на себя искупление; *но вы не можете себе представить, какое ужасное мучение быть всем обязанным тому, кого ненавидишь.*

В. — Сожалеете ли вы о земной жизни?

От. — Я сожалею только о своих преступлениях. Если бы я мог вернуться назад, то устоял бы и не совершил ничего подобного.

В. — Склонность ко злу была ли вашим врожденным качеством или вы были увлечены средою, в которой вращались?

От. — Склонность к преступлениям была в моей натуре; я был низшим Духом, но хотел быстро возвыситься и взял на себя больше, чем мог исполнить, выше своих скромных сил, и вот пал жертвою искушения.

В. — Если бы ваше воспитание было лучше, и вы бы получили хорошие правила в юности, могли бы вы устоять и отказаться от преступной жизни?

От. — Да, но я сам выбрал положение, в котором родился.

В. — Могли ли бы вы сделаться добродетельным человеком?

От. — Я человек слабый, не способный ни к добру, ни ко злу; я мог бы исправить свои дурные наклонности во время моего земного существования, но возвыситься настолько, чтобы делать добро, я бы не мог.

В. — Верили ли вы в Бога при жизни?

От. — Нет.

В. — Но говорят, что перед смертью вы в этом раскаялись?

От. — Я поверил только в Бога-мстителя и боялся Его.

В. — А теперь искренно ли ваше раскаяние?

От. — Да, я вижу, что я сделал.

В. — Что же вы теперь думаете о Боге?

От. — Я Его чувствую, но не понимаю.

В. — Находите ли вы ваше осуждение на земле справедливым?

От. — Да.

В. — Надеетесь ли вы получить прощение ваших грехов?

От. — Не знаю.

В. — Как надеетесь вы их искупить?

От. — Новыми испытаниями, но мне кажется, что между ними и мною целая вечность.

В. — Где вы теперь находитесь?

От. — Я весь нахожусь в своих страданиях.

В. — Мы вас спрашиваем, в каком месте вы теперь?

От. — Около медиума.

В. — Если вы здесь, и мы могли бы видеть вас, в каком виде вы появились бы нам?

От. — Под видом моей телесной оболочки, с головой, отделенной от туловища.

В. — Можете ли вы явиться нам?

От. — Нет, оставьте меня.

В. — Не желаете ли вы нам сказать, как вы скрылись из тюрьмы в Мондидье?

От. — Не знаю, мои страдания так велики, что я помню только о своем преступлении... Оставьте меня!

В. — Можем ли мы принести вам какое-нибудь облегчение?

От. — Пожелайте, чтобы скорее началось искупление.

БЕНУА

(Бордо, март 1862 г.)

Этот Дух проявился медиуму произвольно, под именем Бенуа, и сказал, что он умер в 1704 г. и испытывает ужасные страдания.

В. — Кем вы были при жизни?

От. — Монахом без веры.

В. — Отсутствие веры — единственный ваш грех?

От. — Его достаточно, чтобы повлечь за собою остальные.

В. — Можете ли вы сообщить нам некоторые подробности вашей жизни? Искренность ваших признаний будет вам поставлена в заслугу.

От. — Я был ленив и не имел средств к жизни; принял монашество не по призванию, а по расчету. Но способности у меня были, и я выдвинулся; сделавшись влиятельным, я злоупотреблял властью; будучи порочным, я вовлекал в распутство тех, кого должен был спасать; к тому же я жестоко преследовал тех, кто порицал мои поступки, и благодаря мне монастырские тюрьмы были переполнены. Многих я мучил голодом, и крики их смолкали перед насиллием. С тех пор я искупаю, страдаю и выношу все мучения ада; а жертвы мои раздувают огонь, который жжет меня. Неумолимое сладострастие и голод преследуют меня; жажда

жжет мои воспаленные губы, не позволяя ни одной капле воды освежить их; все силы природы соединяются против меня. Молитесь за меня.

В. — Помогут ли вам молитвы, которые читают за усопших?

От. — Вы думаете, что они чего-нибудь стоят? Они имеют такое же значение, как те, которые я притворно произносил. Я не исполнял своей обязанности и не получаю за нее вознаграждения.

В. — Неужели вы никогда не раскаивались?

От. — Давно, да и то уже после мучений. Как я оставался глух к крикам моих невинных жертв, так и Господь глух к моим. Это справедливо!

В. — Вы признаете справедливость Господа; доверьтесь Его благодати и призывайте Его на помощь.

От. — Демоны вопиют громче меня; мой голос замирает в моем горле; они заливают мне рот кипящей смолой. Я это делал, великий... (Дух не может написать слова «*Боже*»).

В. — Неужели вы еще недостаточно отделились от земных мыслей, чтобы понять, что страдания ваши чисто нравственного свойства?

От. — Я их терплю, я их чувствую, я вижу своих палачей; они все знакомы мне, все имеют имя, которое звучит в моем мозгу.

В. — Что могло довести вас до всех этих преступлений?

От. — Пороки, которыми я был преисполнен, и грубость животных страстей.

В. — Просили ли вы когда-нибудь добрых Духов, чтобы они помогли вам выйти из этого ужасного положения?

От. — Я вижу только демонов ада.

В. — Боялись ли вы их при жизни?

От. — Нет, нисколько; моей верой было небытие, моим культом — удовольствия во что бы то ни стало. Исчадия ада, они меня не покинули, я посвятил им свою жизнь, и они не покинут меня никогда.

В. — Не видите ли вы предела вашим страданиям?

От. — Бесконечность не имеет предела.

В. — Бог бесконечен в Своем милосердии, все может иметь конец, когда Он этого захочет.

От. — О, если бы Он мог захотеть!

В. — Зачем вы пришли к нам?

От. — Я не знаю, как это случилось, но я хотел поговорить так же, как хочу кричать, чтобы облегчить себя.

В. — Не мешают ли вам ваши демоны писать?

От. — Нет, но они предо мною, они слушают меня, вот почему я не хотел бы кончать.

В. — Вы в первый раз пишете так?

От. — Да.

В. — Знаете ли вы, что Духи могут приближаться к людям?

От. — Нет.

В. — Как же вы могли это понять?

От. — Я не знаю.

В. — Что вы чувствовали, подходя ко мне?

От. — Какое-то онемение моего ужаса.

В. — Как вы заметили, что пришли сюда?

От. — Так, как пробуждаются.

В. — Каким образом вы вступили с нами в сношения?

От. — Я не знаю; разве ты этого не почувствовал?

В. — Не обо мне речь, а о вас. Постарайтесь понять, что вы делаете, пока я пишу.

От. — Ты моя мысль, вот и все.

В. — Следовательно, вы не имели желания заставить меня писать?

От. — Нет, пишу я, а ты думаешь через меня.

В. — Постарайтесь понять: добрые Духи, которые окружают вас, помогут вам.

От. — Нет, ангелы не приходят в ад. Разве ты не один около меня?

В. — Поглядите вокруг вас.

От. — Я чувствую, что мне помогают думать о тебе..

твоя рука послушна мне... я тебя не трогаю... и я все-таки держу тебя... я не понимаю.

В. — Просите помощи ваших покровителей, мы будем молиться вместе.

От. — Ты покидаешь меня? Останься со мною, они опять хотят завладеть мною. Прошу тебя, останься, останься!

В. — Я не могу больше оставаться; приходите каждый день, мы будем молиться вместе, и добрые Духи помогут вам.

От. — Да, я хотел бы получить помилование. Но помолитесь за меня, сам я не могу.

Дух—покровитель медиума: «Будь терпелив и мужествен, дитя мое; ему будет дано, что ты просишь, но искупление еще далеко от окончания. Ужасы, которые он совершил, бесчисленны; и тем тяжелее ложатся на его совесть, что он имел образование, ум и развитие, а это — свет руководящий. Он совершил преступление сознательно, оттого и страдания его так ужасны. Но с помощью молитвы они будут переноситься легче; он увидит в будущем возможность окончить свое испытание, и надежда его поддержит. Бог видит его на пути к исправлению и раскаянию и посылает ему милость в возможности сообщиться, чтобы он был ободрен и поддержан. Думай о нем почаще; мы его поручаем тебе, чтобы ты мог укрепить его в добрых намерениях и поддержать его своими советами. К раскаянию присоединится в нем желание исправления; тогда он сам будет просить нового существования на земле, чтобы стараться делать добро вместо зла, которое он творил раньше. Когда Господь, видя его твердость, останется им доволен, Он покажет ему Божественное сияние, которое поведет его по пути к спасению; Он примет его в лоно Свое, как блудного сына. Имей же доверие, мы поможем тебе исполнить твою трудную задачу».

Шолен.

Мы поместили этого Духа между преступниками, хотя он и не был осужден судом человеческим. Преступление состоит в злодеянии, а не в возмездии, налагаемом людьми. Точно так же и со следующим.

ДУХ ИЗ КАСТЕЛЬ-НОДАРИ

В маленьком домике около Кастель-Нодари происходили какие-то странные стуки и необыкновенные явления, заставлявшие предполагать, что дом этот посещается каким-либо злым Духом. В 1848 г. прибегли к заклинанию, но безуспешно. Домовладелец г-н Д. захотел поселиться в своем доме, но через несколько лет скоропостижно скончался.

После него поселился там его сын; но, взойдя раз в одну из комнат, получил сильный удар по щеке, данный как будто чьей-то рукой, а так как он был совершенно один, то не мог сомневаться в том, что тут было что-то таинственное. Тогда он решил уехать из дома окончательно. Среди жителей этой местности держался упорный слух, что в этом доме было когда-то совершено страшное преступление.

Дух, давший пощечину, был вызван в Парижском Обществе в 1859 г.; проявление его сопровождалось очень бурными явлениями, и все принятые меры, чтобы его успокоить, были тщетны. Спрошенный по этому поводу св. Людовик отвечал следующее: «Это Дух самого низшего разряда, настоящее чудовище; мы его позвали, но не могли заставить писать, несмотря на все, что ему было говорено. Несчастный имеет свободную волю и злоупотребляет ею!»

Вопрос: «Способен ли он улучшиться?»

Ответ: «Отчего же нет? они все могут улучшаться; нужно только быть готовым к разного рода затруднениям; как бы порочен он ни был, но, видя добро, которым ему платят за зло, он непременно будет тронут им. Помолитесь за него сначала, а потом, через месяц, вызо-

вите его; тогда вы будете в состоянии судить о перемене, какая в нем произойдет».

Дух, вызванный позднее, оказался более обходительным, а потом, постепенно, и более сговорчивым, и даже раскаявшимся. Из данных им и другими Духами объяснений видно, что он жил в этом доме в 1608 г.; тут он убил своего брата из ревности, зарезав его ночью во время сна, а через несколько лет — и жену свою, на которой женился после смерти своего брата. Он умер в 1659 г. восьмидесяти лет от роду и не был преследуем за убийство, так как в те смутные времена мало обращали внимания на такие вещи. Со времени своей смерти он не переставал делать зло и способствовал многим несчастиям, произошедшим в этом доме. Ясновидящий медиум, присутствовавший на первом сеансе, видел его в ту минуту, когда хотели заставить его писать; он сильно тряс руку медиума, вид его был ужасен, он был одет в рубашку, покрытую кровью, а в руке держал кинжал.

1. *Вопрос Св. Людовику:* «Не можете ли вы нам описать род наказания этого Духа?»

Ответ: «Страдания его ужасны; он осужден на постоянное пребывание в том доме, где он совершил преступления, ни о чем другом он не может думать, как только о своем преступлении, и всегда имеет перед глазами свои жертвы; он думает, что наказание это для него будет вечно. Он постоянно видит одно и то же, т. е. момент совершения своего преступления и ничего более; никакого другого воспоминания ему не остается; всякое сообщение с другими Духами ему запрещено; на земле он может находиться только в этом доме, а если он находится в пространстве, то он в одиночестве и окутан густым мраком.

2. *В.* — Нет ли возможности выселить его из этого дома?

От. — Если вы желаете избавиться от порабощения подобными Духами, это нетрудно, если молиться за них, но этого обыкновенно не делают. Предпочитают

пугать их разными заклинаниями, а это их только забавляет.

3. В. — Если мы посоветуем заинтересованным лицам молиться, а также и сами будем молиться за него, сможем ли мы заставить его уйти из этого дома?

От. — Да, но заметьте, что я сказал — молиться самим, а не заказывать молитвы за деньги.

4. В. — Вот уже 200 лет, как он находится в таком положении; оценивает ли он время так, как при жизни, т. е. кажется ли ему время столь же или менее долгим, чем при жизни?

От. — Для него время тянется гораздо медленнее, чем при жизни; сон для него не существует.

5. В. — Мы слышали, что для Духов не существует времени и что столетие для них все равно, что минута в вечности; значит, это не для всех одинаково?

От. — Нет, конечно, так бывает только для Духов очень возвышенных, а для низших время тянется иногда медленно; в особенности — когда они страдают.

6. В. — Где был этот Дух до своего последнего воплощения?

От. — Он жил среди племен, совершенно диких и жестоких, а ранее был на планете более низкой, чем Земля.

7. В. — Дух этот наказан очень строго за преступление, которое совершил; если он ранее жил между дикими племенами, то, вероятно, и там совершал не менее ужасные преступления; был ли он из-за них так же наказан?

От. — Он бывал наказан, но не так строго, потому, что мало знал и не понимал, что делал.

8. В. — Дух этот по своему положению, может быть, принадлежит к так называемым проклятым?

От. — Несомненно; но есть положения еще более ужасные; страдания не для всех одинаковы, даже за однородные преступления, т. е. они изменяются, смотря по тому, насколько виновный доступен раскаянию. Для

того, о котором идет речь, дом, в котором он совершил преступление, — его ад; другие же носят его в себе самом, в тех страстях, которые их мучают и которых они не могут удовлетворить.

9. В. — Несмотря на свою низменность, Дух этот чувствует молитвы; то же самое мы видели и у других, подобных ему развращенных и грубых Духов. Как же объяснить, что Духи просвещенные, с развитыми способностями, выказывают полное отсутствие добрых чувств и смеются над всем священным; их ничто не трогает и нет предела их цинизму.

От. — Молитва действует только на тех, кто раскаивается. А кто, подстрекаемый гордостью, восстает против Бога и упорствует в своих заблуждениях, на тех молитва не действует и не будет действовать до тех пор, пока луч раскаяния не осветит их совести. Недейственность молитвы служит также наказанием для них; молитва облегчает участь только тех, кто не совсем еще огрубел.

10. В. — Если встретишь Духа, недоступного влиянию молитвы, может ли это служить причиной не молиться за него?

От. — Конечно, нет; так как рано или поздно молитва может победить его ожесточение и зародить в нем добрые мысли.

Нечто подобное происходит с некоторыми больными, на которых лекарства действуют только после долгого употребления, тогда как другим помогают быстро. Если проникнуться мыслью, что все Духи могут совершенствоваться и что никто не может быть осужден на вечное мучение, то будет понятно, что молитва рано или поздно будет иметь свое действие. Если с первого раза и не видишь хороших результатов, то все-таки можно ожидать впоследствии хорошего влияния, которое подвинет Духа к раскаянию. Было бы неразумно отчаиваться только потому, что не удается достичь цели с первого раза.

11. В. — Если этот Дух перевоплотился, то в какую он может попасть категорию земных существ?

От. — Это будет зависеть от него и от того раскаяния, которое он проявит.

Несколько бесед с этим Духом произвели заметную перемену в его моральном настроении. Вот несколько его последующих ответов:

12. В. (к Духу) — Отчего вы не могли писать первый раз, как вас позвали?

От. — Я не хотел.

13. В. — Почему же вы не хотели?

От. — От невежества и скотского упорства.

14. В. — Можете ли вы теперь покидать дом в Кастель-Нодаре, когда захотите?

От. — Мне это позволяют, потому что я следую вашим добрым советам.

15. В. — И это дает вам некоторое облегчение?

От. — Я начинаю надеяться.

16. В. — Если бы мы могли вас видеть, то в каком виде вы показались бы нам?

От. — В рубашке, но без кинжала.

17. В. — Отчего же вы оставили ваш кинжал?

От. — Я проклинаяю его; *Бог избавил меня от него.*

18. В. — Если г-н Д.-сын (тот, который получил удар по щеке) возвратился бы в дом, сделали бы вы ему какое-нибудь зло?

От. — Я начинаю раскаиваться.

19. В. — А если бы он опять оказал вам сопротивление?

От. — О, не спрашивайте этого, я бы, пожалуй, не совладал с собою; это было бы выше моих сил... ведь я негодай!

20. В. — Предвидите ли вы конец ваших страданий?

От. — О, нет; еще и то уже слишком много для меня, что я, благодаря вашему вмешательству, чувствую, что мои мучения продлятся не вечно.

21. В. — Опишите нам, пожалуйста, ваше состояние до первого появления к нам. Вы понимаете, что мы спрашиваем это с единственной целью быть вам полезными, а не из пустого любопытства.

От. — Я уже говорил вам, что я ни о чем не имел понятия, кроме своего преступления, и не мог покинуть дома, в котором совершил его; если я поднимался в пространство, кругом меня все было черно и пусто; я не понимаю что это было такое. Теперь я чувствую большие угрызения совести и не должен более оставаться в этом роковом доме; мне дозволено скитаться по земле и стараться просветиться разными наблюдениями; но зато я все более и более понимаю весь ужас моих преступлений; если я, с одной стороны, страдаю меньше, то с другой — мои мучения увеличиваются угрызениями совести; но, по крайней мере, я имею надежду.

22. В. — Если бы вы должны были выбрать новое воплощение, какое бы вы выбрали?

От. — Я еще недостаточно думал об этом.

23. В. — Во время вашего долгого уединения, или, так сказать, заключения, вы чувствовали угрызения совести или раскаяние?

От. — Нет, ни малейшего. Вот почему я так долго мучился; и только когда начала пробуждаться моя совесть, произошли события, повлекшие за собою без моего ведома мое вызывание, и ему я обязан началом моего освобождения. Спасибо же вам, пожалевшим меня и просветившим меня!

Мы видели скупцов, мучившихся при виде золота; гордецов, мучимых завистью к почестям, воздаваемым другим; людей, повелевавших на земле и униженных невидимым повелителем, заставляющим их повиноваться, и видом тех, кто при жизни был в их полной власти, а теперь не преклоняется перед ними; атеистов, переносивших страдания неизвестности и сомнения и находящихся в абсолютном одиночестве, среди бесконечного пространства, не встречая ни единого существа, могу-

шего их просветить. Если в мире Духов есть радости для всех добродетелей, то есть и наказания для всех пороков. Те, которые не подвергаются каре человеческих законов, непременно подпадают под Божию.

Еще нужно заметить, что прегрешения, совершенные при одинаковых условиях, бывают иногда наказуемы весьма различными возмездиями, смотря по умственному развитию Духа. Духам с животной натурой, наиболее отставшим, и наказания бывают более материальные, чем моральные; а с теми, чей разум и чувствительность более развиты, бывает обратное. Первым нужно возмездие, подходящее к их грубой оболочке, чтобы дать чувствительнее понять неприятность их положения и чтобы у них явилось желание избавиться от него; вот почему стыд, который для одних мучителен, для других не имел бы никакого значения.

В этих Божественных законах мудрость, благость и предусмотрительность Божия выражаются в мельчайших подробностях; все соразмерно, все устроено с удивительной заботливостью, чтобы облегчить виновным средства восстановления; принимаются во внимание мельчайшие добрые движения души. Тогда как по законам вечного возмездия—в аду перемешаны все, и великие, и малые грешники, упорные рецидивисты, ожесточенные и кающиеся; все устроено так, чтобы не выпускать их из глубины пропасти. Им не дано никакой возможности спастись; один грех ввергает их туда уже навеки, причем не принимается во внимание то добро, которое они могли совершить. Спрашивается, где же настоящая справедливость и истинная благость?

Вызывание это произошло не случайно, так как оно должно было принести пользу несчастному. Духи, которые наблюдали за ним, увидев, что он начал понимать ужас своих преступлений, решили, что пришло время подать ему действительную помощь, и тогда они воспользовались подходящими обстоятельствами. Мы часто наблюдали подобные явления.

По этому поводу многие спрашивали, что было бы с ними, если бы они не были наказаны, также и с другими несчастными Духами, которых не вызывают и о которых никто не думает? На это было сообщено, что пути Господни для спасения Его созданий неисповедимы; вызывание есть одно из средств помощи Духам, но, конечно, не единственное; Бог не забывает никого. К тому же, общие молитвы должны оказывать на Духов, расположенных к раскаянию, свою долю влияния.

Бог не мог поставить участь страдающих Духов в зависимость от познаний и доброй воли людей. Как только явилась возможность установить правильное общение с невидимым миром, то первым делом спиритизма было указать людям, какую пользу они могут принести своим бесплотным братьям. Этим способом Бог указал связь, существующую между всеми созданиями мира, и дал принципу братства основание в законе природы. Открывая этот новый путь к проявлению милосердия, Он в то же время указал на полезную сторону вызываний, до того времени превратно понимаемых и извращенных суеверием. Итак, страдающие Духи во все времена находили помощь и поддержку и если вызывания открывают им новый путь к спасению, то воплощенные, может быть, еще больше выигрывают от этого, так как получают новый способ делать добро, и в то же время возможность ближе ознакомиться с настоящим положением будущей духовной жизни.

ЯКОВ ЛАТУР

Убийца, осужденный судом присяжных и казненный в сентябре 1864 года.

На одном из собраний спиритов, в присутствии семи или восьми человек, в Брюсселе 13 сентября 1864 года одна дама, медиум, стала писать; специального вызова сделано не было, но она начала писать быстро, сильно волнуясь, очень крупными буквами и сильно перечеркивая, следующее:

«Я раскаиваюсь, я раскаиваюсь! Латур».

Удивленные этим неожиданным сообщением, так как никто не думал об этом несчастном, о котором никто из присутствующих ничего и не знал, ему, после нескольких слов поощрения, задали вопрос: «Что побудило вас придти к нам без зова?»

Медиум, так как он был и говорящий медиум, ответил на словах: «Я видел в вас людей сострадательных и знал, что вы пожалеете меня; тогда как другие вызывают меня больше из любопытства, чем из милосердия, или с ужасом удаляются от меня».

Тогда началась невероятная сцена, продлившаяся почти полчаса. Медиум присоединял к словам жесты и соответствующие выражения лица, и было очевидно, что Дух совершенно овладел им. Его раздирающие возгласы были так отчаянны, описание его страданий произносилось с такой грустью, мольбы его были так страстны, что все присутствующие были глубоко потрясены.

Некоторые были даже испуганы таким возбуждением медиума; но мы предполагали, что сообщение Духа, который так раскаивается и так молит о сострадании, не может представить никакой опасности. Если он заимствовал органы медиума, то сделал это, чтобы лучше выразить и объяснить свое положение и заинтересовать им присутствующих, а не с целью завладеть медиумом, подчинить его себе, как это делают некоторые злые Духи. Вероятно, это ему было позволено в его интересах и также, может быть, для наставления присутствующих лиц. Он воскликнул: «О, да, сострадание! оно мне необходимо! вы знаете, как я страдаю, вы не можете этого понять — это ужасно! Гильотина... что это в сравнении с тем, что я теперь испытываю? Это ничто, это мгновение! Но огонь, пожирающий меня, хуже... это непрерывная смерть... это страдание, которое не дает ни минуты покоя... ему нет конца!

А мои жертвы все тут, вокруг меня... показывают мне свои раны, преследуют меня своими взглядами! Они все

тут, передо мной, я их вижу всех, да, всех... я не могу от них убежать! А эта лужа крови!.. это золото, кровавое... все тут, всегда передо мною! Кровь... кровь везде! Вот они, эти бедные жертвы, они умоляют... а я безжалостно убиваю, убиваю... все убиваю. Кровь опьяняет меня!

Я думал, что после моей смерти все кончится; вот почему я не боялся казни, я не боялся Бога, я Его отвергал... И вот, когда я думал, что погружаюсь в вечное ничто,, я вдруг испытываю ужасное пробуждение... о, да, ужасное! я окружен трупами, угрожающими лицами... я наступаю на кровь... я думал, что умер, а я жив! Это ужасно, да, это ужасно.. это хуже всех пыток в мире. О! если бы люди знали, что делается за пределами жизни! они бы поняли, чего стоит делать зло!.. не было бы больше ни убийц, ни преступников, ни злодеев! Я бы желал, чтобы все убийцы могли видеть, что я вижу и что испытываю... О, нет, их никогда бы больше не было; слишком это ужасно: страдать так, как я страдаю!

Я знаю, что я это заслужил; о Боже мой! я не имел жалости к своим жертвам, я отталкивал их дрожащие руки, когда они протягивали их ко мне и молили о пощаде. Да, я сам был жесток; я их убил, подло, чтобы завладеть их золотом. Я был нечестивцем, я отвергал Тебя, я богохульствовал! *Я хотел забыться и потому уверял себя, что Бога не существует.* О, Боже, я большой преступник! Теперь я это понимаю. Но, сжался надо мною! Ты Бог, т. е. доброта и милосердие! Ты всемогущ!

Сжался, Господи, сжался! Молю Тебя, внемли мольбам моим, избавь меня от этого страшного зрелища... от этой крови, от моих жертв... *их взоры пронзают меня до глубины сердца, как острые ножи.*

Вы, которые слушаете меня, вы добрые души, души милосердные; да, я вижу, вы сжалитесь надо мною, не правда ли?

Вы помолитесь за меня; умоляю вас, не отталкивайте меня. Молите Господа удалить с глаз моих это ужасное зрелище; Он услышит вас; вы добрые... Не отталкивайте же меня, как я отталкивал других. Молитесь за меня!»

Присутствующие, тронутые его мольбою, обратились к нему со словами ободрения и утешения. Бог, сказали ему, милосерден. Он требует от виновных чистосердечного раскаяния и желания исправить сделанное зло. Вы, конечно, не можете возратить вашим жертвам жизнь, которой вы их лишили; но, если вы будете горячо молить Бога, то Он дозволит вам встретить их в новом существовании, где вы можете быть настолько добры к ним, насколько прежде были жестоки; и когда Бог найдет искупление ваше достаточным, Он возвратит вам свою милость. Итак, продолжительность вашего наказания — в ваших руках; от вас будет зависеть его сократить, а мы вам обещаем помогать нашими молитвами и призывом добрых Духов на помощь вам. Мы прочитаем для вас молитву, которая помещена в *«Евангелии и в объяснении Спиритизма»*, за страждущих Духов. Это не та, в которой мы молимся за злых Духов, так как, раз вы раскаиваетесь и просите помощи Божией, то вы уже не злой Дух, а только страждущий и несчастный.

После этой молитвы и нескольких минут молчания, Дух сказал: «Благодарю Бога, благодарю, Он смилился надо мною; эти ужасные тени удаляются... Не покидайте меня, пошлите мне ваших добрых Духов, чтобы поддержать меня. Благодарю».

После этой сцены, медиум находился в состоянии страшной разбитости и усталости; он во всех членах чувствовал боль и утомление. Он сначала смутно понимал, что происходило, но затем мало-помалу припомнил некоторые слова, которые он произносил помимо своей воли, чувствуя, что говорит не он.

На другой день в другом собрании Дух этот про-

явился снова, но только на несколько минут, начал вчерашнюю сцену с теми же выразительными жестами, но менее порывистыми, потом он через того же медиума с лихорадочным оживлением написал следующие слова:

«Благодарю за ваши молитвы; уже происходит во мне видимое улучшение. Я так усердно молился Богу, что Он на время уменьшил мои страдания; но я их опять увижу, моих жертв... Вот они... вот они! Видите ли вы эту кровь?..»

Присутствующие повторяют вчерашнюю молитву, после чего Дух продолжает, обращаясь к медиуму: «Простите, что я пользуюсь вами. Благодарю за облегчение моих страданий, которым я обязан вам. Простите за все неприятное, что я вам причинил; мне необходимо проявиться, а вы одни можете помочь мне в этом... Благодарю, я получил некоторое облегчение, но я еще далек от конца моих испытаний. Скоро опять придут мои жертвы. Это и есть наказание, заслуженное мною; но, о Боже мой, будь милосерден! Помолитесь за меня вы все, сжальтесь надо мною».

Латур.

Один член Парижского Спиритического Общества, молившийся за этого несчастного Духа и потом вызывавший его, получил следующие сообщения с несколькими перерывами:

I

«Я был вызван почти тотчас после смерти, но не мог сообщить так скоро. Многие легкомысленные Духи назвались моим именем и явились вместо меня. Воспользовавшись присутствием в Брюсселе президента Парижского Общества и с позволения высшего Духа, я явился сообщить».

Я приду в Общество и сделаю сообщения, которые

будут началом искупления моих грехов и в то же время могут послужить наставлением преступникам, которые прочтут их и подумают о моих страданиях.

Проповеди об адских наказаниях производят мало впечатления на преступников: они не верят этим рассказам, пугающим только маленьких детей и слабых людей. Настоящий же злодей не бывает малодушен и боится жандармов больше, чем адских мучений. Вот почему все те, кто прочтет эти строки, будут поражены моими словами и моими страданиями, которые, конечно, уже не предположения. Не существует священника, который мог бы сказать: «Я видел то, что говорю вам, я присутствовал при мучениях отверженных». Когда же я скажу: «Вот что произошло после смерти моего тела; вот каково было мое разочарование, когда я увидел, что я не умер, как надеялся, и убедился, что то, что я считал окончанием моих страданий, было только началом мучений, описать которые нет возможности!» О, я уверен, что многие останутся на краю пропасти, в которую готовы были пасть. И каждый несчастный, которого я оставляю на пути преступлений, послужит выкупом хотя одного из моих прегрешений. Таким образом, добро исходит из зла, и благость Господня проявляется повсюду, как на земле, так и в пространстве.

Мне было дозволено избавиться от лицемерия моих жертв, которые стали моими палачами, на время появления моего у вас; но как только я уйду, я опять увижу их, и одна эта мысль заставляет меня страдать более, чем я могу выразить. Я счастлив, когда меня вызывают; тогда я покидаю свой ад хотя бы на несколько минут. Молитесь же за меня, просите Господа, чтобы Он избавил меня от вида моих жертв.

Да, помолимся вместе, молитва так благотворна!.. Я чувствую большое облегчение; тяжесть моего греха меньше давит меня. Я вижу проблеск надежды и с раскаянием восклицаю: «Да будет благословенна рука Божия; да исполнится воля Его!»

II

Медиум: «Вместо того, чтобы просить Бога избавить вас от лицемерия убитых вами, будем лучше молиться вместе, чтобы Он даровал вам силы вынести эту искупительную муку».

Латур: «Я бы предпочел быть избавленным от вида убитых мною; если бы вы знали, как я мучаюсь! Самый черствый человек был бы тронут при виде следов мучений моей души, будто огнем выжженных на моем лице. Я исполню, что вы мне советуете. Я понимаю, что это лучшее средство для скорейшего искупления моих грехов; это вроде болезненной операции, которая должна вернуть здоровье моему больному телу. О, если бы виновные на земле могли меня видеть; как бы они были испуганы последствиями своих преступлений, скрытых от глаз людей, но видимых Духами! Как пагубно незнание для стольких бедных людей! Какую ответственность берут на себя те, кто отказывает в образовании бедному классу людей! Они думают, что жандармы и полиция могут предупредить преступления. Как сильно они заблуждаются!»

III

«Страдания мои ужасны; но после ваших молитв я чувствую около себя добрых Духов, которые советуют мне надеяться. Я понимаю пользу героического средства, предложенного вами, и молю Господа дать мне силу вынести это тяжкое испытание. Оно равняется, могу сказать, злу, которое я сделал. Я не желаю умалять мои злодеяния; но для моих жертв, за исключением нескольких мгновений ужаса, предшествовавшего смерти, прекратилось всякое страдание, как только преступление было совершено; а те из них, кто окончил свои земные испытания, нашли уже и награду, которая их ожидала. Я же с момента возвращения моего в мир

Духов не переставал испытывать все мучения ада.

Священники, несмотря на страшные описания мучений, которым подвергаются грешники, имеют весьма слабое понятие о настоящих муках, которые правосудием Божиим назначаются тем, кто нарушил закон любви и милосердия. Как заставить людей рассудительных поверить, что душа, т. е. нечто нематериальное, может страдать от прикосновения материального огня. Это бессмысленно, и вот почему преступники так часто смеются над этими фантастическими картинами ада. Но не так бывает со страданиями моральными, которыми мучается осужденный после физической смерти. Молитесь за меня, чтобы отчаяние не овладело мною».

IV

«Благодарю вас за указание мне цели, славной и почетной цели, которой, я знаю, достигну, когда очищусь от моих грехов. Я очень страдаю, но мне кажется, что страдания мои становятся меньше. Трудно себе представить, чтобы в мире Духов боли могли уменьшаться потому, что к ним привыкаешь. Нет. Я понимаю, что ваши добрые молитвы увеличили мои силы, *и если страдания те же, то силы мои больше, и я легче переношу эти страдания.*

Мысль моя переносится к моему последнему существованию, к тем ошибкам, которых я мог бы избежать, если бы умел молиться. Теперь я понимаю всю силу молитвы; я понимаю силу набожных женщин, слабых телом, но крепких верою, я понимаю теперь эту тайну, сокрытую от книжников и лжеученых на земле. Молитва! Одно это слово вызывает улыбку атеиста. Но я ожидаю его в мире Духов, когда завеса спадет с его глаз, и он, в свою очередь, преклонится перед Предвечным, Которого отвергал. Тогда он будет счастлив в покорности и унижении молить об избавлении и освобождении от всех своих злодеяний. Тогда только он поймет всю силу

молитвы. Молитва — это любовь; а любовь — молитва! Тогда он будет любить Бога и обратится к Нему с молитвою любви и благодарности; и возрожденный страданиями — а страдать он будет — будет молиться, как я, чтобы получить силу для искупления и страдания; а когда перестанет страдать, он будет молиться, чтобы благодарить Создателя за прощение, полученное им за его покорность... Помолитесь же, братья, дабы Господь подкрепил меня.

О, благодарю тебя, брат, за твое милосердие — я прощен. Бог избавляет меня от присутствия моих жертв. О, Боже, будь благословен во веки веков за милость Твою ко мне! О, Боже мой! Я чувствую всю мерзость моих преступлений и падаю ниц перед Твоим Всемогуществом... Господь, любовь моя! от всего сердца молю Тебя, когда настанет мое время вновь идти на землю, дозвожь мне явиться туда проповедником Твоего святого имени. Дозвожь мне поучать детей произносить его с благоговением! Да познают Тебя, Отца всех творений! Благодарю Тебя, Бог мой! Я раскаиваюсь, и раскаяние мое искренно; я люблю Тебя так, как только нечистое сердце мое может понять это высокое чувство, это чистое проявление Твоей Божественности. Братья, будем молиться — сердце мое переполнено благодарностью. Я свободен, я разорвал свои тяжелые оковы, я уже не отверженный, а только страждущий и раскаивающийся Дух, и я желал бы, чтобы пример мой мог остановить на пороге преступления все те преступные руки, которые я вижу уже готовыми к злодеяниям. Остановитесь, братья, остановитесь, ибо муки, которые вы себе готовите — жестоки. Не думайте, чтобы Господь всегда так легко уступал молитвам Своих детей, целые века страданий ждут вас!»

Дух—покровитель медиума: «Ты говоришь, что не понимаешь слов этого Духа. Но представь себе его волнение и благодарность к Господу; он думает, что лучше

всего может выразить свою признательность, стараясь остановить тех, кто собирается совершить преступление; он видит их, а ты их не можешь видеть. Он хотел бы, чтобы его слова достигли их ушей; он не сказал тебе это потому, что сам еще не знает, но ему будет дозволено начать искупительную миссию. Он пойдет к своим соумышленникам по преступлению и постарается заронить в их сердца семена раскаяния. На земле случается иногда видеть людей, которых все считали честными, а они идут к священнику и каются в совершенном преступлении. До этого признания доводят их угрызения их совести. И если бы завеса, которая отделяет тебя от мира невидимых, поднялась, ты бы мог видеть Духа, бывшего соучастника или подстрекателя преступления, старающимся исправить свой грех, как сделал это Яков Латур, и внушить воплощенному Духу чувство раскаяния».

Твой покровитель.

Брюссельский медиум, который получил первое сообщение Латура, впоследствии получил еще одно:

«Не бойтесь меня больше, я теперь гораздо спокойнее, но я очень мучаюсь. Бог сжалился надо мною, видя мое раскаяние, но я *все еще страдаю от сознания всего ужаса моих преступлений.*

Если бы я имел хорошее руководство в жизни, я бы не сделал столько зла, но дурные инстинкты мои не сдерживались, и я предавался им, не зная узды. Если бы все люди больше думали о Боге или хотя бы верили в Него, таких злодеяний не совершалось бы.

Но правосудие людское плохо поставлено; иногда за прегрешение весьма небольшое человек попадает в тюрьму, где неизбежно гибнет и развращается. Там он видит дурные примеры, слышит злые речи и погибает окончательно. Если же его характер достаточно тверд, чтобы устоять против зла, то по выходе из тюрьмы все двери для него закрыты, все от него отворачиваются и

отталкивают его от себя. Что же ему остается? Презрение, нищета; он покинут всеми и доведен до отчаяния. Если же он имеет достаточно силы воли, чтобы вернуться к добру, то нищета препятствует этому и еще сильнее толкает его на все дурное. Тогда и он начинает презирать и ненавидеть себе подобных и теряет всякое сознание добра и зла. Он отвергнут обществом, несмотря на свое решение быть честным. И тогда, чтобы добыть необходимое, он крадет, даже убивает; а далее ему предстоит — гильотина.

Бог мой, в ту минуту, когда галлюцинации вновь овладевают мною, я чувствую Твою благодетельную руку, простирающуюся надо мною; я чувствую Твою благость, которая обнимает и охраняет меня. Благодарю Тебя, Боже мой! В будущем моем воплощении я употреблю все способности и все достояние, чтобы помогать несчастным, поддавшимся искушению, и охранять их от нового падения.

Спасибо и вам, что не брезгуете говорить со мною; будьте спокойны; вы видите, что я не зол. Когда вы будете думать обо мне, не представляйте себе меня в том виде, в котором я показался вам в первый раз; но как бедную скорбящую душу, которая благодарит вас за снисхождение к ней. Прощайте, вызывайте меня еще и молитесь за меня».

Латур.

Разбор сообщения Якова Латура

Нельзя отвергнуть глубину и высокое значение некоторых выражений этого сообщения: оно представляет нам мир наказуемых Духов и над ними — как бы витающее милосердие Господне.

Мифологическая аллегория Евменид не так нелепа, как кажется, и демоны, эти официальные палачи невидимого мира, с их рогами и вилами, заменившие фурий

в современных верованиях, гораздо менее рациональны, чем эти жертвы, которые служат сами себе орудием наказания. Признавая тождество личности этого Духа несомненным, может показаться странной столь быстрая перемена в его моральном состоянии; мы уже замечали, что иногда легче добиться раскаяния у Духа грубо порочного, чем у того, кто проникнут гордостью или прикрывает свои пороки лицемерием. Быстрый переход к добрым чувствам доказывает натуру более дикую, чем развращенную, которой недоставало только хорошего руководства. Сравнивая его выражения с речами Духа, описываемого ниже под заглавием «Наказание светом», легко решить, кто из них двух морально стоит выше, несмотря на образование и социальное положение. Один подчиняется зверскому инстинкту, какому-то возбуждению, а другой проявлял в подготовке своих злодеяний спокойствие и хладнокровие неторопливого и осторожного расчета. После смерти он из гордости дерзко и презрительно относится к наказанию; он страдает, но не хочет в этом сознаться; а другой тотчас покоряется. Не трудно предвидеть, кто из них будет страдать дольше.

«Я мучаюсь, — говорит Дух Латура, тем раскаянием, которое показывает мне весь ужас моих злодеяний». Тут есть глубокая мысль. Дух настоящим образом понимает всю важность своих преступлений только тогда, когда он раскаивается; раскаяние порождает сожаление, угрызение совести, то тяжелое чувство, которое составляет переход от зла к добру, от болезни к здоровью. Чтобы избежать его, порочные Духи не поддаются голосу своей совести, как больные, которые отталкивают лекарство, могущее им помочь; они стараются забыться, упорствуют во зле. Латур достиг того периода, когда зачерствелость уже начинает поддаваться; сожаление уже проникло в сердце, а за ним следует раскаяние; он уже понимает необъятность зла, содеянного им; он ви-

дит свою низость и страдает от нее; вот почему он говорит: «*Я мучаюсь раскаянием*». В предыдущем существовании он был, вероятно, еще хуже, так как, если бы он раньше раскаивался, то жизнь его была бы лучше. Решения, которые он теперь принимает, будут иметь влияние на его будущую земную жизнь; а та, которую он только что покинул, как бы она ни была преступна, прошла для него бесследно. Он после нее поднялся ступенью выше. Но раньше он, как Дух, находился, вероятно, в пространстве среди Духов непокорных и закоренелых во зле, каких много.

Многие спрашивают, какую пользу можно извлечь из прошедших существований, если не помнишь ни того, чем был, ни того, что делал. Вопрос этот вполне разрешается тем фактом, что если совершенное нами зло исправлено и от него не остается никакого следа в нашем сердце, то и воспоминание о нем было бы бесполезно, так как нам нечего больше о нем заботиться. Но то зло, от которого мы не вполне избавились, нам известно по нашим наклонностям, на которые мы и должны обращать все наше внимание. Достаточно знать и отдавать себе отчет в том, кто мы и что мы в настоящее время; знать же прошлое излишне.

Когда мы видим трудности, какими сопровождается возвращение доброго имени преступнику при жизни, хотя бы он искренне раскаялся, то мы должны благодарить Бога, что Он набрасывает завесу на прошлое. Если бы Латур был осужден на время, даже если бы он был оправдан, его прежние поступки не дали бы ему возможности сохранить свое место в обществе. Кто захотел бы, несмотря на его раскаяние, принять его в свой тесный кружок? Чувства, которые он теперь выказывает как Дух, дают нам надежду, что в будущем существовании он будет честным и уважаемым человеком; но, если бы было известно, что он был Латур, то общественное мнение вновь бы преследовало его. А по-

кров, накиннутый на его прошлое, дает ему возможность безбоязненно стать в ряды честных людей. Как многие желали бы во что бы то ни стало вычеркнуть из памяти людей некоторые периоды их существования!

Существует ли учение, более отвечающее правосудию и милосердию Бога? Во всяком случае, это не теория, а вывод из фактов и наблюдений. Не спириты его выдумали; они только наблюдали различные состояния, в которых являются Духи; они старались все объяснить себе, из этих объяснений и образовалось учение. Если они приняли это учение, то потому, что оно вытекает из наблюдений и кажется им более рациональным, чем прежние известные нам учения о будущности души.

Нельзя отнять у сообщений Латура их высокопоучительного значения. Дух этот, вероятно, был руководим и в мыслях, и в выражениях более высокими Духами, но в таком случае они помогали ему только в форме его выражений, а не в сущности его мысли и ни в чем не позволяли ему противоречить самому себе. Они могли поэтизировать форму его раскаяния, но не могли, против его желания, вложить ему в уста слова раскаяния; они помогали ему только яснее выразить себя и этим вызывать к себе сочувствие и сострадание слушателей. Как поразительна эта картина раскаяния великого преступника, который среди своих страданий, преследуемый своими жертвами, возвышает свой голос и мысль к Господу, чтобы вымолить прощение? Может ли быть что-нибудь более поучительное для виновных? Как понятны его тоска, его томление; как они естественны и ужасны, хотя просты и не представляют ничего фантастического.

Можно бы удивиться быстрой перемене в таком человеке, как Латур; но почему же ему не раскаяться? Отчего бы ему не иметь какой-либо слабой струны, вдруг зазвучавшей? Разве виновный навсегда обречен влугу? Разве луч света не может проникнуть в его душу?

Вот это-то и произошло с Латуром. Вот тут и есть моральная сторона сообщений Латура — в его понимании своего положения, в сожалении и в желании получить возможность искупления; это-то и назидательно. Что бы было удивительного, если бы он раскаялся перед смертью; разве этому было мало примеров?

Возврат к добру перед смертью показался бы многим ему подобным просто слабостью; но голос из-за могилы уже есть откровение, сообщающее им о том, что их ожидает. Латур прав совершенно, когда говорит, что его пример — более верный способ удержать преступников от зла, чем обещание адского пламени и даже эшафота. Почему бы не распространять этих сообщений в тюрьмах? Это многих заставило бы задуматься над будущностью, как мы и имеем уже тому несколько примеров. Но как поверить словам мертвеца, когда думаешь, что раз ты умер, то все кончено? Но настанет день, когда признают ту истину, что мертвые могут приходить и наставлять живущих!

Есть еще несколько важных поучений, какие можно вывести из этих сообщений: прежде всего — подтверждение вечного закона правосудия, что одного раскаяния недостаточно, чтобы поставить виновного в ряды избранных. Раскаяние есть только первый шаг к исправлению; оно призывает милосердие Божие; это как бы введение к прощению и сокращению страданий; но Бог не прощает без условий, нужно, кроме раскаяния, еще искупление; это и понимает Латур и к этому готовится.

Далее, если сравнить этого грешника с тем, который был в Капель-Нодари, то найдем большую разницу в возмездии, назначенном тому и другому. У последнего раскаяние явилось поздно и мучения были продолжительнее; наказание же его было почти материальное; тогда как у Латура страдание более морально; и это понятно, так как у одного ум и способности были менее развиты, чем у другого; ему нужно было что-нибудь достаточно сильное, чтобы подействовать на его грубые

чувства; но моральные страдания не менее тяжки, в особенности для тех, кто дошел до их понимания, как это очевидно из жалоб Латура: это не гнев, это крик совести, за которым следует раскаяние и желание искупления в надежде усовершенствоваться.

Глава VII

ДУШИ ЗАКОРЕНЕЛЫХ ГРЕШНИКОВ

ЛАПОММЕРИ

Наказание светом.

На одном из сеансов Парижского Общества, где разбирался вопрос о чувстве смятения, которое всегда следует за смертью, внезапно явился Дух, о котором никто не думал, и сделал следующее сообщение; хотя он и не подписал своего имени, но не трудно было узнать в нем одного важного преступника, только что осужденного человеческим правосудием.

«Что вы говорите о смятении? К чему эти праздные слова? Вы все мечтатели и утописты; совсем не понимаете ничего в том, чем занимаетесь. Нет, господа, никакого смятения не существует, разве только в ваших головах! Я вот умер, кажется, окончательно, а вижу все ясно вокруг себя и везде. Жизнь — плачевная комедия! И неловки те, кто позволяет выпроваживать себя со сцены до окончания спектакля! А смерть — это ужас, наказание или исполненное желание, в зависимости от слабости или твердости характера тех, кто ее боится, пренебрегает ею или молит о ней. Для всех — это горькая насмешка!.. *Свет ослепляет меня и пронизывает мое эфирное существо, как острая стрела...* На земле ме-

ня наказали мраком тюрьмы, затем думали продолжить наказание мраком могилы или тем мраком, который снится католическим суеверам... А, напротив того, вы все, господа, оказываетесь во тьме, а я, отверженный обществом, я витаю над вами... И я хочу остаться самим собою. Сильный мыслью, я презираю все предостережения, раздающиеся вокруг меня... Я вижу ясно... Преступление — это пустое слово!.. Оно существует везде. Но когда оно совершается массами, его прославляют; когда же действует одно лицо, оно осуждается и презирается. Какая нелепость!

Я не хочу, чтобы меня жалели... я ничего не прошу... я сам себе помогу и сумею бороться с этим *отвратительным светом*».

Тот, кто вчера еще был человеком

Сообщение это, разобранный на следующем собрании, было признано очень важным поучением: самый цинизм выражений, которыми Дух описывал свое положение, указывает на новый вид наказания виновного. И действительно, когда одни бывают погружены во мрак и абсолютное одиночество, другие в продолжение долгих лет испытывают предсмертные страдания или считают себя все еще живущими на земле. Для этого Духа сияет свет! Он пользуется всеми своими способностями, знает, что умер и не жалуется ни на что; он не просит никакой помощи и еще бравирует законами Божескими и человеческими. Неужели он избегнет наказания? Нет, но правосудие Бога исполняется различными способами; то, что составляет радость одних, для других делается мучением; для этого Духа *свет есть казнь*; он старается твердо выдержать ее, но, несмотря на всю свою гордость, невольно сознается в этом, когда говорит: «Я сам себе помогу и сумею бороться с этим отвратительным светом», и еще в следующей фразе: «Свет ослепляет и пронизывает мое эфирное существо, как острая

стрела». Эти слова «эфирное существо» очень характерны; он сознает, что тело его флюидично и прозрачно для света, которого он избежать не может, и свет этот пронизывает его, как острая стрела.

Дух этот помещен здесь в категорию закоренелых преступников, так как он долго не хотел проявить ни малейшего раскаяния. Этот пример указывает на ту истину, что нравственное совершенство не всегда соответствует умственному развитию. Но понемногу он все-таки стал улучшаться и через некоторое время дал уже разумные и поучительные сообщения. Теперь он находится уже между кающимися Духами.

Наши духовные покровители дали нам по этому предмету объяснение в трех последующих сообщениях, заслуживающих самого серьезного внимания.

I

«Духи в состоянии скитальчества, очевидно, должны оставаться бездеятельными, как бы в ожидании новых существований; но все-таки они могут искупать свои грехи, если только их не будут удерживать гордость и упрямство в заблуждениях во время их последовательного совершенствования. Вы видите тому ужасный пример в последнем сообщении закоренелого преступника, восстающего против Божественной кары, которая постигла его вслед за человеческой на земле. В таких случаях искупление и сопровождающее его роковое страдание, вместо того, чтобы принести пользу и дать им почувствовать все значение их проступков, возбуждает их и заставляет роптать или, как поэтически выражено в Писании, *скрежетать зубами*. Это живой образ тяжкого, но сдержанного, непокоренного страдания. Мука побеждает их, но возмущение их еще упорно, и они отказываются признать истину возмездия и истину награды.

Великие заблуждения часто или почти всегда продолжают и в мире Духов. Быть во что бы то ни стало самим собою и упорствовать перед Бесконечным — это похоже на ослепление людей, любующихся звездами и предполагающими, что это красивые рисунки на потолке. Существует нравственная бесконечность! Низок и достоин презрения тот, кто, продолжая гнусную борьбу и земное бахвальство и в том мире, не видит ничего далее земного кругозора. Он представляет собою олицетворенное ослепление; эгоистическую и жалкую ограниченность личности и препятствие к совершенствованию! О, люди, верьте, что есть тайное созвучие между славным, ничем не запятнанным именем, оставившем о себе бессмертную память на земле, и тем действительным бессмертием, которое получают Духи в своих последовательных существованиях».

Ламеннэ.

II

«Ввергнуть человека в волны света или во мрак — разве это не одно и то же? В том и другом случае он ничего не видит из того, что его окружает, и, пожалуй, даже скорее можно привыкнуть к темноте, чем к тяжкому электрическому свету. И Дух, сообщавшийся в последнем сеансе, верно выразил эту мысль в своем сообщении, сказав: «Я бы хотел освободиться от этого ужасного света». Для него этот свет был ужасен тем, что пронизывал его насквозь и освещал самые сокровенные его мысли, и это было очень тяжелое духовное наказание. Находиться постоянно как бы в стеклянном доме, как говорил Сократ, могло быть утешением для мудреца, но для злого преступного убийцы, пугающегося своего собственного изображения, это — позорное наказание.

Понимаете ли вы, дети мои, весь ужас и всю скорбь

того, кто в продолжение своего злодейского существования занимался обдумыванием самых подлых и темных дел и преступлений и прятался в глубину своей совести, как кровожадный зверь в свое логовище; а теперь он изгнан из убежища, скрывавшего его от взглядов его современников; маска безучастности сорвана и каждое его слово, малейшая его мысль ясно отражаются на его челе! Да, действительно, нет более ни спокойствия, ни пристанища для этого опасного преступника. Каждая его злая мысль — а Один Бог знает, как велико их число в его душе, — моментально проявляется как в нем самом, так и вне его, как бы под влиянием электрического тока. Он хотел бы укрыться от толпы, но ненавистный свет пронизывает его насквозь. Он бежит, он мчится через неизмеримые пространства, но везде тот же свет; везде все взгляды обращены на него! Он вновь бросается, отыскивая темноту, летит со стремительной быстротою через необъятные пространства, в поисках темноты ночи; но ни тьмы, ни ночи для него не существует более. Он зовет смерть на помощь, но *смерть* — слово, не имеющее смысла. Несчастный мечется, бежит, ищет куда бы скрыться. Он близок к *духовному помешательству*, этому самому ужасному, самому страшному мучению, в котором он будет бороться сам с собой, чтобы избавиться от самого себя. Но таков закон за могилой: виновный сам становится своим самым неумолимым палачом.

Сколько же времени это будет продолжаться? До тех пор, пока воля его, наконец покоренная, преклонится под давлением раскаяния и когда гордое чело его поникнет перед умиротворенными жертвами и перед высшим правосудием. Заметьте высокую логику непреложных законов; он и в этом исполнит то, что так откровенно и ясно признавал в своем высокомерном сообщении, столь полном хвастовства, когда так внезапно появился в прошедшую пятницу: он освободится актом собственной воли».

Эраст.

III

Человеческое правосудие не принимает во внимание индивидуальности тех, кого карает. Оно безразлично поражает всякого, совершившего преступление, и одно и то же наказание назначается виновному, не учитывая ни пола, ни возраста, ни образования. Божеское же правосудие действует иначе; *наказание налагается соответственно развитию Духа*; однородность преступления не равняет личностей, совершивших их; два человека, одинаково преступные, могут получить разные наказания, так как один из них может еще быть погружен в умственную темноту первобытных состояний, а другой, уже прошедший низшие ступени, может обладать ясностью суждения, освобождающей Духов от смятения. Тогда уже наказание бывает не темнотою, а резкостью света, пронизывающего все существо и заставляющего испытывать муки, как от свежей раны.

Существа невоплощенные, которых преследует видение их преступлений, испытывают как бы удар электрического тока; они страдают всеми своими чувствами; но те, кто уже возвысился над материальностью, чувствуют страдание, гораздо более глубокое; в горьких волнах страдания они растворяют воспоминания о событиях, оставляя только выяснение причин. Человек может, несмотря на преступность своих действий, обладать внутренним развитием, и хотя страсти заставляют его поступать, как животное, но просвещенные способности возвышают его над густой атмосферой низших слоев. Отсутствие равновесия между умственным и нравственным развитием производит аномалии, столь частые в материалистические эпохи. Свет, который мучает Духа, есть действительно яркий духовный луч, освещающий самые сокровенные закоулки, в которых прячется его гордость, и открывающий ему все ничтожество его ограниченного существа. Это первые признаки и первая тоска духовной агонии, предвещающей отделение или раз-

ложение умственных и материальных элементов, которые составляют примитивную человеческую двойственность и должны исчезнуть в великом единстве законченного существа».

Иван Рено.

Эти три сообщения, полученные одновременно, дополняются одно другим и изображают возмездие с новой рациональной философской точки зрения. Вероятно, Духи, желавшие обсудить этот вопрос на каком-либо примере, с этой целью вызвали произвольное сообщение преступного Духа.

Рядом с этой картиной, для сравнения, приведем проповедь одного пастыря, сказанную во время поста в Монтрейле в 1864 году и описывающую нам ад.

«Огонь ада в миллион раз сильнее обыкновенного земного огня, и если бы тела, которые горят там и не сгорают, были брошены на нашу планету, то они заразили бы ее с одного конца до другого. Ад — это огромная темная пещера, усеянная острыми гвоздями, отточенными бритвами и острыми шпагами, и в эту-то яму брошены души осужденных». (См. «Revue Spirite», июль 1864 года, стр. 199).

АНЖЕЛА [НИЧТОЖЕСТВО НА ЗЕМЛЕ]

(Бордо, 1862).

Дух, под именем Анжелы, самопроизвольно появился медиуму.

1. В.— Раскаиваетесь ли вы в ваших прегрешениях?

От.— Нет.

2. В.— Зачем же вы пришли ко мне?

От.— Чтобы попробовать.

3. В.— Вы несчастны?

От.— Нет.

4. В.— Страдаете?

От.— Нет.

5. В.— Чего же вам недостает?

От.— Покоя.

Некоторые Духи считают страданием только ощущения, напоминающие им физические муки, но при этом признаются, что их моральное состояние невыносимо.

6. В.— Почему вы говорите «покоя», разве вы им не пользуетесь в мире Духов?

От.— Сожаление о прошлом.

7. В.— Сожаление о прошлом есть угрызение совести; может быть, вы раскаиваетесь?

От.— Нет, это из боязни будущего.

8. В.— Чего же вы опасаетесь?

От.— Неизвестности.

9. В.— Скажите мне, что вы делали в вашем последнем существовании? Может быть, это поможет мне объяснить вам то, чего вы не понимаете.

От.— Ничего.

10. В.— Какое общественное положение занимали вы?

От.— Среднее.

11. В.— Были ли вы замужем?

От.— Да, я была замужем и матерью семейства.

12. В.— Хорошо ли вы исполняли ваши семейные обязанности?

От.— Нет; муж надоел мне, дети также.

13. В.— Как же прошла ваша жизнь?

От.— Молодой девушкой я развлекалась, замужем — скучала.

14. В.— В чем состояли ваши занятия?

От.— Ни в чем.

15. В.— Кто же смотрел за вашим домом?

От.— Прислуга.

16. В.— Не в этой ли бесполезности кроется причина ваших страхов и сожалений?

От.— Может быть, и так.

17. В.— Согласиться с этим недостаточно. Нужно ис-

править это бесполезное существование; не хотите ли помогать Духам, которые страдают здесь, вокруг нас?

От.— Как же это сделать?

18. В.— Помогая им советами и молитвами.

От.— Я не умею молиться.

19. В.— Мы попробуем вместе, вы поучитесь. Хотите?

От.— Нет.

20. В.— Почему?

От.— Усталость.

Поучение Духа—покровителя медиума: «Показывая тебе различные примеры страданий Духов, мы хотим дать понятие о положении их, как осужденных на искупление своих прегрешений.

Анжела принадлежит к числу Духов, не имеющих никакой инициативы, никакой энергии, и жизнь ее была совершенно бесполезна, как для нее самой, так и для других. Любящая только удовольствия, неспособная найти сердечное удовлетворение ни в науке, ни в исполнении семейных или общественных обязанностей, которые одни только могут скрасить жизнь, так как они доступны всякому возрасту, она посвятила свои молодые годы только веселью и пустым развлечениям; когда же явились серьезные семейные обязанности, ей свет показался пустыней, так как у нее в сердце была пустота. Не имея крупных недостатков, но не имея также и добрых свойств, она составила несчастье своего мужа и погубила будущность и благосостояние своих детей, благодаря своей беспечности и нерадению. Она, сначала своим примером, а потом тем, что сдала детей на попечение прислуги, которую даже не потрудилась выбрать, дала ложное направление их суждению и сердцу. Жизнь ее ни в чем не привела к добру и тем была преступна, так как зло рождается там, где пренебрегают добром. Поймите все, что недостаточно воздерживаться от греха, но нужно исполнять все то, что противоположно греху. Изучайте заповеди Господни, обдумывайте их и поймите, что если они останавливают вас на пути зла,

то в то же время заставляют вас вернуться и принять другое направление, ведущее к добру. Зло противоположно добру; и тот, кто желает избежать зла, должен вступить на другой, противоположный ему путь; иначе жизнь его будет бесполезна, деяния его мертвы, а Бог, Отец наш, есть Бог не мертвых, а живых.

В.— Скажите, пожалуйста, какое было предшествовавшее существование Анжелы? Последнее, вероятно, зависело от прежних.

От.— Она проводила жизнь в лени и созерцательной бесполезности монастырского существования. Ленивая и эгоистичная, она хотела попробовать семейную жизнь, но Дух ее очень мало подвинулся. Она никогда не хотела слушать предупреждавшего ее об опасности внутреннего голоса; падение было легко, она предпочла двигаться по инерции, вместо того, чтобы сделать усилие и остановиться в самом начале. Она и теперь понимает опасность лени и равнодушия, но не чувствует в себе силы к противодействию. Молитесь за нее, разбудите ее, заставьте ее открыть глаза; это ваша обязанность, и вы не должны ею пренебрегать.

Человек создан для деятельности; деятельность Духа — его основа, деятельность тела — потребность. Исполняйте же назначение вашего существования, как Дух, ожидающий вечного покоя. Ваше тело, предназначенное для службы Духу, — это только машина, подчиненная вашему разуму; работайте, развивайте ваши способности, чтобы они дали полезное направление орудию, способствующему исполнению задачи; не давайте ему отдыха и помните, что тот мир и покой, к какому вы стремитесь, будет дан вам только после трудов; и потому насколько вы запустите работу, настолько же продлится для вас и тревога ожидания. Трудитесь, работайте безостановочно, исполняйте все ваши обязанности без исключения; но исполняйте их старательно, с мужеством, с настойчивостью, и вера ваша поддержит вас.

Тот, кто добросовестно исполняет задачу, даже самую неблагоприятную, самую презренную, по мнению людей, во сто крат выше в глазах Всевышнего, чем тот, кто свою долю труда возлагает на плечи других, а сам от нее уклоняется. Все, решительно все служит ступенями для восхождения на небо; не ломайте же эти ступени под вашими ногами и рассчитывайте на друзей, окружающих вас, готовых протянуть вам руку помощи».

Монод.

СКУЧАЮЩИЙ ДУХ

(Бордо, 1862 г.)

Дух этот появился медиуму произвольно и просил за него помолиться.

1. В.— Что побуждает вас просить моих молитв?

От.— Я устал скитаться без цели.

2. В.— Давно ли вы находитесь в том состоянии?

От.— 180 лет.

3. В.— Что вы делали на земле?

От.— Ничего хорошего.

4. В.— Какое ваше положение между Духами?

От.— Я нахожусь между скучающими.

5. В.— Но ведь это не составляет категории?

От.— У нас все составляет категории. Каждое ощущение находит себе подобное или симпатичное, и они соединяются вместе.

6. В.— Почему, если вы не были осуждены, вы так долго оставались без движения и совершенствования?

От.— Я был осужден на скуку, а это то же страдание: все, что не радость,— есть страдание.

7. В.— Так вы были вынуждены, помимо вашей воли, оставаться в состоянии скитальчества?

От.— Причины эти слишком тонки для вашего материального понимания.

8. В.— Попробуйте все-таки мне объяснить; это будет полезным началом для вас.

От.— Я не могу, не имею достаточных слов для выражения... Жизнь, угасшая на земле, оставляет не воспользовавшемуся ею Духу то, что огонь оставляет сгоревшей бумаге: несколько искр, которые напоминают пеплу, еще не развалившемуся, чем он был раньше, и, если хочешь, причину разрушения бумаги. Эти искры — воспоминания о земных связях, которые бороздят его память, пока не развеется пепел его тела. Тогда только Дух приходит в себя, сознает свое эфирное состояние и желает совершенствования.

9. В.— Что может причинить вам скуку, на которую вы жалуетесь?

От.— Последствия существования. Скука есть следствие бездеятельности; я не сумел употребить с пользою долгие годы, что провел на земле, и вот теперь в этом мире отзываются последствия.

10. В.— Разве Духи, скитающиеся подобно вам и охваченные скукой, не могут выйти из этого положения, когда захотят?

От. — Нет, не всегда могут; скука парализует их волю. Они должны терпеть последствия своего земного существования; они были бесполезны, не имели никакой инициативы, не находят и поддержки среди себе подобных. Они предоставлены самим себе и покинуты до тех пор, пока усталость этого неопределенного положения не заставит их пожелать перемены; тогда, при малейшем проявлении воли, они находят поддержку и добрые советы.

11. В.— Не можете ли вы сказать мне что-нибудь о вашей земной жизни?

От.— Увы, нет, очень мало, ты должен это понять. Скука, бесполезность, безделье — все это происходит от лени, а лень есть мать всех пороков.

12. В.— Ваши предыдущие существования разве не подвинули вас по пути прогресса?

От.— Да, все, но очень мало, так как они были отголоском одно другого. Прогресс существует, но очень незначительный и для нас неощутимый.

13. В.— В ожидании нового воплощения не хотите ли приходить почаще ко мне?

От.— Да, призывай меня чаще; ты окажешь мне этим большую услугу.

14. В.— Можете ли вы мне сказать, почему ваш почерк так часто меняется?

От.— Потому что ты много спрашиваешь, это меня утомляет и мне нужна помощь.

Дух—покровитель медиума: «Его утомляет умственный труд, и мы должны помогать ему, чтобы он был в состоянии отвечать на твои вопросы. Это лентяй из мира Духов, каким он был и на земле. Мы привели его к тебе, чтобы попробовать вывести его из апатии этой тоски, которая есть настоящее страдание, иногда более тяжкое, чем острое мучение, так как может продолжаться неопределенное время. Представь себе мучение такой скуки без конца. Духи этой категории, по большей части, ищут земного существования только как развлечения, чтобы прервать невыносимую монотонность своего духовного существования, потому они и приступают к нему без серьезного намерения в отношении добрых дел; и им постоянно приходится начинать сначала, пока не настанет, наконец, момент действительного прогресса».

КОРОЛЕВА УД,

умершая во Франции в 1858 г.

1. В.— Что ощущали вы, когда покинули земную жизнь?

От.— Не сумею вам сказать, я все еще чувствую смятение.

2. В.— Счастливы ли вы?

От.— Я жалею о жизни... я не знаю... я чувствую

острую скорбь: жизнь, наверное, избавила бы меня от нее... я бы желала, чтобы тело мое восстало из гроба.

3. В.— Вы, может быть, жалеете, что похоронены не в родной земле, а здесь, между христианами?

От.— Да, земля далекой Индии не была бы так тяжела мне.

4. В.— Что вы думаете о пышных похоронных почестях, возданных вашему праху?

От.— Все это было ничтожно; я была королевой, а не все преклонили колена передо мною... Оставьте меня... меня заставляют говорить... я не хочу, чтобы все знали, что я такое теперь... знайте, я была королева!..

5. В.— Мы относимся с уважением к вашему сану и мы просим вас ответить нам для нашего наставления. Думаете ли вы, что сын ваш возвратит себе престол своего отца?

От.— Конечно, кровь моя будет царствовать, она достойна этого.

6. В.— Придаете ли вы одинаковую важность делу восстановления власти вашего сына, как и при жизни?

От.— Кровь моя не может быть затеряна в толпе.

7. В.— На вашем памятнике не могли отметить место вашего рождения, не зная его; не можете ли вы теперь сказать это нам?

От.— Я происхожу из самой благородной фамилии в Индии, родилась я, кажется, в Дели.

8. В.— Вы родились и жили в великолепии и всевозможной роскоши, окружены были почестями; что скажете вы обо всем этом теперь?

От.— Все это подобало мне.

9. В.— Доставило ли вам ваше положение на земле какие-нибудь преимущества в том мире, где вы теперь?

От.— Я все же королева... пусть пришлют мне рабов для услуг! Я не знаю... здесь так мало заботятся обо мне... но я — все-таки я!..

10. В.— Какую религию вы исповедовали, мусульманскую или индусскую?

От.— Мусульманскую; но я была слишком высока, чтобы заниматься Богом.

11. *В.*— Какое различие находите вы между вашей религией и христианской, для блага человечества?

От.— Христианская религия бессмысленна: она говорит, что все люди — братья.

12. *В.*— Что вы думаете о Магомете?

От.— Он не был сыном царя.

13. *В.*— Полагаете ли вы, что он имел Божественную миссию?

От.— Какое мне дело до этого ?

14. *В.*— Что вы думаете об Иисусе Христе?

От.— Сын плотника не достоин занимать мои мысли.

15. *В.*— Какого вы мнения о мусульманском обычае скрывать лица женщин?

От.— Я думаю, что женщины сотворены, чтобы властвовать: я была женщина.

16. *В.*— Завидовали ли вы иногда свободе, которую пользуются женщины в Европе?

От.— Нет, что мне за дело до их свободы, разве им служат на коленях?

17. *В.*— Помните ли вы другие ваши существования на земле?

От.— Я должна была всегда быть королевой.

18. *В.*— Почему вы так быстро явились на наш призыв?

От.— Я не хотела, меня заставили, неужели ты думаешь, что я бы снизошла сама до ответов вам.

19. *В.*— Кто же принудил вас?

От.— Я не знаю... впрочем, ведь не может же быть здесь никого выше меня.

20. *В.*— Под каким видом вы пришли сюда?

От.— Я все-таки королева... разве ты думаешь, что я больше не королева? Вы очень непочтительны... знаете, что с королевами нужно уметь говорить!

21. *В.*— Если бы мы вас могли видеть, то увидали ли бы вас в ваших драгоценных уборах?

От.— Конечно.

22. В.—Скажите, почему, покинув все земное, Дух ваш сохранил воспоминание о драгоценностях, украшавших вас?

От.— Я их не покидала... Я все так же прекрасна, как и была; я не понимаю, какое вы составили себе понятие о моей особе? Правда, вы меня не знали, и никогда не видели!

23. В.— Что вы испытываете, находясь между нами?

От.— Если бы я могла, то, конечно, не была бы здесь, между вами; вы так малопочтительны!

Св. Людовик: «Оставьте ее, бедную, заблудшую, сжальтесь над ее ослеплением; да послужит она вам примером; вы не подозреваете, как страдает ее гордость».

Вызывая это развенчанное величие, мы не надеялись услышать особенно глубоких рассуждений, зная, какое получают воспитание женщины той страны, но мы думали найти в этом Духе если не философские понятия, то все же более правдивое чувство настоящего его положения и более здравые суждения о величии и суете сего мира. Напротив того, у этого Духа земные понятия сохранились во всей неприкосновенности; гордость ее ничего не утратила из своих иллюзий; она борется против своей же слабости и действительно должна страдать от своего бессилия.

КСЮМЕН

(Бордо, 1862 г.)

Дух внезапно проявляется под этим именем медиуму, привыкшему к такого рода проявлениям; его миссия, по-видимому, состояла в том, чтобы помогать низшим Духам, приводимым к нему его Духом-покровителем с двойною целью: для наставления его самого и для совершенствования Духов.

В.— Кто вы? Ваше имя, мужское или женское?

От.— Имя это принадлежит мужчине и очень несчастному. Я испытываю все муки ада.

В.— Если ад не существует, то как вы можете испытывать адские мучения?

От.— Бесплезный вопрос.

В.— Если я и понимаю, то другие, может быть, нуждаются в объяснении.

От.— Я нимало не забочусь об этом.

В.— Не эгоизм ли составляет одну из причин ваших страданий?

От.— Может быть.

В.— Если вы хотите получить облегчение, то начните с того, что откажитесь от ваших дурных наклонностей.

От.— Не беспокойся об этом, это не твое дело; лучше молись за меня, как за других, а там видно будет.

В.— Если вы мне не поможете вашим раскаянием, то молитва мало принесет пользы?

От.— Если ты будешь разговаривать, вместо того, чтобы молиться, то мы не далеко уйдем.

В.— А вы бы желали идти вперед?

От.— Может быть, почем знать; если молитва облегчает страдания, то это главное.

От.— В таком случае присоединяйтесь ко мне с твердым намерением получить облегчение.

От.— Хорошо, начинай.

В. (После молитвы медиума) — Довольны ли вы?

От.— Не совсем так, как бы я желал.

В.— Застарелую болезнь лекарство, принятое один раз, излечить не может.

От.— Очень возможно.

В.— Не хотите ли прийти еще раз?

От.— Да, если ты позовешь меня.

Дух — покровитель медиума: «Дочь моя! Большого труда будет тебе стоить справиться с этим закоренелым

Духом, но спасти тех, кто не погиб, — заслуга не большая. Нет такого грешника, которого нельзя бы было привести к покаянию убеждением и примером, так как самые порочные Духи в конце концов покоряются; если даже нельзя тотчас получить хороший результат, что иногда бывает невозможно, то все-таки не следует бросать, — надо надеяться, что не все потеряно. Мысли, зароненные в них, волнуют их и помимо воли заставляют их задумываться; это семя, которое рано или поздно даст плод. Одним ударом кирки не разбить утеса; то, что я говорю тебе, дочь моя, относится также и к воплощенным, и ты должна понять, отчего спиритизм даже истинно верующих не сразу превращает в совершенство... Верование — это первый шаг, затем уже идет вера, и потом — полное перерождение, но многим придется еще возвратиться в мир Духов, чтобы укрепить себя в благих помыслах.

Между закоренелыми Духами — не одни только злые и испорченные. Велико число таких, которые, не желая делать зла, не совершенствуются из гордости, равнодушия и апатии. Они также несчастны и страдают от своей инертности, тем более, что не имеют взамен хотя бы развлечений общества. Перспектива бесконечности их положения становится невыносимой, а они не имеют ни силы, ни желания выйти из нее. Это те, которые при жизни ведут праздное существование, бесполезное для себя и других; они часто кончают жизнь самоубийством, без достаточно серьезной причины, только из-за отращения к жизни.

Их труднее обратить на путь истины, чем Духов, просто дурных и преступных, потому что у последних есть энергия, и раз они просветились, они становятся так же деятельны в добре, как были деятельны и во зле. Для первых будут нужны многие существования, чтобы усовершенствоваться; но мало-помалу, побежденные скукою, как другие —

страданиями, они будут искать развлечения в каком-нибудь занятии, которое позднее делается для них потребностью.

Глава VIII

ЗЕМНЫЕ ИСКУПЛЕНИЯ

МАРСЕЛЬ (ДИТЯ ИЗ № 4)

В этой провинциальной богадельне находился больной ребенок 9—10 лет и значился только под № 4. Трудно себе представить что-нибудь ужаснее его состояния; он был совершенный калека, частью от природы, частью вследствие болезни; скрюченные ноги его были притянуты к шее, худоба была так велика, что кожа прорывалась от выступающих костей; тело было покрыто язвами; одним словом, страдания были ужасны и продолжались уже четыре года. Происходил он из бедной еврейской семьи и обладал замечательными способностями; его кротость, терпение и покорность судьбе были удивительны. Доктор, заведующий этим отделением, был тронут его положением, проникся состраданием к этому бедному, покинутому ребенку, которого почти никто не навещал, заинтересовался им и приходил беседовать с ним, удивляясь его острому уму и раннему развитию. Когда позволяло время, доктор читал ему и любовался его здоровыми суждениями о предметах, далеко превышающих понятия его возраста.

Один раз мальчик обратился к доктору с просьбою дать ему еще таких пилюль, которые он ему давал раньше.

— А зачем, дитя мое, я уже дал тебе достаточно и боюсь, чтобы излишек не повредил тебе.

— Видите ли, доктор, я так страдаю, что, несмотря

на все мое старание, не могу удержаться от стонов; я молю Бога дать мне силы не беспокоить моим криком других больных, а эти пилюли меня усыпляют, и, по крайней мере, я тогда никого не беспокою.

Этих слов достаточно, чтобы показать нравственный облик этого несчастного ребенка. Откуда мог он почерпнуть такое чувство деликатности? Конечно, не в той среде, где родился, да, наконец, и годы его были не настолько велики, чтобы он мог научиться страдать безропотно; следовательно, это было у него врожденным; но в таком случае, почему же Бог обрек его, одаренного такими благородными инстинктами, на столь несчастную, страдальческую жизнь? Как объяснить это, если предположить, что душа была сотворена одновременно с этим телом, орудием невыразимых мук? Нужно ли отвергать благость Божию или допустить какую-либо другую причину, т. е. предсуществование души и множественность существования. Ребенок этот вскоре умер, и последние мысли его были о Боге и о добром докторе, принявшем в нем участие.

Спустя некоторое время Дух его был вызван в Парижском Обществе Спиритов, где он дал следующее сообщение (в 1863 году).

«Вы звали меня; я пришел и хочу, чтобы слова мои проникли во все сердца, чтобы отзвук их разнесся повсюду и был бы услышан во всех уголках земли, чтобы он напомнил людям, что страдания агонии на земле готовят радости на небе, что муки эти подобны горькой кожуре или скорлупе, заключающей сладкий плод. Мои слова должны внушить человечеству, что на одре нищеты возлежат посланные Богом в доказательство того, что нет скорби, которую нельзя было бы вынести с помощью Всевышнего и добрых Духов. Мои слова должны еще объяснить людям, чтобы они прислушивались к стонам, присоединенным к молитвам, и научились отличать их благочестивую гармонию от преступных жалоб и вздохов, смешанных с богохульством.

Один из ваших добрых Духов, великий апостол спиритизма¹, уступил мне свое место на сегодняшней вечер, и я должен сказать вам несколько слов по поводу распространения вашего учения. Оно должно помогать тем, кто воплотился между вами, с целью научиться страдать и терпеть. Спиритизм будет путеводной звездой и даст примеры и указания; тогда стоны превратятся в крики радости и в слезы счастья».

В. — Мы заключаем из ваших слов, что ваши страдания не были искуплением предшествовавших грехов?

От. — Мои страдания не были прямым искуплением; но будьте уверены, что каждое страдание имеет свою справедливую причину. Тот, которого вы видели таким несчастным калекой, был красив, знатен, богат и окружен льстецами, но притом — горд и тщеславен. Вина моя была велика, я отвергал Бога и делал зло своему ближнему; но все это я искупил жестокой карой, сначала в мире Духов, а потом на земле. То, что я испытал в продолжение моей последней короткой жизни, я терпел раньше, в продолжение долгой земной жизни, до самой глубокой старости. И раскаянием своим я снискал себе милость Господню, и Он даровал мне несколько миссий, из которых одну вы знаете. Я о ней просил сам, чтобы окончить свое очищение. Прощайте, друзья мои, я буду приходить к вам иногда, чтобы утешать; а не поучать; здесь столько таких, которые скрывают свои раны, и я уверен, что они будут рады моему приходу.

Марсель.

Наставление Духа—покровителя медиума: «Бедное маленькое существо, слабое, измученное и покрытое ранами, сколько стонов и слез пролил он в этом убежище нищеты и несчастья! И несмотря на свои молодые годы, как он безропотно покорен своей участи, и как

¹ Св. Августин, который обыкновенно проявляется в этом обществе через медиума.

душа его понимала цель страданий! Он предчувствовал, что за могилой его ждет награда за все скрытые и подавленные стоны. Как он молится за всех тех, кто, подобно ему, не имел силы безропотно переносить свои муки, в особенности за тех, кто богохульствовал, вместо того, чтобы молиться!

Если агония была тяжела и длинна, час смерти был не страшен, хотя сведенные конвульсией члены его вытягивались, и сопротивление смерти, как закон природы, было все же довольно сильно; но ангел витал над постелью умирающего и заживлял раны его сердца, а затем на белых крыльях своих унес эту чудную душу со словами: «Восхваляю имя Твое и слава Тебе, Боже мой!» И эта счастливая душа, вознесшаяся к Всевышнему, воскликнула: «Вот и я, Господи! Ты повелел мне научиться страдать; достойно ли я выдержал испытание?»

И теперь Дух этого ребенка витает в пространстве, переходя от малых к слабым и повторяя всем: «Надейтесь и мужайтесь». Освобожденный от материи и всякого тления, он здесь, около вас, говорит с вами, но уже не слабым, а твердым и мужественным голосом: «Кто меня знал ребенком, видел, что я не роптал, страдая, и мог почерпнуть у меня спокойствие сердца, а Дух его мог укрепиться в доверии к Богу. В том была и цель моего краткого пребывания на земле».

Св. Августин.

ШИМЕЛЬ ШЛИЗГОЛЬ

Это был бедный еврей из Вильны, умерший в мае 1865 года. В продолжение 30 лет он просил милостыню. Все в городе знали его крик: «Помните бедных, вдов и сирот!» За всё это время Шлизголь собрал 90000 рублей. Но себе он не оставил ни одной копейки. Он ухаживал за больными, платил за обучение бедных детей и раздавал все съестное, что получал, нищим беднякам. Вечерами он приготовлял нюхательный табак, от

продажи которого существовал сам. Все, что у него оставалось, он предоставлял бедным; сам он был одинок. В день его погребения бóльшая часть населения города следовала за его гробом, и лавки были закрыты.

Спиритическое Общество, 15 июня 1865 г.

Вызывание. — Очень счастлив, что наконец добился исполнения своих желаний, которые обошлись мне очень дорого, но я здесь, между вами, с самого начала вечера. Я вам очень благодарен, что вы интересуетесь Духом бедного нищего, который с радостью постарается отвечать на ваши вопросы.

В. — Письмом из Вильны мы были уведомлены о вашей замечательной жизни, симпатия к вам внушила нам желание побеседовать с вами. Мы желали бы знать, ради нашего личного руководства, каково ваше положение в мире Духов и какая причина определила род вашего последнего существования.

От. — Прежде всего, позвольте моему Духу высказать вам свое мнение насчет той вашей мысли, которая касается меня; я прошу ваших советов, если мнение мое ошибочно.

Вы находите странным, что публичное выражение симпатии приняло такие размеры, чтобы воздать честь столь ничтожному человеку, сумевшему своим милосердием привлечь к себе общее расположение. Я говорю это ни для вас, дорогой учитель, ни для вас, милый медиум, ни для всех истинных спиритов; но я говорю для тех, кто относится равнодушно к религии. В том нет ничего удивительного. Сила морального давления, которое производит на человечество истинная благотворительность, так велика, что как бы материальны ни были люди, они невольно преклоняются перед добром, невзирая на видимое свое расположение ко злу.

Теперь возвратимся к вашим вопросам. Они, я знаю, вызваны не любопытством, но имеют в виду только общее наставление.

Я постараюсь, возможно короче, объяснить причину,

которая руководила мною при выборе моего последнего существования.

Несколько столетий назад я был королем; в моих владениях, маленьких, по сравнению с теперешними государствами, я был самовластным владыкой над судьбою моих подданных; я поступал, как тиран, или, лучше сказать, как палач. Характера был надменного, был жесток, скуп и сластолюбив; вы можете себе представить, какова была участь несчастных, которые должны были подчиняться моему произволу. Я злоупотреблял своею властью и притеснял бедняков. Я облагал податью ремесла и производства, страсти и потребности — и все это в пользу моих собственных страстей. Наконец, обложив налогами все известное, я дошел до налога на нищенство; я постановил, чтобы никто не смел собирать милостыни, не уплачивая мне доброй доли того, что попадало в его суму. Хуже того: я старался, чтобы не уменьшалось число нищих в моем государстве, и был вполне безжалостен к страданиям и горю.

Наконец, я закончил жизнь в мучениях и страданиях невыразимых; смерть моя была образцом ужаса для тех, кто, как я, хотя и в меньшей степени, угнетал своих ближних. Я пробыв в состоянии скитающегося Духа почти три с половиною столетия и наконец, понял, что цель моего воплощения была совершенно иная, чем та, какую искали мои грубые и притупленные чувства; тогда я молитвою, безропотной покорностью достиг разрешения принять на себя задачу перенести все страдания и даже больше того, что я заставлял терпеть других. Бог дал мне также право, в силу моей свободной воли, еще увеличивать мои моральные и физические страдания. Благодаря помощи добрых Духов, я утвердился в моем решении делать добро; они же помогли мне вынести мое испытание и не пасть под тяжестью ноши, которую я себе избрал.

Наконец я достиг существования, которое своим милосердием и самоотвержением искупало все, что было жестокого и несправедливого в первом.

Я родился от бедных родителей, рано остался сиротой, и научился снискивать средства к жизни в таком возрасте, когда обыкновенно еще мало что понимаешь. Я жил один, без ласки и любви и даже в начале своей жизни испытывал жестокое обращение, в каком прежде сам бывал виновен. Я могу сказать без ложного стыда, как и без гордости, что все деньги, которые я собирал, были мною розданы несчастным; прибавлю еще, что ценою больших, иногда очень тяжелых лишений, я еще увеличивал милостыню, которую общественная благотворительность оставляла в моих руках.

Умер я тихо и покойно, с доверчивостью ожидая, что буду вознагражден превыше всех моих ожиданий. Теперь я счастлив, очень счастлив, и могу сказать вам, что тот, кто возвышается, будет унижен, а кто был унижен, тот возвысится.

В. — Скажите нам, пожалуйста, в чем состояло ваше искупление в мире Духов и сколько времени оно продолжалось, начиная с вашей смерти и до тех пор, пока судьба ваша не смягчилась вашим раскаянием и добрыми намерениями; а также скажите, что вызвало в вас такую перемену ваших идей в состоянии Духа?

От. — Вы заставляете вспоминать очень тяжелые минуты. Как я страдал! Но я не жалею — я вспоминаю! Вы хотите знать, какого рода было мое искупление, вот оно во всем своем ужасе.

Будучи палачом всего доброго, как я уже говорил вам, я долго, очень долго оставался привязанным к моему разлагающемуся телу. Я продолжал чувствовать его до полного разрушения, даже до червей... которые сильно меня мучили. Когда же я освободился от уз, приковывавших меня к телу — причин моих мук, я испытал еще худшее страдание. После физических мук наступили нравственные, и длились они гораздо дольше первых. Я был вынужден находиться среди всех своих жертв, всех тех, кого я мучил при жизни. Периодически неизвестная мне сила заставляла меня ли-

цезреть и вновь переживать все мои ужасы преступления. Я почувствовал физически и морально все муки, которые доставлял другим. О, друзья мои, как тяжело видеть беспрестанно перед собою тех, кому мы делали зло. Вы имеете тому слабый пример в очной ставке подсудимого с своей жертвой.

Вот вам вкратце все, что я терпел целых 250 лет, пока Бог, тронутый моею скорбью и моим покаянием, а также молитвами моих покровителей, не позволил мне принять новое воплощение.

В. — Была ли у вас какая-либо особенная причина выбрать в новом воплощении еврейскую религию?

От. Нет, я ее не выбирал, но взял по совету своих руководителей. Еврейская религия прибавила еще некоторое унижение к моему искуплению; во многих странах большая часть воплощенных презирает евреев, и в особенности — евреев-нищих.

В. — На котором году вашей жизни в последнем существовании вы начали исполнять ваши решения? Как пришла вам эта мысль? И когда вы поступили с таким самоотвержением, имели ли вы какое-нибудь внутреннее осознание причины, заставлявшей вас так поступать?

От. — Я родился от бедных родителей, довольно образованных, но очень скупых. Очень маленьким ребенком я уже был лишен ласк моей матери, смерть которой была для меня тем более чувствительна, что отец, увлеченный страстью к наживе, совершенно забросил меня. Братья и сестры были гораздо старше меня и не замечали моих страданий. Один еврей, руководимый более корыстною, чем доброю целью, приютил меня у себя и стал учить работать. Мой труд, иногда превышавший мои силы, с избытком покрывал его расходы на мое содержание. Позднее я отделался от этой опеки и стал работать на себя. Но везде и всегда, как на работе, так и во время отдыха, меня преследовало воспоминание о ласках моей матери, и чем больше я вырастал, тем сильнее образ ее врезался

в мою память, и тем более я скорбел о ней, о ее заботах и любви.

В скором времени все члены семьи моей, один за другим, умерли и я остался совершенно одинок. Тут-то впервые появилось у меня сознание того, как я должен был провести остаток моего земного существования. Двое из моих братьев оставили сирот. Вспоминая все, что я перенес в детстве моем, я хотел избавить эти маленькие существа от участи, подобной моей; но работы моей было недостаточно для содержания нас всех, и я стал протягивать руку, не для себя, а для других. Но Бог не дал мне утешения порадоваться успеху моих стараний; бедные малютки покинули меня навсегда; конечно, им все-таки недоставало материнской ласки! Тогда я решил свою помощь, т. е. все, что я мог собрать милостынею, отдавать несчастным вдовам, которые не могли своим трудом содержать своих детей и изнуряли себя непосильною работой, которая сводила их в могилу и оставляла сирот на произвол судьбы. Мне было 30 лет, когда я, полный сил и здоровья, стал нищенствовать для вдов и сирот. Начало было очень тяжело, и мне не раз пришлось выслушивать оскорбительные выражения; но когда увидели, что я действительно раздавал все, что получал; когда узнали, что я даже прикладываю к этому часть своего заработка, ко мне стали относиться с большим уважением, что, не скрою, доставляло мне известное удовлетворение.

Я прожил 60 с лишним лет и никогда не изменил раз принятому решению. Никогда также не имел мысли и не предполагал, что двигателем моего образа действий было мое предшествовавшее существование.

Только один раз, когда я собирался идти за милостыней, я услышал слова: «Не делай другим того, чего бы ты не желал, чтобы сделали тебе». Я был поражен смыслом этих немногих слов и позднее стал часто прибавлять к ним следующие: «Но всегда делай то, чего бы ты желал для себя». Память моей матери и мой

страдания помогли мне, и я продолжал до конца жизни следовать по раз избранному пути, который одобряла моя совесть.

Я кончаю это длинное сообщение, сказав вам: спасибо! Я еще далек от совершенства, но уже знаю, что зло ведет только ко злу, и буду стараться поступать опять так, как поступал, то есть сеять добро, чтобы собрать счастье.

Шимель Шлизголь.

ИУЛИАНИЯ МАРИЯ (БЕДНАЯ ЖЕНЩИНА)

В Виллатской общине, около Нозе (Нижняя Луара), жила одна бедная женщина по имени Иулиания Мария, очень старая и больная, питавшаяся подаянием. Как-то раз случилось, что она упала в пруд и ее вытащил оттуда один из жителей этой местности г-н А., который обыкновенно ей помогал. Принесенная домой, она в скором времени умерла от последствий этого падения. Общее мнение было, что она сама лишила себя жизни. В день ее смерти, тот, кто ее спас — спирит и медиум, почувствовал будто бы присутствие кого-то постороннего около себя, не объясняя себе, однако, причины этого явления; когда он узнал о смерти Иулиании, ему пришла мысль, не приходил ли ее Дух к нему. По совету одного из своих друзей, члена Парижского Общества, он сделал вызывание ее Духа с целью быть ей полезным, но предварительно испросив совета своего Духа-Покровителя, который отвечал ему следующее:

«Ты можешь это сделать и доставишь ей удовольствие, но в помощи, как ты предполагаешь, она не имеет нужды: она очень счастлива и благодарна тем, кто относился к ней с состраданием. Ты — один из ее лучших друзей; она тебя не покидает и часто общается с тобою без твоего ведома. Рано или поздно, но услуги бываюь вознаграждены, если и не теми, кому они были оказаны, то их друзьями, как до смерти, так и после; если Дух не имел еще времени прийти в со-

знание, то другие, сочувствующие ему Духи, за него и от его имени, передают его благодарность; вот как объясняется то, что ты почувствовал в день смерти Иулиании. Теперь же она сама помогает себе делать добро. Вспомни, что говорил Иисус: «Кто был униженным — возвысится». Ты сам можешь судить, какие услуги она может себе оказать, в особенности, если будешь просить ее содействия для помощи ближнему».

Вызывание. — Добрая Иулиания, вы счастливы, это все, что я хотел знать о вас; но это не мешает мне часто о вас думать и не забывать вас в моих молитвах.

От. — Уповай на Бога; внушай твоим больным искреннюю веру, и ты всегда будешь иметь успех. Не думай о вознаграждении: оно будет выше всякого твоего ожидания. Бог умеет награждать по заслугам того, кто посвящает себя облегчению страданий ближнего с *полным бескорытием*; без этого все — иллюзия, химера; нужна прежде всего вера, в ней вся сила. Помни это правило, и ты будешь поражен полученными результатами. Доказательством могут служить тебе две больные женщины, которых ты вылечил; с одними лекарствами ты бы ничего не достиг при том состоянии, в котором они находились. Когда ты будешь просить Бога о дозволении добрым Духам излить на тебя благотворный флюид и если ты при том не почувствуешь произвольной дрожи, то знай, что молитва твоя недостаточно горяча, чтобы быть услышанной; молитва доходит только при соблюдении последнего условия. Ты испытал подобное чувство, когда от глубины чистого сердца восклицал: «Боже Всемогущий, Боже Милосердный, Боже Беспредельный в благости Твоей, услышь молитву мою и дозвожь добрым Духам помочь мне в лечении (имя); сжался над ним и возврати ему здоровье: без помощи Твоей я ничего не могу. Да будет воля Твоя».

Ты хорошо сделал, что не пренебрегал несчастными; голос того, кто страдал и с покорностью переносил ис-

пытания сего мира, всегда будет услышан; и как видишь, каждая услуга получит свое вознаграждение. Теперь скажу тебе несколько слов о себе, и это еще больше утвердит тебя в том, что было мною сказано раньше. Спиритизм объясняет тебе слова мои как Духа и мне нет необходимости входить в объяснения. Также кажется мне лишним сообщать тебе что-либо о моем прежнем существовании: то в котором ты меня видел на земле, проясняет тебе и прежние: они не все были безупречны. Обреченная на нищету, искалеченная и больная, я не могла работать и всю жизнь прожила подаяннем. Все мои сбережения за долгие годы составили всего-навсего сотню франков; я их сберегла на тот случай, когда ноги откажутся мне служить. Но Бог решил, что с меня довольно, и без страдания избавил меня от земного существования; я не сама лишала себя жизни, как это предполагали. Я умерла скоропостижно на берегу озера, в ту минуту, когда возносила мою последнюю молитву к Господу, а тело мое оказалось в воде оттого, что берег был отлогий. Я не страдала и счастлива тем, что могла исполнить свою миссию без препятствий и с полной покорностью. Я старалась быть полезной, насколько была в силах, и избегала делать что-либо худое моему ближнему. Теперь я получаю свою награду и благодарю Бога, Господа нашего Божественного Учителя. Он улаживает нам горечь испытания, посылая нам забвения на время земной жизни о наших прежних существованиях и милосердные души, чтобы помочь нам вынести тяжесть наших прежних прегрешений. Трудись и ты, и подобно мне будешь вознагражден. Благодарю тебя за твои молитвы и за услуги, которые ты мне оказал, никогда их не забуду. Когда-нибудь мы увидимся, и тогда многое тебе будет объяснено; в настоящее же время это излишне. Знай только, что я тебе вполне предана и буду всегда около тебя, когда тебе нужно будет утешить страдальца.

Бедная старуха, Иулиания Мария.

Дух Иулиании Марии, вызванный в Парижском обществе 10 июня 1864 года, продиктовал следующее; «Благодарю вас, что допускаете меня в вашу среду, дорогой Президент, вы верно почувствовали, что в моих прежних существованиях я занимала более высокое социальное положение; если я возвратилась на землю, чтобы испытать бедность, то это было наказание за гордость, с какою я прежде относилась к бедным и несчастным. Я должна испытать справедливый закон возмездия и сделаться самой жалкою и нищей во всей стране. И как бы в доказательство благости Божией, я не была покинута, чего я больше всего боялась. Благодаря этому я вынесла свое испытание безропотно, благодать Господа помогла мне, и я как бы почувствовала лучшую жизнь, из которой уже мне не нужно будет больше возвращаться на землю — это место бедствий и изгнания.

Какое счастье, когда душа наша, снова юная, может войти в жизнь духовную, чтобы увидеть дорогих своему сердцу! Я также любила и счастлива, что могу видеть тех, которые ушли раньше меня. Благодарю доброго г-на А., который открыл мне путь благодарности. Если бы он не был медиумом, я не могла бы поблагодарить его и доказать ему, что душа моя не забывает его доброго влияния, а главное — посоветовать ему распространять свое Божественное верование. Он призван направлять заблудшие души, пусть же не сомневается в моей поддержке; я могу во сто крат воздать ему за все, что он сделал для меня, направляя его по тому пути, которому вы все следуете. Благодарите Бога, что Он дозволяет добрым Духам руководить вами, чтобы подкреплять и ободрять бедных в перенесении ими огорчений и сдерживать богатых в проявлениях их гордости. Помните, какой стыд — отвергать несчастного; я могу служить вам примером, чтобы не пришлось вам, как мне, искупая свои грехи, спуститься так низко по социальной лестнице и стать отбросом общества».

Иулиания Мария.

Сообщение это передали г-ну А., и он, со своей стороны, получил новое подтверждение того же.

В. — Добрая Иулиания Мария, если вы желаете помочь мне, чтобы я мог совершенствоваться, следуя нашему Божественному учению, то прошу вас общаться со мною. Я приложу все старание, чтобы воспользоваться вашими наставлениями.

От. — Вспоминай совет, который я тебе дам, и никогда не забывай его. Будь всегда милосерден насколько можешь; ты хорошо понимаешь милосердие в том виде, в котором оно должно проявляться в земной жизни. Мне не нужно давать тебе наставлений по этому поводу, ты будешь сам себе лучшим судьей; следуй голосу своей совести, которая не обманет тебя никогда, сумей только ее выслушать.

Не обманывайтесь в исполнении возложенных на вас миссий. Все, от мала до велика, имеют свое назначение. Мое было тяжело, но я заслуживала подобного наказания за мои прежние существования, как я в том и призналась Президенту Общества, к которому вы все со временем присоединитесь. День этот недалек; спиритизм идет гигантскими шагами, несмотря на все препятствия и преграды, которые ему ставят. Идите же без боязни, ревностные последователи этого учения, и труды ваши увенчаются успехом. Что вам до того, что будут говорить о вас; не обращайте внимания на смешную и странную критику, которая в конце концов обратится против самих противников спиритизма. Гордецы! они считают себя сильными и думают, что вас легко победить и уничтожить; вы же, добрые друзья, будьте покойны и не бойтесь считаться с ними; их легче победить, чем вам кажется; многие из них уже боятся, чтобы истина не осветила их; подождите, и они сами придут заканчивать здание.

Иулиания Мария.

Кто серьезно вникнет в слова этого Духа, найдет во всех трех сообщениях много поучительного; все великие принципы спиритизма соединены в них. С первых же слов Дух доказывает свою возвышенность, и, как фея-благодетельница, эта женщина, преображенная и теперь прекрасная, покровительствует тому, кто не оттолкнул ее, когда она была в лохмотьях нищеты. Здесь можно применить евангельские изречения: «Первые будут последними, а последние — первыми... блаженны нищие, блаженны плачущие, ибо они утешатся... не презирайте малых сих, ибо тот, кто мал в мире сем, может быть так велик, как вы и не думаете».

МАКС (НИЩИЙ)

В одной деревне в Баварии умер в 1850 году старик почти ста лет; звали его «отец Макс». Никто не знал, откуда он был родом, у него не было ни родных, ни семьи. Более 50 лет он, больной калека, жил подающим, не имея возможности работать. Он был вынужден прибегать к общественной благотворительности, но старался скрасить свое нищенство тем, что ходил по фермам и замкам и продавал календари и другие мелкие вещи. Ему дали прозвище «граф Макс», и дети величали его не иначе, как «г-н граф»; он улыбался и не сердился на это. Почему дали ему такой титул? Никто не мог бы этого сказать, но он обратился в привычку; может быть, причиной был его необыкновенно величественный вид и изящество манер, составлявших сильный контраст с облакавшими его лохмотьями. Через несколько лет после смерти он явился во сне дочери владельца одного из замков, где ему часто давали приют в конюшне. Он сказал ей: «Спасибо вам, что вспомнили о бедном Максе в ваших молитвах; они услышаны Господом. Вы хотите знать, кто я; вы — добрая душа, заинтересовавшаяся несчастным нищим; я удовлетворю ваше желание; это будет хорошим наставлением для всех вас». И он передал ей следующий рассказ.

«Лет 150 назад я был богатый и знатный вельможа, но тщеславный, гордый и кичившийся своим дворянством. Мое громадное состояние все уходило на мои удовольствия, да и то не хватало на удовлетворение всех моих прихотей. Я был игрок, развратник и проводил жизнь в кутежах и оргиях. Мои вассалы, о которых я думал, что они, подобно домашним животным, сотворены, чтобы служить мне и пополнять средства для моей расточительности, подвергались всяким притеснениям и обидам. Я всегда оставался глух к их жалобам, как, впрочем, и к стонам всех несчастных; по моему, они должны были радоваться чести служить моим капризам. Я умер молодым, истощенный излишествами и не испытал ни одного серьезного горя; в глазах света я был самый счастливый человек в мире. Конечно, похороны мои были великолепны, как и следовало по моему высокому положению; мои друзья, кутилы, сожалели о потере чрезвычайно щедрого барина, но ни одной слезы не было пролито на моей могиле, не было ни одного искреннего вздоха сожаления; никто не помолился от чистого сердца за меня. Память же мою проклинали все, кого я угнетал и кого довел до нищеты. Ах, как ужасны проклятия тех, кто пострадал из-за нас! Они раздавались в продолжение долгих лет, которые показались мне вечностью. И со смертью каждой из моих жертв вставали передо мной новые угрожающие или насмешливые лица, преследовавшие меня безостановочно; я нигде не мог найти покоя и достаточно темного угла, чтобы укрыться от них! Ни одного дружеского взгляда! Товарищи мои по кутежам, такие же несчастные, как и я, избегали меня и как будто говорили: «Ты не можешь больше платить за наши удовольствия, ты нам больше не нужен». О, как дорого заплатил бы я хоть за минуту отдыха, за стакан воды, который бы утолил томящую меня жажду; но у меня уже ничего не было, и все золото, растраченное мною на земле, не дало мне ни единого благословения, понимаете ли, дитя мое, ни единого.

Наконец, истощенный и утомленный, как путник не видящий конца своего пути, я воскликнул: «Боже мой, сжапись надо мною!» когда же прекратится это ужасное страдание?» Тогда голос, первый, услышанный мною с тех пор, как я покинул землю, сказал мне: «Когда пожелаешь». «Что же нужно сделать, Великий Боже, — отвечал я, — скажи, я всему подчинюсь. «Нужно раскаяться, *нужно смириться перед теми, кого ты унижал*; просить их ходатайствовать за тебя, *ибо молитвы обиженного и просящего всегда приятны Создателю*. Тогда я смирился, просил моих вассалов, моих слуг, которые были тут передо мною и лица которых делались все приветливее и добрее, и, наконец, исчезли. Тогда началась для меня как бы новая жизнь, надежда заменила отчаяние, и я благодарил Господа, всеми силами моей души. И опять я услышал голос: «Князь»! Я ответил: «Здесь нет других князей, кроме Всемогущего Господа, Который смиряет высокомерных. Прости меня, Господи, я согрешил много, сделай из меня слугу слуг моих, если такова Твоя воля». Через несколько лет я вновь родился; но на этот раз в семье бедного поселянина. Родители мои умерли, когда я был еще ребенком, и я остался один и без поддержки. Я жил кое-как, своим трудом, то поденщиком, то работником на фермах, но всегда был честным, так как на этот раз верил в Бога... В сорок лет болезнь лишила меня рук и ног, и мне пришлось просить подаяния. Я в продолжение 50 лет должен был нищенствовать в той самой местности, где прежде был властелином; мне подавали кусок хлеба на тех самых фермах, которые прежде принадлежали мне и где, по горькой случайности, мне дали прозвище «графа»; я бывал счастлив провести ночь на конюшне моего же бывшего замка. Во сне я часто видел себя прогуливающимся по этому замку и окруженном прежним штатом. Видения эти оставляли во мне всегда горькое, необъяснимое чувство сожаления; но ни одна жалоба не вылетела из моих уст. И когда Господу угодно было позвать ме-

ня обратно, я благословлял Его, давшего мне силу и мужество перенести безропотно то тяжелое и долгое испытание, за которое я теперь так щедро награжден; вас же, дорогая дочь моя, я благодарю за молитву обо мне».

Мы предлагаем прочесть этот рассказ тем, кто находит, что люди не чувствовали бы никакой узды, если бы не имели перед глазами пугала в виде вечных мучений; спрашивается, неужели такое возмездие, как то, которое получил Макс, менее убедительно, чтобы остановить людей от дурных дел, чем те бесконечные терзания ада, которым теперь никто не верит.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЛУГИ

В одном аристократическом семействе, жил совсем молодой лакей, его интеллигентная и красивая внешность невольно поразила нас; манеры его отличались замечательным благородством; его усердие в исполнении своих обязанностей не имело вида рабской почтительности, свойственной людям низкого происхождения. На следующий год, когда мы опять посетили это семейство, мы не встретили больше этого человека, на наш вопрос, не отказали ли ему, нам ответили: «Нет, он поехал на несколько дней на родину и там умер. Мы очень жалеем его: это был прекрасный слуга и человек очень нам преданный; в его характере было что-то выше его положения».

Через некоторое время нам пришла мысль вызвать его, и вот что он нам отвечал.

«В моем предпоследнем воплощении я происходил, как это говорят у вас на земле, из очень хорошей семьи, но разорившейся вследствие мотовства моего отца. Я остался сиротой, без всяких средств. Друг моего отца приютил меня и воспитал, как родного сына; я получил

блестящее образование, но вместе с ним — и большое тщеславие. Друг отца моего, это тот самый г-н Ж., у которого я служил, когда вы меня видели. Я хотел в моем последнем воплощении искупить мою гордость рождением в подневольном состоянии и доказал мою преданность моему благодетелю. Я даже спас ему жизнь, и он этого не подозревает. В то же время это было для меня испытание: я вышел из него победителем, так как имел достаточно силы воли, чтобы устоять против соблазна, когда находился в кругу людей, почти всегда порочных; несмотря на дурные примеры, я остался чист и горячо благодарю за это Создателя; теперь я получаю награду, которую в настоящее время и пользуюсь».

В. — Когда и каким образом вы спасли жизнь г-ну Ж.?

От. — Во время прогулки верхом; я следовал за ним и заметил падавшее дерево, которое неминуемо должно было бы его раздавить; тогда я громко закричал и позвал его; он повернул лошадь, а в это время дерево упало за его спиной.

(Господин Ж. подтвердил верность этого рассказа).

В. — Отчего вы так рано умерли?

От. — Бог счел мое испытание достаточным.

В. — Какую же пользу могли вы извлечь из этого испытания, если вы не помните причины, его вызвавшей?

От. — В моем скромном положении у меня все-таки осталась частица гордости, которую я должен был подавить в себе, и вот это испытание мое было удачно окончено, а иначе мне пришлось бы начинать снова. Дух мой в минуты свободы имел некоторое воспоминание, а при пробуждении у меня оставалось интуитивное желание противостоять моим дурным наклонностям. Такая борьба была для меня полезнее, чем если бы я ясно сознавал все прошедшее. Воспоминание о моем прошлом возбудило бы вновь мою гордость и, наверно,

смutilo бы меня, тогда как, не зная ничего, я должен был бороться только с соблазнами моего настоящего положения.

В. — Вы получили раньше блестящее образование; послужило ли оно вам к чему-нибудь в вашем последнем существовании, когда вы не помнили приобретенных раньше знаний?

От. — Знания эти были совершенно бесполезны и даже неуместны в моем новом положении, поэтому они оставались в скрытом состоянии, а теперь я ими вновь владею. Впрочем, они все-таки принесли мне пользу в том отношении, что развили мой ум и способности; я имел вкус ко всему возвышенному, и это предохраняло меня и отвращало от всякого низкого и бесчестного, что происходило перед моими глазами; без этого образования я, верно, был бы только *лакеем*.

В. — Примеры самоотверженной преданности слуг своим господам имеют ли всегда ту же причину, т. е. прошлое существование?

От. — Не сомневайтесь в этом; это очень часто случается. Такие слуги часто бывают членами семьи, или же, как я, благодетельствованные, платящие долг благодарности и своею преданностью искупающие свои грехи и тем подвигающиеся к совершенству. Вы не можете себе представить, сколько случаев симпатии и антипатии проявляется в ваших жизненных отношениях, благодаря прежним существованиям! Нет, смерть не прекращает этих отношений; они длятся иногда многие века.

В. — Почему теперь так редки стали примеры самоотверженности и преданности слуг?

От. — Это надо приписывать эгоизму и гордости вашего века, происходящим от неверия и материализма. Истинная вера уходит, а с ней и преданность; остается только алчность и стремление к наживе. Но спиритизм возвратил людям чувство истины и воскресил забытые добродетели.

Никто лучше этого примера не может доказать нам необходимость забвения прошлого. Если бы г-н Ж. помнил, кем был его лакей, он был бы очень стеснен в своих действиях; ему было бы неловко, и он, наверно, не оставил бы его в этой должности и тем самым помешал бы ему в исполнении испытаний, которые им обоим были необходимы.

АНТОНИО Б...

Заживо похороненный. — Закон возмездия.

Антонио Б., известный писатель, уважаемый своими согражданами, честно и с достоинством исполнявший общественные обязанности в Ломбардии, был в 1850 г. поражен апоплексическим ударом, от которого он впал в обморочное состояние, схожее с настоящей смертью. К несчастью, некоторые признаки разложения тела способствовали общему заблуждению, и он был похоронен. Через две недели после похорон родственники его были вынуждены хлопотать о дозволении разрыть могилу, так как было необходимо достать забытый в гробу медальон. Каков же был ужас присутствующих, когда они увидели, что тело было перевернуто и одна рука его была вся изгрызана? Ясно было, что несчастный был погребен живым; он должен был умереть в гробу от ужаса, отчаяния и голода.

Г-н Антонио Б., вызванный в Парижском Спиритическом Обществе в августе 1861 г. по просьбе одного из родственников, дал следующие объяснения:

1. *Вызывание.*

От. — Чего вы желаете?

2. *В.* — Один из ваших родственников просит вызвать вас; мы с удовольствием исполняем его просьбу и будем очень счастливы, если вы ответите нам.

От. — Да, я буду отвечать вам.

3. *В.* — Помните ли вы обстоятельства, сопровождавшие вашу смерть?

От. — О, да, я их помню; но зачем вы напоминаете это ужасное наказание?

4. *В.* — Правда ли, что вы по ошибке были погребены живым?

От. — Да, но это должно было быть так; эта кажущаяся смерть имела все признаки действительной смерти; у меня почти не было крови. Никого нельзя обвинять в этой ошибке: это было предназначено мне еще до моего рождения.

5. *В.* — Если эти вопросы вам неприятны, то не лучше ли нам прекратить их?

От. — Нет, продолжайте.

6. *В.* — Мы бы желали слышать, что вы счастливы, потому что о вас сохранилась добрая память на земле.

От. — Благодарю вас; я знаю, что вы за меня помолились. Я постараюсь отвечать, но если бы мне это не удалось, то один из ваших покровителей заменит меня.

7. *В.* — Можете ли вы описать ощущения ваши в эту ужасную минуту?

От. — О, какое тяжелое испытание! Чувствовать себя запертым в четырех досках, где нет возможности ни пошевелиться, ни позвать! Стараешься крикнуть, а голоса не слышно, вдохнуть глубоко, а воздуха нет! Никому не пожелаю таких мучений, такого конца, как мой! Жестокое наказание за жестокое и зверское существование. Не спрашивайте меня, о чем я думаю, но я погрузился в воспоминания прошлого и смутно предвижу будущее.

8. *В.* — Вы говорите: жестокое наказание за зверскую жизнь; но вы оставили о себе такую добрую память, что никто не может и подозревать вас ни в чем дурном. Как вы объясните это?

От. — Что значит продолжительность одного существования в сравнении с вечностью? Я старался, конечно, поступать хорошо в мое последнее воплощение; но этот конец был принят мною еще до появления моего среди людей. Ах, зачем спрашивать об этом прошлом,

которое до сих пор знал только я один да Духи, исполняющие волю Всемогущего? Знайте же, если уж нужно вам сказать, что в прошедшем существовании я замуровал в стене женщину, жену мою, живую. И я должен был сам к себе применить закон возмездия. Зуб за зуб, око за око.

9. В. — Благодарим, что вы ответили на наши вопросы, и молим Господа простить вам прошлое и зачесть вам последнее ваше доброе существование.

От. — Я еще возвращусь к вам; а пока Дух Эраста дополнит вам мое сообщение.

Наставление Духа — покровителя медиума:

«Вы должны позаимствовать из этого сообщения, что все ваши существования зависят одно от другого; все заботы, огорчения, как и большие горести и несчастья, поражающие людей, — все это последствия предыдущих существований, преступных или порочных. Но я должен вам сказать, что кончина, подобная этой, встречается очень редко; и если Антонино Б. покончил так после того, как провел жизнь безупречную, то только потому, что сам избрал такой конец, желая сократить время своего скитальчества и скорее достичь высших сфер. И, действительно, после периода смятения и моральных страданий, чтобы еще искупить свой ужасный грех, он быстро достигнет прощения и будет вознесен в лучший мир, где найдет свою жертву, которая его ожидает и давно ему все простила. Постарайтесь же воспользоваться этим жестоким примером, чтобы с терпением переносить, о, друзья мои, как телесные, так и нравственные страдания и все мелкие огорчения и заботы жизни».

В. — Какую пользу может извлечь человечество из подобных наказаний?

От. — Возмездие существует не для развития человечества, а для наказания преступного человека. Действительно, человечество не имеет никакой необходимости видеть страдания одного из себе подобных.

Здесь же наказание соответствовало прегрешению. Почему бывают сумасшедшие, идиоты, люди парализованные? Почему иные сгорают в огне? Почему, наконец, бывают такие, которые живут годами в муках агонии и не умирают? Ах, верьте мне, преклоняйтесь перед Высшею волей и не углубляйтесь в причины и смысл велений Провидения; знайте, что Бог справедлив и все, что делает, — делает хорошо.

Эраст.

Какое в этом примере великое и страшное поучение. Итак, правосудие Божие всегда карает виновного, если иногда запаздывает, то все-таки всегда достигает своей цели. Разве не поучительно знать, что если великий грешник оканчивает свою жизнь спокойно и часто среди всяких благ и радостей земных, то все же час его пробьет, рано или поздно. Такого рода наказания нам понятны не оттого, что они происходят на наших глазах, но потому, что они логичны; им верят, так как разум их допускает.

Примерная жизнь не избавляет от испытаний, потому что их выбрали как добавочные искупления; это как бы добавочная плата за долг, прежде получения награды совершенствования.

Если бы приняли во внимание, сколько было бы в прошедших веках жестокости и варварства даже в высших и наиболее просвещенных классах, сколько было убийств в то отдаленное время, когда жизнью ближнего играли, как игрушкой, когда сильный давил слабого без всякой совести, то поймут, почему люди нашего времени должны многое смыть со своего ужасного прошлого; не будут удивляться, что теперь так часто умирают жертвами разных случайностей и даже общих больших катастроф. Деспотизм, фанатизм, необразованность и предубеждения средних веков оставили будущим поколениям бесчисленные долги, которые до сих пор еще не оплаче-

ны. Многие несчастья кажутся нам незаслуженными, потому что мы видим и знаем только настоящий момент.

Г-н Летиль

Г-н Летиль, фабрикант, живший близ Парижа, умер в апреле 1864 г. Смерть его была ужасна. На него опрокинулся котел с кипящим лаком, и в одну минуту он был охвачен пламенем и понял, что погиб. Находясь в мастерской с одним только мальчиком, учеником, он имел силу добраться до своего дома, отстоявшего метров на двести от мастерской.

Когда можно было оказать ему первую помощь, то уже все тело у него было сожжено и отваливалось клочьями и кости во многих местах были обнажены. В таком положении он прожил 12 часов в самых страшных мучениях; но, сохраняя присутствие духа до последней минуты, он с полным сознанием сделал все нужные распоряжения по своим делам. Во время этой тяжелой агонии он не издавал ни одного стона, ни одной жалобы и скончался с молитвой на устах. Это был человек очень почтенный, кроткого и доброжелательного характера, и был любим и уважаем всеми знавшими его. К спиритическим идеям он относился с энтузиазмом, но недостаточно разумно и будучи несколько медиумичен подвергался иногда обманам Духов; но это не поколебало его веры. Доверие его ко всему, что только говорилось Духами, в некоторых случаях доходило до наивности.

Вызванный в Парижском Обществе 29 апреля 1864 года, в скором времени после смерти и еще под впечатлением ужасной катастрофы, он дал следующее сообщение:

«Глубокая грусть подавляет меня! Я все еще испуган моей трагической смертью и мне кажется, что я еще нахожусь под ножом палача. О, сколько я выстрадал! До сих пор весь дрожу и все чудится мне запах горелого

тела. Двенадцатичасовую агонию испытал ты, виновный Дух! Но ты страдал безропотно и Бог простит тебя.

О, дорогая моя, не плачь обо мне, мои страдания прекратятся. Я уже не страдаю в действительности но чего стоит одно воспоминание! Мое знакомство со спиритизмом мне во многом помогает; я вижу теперь, что без этой веры я бы нес скоро отделался от бреда, в который впал после моей ужасной смерти.

Но у меня есть утешитель, который не оставлял меня до самой последней минуты; я еще говорил, а уже видел его около себя; я думал, что это было отражение моих страданий; что от головокружения я вижу тени... нет, это был мой ангел-покровитель, молчаливо и тихо утешавший меня. И как только я простился с землей, он сказал мне: «Приди, сын мой, и ты увидишь свет». Тогда я вздохнул свободно, как бы пробуждаясь от страшного сна; я спросил о своей дорогой жене, о преданных детях, которые так ухаживали за мной. «Все они на земле, — отвечал он, — ты же сын мой, среди нас». Я стал искать свой дом и ангел-покровитель ввел меня туда; я увидел всех в слезах, все было грустно и печально в этом, прежде мирном, доме. Я не в силах был выдержать этого грустного зрелища и, взволнованный, сказал моему руководителю: «О мой добрый ангел, уйдем отсюда!» — «Да, уйдем и поищем отдыха и покоя», — сказал ангел.

С тех пор я менее страдаю; и если бы я не знал, что моя жена неутешна и друзья мои огорчены, то был бы почти счастлив.

Дорогой мой покровитель открыл мне, почему меня постигла такая страдальческая смерть, и ради вашей пользы я и вам сделаю это признание.

Два века тому назад я был причиной сожжения на костре молодой невинной девушки, 14-ти лет. Она обвинялась в соучастии в заговоре против духовенства. Я был родом итальянец — судья, инквизитор; палачи не осмеливались прикоснуться к невинной девочке, и я

сам был ее судьей и ее палачом. О, как велика справедливость Господа! Я покорился; я обещал не колебаться в минуту расплаты и рад, что имел силу сдержать данное слово; я безропотно выдержал испытание, и Ты, Господи, поддержал и простил меня. Когда же воспоминание о моей несчастной и невинной жертве изгладится из моей памяти? Я так страдаю! Необходимо, чтобы и она меня простила!

И вы, последователи нового учения, вы говорите иногда: мы ничего не понимаем из того, что было прежде, потому и не можем избежать зла, которому следуем именно потому, что забыли прошлое. О, братья, благословляйте Господа: если бы Он дал вам память о прошлом, то не было бы вам покоя на земле. Вас бы преследовали стыд и укоры совести, и вы не имели бы ни минуты отдыха.

Забвение есть благодеяние, а воспоминание — мучение. Еще несколько дней, и в награду за терпение, с которым я перенес свое несчастье, Бог даст мне забвение содеянного мною греха. Такое обещание сделал мне добрый мой ангел».

Характер г-на Летиля в его последнем существовании доказывает, насколько Дух его улучшился. Поведение его зависело от его раскаяния и решения изменить свой образ жизни; но одного этого было мало; ему нужно было еще вынести большое испытание; нужно было, уже человеком, вытерпеть те страдания, каким он подвергал других; покорность при этих страшных мучениях была для него самым ужасным испытанием, но, к счастью, он все перенес стойко и не пал духом. Знакомство со спиритизмом, конечно, во многом помогло ему и поддержало его мужество верою в будущую жизнь; он знал, что скорби земной жизни — только испытания и искупления, и безропотно им покорялся, говоря: «Бог справедлив, вероятно, я этого заслужил».

Г-жа Б. из Бордо, хотя и не испытывала горестей нищеты, но всю жизнь страдала от всевозможных болезней. Начиная с пятимесячного возраста и до 70 лет она почти каждый год бывала при смерти от самых серьезных заболеваний. Три раза она была отравлена неудачными медицинскими опытами, и организм ее, уже подорванный болезнями и лекарствами, до конца жизни не мог оправиться. Она испытывала самые тяжелые, ничем неутолимые страдания. Дочь ее, верующая, спирит и медиум, в молитвах своих просила Бога смягчить страдания ее матери; но ее духовный покровитель сказал ей, чтобы она просила для больной только силы перенести эти муки с терпением и покорностью, и продиктовал ей следующее:

«Все имеет смысл и причину в человеческой жизни. Нет ни одного *причиненного* вами страдания, которое не отозвалось бы на вас; ни одного излишества, которое бы не получило равносильного воздаяния в виде какого-либо лишения; ни одна слеза не прольется из ваших глаз, если не должна смыть какого-нибудь прежнего греха или даже преступления. Так переносите же физические и моральные страдания с терпением, как бы жестоки они вам ни казались. Поставьте себе примером пахаря, который, изнемогая от усталости, терпеливо продолжает свой труд: у него всегда перед глазами золотой колос — надежда и награда его.

Такова участь всех страдающих на земле: стремление к будущему счастью, которое будет плодом их терпения, укрепляет их против мимолетных страданий человечества.

Так и с твоей матерью: каждая болезнь, принимаемая ею как искупление, есть смытое с ее прошлого пятно; и чем скорее все пятна будут смыты, тем скорее она будет счастлива. А при недостатке покорности страдание остается бесплодным и приходится начинать испытание сначала. Самое нужное теперь для нее —

это мужество и терпение. Потому и надо молить Бога и добрых Духов даровать их ей.

Мать твоя была когда-то хорошим доктором, практиковавшим преимущественно среди людей с достатком, обладавших всеми средствами для доставления себе благосостояния; там и доктор был осыпан деньгами и почестями. Но честолюбивый, любящий славу и богатство, он во что бы то ни стало хотел достичь совершенства в науке не с целью, однако, бескорыстного служения ближнему (он был не филантроп), а только для того, чтобы увеличить свою практику. Для приобретения знаний он ничего не жалел и даже с этой целью превращал бедных, незащищенных больных в объекты своих опытов. Он не жалел ни матери, ни ребенка, если ему нужно было исследовать какие-нибудь явления; старику он сокращал дни, сильного человека превращал в развалину, производя на них испытания разных медицинских средств, и все это он позволял себе с несчастными, доверчивыми людьми. Алчность и честолюбие, жажда золота и славы — вот каковы были мотивы его деятельности, и нужны были целые века и страшные испытания, чтобы укротить этого гордого и властолюбивого Духа. Наконец, явилось раскаяние и положило начало возрождению. Теперь искупление оканчивается, и испытания последнего воплощения легки в сравнении с теми, какие он переносил раньше. Итак, будьте мужественны: если мучения были долги и жестоки, то награда за терпение, покорность и смирение будет велика.

Мужайтесь же все, кто страдает! Думайте о кратковременности вашего телесного существования, думайте также и о радостях вечности. Призывайте к себе надежду, этого друга страдающих сердец; призывайте веру — сестру надежды. Вера укажет вам рай, а надежда прежде времени откроет вам врата его. Призывайте также и друзей, посланных вам Богом, которые окружают вас, поддерживают своею любовью и непрестан-

ной заботой возвращают вас к Тому, Кого вы оскорбляли нарушением Его законов».

После своей смерти г-жа Б. давала дочери и Спиритическому Обществу сообщения, в которых выражались выделяющиеся качества ее Духа; в них она подтвердила все, сказанное о ее прошедшей жизни.

КАРЛ ИЗ САНТ-Г. [ИДИОТ]

Парижское Общество, 1860 г.

Карл был маленький идиот тринадцати лет; его умственные способности были так ничтожны, что он не узнавал своих родителей и почти не умел сам есть.

Весь организм его как бы остановился в своем развитии.

1. В. (*Св. Людовику*), — Пожалуйста, скажите нам, можем ли мы вызвать Дух этого ребенка?

От. — Вы можете его вызвать так же, как вы вызываете Дух умершего.

2. В. — Ваш ответ как будто позволяет вызвать его во всякое время?

От. — Да; душа держится в его теле только материальными связями; а не духовными; поэтому она всегда может освободиться.

Вызывание Карла. — Я бедный Дух, привязанный к земле, как птичка за одну ножку.

4. В. — В вашем теперешнем состоянии сознаете ли вы, как Дух, ваше ничтожество на этом свете?

От. — Конечно, я чувствую свое пленение.

5. В. — Когда ваше тело спит и Дух ваш освобождается, имеют ли ваши мысли ясность, свойственную нормальному состоянию?

От. — Когда мое несчастное тело покоится, я немного свободнее могу подниматься к небу, куда я стремлюсь.

6. В. — Ощущаете ли вы тяжелое чувство вашего телесного состояния?

От. — Да; это мое наказание.

7. В. — Помните ли вы ваше прошедшее существование?

От. — О, да, оно и было причиной моего теперешнего изгнания.

8. В. — Какое это было существование?

От. — Я был молодой недоросль времен Генриха III.

9. В. — Вы говорите, что ваше настоящее положение есть наказание; разве вы сами его выбрали?

От. — Нет.

10. В. — Каким же образом ваша теперешняя жизнь может послужить вашему совершенствованию при том состоянии ничтожества, в каком вы находитесь?

От. — Она не безрезультатна для меня перед Богом, который наложил на меня это наказание.

11. В. — Предвидите ли вы продолжительность вашего настоящего существования?

От. — Нет; еще несколько лет, и я возвращусь в свое отечество.

12. В. — Что вы делали в промежутке между последним вашим существованием и нынешним?

От. — Я был легкомысленным Духом — Бог и заточил меня, как в темницу.

13. В. — В состоянии бодрствования понимаете ли вы, что происходит около вас?

От. — Я слышу и вижу; но тело мое ничего не понимает и не видит.

14. В. — Можем ли мы чем-нибудь вам быть полезны?

От. — Ничем.

15. В. (Св. Людовику) — Молитвы за воплощенного Духа могут ли быть столь же действительны, как за бесплотного?

От. — Молитва всегда хороша и приятна Богу; в положении этого бедного Духа она не может послужить

ему ни к чему, но Бог не забудет ее, и в будущем она ему будет полезна.

Это сообщение подтверждает то, что всегда было говорено об идиотах. Их моральное ничтожество не имеет ничего общего с Духом, который, за исключением телесных органов, пользуется всеми своими способностями. Несовершенство органов препятствует только выражению мыслей, но не уничтожает их. Это подобно человеку с сильными, здоровыми членами, закованному в кандалы.

Наставление Духа по поводу идиотов и кретинот, данное в Парижском Обществе

Кретины — это существа, несущие наказание на земле за дурное употребление своих блестящих способностей; Дух их заключен в теле, несовершенные органы которого не могут выражать их мысли. Эта моральная и физическая немота — самое ужасное из земных наказаний. Его часто выбирают сами раскаивающиеся Духи, желающие искупить свои прегрешения. Испытание это не остается бесплодным, так как Дух не бездействует в своей телесной темнице.

Его бессмысленные глаза видят, его расстроенный мозг мыслит, но ничего не выражается ни словом, ни взглядом; за исключением движения, они как бы в летаргическом сне: могут видеть и слышать, что делается вокруг, но не могут ничего выразить. Это похоже также на кошмар, когда вы во сне хотите бежать от опасности, хотите крикнуть, позвать на помощь, но язык не повинуется вам, он прилип к гортани а ноги — к полу; тогда вы несколько мгновений чувствуете то, что кретин чувствует постоянно: это — парализованное тело, соединенное с живым Духом.

Почти все немощи имеют свою причину, ничего не бывает без причины, и то, что вы называете несправедливостью судьбы, напротив того, есть применение самой высшей справедливости. Сумасшествие есть также

наказание за злоупотребление высокими способностями; сумасшедший вмещает в себе две личности: ту, которая бредит, и другую, которая сознает свои действия, но не может их направлять. Что же касается кретинов, то созерцательная и уединенная жизнь их души, не имеющей внешних развлечений, может быть взволнована и бурна не менее самых сложных, наполненных событиями существований. Некоторые из них возмущаются против своей добровольной казни, сожалеют, что избрали ее и испытывают бешеное желание возвратиться к другой жизни. Желание это заставляет их даже забывать покорность в настоящей жизни и раскаяние о прошедшей, которую они сознают, так как кретины и сумасшедшие знают больше вас, и под их физической немощью кроется моральная мощь, о которой вы не имеете понятия. Их яростные и нелепые поступки, которым предается их тело, разбираются и судятся их внутренним существом, которое их стыдится и от них страдает. Таким образом, дурно обращаться с ними, смеяться над ними или обижать их, как делают многие, — плохо, так как это значит еще прибавлять им страдания; это еще сильнее дает им чувствовать их беспомощность и унижение, и если бы они могли, то, конечно, обвинили бы в трусости тех, кто так поступает с ними, зная, что они не могут защищаться.

Кретинизм не есть определение воли Божией, наука может его уничтожить, так как он происходит от невежества, нищеты и неопрятности. Новые способы гигиены, которые более практичная новая наука сделала общим достоянием, ведут к его полному истреблению. Прогресс составляет неперемennое условие существования человечества, и назначаемые испытания должны изменяться и следовать ходу веков; они все со временем будут только моральными, и когда ваша Земля, еще юная, пройдет все фазы своего развития, она преобразится в местопребывание счастливых Духов, как другие, более возвысившиеся планеты.

ПЕТР ЖУТИ

(Отец медиума)

Было время, когда сомневались в существовании души кретинов и спрашивали, действительно ли она принадлежит к роду человеческому. Как поучителен и высокоморален взгляд на них спиритизма! Как глубоки размышления по поводу этих уродливых тел, заключающих души, может быть, блиставшие в свете, мыслящие и сознательные, как наши, но подавленные тяжелой оболочкой, заглушающей всякое их проявление. То же может произойти и с нами, если мы злоупотребим дарованными нам Провидением способностями.

Да и как объяснить кретинизм, как согласовать его со справедливостью Божией, если не признать множественности существований? Если душа не жила раньше и была сотворена одновременно с телом, то чем оправдать создание этих обездоленных душ милосердным и благим Господом? Тут дело идет не о каком-нибудь случайном явлении, как, например, помешательство, которое может быть предупреждено или излечено; эти существа рождаются и умирают в одном состоянии, они не имеют никакого понятия о добре и зле. Какая же участь ожидает их в вечности? Будут ли они счастливы наравне с разумными и трудолюбивыми людьми? Но почему такая милость им, ничего хорошего не сделавшим? Будут ли они в преддверии рая, то есть в состоянии, среднем между счастьем и несчастьем? За что такое вечное унижение? Их ли это вина, если Бог их создал идиотами? Какой выход найти из этого затруднения, если не признавать учения о перевоплощении? Только в этом учении мы можем найти самое рациональное объяснение всего, что казалось необъяснимым, и самое чудное оправдание того, что представлялось несправедливостью.

Впрочем, мы не слыхали, чтобы отвергающие это учение опровергали его какими-нибудь доводами, кроме

своего нежелания возвратиться на землю. На это им отвечают, что Бог не будет спрашивать их позволения, чтобы послать их туда, так же, как судья не ожидает согласия виновного, чтобы отправить его в тюрьму. Всякий имеет возможность не возвращаться, если улучшится настолько, чтобы перейти в высшие сферы. Но в этих счастливых сферах гордость и эгоизм не допускаются, и потому необходимо отделаться от этих нравственных немощей, если хочешь совершенствоваться.

Известно, что в некоторых странах кретинов не только не презирают, но относятся к ним с заботливым вниманием. Не происходит ли это от темного, полусознательного чувства к этим несчастным, истинное положение которых тем более достойно сожаления, что их Дух, сознающий свое состояние, должен сильно страдать в положении отторгнутого от человеческого общества.

В этих странах считается даже преимуществом и благословением небесным иметь такое жалкое существо в своей семье. Не суеверие ли это? Это возможно, потому что у невежественных людей суеверия примешиваются к самым высоким идеям, смутно ими сознаваемым. Во всяком случае, такая обязанность, возложенная на родителей, дает им возможность проявить милосердие, тем более достойное, что оно всегда бескорыстно и для людей бедных составляет значительную обузу. Окружать нежными заботами обиженное природой дитя — большая заслуга. А сердечное милосердие всегда привлекает благословение Божие: это наиболее удобное Ему чувство. У этих людей оно врожденное и равносильно следующей молитве: «Благодарим тебя, Боже наш, что ты возложил на нас обязанность поддерживать это слабое существо и утешать этого несчастного».

АДЕЛАИДА МАРГАРИТА ГОСС

Аделаида была скромная бедная служанка в Нормандии, жившая около Гарфлера. Одиннадцати лет она поступила на службу к богатому гуртовщику. В скором времени наводнение выступившей из берегов Сены затопило все его стада, и весь скот погиб; затем постигло его новое несчастье, и наконец он разорился окончательно... Но Аделаида считает судьбу свою связанною с судьбою своих хозяев, и, оставив всякий эгоизм, слушая только голос своего великодушного сердца, она отдает им все свои сбережения, состоящие из 500 франков, а сама остается служить им без жалованья. Затем, после их смерти, она остается жить с их дочерью, вдовою без всяких средств. Аделаида работает в поле и весь свой заработок отдает своей госпоже. Выйдя замуж, она вместе с мужем продолжает содержать бедную женщину, которую все-таки называет своей хозяйкой. И это высокое самопожертвование длится почти 50 лет.

Общество соревнования в Руане не оставило без вознаграждения подвиг этой женщины и присудило ей почетную медаль и денежное вознаграждение. Массонские ложи в Гавре присоединились к этому и также предложили ей маленькую сумму денег в виде помощи, а местная администрация занялась обеспечением ей средств к жизни, не оскорбляя ее самолюбия.

Апоплексический удар быстро и безболезненно унес эту чудную добродетельную женщину. Ей отдали последний долг, скромно, но прилично почтили память ее. Секретарь мэрии присутствовал на ее похоронах.

Парижское Общество, 27 декабря 1861 г.

Вызывание. — Мы просим Всемогущего Бога дозволить Духу Маргариты Госс сообщиться с нами.

От. — Бог дарует мне эту милость.

В. — Мы счастливы выразить вам наше восхищение вашими добрыми делами во время земной вашей жизни, и мы надеемся, что ваше самоотвержение получило должную награду.

От. — Да, Бог милостив к рабе своей. То, что я делала и что вы находите хорошим, было совершенно естественно.

В. — Для нашего назидания не можете ли вы нам сказать, по какой причине вы занимали столь скромное положение на земле?

От. — В двух моих предшествовавших воплощениях я занимала более высокое социальное положение; мне было легко делать добро: я была богата и использовала его без всякой жертвы с моей стороны. И вот я нашла, что подвигаюсь слишком медленно, и просила разрешения возвратиться в более трудные условия жизни, где бы мне приходилось бороться с нуждой и лишениями. Я долго к этому готовилась. Бог поддержал меня, и наконец я достигла намеченной цели, благодаря дарованной мне Богом духовной помощи.

В. — Видели ли вы ваших прежних хозяев? Пожалуйста, скажите нам, каковы ваши отношения и считаете ли вы себя до сих пор подчиненною им?

От. — Я их видела, они были здесь при моем появлении. Я вам скажу со всем смирением, что они смотрят на меня, как на высшее существо.

В. — Имели ли вы какую особую причину, чтобы именно к ним привязаться так сильно?

От. — Никакой особенной причины; я бы и в другом месте могла достигнуть своей цели; выбрала же я их потому, что хотела заплатить им долг благодарности. В былое время они были добры ко мне и оказали мне услугу.

В. — Какую будущность предчувствуете вы для себя.

От. — Я надеюсь получить воплощение в таком мире, где нет ни скорби, ни печали. Вы, может быть, сочтете меня очень самонадеянной; но я, по живости сво-

его характера, говорю, как думаю. Впрочем, я предаюсь на волю Божию.

В. — Мы благодарим вас, что вы пришли на наш призыв и не сомневаемся, что Бог вознаградит вас своими милостями.

От. — Благодарю. Да благословит вас Бог и да пошлет вам всем в минуту смерти чистые радости, которые выпали на мою долю.

КЛАРА РИВЬЕ

Клара была девочка десяти лет, родившаяся в семье землепашца в деревне на юге Франции; она была совершенная калека с четырех лет. В продолжение своей жизни она не издала ни одной жалобы, ни одного крика нетерпения; хотя и лишенная всякого образования, она утешала своих родителей и говорила им о будущей жизни и о счастье, которое она должна там найти.

Она умерла в сентябре 1862 года после четырех дней страданий в конвульсиях, и все время она не переставала молиться Богу. «Я не боюсь смерти, так как жизнь, полная блаженства, ожидает меня там». Отцу своему она говорила: «Не плачь, утешься, я буду приходить навещать тебя. Час мой близок, я это чувствую, но когда он придет, я буду знать и скажу тебе наперед». И действительно, когда роковая минута наступила, она позвала всех своих и сказала: «Мне остается жить пять минут; дайте мне ваши руки». И умерла, как предсказала. С той поры стучащий Дух стал приходить в дом супругов Ривье, где он все переворачивает, стучит столом, колышет занавесы, передвигает посуду. Дух этот является под видом Клары сестре ее, которой только 5 лет. Она часто видит сестру и всякий раз радостно восклицает: «Посмотрите же, какая хорошенькая Клара».

1. Вызывание Клары Ривье.

От. — Я около вас и готова отвечать.

2. В. — Откуда вы, не имея образования, могли почерпнуть столь возвышенные понятия о будущей жизни?

От. — Из короткого пребывания на вашей планете, а также и из прежнего воплощения. Я была медиумом, когда покинула землю, и второй раз сделалась медиумом, когда возвратилась к вам. Это было предопределение: я чувствовала и видела то, что говорила.

3. В. — Как могло случиться, что ребенок ваших лет четыре года терпел непрерывные страдания и даже не жаловался и не стонал?

От. — Это было потому, что физическое страдание сдерживалось более могущественной силой, силой моего ангела-хранителя, которого я постоянно видела около себя. Он умел облегчать мои муки и волю мою делал сильнее страданий.

4. В. — Как вы были предупреждены о времени вашей смерти?

От. — Мой ангел-хранитель сказал мне это; а он никогда не обманывал меня.

5. В. — Вы утешали вашего отца, говоря ему, что будете приходить. Каким образом вы, имея такие добрые чувства к родителям, решили приходить и беспокоить их стуком?

От. — Мне дано испытание, или, скорее, поручение, которое я должна исполнить. Если я прихожу к своим родителям, то вы думаете, что это просто так, без причины? Этот шум, эти стуки и борьба, производимые моим присутствием, есть предупреждение. Мне помогают другие Духи, они и стучат, а я появляюсь моей сестре. Благодаря нам, произойдет много обращений. Родители должны пройти свое испытание; оно скоро кончится, но только после того, как принесет убежденность многим умам.

6. В. — Так не вы лично производите этот шум?

От. — Мне помогают другие Духи, которые служат помощниками в испытании, назначенном моим дорогим родителям.

7. В. — Каким же образом вас узнала ваша сестра, если это не вы производите весь этот шум?

От. — Сестра моя видела только меня. Она обладает теперь двойным зрением, и это не последний раз, когда я приходила поддерживать и утешать ее.

8. В. — Отчего вы в таком раннем возрасте подверглись стольким болезням?

От. — Я искупала свои прежние грехи. Я употребила во зло свое здоровье и положение, каким пользовалась в прошедшем воплощении; тогда Бог сказал мне: «Ты широко, даже безмерно пользовалась благами жизни, так же будешь и страдать. Ты была заносчива — будешь скромна; ты гордилась своей красотой — будешь калекой, а вместо тщеславия, ты постарайся приобрести милосердие и доброту». И я сделала так, как повелел Господь, а ангел-хранитель помог мне.

9. В. — Не хотите ли что-нибудь передать вашим родителям.

От. — По просьбе одного медиума мои родители сделали много благодеяний. Они были правы, что молились не одними только губами, но и сердцем, а руками делали добро. Давать тем, кто нуждается, значит, молиться и быть спиритом.

Бог дал всем душам свободу воли, т. е. способность совершенствоваться; он всем дал одни и те же вожделения, и вот почему *платье грубое гораздо ближе касается платья, затканного золотом, чем это обыкновенно думают*. Итак, уменьшайте расстояния милосердием; введите бедного в дом ваш, ободрите его, поддержите его, не оскорбляйте его. Если бы все умели поступать по этому великому закону совести, то не было бы в определенные времена тех ужасных бедствий, которые бесчестят цивилизованные народы и которые Бог посылает, чтобы наказать их и открыть им глаза.

Дорогие родители, молитесь Богу, любите друг друга, исполняйте закон Христов, не делая другому того, чего бы вы не желали для себя.

Молите Господа, Который испытывает вас, показывая вам, что воля Его велика и священна, как Сам Он. Старайтесь в ожидании будущего заpastись мужеством и настойчивостью. Вы призваны еще страдать. Надо суметь заслужить хорошее место в лучшем мире, где понимание божественной справедливости превращается в наказание для злых Духов.

Я всегда буду около вас, дорогие родители. Прощайте, или, лучше сказать, до свидания. Имейте покорность, милосердие, любовь к ближнему и вы будете счастливы.

Клара.

Это чуждая мысль — «грубое платье касается ближе, чем думают, платья, затканного золотом». Тут подразумеваются Духи, которые при перевоплощении переходят от блестящего положения к скромному или даже низкому, так как они в низшей среде искупают злоупотребление дарами Господа. Это — общепонятная справедливость.

Другая мысль, не менее глубокая, приписывает народные бедствия нарушению закона Божия, ибо Бог карает народы, как и отдельные личности. И верно, что если бы все исполняли закон милосердия, то не было бы ни войн, ни больших бедствий. К соблюдению этих законов и ведет спиритическое учение; не от этого ли оно встречает таких упорных врагов? Неужели слова этой девочки к своим родителям похожи на слова демона?

ФРАНСУАЗА ВЕРНЕ

Слепая от рождения дочь арендатора из окрестностей Тулона умерла в 1855 году 45 лет от роду. Ее обычным занятием было объяснение катехизиса детям, что-

бы подготовить их к конфирмации. Когда катехизисе переменили, она стала их учить по-новому, так как знала оба наизусть. Однажды вечером, дело было зимой, она возвращалась с теткой с прогулки за несколько верст. Нужно было проходить лесом по ужасно грязной дороге и идти с большой осторожностью по краю рва. Тетка хотела взять ее за руку, но она сказала: «Не трудитесь и не беспокойтесь обо мне: мне не угрожает опасность, я вижу на своем плече свет, который указывает мне дорогу; следуйте за мной, я вас поведу». Таким образом, слепая вела зрячую, и они благополучно возвратились домой.

Вызывание в Париже в 1865 г.

В. — Можете ли вы объяснить что-нибудь по поводу света, который указывал вам путь в эту темную ночь и был видим только вам?

От. — Как вы, имеющие постоянное сношение с Духами, вы нуждаетесь еще в объяснении подобного явления? Это был мой ангел-хранитель, указывающий мне путь.

В. — Мы так и думали, но нам хотелось иметь ваше подтверждение. Знали ли вы в то время, что это был ваш ангел-хранитель?

От. — Нет, сознаюсь в этом, но все же я думала, что это был небесный покровитель. Я так долго молила милосердного Господа сжалиться надо мной!.. Так ужасно быть слепой! Да, это жестоко, но я сознаю, что это справедливо. Кто грешил глазами, тот и должен быть наказан глазами, и так во всех способностях, которыми одарены люди и которыми они злоупотребляют. Не ищите других причин многочисленным несчастьям человечества, кроме естественной, т. е. искупления за содеянное. Искупление только тогда может считаться заслугой, когда оно исполняется с кротостью и покорностью и когда с молитвою призывают помощь духовную. Эти духовные влияния покровительствуют виновным, находящимся в человеческой исправительной тюрьме, и дают надежду и утешение огорченным и страждущим сердцам.

В. — Вы посвятили себя религиозному обучению бедных детей. Трудно ли вам было приобрести необходимые знания для преподавания катехизиса, который вы знали наизусть, несмотря на вашу слепоту и на то, что он был переименован на другой?

От. — Слепые вообще пользуются двойным развитием остальных чувств, если можно так выразиться. Наблюдательность составляет их отличительную черту, и память их очень развита. В ней всегда запечатлеваются все познания, к которым они чувствуют склонность. Ничто внешнее не развлекает их, и потому их память может быть, при хорошем воспитании, доведена у них до замечательного развития.

Но этого не могло быть со мною, так как я не получила образования. Все же я благодарю Бога за то, что он даровал мне достаточные способности, чтобы выполнить задачу, которую я должна была исполнить по отношению к бедным детям. Это было необходимо также для того, чтобы загладить дурной пример, который я им давала в моей прежней жизни. Все важно для спиритов. Им достаточно оглянуться и посмотреть вокруг себя, и это полезнее, чем углубляться в философские тонкости, к которым их склоняют некоторые Духи. Такие Духи только потешаются над людьми, льстя их гордости громкими, но бессодержательными фразами.

В. — Судя по вашим выражениям, мы находим в вас замечательное умственное развитие, а поведение ваше на земле доказывает и нравственное совершенство ваше.

От. — Мне еще много нужно работать. Но на земле многих считают неразвитыми и несведущими, потому что способности их затемнены наложенным на них испытанием; но со смертью покров этот снимается, и эти бедные неучи оказываются иногда просвещеннее тех, кто к ним относился с презрением. Верьте мне, гордость

есть пробный камень, по которому узнают человека. Все те, которые поддаются лести и имеют высокое мнение о себе, стоят на дурном пути. Остерегайтесь их, они неискренни. Будьте кротки, как Христос, и, как Он, несите крест ваш с любовью, чтобы получить доступ на небеса.

Франсуаза Верне.

АННА БИТТЕР

Потерять любимого ребенка — очень тяжелое горе; но видеть единственное дитя, подававшее лучшие надежды, на котором сосредоточены все привязанности в жизни, погибающим, угасающим по неизвестной причине, хотя и без страданий; исчерпать без пользы все средства науки и убедиться, что нет надежды на спасение, — это страдание невыразимое! Переносить эту тревогу, это мучение долгие годы, не предвидя конца, — это страдание, не облегчаемое даже богатством. К чему и обеспеченное состояние, если видишь, что дорогое существо не будет им пользоваться.

Таково было положение отца Анны Биттер: мрачное отчаяние овладело его сердцем, и характер его все более и более раздражался безотрадным положением, роковой исход которого был неизбежен, хотя, может быть, и не близок. Друг его, посвященный в спиритизм, счел своею обязанностью обратиться к своему Духу-покровителю и получил от него следующий ответ.

«Я объясню тебе странное явление, о котором ты спрашиваешь. Я уверен, что тобою руководит не праздное и не нескромное любопытство, а только сострадание к этому бедному ребенку; к тому же, тебе, как верующему в правосудие Божие, это будет поучительно. Тот, кого Бог наказует, должен склониться перед Его

волею, а не проклинать и не восставать против нее. Бог никогда не посылает испытаний без причины. Бедная девочка, срок смерти которой по воле Всемогущего был отсрочен, должна теперь скоро прийти к нам, ибо Господь сжалился над ней; а отец ее получил возмездие и перенес потерю единственной привязанности своей жизни за то, что посмеялся над сердцем и доверием тех, кто его окружал. Одно время раскаяние его тронуло Всевышнего, и смерть была уже над головою дорогого существа, но появился опять ропот, а за ним, как и всегда, последовало возмездие. Счастливы вы, когда получаете возмездие еще на земле!.. Молитесь за этого несчастного ребенка, конец которого, по его милости, будет труден: жизненная сила так велика в этом изможденном теле, что душе тяжело будет отделиться от него. О, молитесь; позднее она вам сама поможет и утешит вас: Дух ее более высок, чем у всех тех, кто ее окружает.

По особому, милостивому разрешению Господа я мог ответить тебе для того, в особенности, чтобы Духу этому была оказана помощь, и он легче освободился от тела».

Отец умер через некоторое время, испытав всю горечь одиночества. Вот те сообщения, которые они оба дали нам после своей смерти:

Дочь: «Благодарю, друг мой, что вы поинтересовались судьбою бедного ребенка и последовали совету доброго Духа-покровителя. Да, благодаря вашим молитвам, я смогла легче освободиться и покинуть мою земную оболочку; отец же мой, к несчастью, не молился, он проклинал. Но я его не виню — это было из любви ко мне. Я молю Бога помиловать и просветить его еще при жизни; я его ободряю; мне поручено облегчить его последние минуты. Иногда мне кажется, что луч божественного света достиг его, но это только скоропроходящая молния, и он опять погружается во мрак своих первоначальных идей. Зачаток веры в нем есть,

но все это заглушено интересами жизни и может развиться только после новых тяжелых испытаний. А мне оставалось только закончить свои испытания, и потому они были не очень тяжелы и не особенно болезненны.

Я не страдала во время своей странной болезни; а была, скорее, орудием испытания для моего отца. Он мучился гораздо более меня. Я покорялась, а он нет. Теперь же я вознаграждена, Господь сократил мое пребывание на земле, и я благодарна Ему за это. Я счастлива среди добрых Духов, меня окружающих; все мы с радостью занимаемся своими делами, бездействие было бы для нас жестоким наказанием».

Отец, через месяц после смерти.

В. — Цель нашего вызова — узнать ваше положение в мире Духов и, если это в наших силах, быть вам полезными?

От. — Мир Духов, но я его не вижу. Я вижу только людей, которых я знал, но они обо мне не думают и не сожалеют; напротив, кажется, очень довольны, что избавились от меня.

В. — Отдаете ли вы себе верный отчет в вашем положении?

От. — Вполне отдаю; в продолжение некоторого времени я думал, что нахожусь еще в вашем мире; но теперь я уверен, что уже больше не с вами.

В. — Как же это может быть, что вы не видите вокруг себя других Духов?

От. — Этого я не знаю. Однако около меня все очень светло.

В. — Видели ли вы вашу дочь?

От. — Нет, она умерла; я зову и ищу ее, но все напрасно. Какую ужасную пустоту оставила ее смерть, для меня на земле. Умирая, я радовался, что увижусь с ней; нет, все опять пусто вокруг меня; нет никого, кто сказал бы мне слово утешения и надежды. Прощайте, пойду искать свое дитя.

Дух — покровитель медиума: «Человек этот не был ни атеистом, ни материалистом, но верил смутно, равнодушно относясь к Богу и к мысли о будущности; он духом весь уходил в земные интересы и житейские попечения. Глубокий эгоист по натуре, он был, однако, готов всем пожертвовать для спасения дочери; но в то же время он бы не задумался пожертвовать интересами других людей ради своей личной пользы. Помимо своей дочери, у него не было привязанности ни к кому. Бог наказывает его за это, как вы уже знаете. Он отнял у него единственное его утешение на земле, а так как он все-таки раскаялся, то лишен ее и в мире Духов. Он ничем не дорожил на земле, и им никто не интересуется здесь; он один, покинут всеми; в этом его наказание. Однако дочь его — около него, но он не видит ее. Если бы он видел ее, то не было бы наказания. Что же он делает? Обращается ли он к Богу? Раскаивается ли? Нет, он все ропщет, он даже богохульствует; и все продолжает то же, что делал на земле. Помогите ему молитвою и советами выйти из этого ослепления».

ИОСИФ МЭТР (СЛЕПОЙ)

Иосиф Мэтр принадлежал к среднему классу общества; имел скромные средства и ни в чем не нуждался. Родители его дали ему хорошее образование и предназначали его к торговле, но двадцати лет от роду он вдруг ослеп. Умер он в 1845 году, когда ему было около 50-ти лет. За 10 лет до смерти он совершенно оглох, так что ему приходилось сноситься с окружающими только посредством осязания. Ничего не видеть было уже тяжело, но когда он еще лишился слуха, то это было просто мучение, тем более, что ранее он пользовался всеми своими органами. Чем он заслужил такую грустную участь? Настоящая жизнь не могла быть то-

будешь подвергнут тому же испытанию, и это второе испытание будет еще суровее первого». Я с поспешностью принял все и пообещал не ослабевать более и не поддаваться ропоту. Итак, я возвратился на землю, в то существование, которое вам известно. Мне не трудно было быть добрым, по натуре я не зол, но я восставал против Бога, и Он наказал меня. Возвратился же я со врожденной верою и потому не роптал более на Бога и переносил свое двойное убожество с покорностью, как искупление, посланное высшим правосудием. Одиночество, в котором я жил последние годы, нисколько не было тяжело мне. Я верил в милосердие Господа, и это уединение было мне даже полезно. В продолжение этой долгой ночи, когда все было — тишина, душа моя, более свободная, возносилась к Всемогущему и мысленно провидела бесконечность. Когда пришел конец моему изгнанию, мир Духов представлял для меня только великолепие и неопишуемые радости.

В сравнении с прошедшим мое теперешнее положение кажется мне очень счастливым, и я воздаю благодарение Господу; но когда я смотрю вперед, то вижу, насколько я еще далек от совершенного счастья. Я искупил — теперь мне нужно *загладить*. *Мое последнее существование принесло пользу только мне одному*; я надеюсь в скором времени начать еще одну новую жизнь и быть полезным другим, и это загладит мое предшествовавшее бесполезное существование. Только тогда я подвинусь вперед по благословенному пути, открытому всем Духам с добрыми намерениями.

Вот моя история, друзья мои. Если пример мой может просветить некоторых из воплощенных братьев моих и избавит их от той тины, в которой я сам погряз, то это будет первой уплатой моего долга».

Иосиф.

ОГЛАВЛЕНИЕ
НЕБО (РАЙ) И АД

Часть первая

УЧЕНИЕ

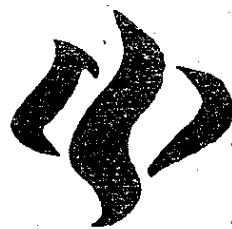
	Стр.
Глава I. Будущая жизнь и небытие	5
Глава II. Страх смерти	15
Глава III. Небо (Рай)	23
Глава IV. Ад	37
Глава V. Чистилище	59
Глава VI. Учение о вечности мучений	66
Глава VII. Будущие наказания по учению спиритизма	84
Глава VIII. Ангелы	100
Глава IX. Демоны	114
Глава X. Современные проявления вмешательства демонов	134
Глава XI. О запрещении вызывать умерших	163

Часть вторая

ПРИМЕРЫ

Глава I. Переход	173
Глава II. Счастливые Духи	182
Глава III. Духи среднего состояния	251
Глава IV. Страждущие Духи	270
Глава V. Самоубийцы	302
Глава VI. Кающиеся преступники	341
Глава VII. Души закоренелых грешников	375
Глава VIII. Земные искупления	393

Если у Вас возникли вопросы
по прочтении этой книги,
Вы можете получить
разъяснения по телефонам
(863-2) 64-10-00, 74-06-57.

Веникс

Торгово-издательская
фирма

- *Оптовая и розничная торговля книжной продукцией*
- *Издание книг и финансирование издательской деятельности своих партнеров*
- *Быстрообновляемый разнообразный ассортимент (всегда в наличии более 600 наименований популярных книг)*
- *Своевременная доставка книг контейнерами и автотранспортом в любую точку России*
- *Умеренные цены*

**НАДЕЖНОСТЬ, КАЧЕСТВО,
ОПЕРАТИВНОСТЬ**

Наш адрес:
344007 г. Ростов-на-Дону,
пер. Соборный, 17
Тел.: (8632) 62-44-72, 62-38-11
Факс: 62-55-27

**ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКС УСЛУГ
ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ**

е н и к с

Торгово-издательская
фирма

Издательство «ФЕНИКС» приглашает
к сотрудничеству авторов:

— **ДЕТЕКТИВОВ**

— **СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО РОМАНА**

— **НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ
И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ
И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК**

— **ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

— **МЕДИЦИНЫ**

— **ПРОГРАММИРОВАНИЯ И
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ
ТЕХНИКИ**

**Все финансовые затраты берем
на СЕБЯ, высокие гонорары
выплачиваем согласно договорам.**

Наш адрес:

**344007, г. Ростов-на-Дону,
пер. Соборный, 17**

Тел. (863-2) 62-44-72, 62-38-11

Факс: 62-55-27

Аллан Кардек

НЕБО (РАЙ) И АД

Художник С. Царев.

Художественное оформление Р. Сурженко.

Технический редактор М. Силина.

Корректоры: Г. Арпьева, Н. Кондратьева,

Н. Старикова, М. Чернышева.

Лицензия ЛР № 062308 от 24 февраля 1993 г.
Издательство «Феникс»

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17.

Сдано в набор 4.09.95. Подписано в печать 17.11.95 г.

Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная.

Печать высокая. Усл. п. л. 23,52. Уч.-изд. л. 20,47.

Тираж 15000. Зак. 3058.

Набрано и отпечатано в ГУИПП «Курск»,
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.